

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КУРАНТЫ XVII СТОЛЕТИЯ

Куранты, вышедшие из печати в России
в XVII столетии
по распоряжению Императорской
Библиотеки

С. М. Шамин

**КУРАНТЫ XVII СТОЛЕТИЯ
ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРЕССА В РОССИИ
И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

Москва—С.-Петербург
Альянс-Архео
2011

Шамин С. М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. 352 с.

ISBN 978-5-98874-058-2

Книга рассказывает о курантах — обзорах европейской прессы, которые с середины XVII столетия подготавливали в Посольском приказе для царя и Боярской Думы. Куранты отразили процесс интеграции России в политическое и культурное пространство Европы XVII—начала XVIII вв. Они оказали существенное влияние на формирование у московской политической элиты представлений о повседневной жизни европейцев и европейской культуре в широком понимании этого слова. В монографии изучено влияние материалов иностранной прессы на русскую книжность. Затронуты проблемы формирования образа России в Европе и создания первой русской газеты «Ведомости».

Ответственный редактор

А. А. Романова

Рецензенты:

Е. И. Кобзарева, И. Майер

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
РГНФ (проект № 05-01-01164а)*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
РГНФ (проект № 10-01-16026д)*

ISBN 978-5-98874-058-2

© С. М. Шамин, 2011

© Альянс-Архео, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Куранты — *обзоры иностранной прессы*, которые с середины XVII столетия составлялись в Посольском приказе для царя и Боярской думы.

Практика подготовки таких обзоров складывалась на протяжении многих лет. Еще в XVI—начале XVII в. в Россию проникали отдельные экземпляры европейских «летучих листков» и, вероятно, рукописных газет. Печатные газеты начали попадать в Москву в 20-х гг. XVII столетия¹ (вскоре после того, как они появились в Европе).² Однако европейская пресса доставлялась в Посольский приказ не регулярно, а от случая к случаю. Ее роль в общем потоке информации была незначительной. На основе этих изданий было невозможно составить обзоры, которые дали бы хоть сколько-нибудь полную картину политической жизни Европы. В русских документах такие материалы называли «вестями», так же, как, к примеру, сообщения дозорных казачьих станиц или отписки воевод.

Ситуация стала постепенно меняться в 1640-х гг. В это время количество привозимых в Москву по разным каналам европейских газет существенно увеличилось. Иногда такие поставки становились относительно регулярными, в другие периоды, наоборот, почти прекращались.

¹ Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV—XVI веков: Из истории литературных связей России. Л., 1980; Schibli R. Die aeltesten russischen Zeitungsbearbeitungen (Vesti-Kuranty): 1600—1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik // Slavica Helvetica; Bd. 29. Bern, Frankfurt am Main, New York, Paris, Lang, 1988. S. 85—100; В-К VI (Ч. 2). С. 55.

² Первая печатная газета вышла в Страсбурге в 1605 г., в 1609 газету стали печатать в немецком Вольфенбюттеле, а позднее в Базеле (1610), Франкфурте (1615), Берлине (1617), Гамбурге (1618), Амстердаме (1618). У границ России, в Швеции, первая газета появилась в 1645 г., а в Польше в 1661 г. Первая польская газета существовала полгода. Следующее польское периодическое издание возникло в 1679 г. См.: В-К VI (Ч. 2). С. 26—33.

В русском языке для обозначения газет стали использовать специальное слово — «куранты», которое было заимствовано из названий голландских газет³ (наиболее ранняя фиксация — 1649 г., регулярное использование — с конца 1650-х гг.). В какой-то момент у дипломатического ведомства России появилась возможность из большой массы материалов отбирать наиболее нужную и интересную информацию — т. е. составлять обзоры публикаций европейской прессы. Эти обзоры были не аналитическими, а информационными — их готовили для того, чтобы предоставить членам русского правительства фактические сведения обо всех важнейших событиях политической жизни Европы. Подавляющее большинство привозимых в Россию в XVII столетии газет печатались на немецком и голландском языках. Сведения из них отбирали для курантов переводчики Посольского приказа. В заглавии русских текстов обычно указывалось, что это «переводы с цесарских (галанских) курантов», хотя на самом деле это были скорее выписки, чем переводы в современном значении этого слова (В-К VI (Ч. 2). С. 153–190).

Царь Алексей Михайлович лично интересовался иностранными газетами и начиная с 1659 г. пытался наладить их регулярную доставку в Россию. В 1665 г. между голландцем Яном ван Сведеном и приказом Тайных дел был заключен договор, по которому голландский предприниматель обязался организовать почту и раз в две недели привозить в Москву известия о европейских событиях. С этого времени куранты составлялись регулярно, без перерывов. Таким образом, становление практики систематической подготовки обзоров иностранной прессы для царя и бояр растянулось на два с лишним десятилетия. Это снимает вопрос о точной дате начала составления курантов. Их появление было процессом, а не одномоментным актом. Начиная с 1670-х гг. переводчики не только выбирали из иностранных газет и переводили статьи, но и составляли комментарии географического, политического и социально-экономического характера, которые делались на полях основного текста. Особенно часто комментарии на полях встречаются с середины 1670-х гг.⁴ Составленные переводчиками черновики переписывали

³ *Waugh D. C. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March, 1972. S. 447–451; Шамин С. М. Слово «куранты» в русском языке XVII—начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 119–152.*

⁴ В данном издании в цитатах из курантов такие пометы переносятся в основной текст и выделяются косыми чертами.

набело в двух экземплярах подъячие Посольского приказа. Один из чистовых экземпляров предназначался для царя, а другой для Боярской думы.

В историографии долгое время не существовало единого мнения о том, что же такое куранты. Это можно объяснить двумя историографическими недоразумениями. Первое из них состоит в том, что куранты изначально изучали только в контексте истории русской прессы. Вместо того, чтобы выяснять, что такое куранты, ученые бились над вопросом, были они газетой или нет? Столь узкая постановка проблемы мешала пониманию источника. Кроме того, вопрос о генезисе русской прессы получил политическую окраску. Это мешало его объективному рассмотрению. Второе недоразумение заключалось в том, что с курантами долгое время ошибочно отождествляли все вестовые документы, хранящиеся сейчас в фонде 155 РГАДА, что не соответствует действительности.

Необходимость выявить причины этих недоразумений, а также исправить их последствия, определила первую задачу данной работы — провести детальное источниковедческое исследование курантов, а также на основе анализа историографии показать, как и почему в науке закрепилось ошибочное понимание данного исторического источника. Этим проблемам посвящена глава I. Вторая задача состояла в том, чтобы выяснить, как и для чего русское правительство использовало куранты. Она решается в главах II, III и первом разделе главы IV.

Основная функция курантов — знакомство правительства России с политической ситуацией в Европе — уже анализировалась исследователями. В условиях отсутствия постоянных дипломатических представительств за рубежом они были единственным источником оперативных сведений. Сегодня столь высокое значение прессы в сфере внешней политики кажется странным, однако для людей того времени оно было естественным. Европейские дипломаты, приезжая в Россию, передавали в Посольский приказ газеты в качестве важного источника сведений о жизни Европы. Как отметила Е. И. Кобзарева в отношении известных курантов об Англии второй половины 1660-х гг., «иностранные газеты стали для Посольского приказа основным источником информации о событиях в Англии. Газеты содержали более подробные и точные сведения, чем сведения, поступавшие в приказ по каналам дипломатических сношений».⁵ Привлекательность материалов иностран-

⁵ Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 178.

ной прессы состояла не только в большом объеме информации. Газеты позволяли своевременно отслеживать все изменения политической конъюнктуры. Через куранты поступало значительное количество важных новостей не только о таких далеких странах как Англия, но и о соседях России. К примеру, удалось установить, что известия о событиях, происходящих на территории греческих владений Османской империи, приходили в Москву значительно быстрее, чем через греческих купцов и духовенство.⁶ Более того, даже за передвижением собственных посольств российское правительство зачастую следило по европейской прессе. Русские дипломаты активно использовали данные курантов в ходе международных переговоров. Так, в 1676 г. Швеция приостановила работу почты, связывавшей Москву и Ригу, поскольку российские послы на пограничном съезде использовали известия курантов о военных неудачах шведской армии для давления на шведских коллег.

Остальные функции курантов практически не изучались. Как выяснилось при подготовке данного исследования, куранты играли важную роль в борьбе с распространением заразных заболеваний. По ним русское правительство следило за вспышками эпидемий в Европе. Поскольку газетные публикации распространялись с гораздо большей скоростью, чем болезни, у московских властей появлялось время для введения карантина. В 1660–1680-х гг. объявленные на основании курантов карантинные ограничения неоднократно предотвращали распространение «моровых поветрий» на территории России. Это спасло жизни тысячам русских людей и предотвратило значительный экономический ущерб.

Через куранты русское правительство могло наблюдать и за тем, что о России пишут на Западе. К примеру, особое неудовольствие Алексея Михайловича вызвали сообщения европейской прессы об успехах восстания Степана Разина и конфликте между царем и патриархом Никоном. Было установлено, что в европейские газеты такие новости попали из Риги, принадлежавшей в то время Швеции. Эти публикации стали предметом многолетних разбирательств между русскими и шведскими дипломатами. Выяснилось также, что с начала 1660-х гг. русское правительство и само активно занималось «пиаром» своей деятельности за рубежом. Отправленные на запад «положительные» публикации иногда позднее переводились обратно на русский язык, вероятно, уже для внутреннего применения.

⁶ *Шамин С.*, при участии *Карраса И.* Известия «греческой» тематики в курантах 1687 г. // Каптеревские чтения. М., 2010. Вып. 8. С. 182–195.

Третья задача исследования — изучение курантов как явления русской культуры второй половины XVII столетия. Это крайне важно для понимания механизмов модернизации русского общества и его интеграции в европейское культурное пространство. Она решается в главах IV и V. Хотя куранты составлялись в Посольском приказе с четкой практической целью — предоставить русскому правительству информацию о политической ситуации в Европе, — регулярное знакомство с ними формировало у царя и членов Боярской думы представление о повседневной жизни европейцев и европейской культуре в широком понимании этого слова. Знакомство с реалиями европейской жизни было для русской элиты важной предпосылкой к интеграции в культурно-политическое пространство Европы.

Несколько слов необходимо сказать о структуре книги. Материалы второй и третьей глав, в отличие от остальных частей работы, имеют не тематическое деление, а хронологически распределены по «царствованиям». Такой подход неоднократно критиковался в литературе, однако он позволяет обратить большее внимание на связь между личностями правителей России и работой системы составления курантов. Хотя история курантов начинается в середине XVII столетия, в предлагаемой вниманию читателей работе освещен и вопрос о бытовании иностранной прессы в России в более ранний период. Такой подход позволит лучше представить общий исторический фон, на котором появились куранты. Поскольку обзоры иностранной прессы составлялись на протяжении довольно длительного времени, рассмотреть одинаково подробно все сохранившиеся до наших дней документы в рамках одной монографии невозможно. Поэтому наибольшее внимание здесь уделяется курантам времени правления царя Федора Алексеевича, которое было для них своеобразным «классическим» периодом. Кроме того, если куранты 1660-х и 1690-х гг. уже привлекали внимание исследователей, то 1670-е и 1680-е гг. выглядят белым пятном даже на общем фоне плохой изученности курантов.

Вне рамок данного исследования остались и отдельные переводы иностранной прессы, хранящиеся в фондах по истории сношений России с различными странами. Эти документы, безусловно, заслуживают внимания, однако их полное выявление и систематизация — задача для большого авторского коллектива. Из-за значительного объема материалов пришлось отказаться и от сравнения курантов с другими документами Посольского приказа. Практическая реализация этой идеи превратила бы книгу о курантах в многотомное исследование по истории внешней политики России. Не ставилась специально и задача поиска

европейских источников русских курантов. Эта проблема успешно решается в работах И. Майер (см. библиографию: В-К VI (Ч. 2) С. 239–240).

Остановимся на связанных с исследованием курантов терминологических вопросах. Единой позиции по данной проблеме еще не выработано. Пользоваться понятиями XVII в. невозможно, поскольку в то время курантами могли называть и иностранные газеты, и их переводы, а также обзоры иностранной прессы. В данной книге курантами именуется только обзоры иностранных газет. Заголовки XVII в., где куранты названы «переводами с курантов», даются в кавычках. Следует остановиться на используемых в книге топонимах и антропонимах. Наличие в курантах большого количества вариантов в написании личных имен и географических названий (иногда более десятка) не позволяет при написании исследования строго следовать терминологии источника. Использование современной географической номенклатуры (к примеру, «Стамбул» вместо «Царьград» и «Константинополь») стало бы неоправданной модернизацией. К тому же, для части встречающихся в курантах географических названий устоявшихся наименований в русском языке так и не возникло. В научной литературе можно встретиться с употреблением разных вариантов одного топонима (иногда даже в рамках одного сборника). К примеру, скандинавист А. Хлевов в предисловии к работе А. Стриннгольма отметил, что «в русском языке до сей поры не сложилось устойчивой и непротиворечивой системы передачи как скандинавских географических названий, так и скандинавских имен собственных... Даже переводы саг середины 1950-х и конца 1970-х гг. порой дают противоречивые варианты написания и огласовки весьма важных имен и топонимов в кириллической транскрипции... Допустимым считается названия исторической провинции Ямтланд, Емтланд, а у Стриннгольма в переводе находим параллельное, и столь же адекватное, хотя и чересчур буквальное, Иемтланд. И та, и другая, и третья версии правильны и достойны продолжать свое существование, и дело специалиста — выбрать ту, на которой остановится его взгляд (тем более, что порой в тексте перевода попадаются разночтения в одних и тех же именах и названиях)».⁷ В курантах же можно найти еще один вариант этого топонима — «Емтерляндская земля». С личными именами дело обстоит еще сложнее. Они иногда искажались до неузнаваемости. Так первого русского почтмейстера в литературе и архив-

⁷ Хлевов А. Предисловие научного редактора // Стриннгольм А. Походы викингов. М., 2002. С. 12.

ных документах называют Ян Вансведен, Иван Фонсвиден, ван Сведен, И. И. фон Сведен, Иван Шведов и др. В ряде случаев только контекст дает возможность идентифицировать упомянутого в документах человека. Если же речь идет о второстепенных событиях, то с уверенностью определить, о ком именно идет речь, зачастую невозможно. Поэтому целесообразно в случаях, не вызывающих сомнений, использовать только один вариант названия или имени — обычно тот, который устоялся в исторической литературе. Когда это оказывается невозможно, употребляется одно наиболее распространенное в источнике или близкое к оригиналу написание. В сомнительных случаях топонимы и антропонимы не унифицируются.

Работа над книгой продолжалась более десяти лет. Хочется сказать о тех людях, без помощи которых она не могла бы появиться. Ядро монографии составляет кандидатская диссертация о курантах времени правления царя Федора Алексеевича, написанная в Центре по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН. Тема исследования была выбрана моим учителем А. П. Богдановым, предложившим мне выяснить, что такое куранты, а также, как и для чего их использовало русское правительство. Ему я обязан своими навыками исторического исследования и работы с источниками. В последние годы многие новые материалы о курантах апробировались на «круглом столе» «Россия и мир: из истории взаимовосприятия», ежегодно проводящемся Центром. За помощь в работе над диссертацией и приглашение к участию в работе «круглого стола» я сердечно благодарю руководителя Центра А. В. Голубева. Значительная часть моих статей о курантах, материал которых вошел в книгу, напечатана в журнале «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Хочется поблагодарить членов редколлегии журнала, чьи рецензии существенно повлияли на итоговые тексты, и его главного редактора Е. Л. Конявскую, помощью которой я неоднократно пользовался в работе над публикациями. За помощь в работе над материалами по истории курантов и русской рукописной книжности я благодарен А. И. Алексееву, Т. А. Опариной, А. В. Пигину, А. В. Лаврентьеву, А. А. Романовой, Ю. Д. Рыкову, Л. А. Тимошиной, А. А. Турилову, а также Д. К. Уо, любезно предоставившему мне копии своих работ о курантах. Исследования, связанные с формированием образа России в Европе, проводились в Отделе культуроведения в обучении русскому языку как иностранному Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. Многие разделы книги обсуждались на заседаниях отдела. Особенно хочется поблагодарить Е. Г. Ростову, ознакомившуюся с итоговым вариантом книги и сде-

лавшую ряд ценных замечаний. Значительный объем исследований по источниковедческому анализу курантов был выполнен при подготовке к публикации шестого тома «Вестей-Курантов» — продолжающегося издания Института русского языка им. В. В. Виноградова. Эта работа велась под руководством В. Г. Демьянова, а после его кончины — директора института А. М. Молдована, которому я благодарен за постоянную поддержку. В последние годы мои исследования курантов проводились в тесном контакте со шведской исследовательницей И. Майер. Совместная работа началась с подготовки к изданию шестого тома «Вестей-Курантов» и продолжилась во многих общих публикациях. Майер постоянно помогала мне и никогда не отказывала в консультациях по самым разным темам, за что я ей глубоко благодарен. Она любезно ознакомилась с итоговым вариантом книги и сделала ряд ценных замечаний. Написание книги существенно облегчало доброжелательное отношение сотрудников РГАДА. Особенно хочется поблагодарить А. Д. Шахову. Регулярно сведения о курантах в различных фондах РГАДА передавали мне Б. Н. Флоря, а также Е. И. Кобзарева, которая щедро делилась со мной своими идеями и архивными находками на протяжении всего времени моей работы над диссертацией, а потом и над книгой. С курантами из «Великого посольства» меня любезно познакомил А. Г. Гуськов. Материалы курантов по греческой тематике в разные годы апробировались на «Каптеревских чтениях», за что я благодарен Н. П. Чесноковой и В. Г. Ченцовой, сделавшей ряд ценных замечаний к рукописи книги. Монография обсуждалась на заседании Центра истории русского феодализма Института российской истории РАН. Благодарю всех сотрудников центра, участвовавших в обсуждении, в особенности Е. И. Кобзареву, С. А. Козлова, Д. В. Лисейцева, О. В. Новохатко и Н. М. Рогожина.

Глава 1

КУРАНТЫ В АРХИВАХ И РАБОТАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Историографический и источниковедческий обзоры в исследованиях, как правило, играют вспомогательную роль. Однако в случае с курантами эти вопросы представляют самостоятельный интерес, поскольку на данном примере особенно отчетливо заметны отдельные факторы, которые могут оказывать существенное влияние на ход научных изысканий. Первый из них — ограничение доступа к архивным документам. С курантами на раннем этапе исследования могли свободно работать лишь сотрудники внешнеполитического ведомства России. Не все они имели навык исторического исследования. Из-за ограниченного доступа к материалам допущенные ошибки не исправлялись, а тиражировались через обобщающие исследования и задавали неверное направление работы ученым следующих поколений. Когда ошибки обнаружались, исправить их оказалось сложно — сложившаяся историографическая традиция подавляла новые оценки. Второй фактор — идеологическая или общественная значимость темы. Желание иметь долгую историю прессы, которая не уступала бы по древности европейской, привело к тому, что «российскую газету XVII столетия» с одинаковым успехом «изобретали» и борцы с космополитизмом сталинской закалки, и либерально настроенные интеллигенты рубежа XIX–XX вв. При этом мы сталкиваемся не только с преднамеренной фальсификацией. Часто подтасовка фактов осуществлялась как бы подсознательно, на уровне искусственного отбора «правильного» материала, который подтверждал априорно выбранную концепцию или давал возможность «решить» ошибочно поставленную задачу. Третий фактор — комплектование архивных фондов. В случае с курантами принципы, по которым формировался архивный фонд, не были зафиксированы докумен-

тально. Это ввело в заблуждение работавших с фондом исследователей. Долгое время ошибочно считалось, что до нашего времени сохранился целостный архив курантов XVII в. В данном случае негативно сказалось и потребительское отношение ученых к источнику, когда исследователи пользовались документами без предварительного источниковедческого анализа.

1.1. Бытование иностранной прессы в России. История изучения проблемы

Историки обратили внимание на куранты в 1791 г., когда И. И. Голиков, изучая эпоху Петра Великого, столкнулся с упоминанием о них в документах. К этому времени слово уже не употреблялось в русском языке в своем первоначальном значении. Голиков ошибочно определил куранты как «ведомости о ценах товаров печатных»¹ (очевидно, перепутав его со словом «прейскурант»).

Работать непосредственно с самим источником начали в 1827 г., когда на куранты обратил внимание сотрудник МГАМИД А. Я. Булгаков.² Он имел дело уже не с исторически сложившимся архивом XVII в., а с тем фондом, который на рубеже XVIII и XIX столетий сформировали сотрудники МГАМИД не только из курантов, но и из других восточных материалов.³ Статья Булгакова была написана как ответ на библиографический вопрос: «в котором году прошедшего столетия начались издаваться С. Петербургские Ведомости»? Булгаков указал, что «самые старинные Ведомости, сохранившиеся в Московском государственном Коллегии иностранных дел архиве, от 7129 года, т. е. 1621 после Р. Х. Они заключаются в рукописных, так называемых столбцах, и ни что иное суть, как переводы и выписки из современных европейских ведомостей о разных в Европе военных и мирных постановлениях. Они в то время именовались курантами и составлялись (только для царского употребления и для приближенных министров его величества) в Посольском приказе, из донесений разных агентов, пребывавших в чужих краях, а особливо в Польше».

¹ Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 5 (17). М., 1791. С. 344, 345.

² Булгаков А. Я. Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. № 13. С. 5–9.

³ Современный РГАДА. Ф. 155. Подробнее о его составе см. ниже.

Ниже Булгаков писал: «С 1631 года начали уже появляться в Русском Царстве печатные иностранные ведомости и газеты, и первейшие были Гамбургские. Кроме оных впоследствии выписываемы были еще многие другие на немецком, голландском, французском и прочих европейских языках. Несмотря на получение газет сих, составление в Посольском приказе так называемых курантов или переводов и выписок из разных иностранных газет все еще продолжалось, и прекратилось токмо в 1701 году. К сему времени должно, вероятно, отнести появление в свет первых печатных Российских Ведомостей, заменивших рукописные куранты». Время появления и исчезновения курантов было определено исследователем по крайним датам документов, хранившихся в составе разобранных на тот момент дел фонда. Легко заметить, что у Булгакова слово куранты используется в двух разных значениях. В одном месте он пишет, что куранты составлялись из «донесений разных агентов, пребывавших в чужих краях, а особливо в Польше». С другой стороны, «так называемые куранты» — это «переводы и выписки из разных иностранных газет». Такая двойственность связана с различным происхождением документов, которые Булгаков пытался рассматривать как одно целое.

Ошибка Булгакова прочно закрепилась в литературе, поскольку обращавшиеся к курантам исследователи не имели доступа в МГАМИД и пользовались статьей Булгакова в комплексе с документами, случайно оказавшимися вне основного архивного фонда. По мнению составителя первого историографического обзора литературы о курантах А. Н. Шлосберга (1911 г.), «позднейшие сочинения, в которых упоминается о курантах, обыкновенно только повторяют замечания Булгакова».⁴ В целом у исследователей складывалось представление о том, что в МГАМИД хранится некая газета. Уже в 1833 г. А. Ф. Малиновский в статье об А. Л. Ордине-Нащокине именовал куранты газетами.⁵ Однако уровень знаний о курантах все же постепенно повышался. В 1855 г. А. Ф. Бычков, подготовивший юбилейную публикацию о «Ведомостях», впервые отметил, что слово «куранты» заимствовано из голландского языка, а также ввел в научный оборот договор ван Сведена с приказом Тайных дел об организации почты, указ Петра I о публикации курантов, сведе-

⁴ Шлосберг А. Н. Начало периодической печати в России // ЖМНП. 1911. Сентябрь. С. 63–71.

⁵ Малиновский А. Ф. Биографические сведения о первом в России канцлере, боярине Афанасие Лаврентьевиче Ордине-Нащокине // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1833. Ч. VI. С. 188.

ния о доставке в Россию иностранной прессы из записок участника шведского посольства в Россию Иоганна Филиппа Кильбургера (1674 г.) и др.⁶ Любопытно, что публикация Бычкова ускользнула от внимания большинства авторов, писавших о курантах в XIX—начале XX в.

Только И. Е. Забелин смог получить доступ к курантам и начать их публикацию (лично и совместно с Ф. И. Буслаевым). С 1861 по 1880 г. он издал отдельные документы за 1655, 1665, 1682 гг. Большинство опубликованных Забелиным материалов в настоящее время находятся в ОПИ ГИМ. Они ничем не отличаются от документов РГАДА.⁷ Все публикации были сделаны без каких-либо источниковедческих или исторических комментариев. Забелин использовал куранты в своих работах крайне осторожно. Он лишь отметил, что «со времен царя Алексея Михайловича стали вывозить и куранты, или тогдашние европейские журналы, которые постоянно переводились для чтения государю».⁸

В 1864 г. в Памятниках дипломатических сношений России с державами иностранными среди документов посольства в Вену К. Н. Нефимова были опубликованы куранты с сообщениями о взятии Азова Петром I.⁹ Данные материалы оказались не востребованными в исследованиях о курантах. Еще один комплект курантов был издан М. П. Петровским (1911 г.).¹⁰

Поскольку куранты оказались неразрывно связанными с историей русской прессы, то почти ни одна более или менее подробная работа по истории русской журналистики не обходилась без упоминания

⁶ Бычков А. Ф. Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855. С. 6.

⁷ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 1143–1146; Летопись занятий археографической комиссии за 1865–1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. Раздел II. С. 56–59; Забелин И. Е. Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. 1880. Кн. 2. С. 37–46. В том, что Забелин публиковал именно документы из архива Посольского приказа, вряд ли можно сомневаться. В одном случае он прямо указывает, что «современный список писем столбцом на шести листах хранится между „Приказных дел“» (ныне РГАДА. Ф. 141).

⁸ Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895. Ч. 1. С. 373.

⁹ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1864. Т. 7. Стб. 1194–1202.

¹⁰ Петровский М. П. Из «Курантов» первой половины XVII века // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 4. С. 288–298.

о них.¹¹ К концу XIX в. сложившийся в результате более чем полувековых исследований взгляд на куранты был зафиксирован в энциклопедической литературе. В словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в статье «Газета» куранты были определены следующим образом: «В России газета появилась по инициативе правительства. Первые зачатки газеты в России относятся к XVII в., когда из донесений различных зарубежных агентов в московском Посольском приказе составляли для царя извлечения; с 1621 г. извлечения эти становятся известными под именем курантов; с 1631 г. правительство стало выписывать печатные иностранные газеты и по ним составлять куранты, которые с 1665 г., когда учреждена правильная почта, подавались царю в определенные сроки».¹² Очевидно, что вся эта информация взята из публикации Булгакова. Однако если работавший с реальными документами Булгаков не мог дать единого определения разнородному по своему составу материалу (хотя и писал об этих документах как о едином комплексе), то автор энциклопедической статьи отказался от такой непоследовательности и выстроил четкую схему появления «газеты» в России. Фиксация этой схемы в виде словарной статьи крайне негативно сказалась на дальнейшем изучении курантов. Предположение, что в московском архиве МИД хранится некий «зачаток газеты», появившийся в 1621 г., стало общеизвестным «фактом».

Во второй половине XIX в. интерес к курантам быстро возрастал. Ими заинтересовались не только специалисты-историки, но и широкая общественность. Куранты (в качестве первой русской газеты) попали на страницы сатирических произведений. Правда, юмор писателей в данном случае был исключительно «черным». Так М. Е. Салтыков-Щедрин, рассказывая о «подвигах» воеводы Топтыгина 2-го, упомянул станок, печатавший лестные куранты. Станок этот был уничтожен задолго до назначения Топтыгина на воеводство (сказка «Медведь на воеводстве», 1884 г.). Авторы «Всеобщей истории, обработанной „Сатириконом“» (1910 г.) в разделе «Петр — редактор» описали опыт Петра I

¹¹ *Неустров А. Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1875; *Майков Л. Н.* Несколько данных для истории русской журналистики. Библиографические примечания на книгу: «Неустров А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1875». СПб., 1876; *Майков Л. Н.* Очерки из истории русской литературы XVII–XVIII столетий. СПб., 1889. С. 396–424; *Каллаш В. В.* Очерки по истории русской журналистики. М., 1903. С. 4, 5 и др.

¹² *Брокгауз Ф. А. Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. VIIa. С. 62.

по печатанию газеты под названием «Куранты о всяких делах Московского государства и окрестных государств», отметив, что эпоха куратов была «лучшим периодом в периодической русской печати».

Особое внимание курантам стали уделять в конце XIX—начале XX в связи с готовившимся празднованием 200-летия «Московских ведомостей». В 1901–1902 гг. Археографическая комиссия по предложению исполняющего обязанности делопроизводителя МГАМД Н. В. Голицына предприняла подготовку к изданию курантов.¹³ Примечательно, что фундаментальную работу о курантах вновь готовил не историк, имеющий специальную подготовку, а работник архива. В течение 1901–1902 гг. комиссия неоднократно рассматривала записки Голицына о предполагавшемся издании. 19 апреля 1901 г. Голицын писал, что об «иностранных ведомостях, так называемых курантах XVII в., известно очень мало, хотя эти документы представляют большой интерес как исторический материал, свидетельствующий, насколько известны были события западноевропейской жизни в Московском правительстве XVII в., насколько они возбуждали интерес в правительственной среде того времени». Записка была одобрена С. А. Белокуровым. Последний считал издание курантов особенно актуальным «ввиду исполняющегося 200-летия русской периодической печати» и вместе с тем отмечал «Отличные познания князя Голицына и превосходные знания им иностранных языков служат ручательством, что издание это будет исполнено им совершенно безукоризненно».

Наличие устоявшейся традиции, относившей возникновение курантов к 1621 г., сыграло с Голицыным злую шутку. Считая наиболее ценными самые ранние материалы, он сосредоточился на изучении искусственно собранных архивистами рубежа XVIII–XIX вв. документов первой половины XVII в. При таком подходе Голицын не мог реально оценить исследуемый источник. Зато он обнаружил, что разные вестовые материалы хранятся и в других фондах, сформированных на основе документов Посольского приказа (к примеру, письма Исаака Массы и Юрия Клинка в Голландских делах). Вновь найденные документы исследователь включил в состав своей предполагаемой публикации. Таким образом, работа Голицына создала для изучения курантов дополнительные трудности. Фактически он продолжил начатую за столетие до него работу архивистов Коллегии иностранных дел по созданию из различной дипломатической документации искусственного «исторического источника». Спустя полгода после начала работы исследова-

¹³ В-К I. С. 11–12.

ель обратил внимание, что «только с 1643 г. начинается более правильное соответствие между русским текстом и иностранными подлинниками». Это наблюдение не натолкнуло Голицына на мысль, что он имеет дело с разнородным материалом. Однако у некоторых членов Археографической комиссии в ходе подготовки публикации возник вопрос: что же все-таки надо публиковать? Упор члены комиссии делали на необходимость разыскания иностранных оригиналов, что позволило бы точнее определить характер источника. А. А. Шахматов заявил, что «печатаемый материал из вестей вряд ли может представлять интерес, если его не сопроводить объяснительными примечаниями». Фактически Шахматов настаивал на необходимости проведения источниковедческого исследования, а поскольку предлагаемый к печати материал был собран из разных архивных комплексов, то выполнение требования Шахматова автоматически сняло бы вопрос о публикации. Учитывая большой объем проделанной к этому моменту работы, ситуация получалась скандальной. В протоколе заседания комиссии от 10 декабря 1902 г. появилась запись: «Ввиду отсутствия средств, к печатанию „Вестей“ в 1903 г. приступлено не будет». Учитывая, что финансовое положение Археографической комиссии в данный период было вполне обычным, а публикация не состоялась, можно не сомневаться, что ссылка на отсутствие финансирования была средством избежать публичного скандала. Таким образом, изучение курантов в рамках работы Археографической комиссии в Петербурге прекратилось. Любопытно, что специалист по истории книги Н. М. Лисовский, работавший в тесном контакте с Шахматовым, в обзорной статье по истории русской прессы (1903 г.), в отличие от подавляющего большинства авторов, о курантах не упомянул.¹⁴

В Москве, где велась подготовка издания петровских «Ведомостей», исследованиями курантов занялся участвовавший в этой работе А. А. Покровский. Ученый обращался к подлинникам материалов, хранившихся в МГАМИД. Однако он по какой-то причине видел свою задачу не в том, чтобы выяснить характер исследуемого источника, а стремился доказать, что в архиве хранится русская рукописная газета XVII в. На заседании Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества, проходившем 24 сентября 1904 г. под председательством профессора М. И. Соколова, было заслушано сообщение-ре-

¹⁴ Лисовский Н. М. Периодическая печать в России 1703–1903 (Статистико-библиографический обзор русских периодических изданий) // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати (1703–1903). СПб., 1903. С. 5.

ферат Покровского на тему «К истории западного влияния». Последний доложил о хранящихся в МГАМИД материалах, имеющих «большое значение для объяснения появления газет XVIII в.». В ходе доклада у Соколова возникли некоторые сомнения по поводу характера исследуемого источника. Он обратил внимание докладчика на то, что судя по сообщению, в составе исследуемого комплекса присутствуют весьма разные материалы. Как показали позднейшие исследования, сомнения Соколова были обоснованными. Соколов также отметил, что слово «вести» могло присутствовать в самых разных дипломатических документах, и прежде чем изучать содержание дел, необходимо подробно исследовать их состав. Участвовавший в заседании Н. В. Рождественский указал, что, по его наблюдениям, документы обернуты в бумагу XVIII в., судя по всему, чиновниками архива. Другой участник заседания, В. Н. Рогожин, поинтересовался, не могут ли эти материалы быть обычными делами Посольского приказа. В отношении материалов первой половины XVII столетия это предположение было вполне справедливым, однако Покровский его отверг. Судя по протоколу заседания, дискуссия проходила остро. Вероятно, именно полемическим запалом можно объяснить заявление Покровского, будто бы на некоторых из виденных им рукописей XVII в. он встретил название «газета».¹⁵ Последнее утверждение не соответствует действительности. В публикациях Покровского оно отсутствует.

В ходе подготовки своих работ Покровский проигнорировал замечания, сделанные в ходе заседания. Наиболее полно его взгляды изложены в предисловии ко второму выпуску «Ведомости времен Петра Великого»,¹⁶ где он приводит значительное количество документов из современного фонда 155 РГАДА. Однако публикация представляет собой скорее не научную работу, а подборку материалов, позволяющих Покровскому охарактеризовать «исследуемую» им «рукописную газету». О том, что речь идет именно о газете, Покровский писал как о само собой разумеющемся факте. Приведем пример того, как Покровский обращался с документами. Он писал: «Иногда в русских рукописных газетах мы находим, так сказать, приложения. Так в газетах за 1672 г. нам встретился план какой-то крепости. Этот план находится при пере-

¹⁵ Протоколы комиссии № 60–90 // Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 38–39.

¹⁶ Покровский А. К истории газеты в России // Ведомости времен Петра Великого. М., 1906. Вып. 2.

воде письма, присланного в Посольский приказ датским резидентом».¹⁷ Данное утверждение, правдивое с формальной точки зрения, на самом деле вводит читателя в заблуждение. Среди тысяч листов русских документов фонда рисунки встречаются лишь два раза — в 1672 г. За этот год в архивное дело (кроме курантов) включено несколько столбцов с очень разными по содержанию материалами. В их числе были расспросные речи приехавших в Россию греков (обычно подобные материалы включали в дела по сношениям России с Грецией), фрагменты статейного списка посольства А. А. Виниуса (без начала и окончания) и даже сочинение неизвестного автора о бесах. Стоит ли удивляться, что в составе такого дела оказались и два рисунка? Видеть в них «приложение к газете» нет никаких оснований.

Зачем Покровский хотел представить куранты именно как газету, сказать трудно. Вокруг вопроса о том, можно ли считать куранты XVII в. первой русской рукописной газетой, разгорелась острая дискуссия. В ходе ее появился ряд публикаций. Наиболее последовательным критиком Покровского выступал Г. В. Балицкий, который справедливо отказывался признавать куранты газетой.¹⁸ Однако в силу того, что Балицкий не пользовался архивными документами, его критика взглядов Покровского была умозрительной. Она основывалась в большей степени на собственных заблуждениях автора, чем на реальных фактах.

Снятые Н. В. Голицыным копии архивных документов за 1621 и 1642–1644 гг., а также опубликованные ранее материалы использовал в обширной обобщающей работе А. Н. Шлосберг.¹⁹ К сожалению, к моменту написания его исследования спор о том, являлись ли куранты газетой, достиг максимального накала. Данный факт наложил на объективную в целом публикацию серьезный отпечаток. Работа Шлосберга подчинена стремлению показать, что куранты были газетой. Такая увлеченность привела исследователя к ряду ошибок. Например, указывая на уникальные случаи проникновения информации из курантов за стены Посольского приказа, автор пишет о «пестрой газетной аудитории» в России. Перечень подобных ошибок Шлосберга можно продолжить, однако научное значение этой публикации связано не с конъюнктурной характеристикой курантов, а с конкретными наблюдениями над источником. Шлосберг впервые попытался решить вопрос, насколько сильно

¹⁷ Покровский А. К истории газеты в России. С. 25.

¹⁸ Балицкий Г. В. Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908. С. 5–7.

¹⁹ Шлосберг А. Н. Начало периодической печати... С. 63–135.

перерабатывались статьи иностранных газет. Он установил, что русский перевод был близок к оригиналу (не заинтересовавшие переводчика сообщения пропускались).

Шлосберг поставил проблему сроков доставки новостей и пришел к выводу, что «Москва еще до половины XVII столетия умела почти своевременно узнавать о том, что происходило в Европе, получая через куранты если не всегда новейшие, то, во всяком случае, не особенно запоздавшие сведения о текущих новостях из западного мира». Он сумел выделить в материалах современного фонда 155 РГАДА²⁰ несколько типов документов: 1) известия иностранных газет; 2) корреспонденции иностранцев; 3) частная переписка между иностранцами и акты иностранных государств; 4) донесения русских агентов. Кажется странным, что сделав это ценное наблюдение, исследователь не усомнился в том, что перед ним газета. Скорее всего, получив материалы Голицына, Шлосберг изначально был абсолютно уверен, что ему передали целостный комплекс, сложившийся в годы правления первых Романовых.

Публикация Шлосберга поставила точку в дискуссиях начала XX в. по поводу курантов. Завершая обзор исследований курантов конца XIX—начала XX вв., следует отметить несколько исторических работ, которые не были специально посвящены курантам, но содержали важный материал на интересующую нас тему. Среди них наибольшее значение имеет двухтомная монография И. П. Козловского «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве». Первый том включает в себя исследование, а во втором опубликована большая и наиболее ценная часть современного фонда 162 РГАДА (Почтовые дела), где сосредоточена основная информация по истории русской почты XVII в. Автор сделал не потерявший актуальности и в наше время вывод, что основной задачей созданной в России по европейскому образцу регулярной почты была доставка для русского правительства информации о зарубежных событиях. Пересылку частной корреспонденции за границу российские власти рассматривали не как цель работы почты, а, скорее, как источник финансирования, тем более что почти до конца XVII в. этой услугой пользовались только иностранные купцы. Европейские газеты были одним из наиболее регулярно перевозившихся почтовых грузов. Рассматривая работу русской почты в целом, Козловский в общих чертах исследовал механизм доставки в Россию ино-

²⁰ По наблюдениям Е. И. Кобзаревой, подлинники всех использованных Шлосбергом материалов хранятся в РГАДА (ф. 155).

странных газет (сроки, периодичность, персоналии и т. д.). Куранты он обоснованно считал переводами иностранных газет.²¹

Несколько раз исследователи писали о том, как русское правительство следило за негативными публикациями о России в иностранной прессе и реагировало на них. Так С. М. Соловьев отметил критическую реакцию А. Л. Ордина-Нащокина на шведские публикации о России.²² Д. Цветаев обратил внимание на то, что во время сватовства к датскому королевичу Вальдемару в Дании писали о преследовании протестантов в России.²³ И. Я. Гурлянд проследил, как московское правительство пыталось бороться с распространением в Европе известий о разгроме русской армии под Чудновым (1660 г.).²⁴ Н. Н. Бантыш-Каменский и Г. Форстен затронули вопрос о том, как российские власти пытались добиться от Швеции наказания тех, кто распространял в европейских газетах слухи о восстании Степана Разина и ссоре Алексея Михайловича с патриархом Никоном.²⁵

Проведенная после революции 1917 г. реформа государственных архивов сделала куранты более доступными для исследователей. Однако новый всплеск интереса к ним отмечался только в 1950-х гг., в период борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Даже в это время выходили исследования с достаточно взвешенной оценкой курантов. Так, М. С. Черепанов посвятил курантам специальный раздел своей работы по истории возникновения периодической печати в России. Исследователь писал, что куранты не могут быть названы газетой, однако они играли важную роль в сборе информации о событиях за рубежом. Эта информация имела целью способствовать правильной ориентировке правительства в его взаимоотношениях с различными европейскими государствами.²⁶

²¹ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: В 2 т. Варшава, 1913. Т. 1. С. 231, 232, 359, 373 и др.; Т. 2. С. 56–58, 78 и др.

²² Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. VI. Т. II. История России с древнейших времен. С. 156–157.

²³ Цветаев Дм. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 70.

²⁴ Гурлянд И. Я. 1) Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 107; 2) Иван Гебдон. Коммисариус и резидент. Ярославль, 1903. С. 60, 61.

²⁵ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1902. Ч. 4. С. 190–191; Форстен Г. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. 1648–1700 // ЖМНП. 1899. № 6. С. 321.

²⁶ Черепанов М. С. Возникновение периодической печати в России. М., 1955. С. 7–10.

Однако в большинстве работ мы видим совершенно иной подход к проблеме. В обстановке, когда историки стремились доказать, что Россия не отставала в развитии от Западной Европы, представление о курантах как о газете нашло новых последователей. Курантам стали навязывать признаки, характерные для газет: выражение интересов господствующего класса, четкая политическая линия и т. д.

С. Я. Марлинский, изучая петровские «Ведомости», поставил перед собой задачу разоблачить «несостоятельность антипатриотических и космополитических утверждений представителей реакционной науки, рассматривавших петровские реформы, а отсюда и „Ведомости“, как импортное явление, привнесенное извне, с Запада».²⁷ В рамках этой концепции исследователь «нашел» для курантов (их он, разумеется, считал русской газетой) «национальное» название — «Вести». В одной из своих работ Марлинский отметил, что «куранты переписывались в двух экземплярах и озаглавливались „Вести“, „Вести из разных мест“, „Вести из Ведны мая в 21 день“».²⁸

Показателен пример с работой С. М. Томсинского,²⁹ который широко пользовался материалами фонда 155 РГАДА. В предисловии, которое к его книге написала В. Н. Бочкарева, очень точно отражено отношение Томсинского к курантам: «Непосредственным предшественником „Ведомостей“ были „Куранты“, — рукописная газета России XVII века, просуществовавшая, как весьма хорошо показал автор, 80 лет, вплоть до 1701 г. и имевшая довольно значительный круг читателей». Исследование Томсинского написано под влиянием работ А. А. Покровского (в отдельных случаях следование предшественнику близко к плагиату). Тем не менее, Томсинский претендовал на принципиально новое понимание курантов, а также противопоставлял себя «буржуазной историографии» и своим советским коллегам, в частности Черепухову, «находящимся под ее влиянием». Конечно, в 1959 г., когда вышла из печати работа Томсинского, обвинение в следовании «буржуазной историографии» уже не несло угрозы жизни или свободе обвиняемого. Однако заявления такого рода четко показывают, что Томсинский был сосредоточен на идеологической борьбе, а не на научном поиске. Томсинский

²⁷ Марлинский С. Я. Петровские «Ведомости» как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1949. С. 9.

²⁸ Марлинский С. Я. Первая допетровская рукописная газета // Исторический журнал. 1954. № 5. С. 74, 75.

²⁹ Томсинский С. М. Первая печатная газета России (1702–1727 гг.). Пермь, 1959. С. 4–16.

широко пользовался материалами фонда 155 РГАДА. Для «доказательства» того, что куранты — это газета, он активно использовал способ, впервые опробованный Покровским: просто априорно писал о курантах как о газете. Например, слово «куранты» исследователь передавал исключительно как название («Куранты»). Вся работа пестрит фразами типа «сделаем лишь несколько замечаний, вытекающих из наблюдений над архивом русской рукописной газеты» (о документах из фонда 155 РГАДА). Томсинский выдвинул несколько собственных аргументов в пользу того, что куранты это газета. По его мнению, в курантах имелось большое количество статей русского происхождения. Таковыми Томсинский считал все сообщения о России. Автору казалось, что в XVII в. о русских делах в иностранных газетах писать не могли. Твердая уверенность в московском происхождении подобных материалов основана на незнании Томсинским фактов, накопленных той самой «буржуазной» историографией, которую он сурово критиковал. Русскими исследователь считал также и корреспонденции о Польше и Османской империи. Об этом, по мнению автора, говорит тот факт, что в Польше в то время газеты не выпускались. Данное утверждение — еще одна ошибка. Она показывает, что Томсинский не прочитал полностью опись использованного им фонда 155 РГАДА. Там перечислены хранившиеся в Посольском приказе польские газеты конца XVII в. Еще один аргумент Томсинского состоял в том, что «трудно себе представить эти сообщения „Курантов“ о Польше и Турции, как переписанные из западноевропейской прессы». Данное утверждение можно рассматривать лишь как свидетельство бедности воображения Томсинского, поскольку в настоящее время в немецких и голландских газетах найдено большое число статей об Османской империи и Польше, переводы которых вошли в куранты.

Наиболее последовательным сторонником переименования курантов в «Вести» выступил А. Л. Сахаров. Он писал: «Материалы газеты 1621 г. убедительно свидетельствуют о том, что называлась она „Вести“. Именно это слово встречается постоянно в качестве стержневого в устойчивых заглавных конструкциях, регулярно вводящих каждый локализованный и датированный лоток информации».³⁰ Свой вывод он подтвердил рядом примеров, не упомянув, однако, о трех вещах. Во-первых, в поисках единичных заглавий Сахарову пришлось просмотр-

³⁰ Сахаров А. Л. О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1964. № 148. С. 396–418.

реть тысячи листов архивных дел, игнорируя абсолютное большинство заголовков, которые не подтверждали его взгляды. Во-вторых, среди немногих примеров, где слово «вести» действительно имеется, есть и такие, где им однозначно определяется содержание документа, а не его название: «Выписаны различные вести из цесарских и галанских курантов, каковы присланы с рижскою почтою в нынешнем в 200-м году марта в 28 день».³¹ С другой стороны, нет ни одного заголовка, в котором слово «вести» однозначно выступает как заглавие газеты. В-третьих, слово «вести» присутствует практически во всех крупных комплексах документов из Посольского приказа. Следуя логике Сахарова, газетой «Вести» следовало бы считать весь архив Посольского приказа и часть архива Разрядного приказа. При таком подходе в «корреспонденты» русской «газеты» можно записать всех людей, которых при въезде в Россию расспрашивали о «вестях» служащие Посольского приказа.

Любопытным образчиком литературы 1950-х гг. является работа В. П. Соболева, преподававшего историю журналистики на кафедре журналистики Высшей партийной школы ЦК КПСС. В его книге курантам посвящено чуть более двух страниц.³² Соболеву представлялось, что в XVII в. существовала некая «газета московского царского двора», которая называлась «Куранты» или «Столбцы» или даже «Куранты»-«Столбцы» (о том, что столбцы — это форма делопроизводства, такая же как, к примеру, книги и тетради, а не название «газеты», ученый не догадывался). Работа Соболева подготовлена столь небрежно, что ошибок в ней намного больше, чем правдивой информации. Как пример возьмем два предложения: «В 1698 году, по договору Посольского приказа с голландцем Иоганном Сведенном, было налажено регулярное получение газет с организацией для этого почты, прогонов и т. п. Во главе этого дела стоял крупный государственный деятель того времени Ордин-Нащокин». В этих двух предложениях допущено сразу три ошибки. Договор с ван Сведеном заключен в 1665 г. (а не в 1698 г.) приказом Тайных дел (а не Посольским приказом). Кроме того, Ордин-Нащокин не руководил почтой ван Сведена, а помогал его конкурентам Марселисам добиться ликвидации предприятия ван Сведена. Следует отметить, что хотя в середине XX столетия куранты стали гораздо более доступными для исследователей, идеологизация науки не позволила ученым воспользоваться этим преимуществом.

³¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 60. 1692 г. Л. 1–3.

³² Соболев В. П. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики XVIII века. М., 1957. С. 4–6.

Начиная со второй половины 1950-х гг. куранты стали привлекать внимание лингвистов, увидевших в них уникальный материал по истории русского языка — обзоры иностранной прессы были одним из каналов проникновения в русский язык иностранной лексики. Анализируя этот источник, лингвисты могли наблюдать процесс заимствования иностранной лексики во всей его сложности. Работы историков 1950-х гг. оказали значительное влияние на оценку изучаемого памятника в трудах лингвистов. В 1970-х гг. сотрудниками Института русского языка АН СССР было начато продолжающееся до сегодняшнего дня издание под названием «Вести-Куранты» (первый том вышел в 1972 г.). Исследуя историографию проблемы, лингвисты выявили материалы, подготовленные для издания Н. В. Голицыным. Поскольку Археографическая комиссия отказалась от этой работы без публичного обсуждения, ошибки Голицына не были исправлены. Материалы фонда 155 РГАДА продолжал восприниматься как единый архив, а вестовые документы в других фондах РГАДА — как его отколовшиеся части. Публикаторы обратили внимание на то, что в материалах фонда 155 РГАДА за первую половину XVII в. слово куранты не используется. С другой стороны, в делах за последние десятилетия XVII в. практически отсутствуют какие-либо вестовые материалы, кроме курантов. Такое положение дел отразилось в названии издания — «Вести-Куранты». Оно оказалось очень удачным, поскольку четко отразило разнородность материалов публикуемого архивного фонда.

Спустя год после выхода первого тома «Вестей-Курантов» появилась рецензия американского исследователя Д. К. Уо, специалиста по истории русской литературы. Положительно оценив публикацию в целом, Уо отметил отсутствие четких принципов отбора материала для издания, часть из которых (к примеру, сообщения агентов, таких как И. Масса и М. Бекман) не являются переводами иностранной прессы. Подобные материалы находятся не только среди документов по связям России с северной Европой, но и в Польских, Греческих, Малороссийских делах. Возможность решить вопрос о том, что же все-таки считать курантами, исследователь совершенно справедливо видел в обращении к описаниям архивного комплекса приказа Тайных дел. Отметил Уо и необходимость подробного источниковедческого исследования публикуемых материалов.³³

К сожалению, замечания Уо не были учтены издателями. Публикация документов продолжалась без источниковедческого исследования.

³³ *Waugh D. C. Vesti-Kuranty 1600–1639. Moscow 1972 // Kritika. A review of current Soviet books on Russian history. 1973. 10:3. P. 104–120.*

Первые четыре тома «Вестей-Курантов» (по 1650 г.) были проанализированы Е. И. Кобзаревой, которая указала на искусственный характер самого термина «Вести-Куранты». Она также отметила, что сразу после начала работ по изданию источника у публикаторов возникли трудности с отбором материалов. Эти трудности объяснялись тем, что в составе фонда 155 РГАДА, особенно за период до учреждения регулярных почт, кроме переводов иностранных газет отложились разнородные документы. Между тем, историографическая традиция распространяла термин «куранты» на все материалы фонда 155 РГАДА. Кобзарева указала, что «учет существующей литературы заставил авторов издания включить в него из различных фондов РГАДА помимо переводов иностранных газет ряд других документов. По сути дела, отказавшись от первоначальной задачи — систематической публикации Ф. 155 РГАДА, — исследователи предприняли попытку собрать из разных фондов и осуществить издание всех документов с вестями о событиях в зарубежных странах».³⁴ Куранты интересовали издателей как лингвистический материал. В результате проделанной работы специалисты по истории языка получили в свое распоряжение обширный комплекс разнообразных вестовых документов. С лингвистической точки зрения вопрос о функциональном назначении документов особого значения не имел. К сожалению, некоторые исследователи, не обратив внимание на фондовую принадлежность различных документов, стали использовать издание «Вести-Куранты» как архив «газеты» уже в исследованиях по истории русской прессы.

Большое значение для изучения курантов имела диссертация Д. К. Уо, защищенная в 1972 г. Работа посвящена московским памфлетам XVII столетия на турецкую тему. Исследовать эту проблему оказалось невозможным без предварительного анализа курантов. Уо показал, что после Смутного времени в Московское государство стали регулярно попадать европейские газеты и печатные вестовые листы. В Посольском приказе из этих материалов составляли компиляции. Куранты, изготовленные в двух или трех экземплярах, предназначались для царя и высшего круга членов государева двора. Со второй половины XVII в., особенно после учреждения почт (их работа рассматривается подробно), составление таких компиляций стало более регулярным. Из большого разнообразия известий для курантов отбирали лишь

³⁴ Кобзарева Е. И. Известия... С. 83–90; В-К I; В-К II; В-К III; В-К IV; Рецензию на В-К V см.: Maier I., Kryz'ko V. B. Vestī-Kuranty 1651–1652 gg., 1654–1656 gg., 1658–1660 gg. (Moskva, 1996; 224 pp.) // Russian Linguistics. 1997. 21:3. P. 301–310.

небольшой процент сообщений. Между доставкой иностранных газет и составлением курантов проходило не более двух дней. Перевод выполнялся в свободной манере. Иногда переводчики добавляли свои комментарии. Уо указал, что статьи иностранных газет в курантах не систематизировались по содержанию. Их порядок был случайным. В целом, автору удалось достаточно объективно и подробно рассмотреть куранты XVII в. Крайне интересен выполненный Уо анализ терминологии курантов. Он установил, что в московском делопроизводстве термин «куранты» стал широко применяться только с 1660-х гг.³⁵ К сожалению, эта работа Уо долгое время не была востребована отечественными исследователями.

В 1970–1980-х гг. к курантам вновь стали обращаться историки. Б. В. Сапунов охарактеризовал куранты как «служебные записки Посольского приказа правительству». Опираясь на данные курантов, а также на сведения, приводимые в записках путешествовавших по России иностранцев, он определил сроки доставки информации в Москву (до 80 дней в середине века, до 65 — в 1660-х гг., 45–50 дней после 1672 г.). Автор отметил, что куранты «сохранились плохо, но нет зачитанности», из чего сделал вывод: «С точки зрения Посольского приказа и московского правительства, „Вести-Куранты“ имели определенный „срок годности“, по истечении которого они теряли свое значение и не сберегались».³⁶ М. А. Алпатов критиковал «провиденциализм» курантов и крайне низко оценил их информационный уровень.³⁷ Ошибочность такой оценки информационного уровня курантов становится очевидной при их сравнении с другими документами Посольского приказа. Что же касается «провиденциализма» курантов, то эта критика и вовсе кажется странной — требовать от составителей курантов XVII в. атеистического мировоззрения вряд ли правомерно. А. П. Богданов отметил сходство формуляра «переводов курантов» и других, сделанных переводчиками Посольского приказа, переводов.³⁸ Информация курантов о восстании

³⁵ *Waugh D. C. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes...* С. 36–76, 447–451.

³⁶ *Сапунов Б. В.* Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. (Вести-Куранты) // *Культурное наследие Древней Руси*. М., 1976. С. 200–205.

³⁷ *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XVII—первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 237–238.

³⁸ *Богданов А. П.* «Истинное и верное сказание о крымском походе 1687 г.» — памятник публицистики Посольского приказа // *Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья*. М., 1982. С. 58.

Степана Разина была подробно рассмотрена в книге «Иностранные известия о восстании Степана Разина».³⁹

В 1988 г. Е. И. Кобзарева защитила диссертацию «Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века». В этой работе дана точная и подробная источниковедческая характеристика курантов. Целью исследования было изучить систему организации сбора и обработки в Посольском приказе информации о западноевропейских событиях с 1613 по 1700 г. Большая часть диссертации посвящена курантам. Кобзарева изучила вопрос о месте курантов в архиве Посольского приказа. Она установила, что до середины XVII в. переводы иностранной прессы хранились среди столбцов и грамот тех государств, из которых присылались. Исследовательнице удалось доказать, что в первой половине XVII в. переводы публикаций иностранной прессы никогда не собирались в единый комплекс и, следовательно, любые разговоры об «архиве рукописной газеты» этого периода не имеют под собой оснований. В диссертации Кобзаревой сделан ряд интересных наблюдений над тем, как в Посольском приказе работали с иностранными газетами. К сожалению, материалы диссертации были опубликованы лишь в усеченном виде. Кроме автореферата из печати вышла одна статья — «Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях», где о курантах упоминается очень кратко.⁴⁰ В целом, работа Е. И. Кобзаревой стала принципиально новым этапом в изучении курантов, однако она не привлекла внимания исследователей. Многочисленные авторы статей о курантах и обобщающих публикаций по истории русской прессы продолжали ссылаться на публикации XIX—первой половины XX в. (с добавлением цитат из томов «Вестей-Курантов»).

В том же 1988 г. вышла книга швейцарского лингвиста Р. Шибли (R. Schibli), в которой анализировались материалы первых томов «Вестей-Курантов». Исследователю удалось выявить значительное число европейских газет, ставших оригиналами для русских переводов иностранной прессы. Он установил, что известия о европейских событиях приходили в Посольский приказ до 1637 г. в среднем за 4 месяца

³⁹ Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследование / Под ред. А. Г. Манькова. Л., 1975.

⁴⁰ Кобзарева Е. И. 1) Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; 2) Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–21.

(9–25 недель), а в 1640-х гг. за 2 месяца (4–15 недель) после сообщаемого события. В одном из разделов своей монографии Шибли попытался сопоставить опубликованные переводы иностранной прессы первой четверти XVII в. и данные описи архива Посольского приказа 1626 г. Ему не удалось идентифицировать ни один из указанных в описи документов.⁴¹

Во второй половине XX—начале XXI в. значительное внимание курантам продолжали уделять лингвисты.⁴² Большой интерес для изучения курантов представляют публикации И. Майер.⁴³ В 2008 и 2009 гг. вышел шестой том издания «Вести-Куранты», включивший материалы 1660–1670 гг. В его первой части опубликованы сами документы, во второй — их иностранные оригиналы, а также обширное исследование И. Майер, в котором рассматриваются проблемы развития европей-

⁴¹ Schibli R. Die ältesten russischen Zeitungsubersetzungen (Vesti-Kuranty): 1600–1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik. Bd. 29. Bern, 1988. S. 83, 84.

⁴² Варина С. Н. Газетный стиль XVII в. (по данным «Вестей-Курантов») // Материалы XXXII международной филологической конференции (Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, 11–15 марта 2003 г.). Вып. 17. Историческая лексикология и лексикография (русско-славянский цикл) / Отв. ред. О. С. Мжельская. СПб., 2003. С. 5–7; Введенский В. В. 1) Из наблюдений над общественно-политической лексикой XVII в. (на материале имен существительных первой русской рукописной газеты «Вести-Куранты 1600–1639 гг.») // Географические и хронологические пределы распространения русской лексики: Лингвистический сборник. М., 1978. Вып. 2. С. 87–96; 2) Лексика «Вестей-Курантов 1600–1639 гг.» (К истории лексико-семантических процессов у имени существительного в русском языке XVII в.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1978; Демьянов В. Г. 1) Процессы графемно-фонетической адаптации в области вокализма лексики, заимствованной из немецкого языка (по данным «Вестей-Курантов 1600–1639 гг.») // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 92–114; 2) Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001; Корнилаева И. А. Акцентуированные Вести-Куранты (к проблеме издания) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 291–297; Старых Л. В. Система склонения имен в первой русской рукописной газете «Вести-Куранты» за 1600–1650 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; Сумкина И. А., Тарабасова Н. И. Куранты XVII века // Русская речь. 1970. № 2. С. 73–78; Тарабасова Н. И. 1) К истории курантов // Русская речь. 1972. № 2. С. 115–119; 2) Из истории синонимических отношений слов с корнями бол- и скорб- (на материале вестей-курантов первой половины XVII в.) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 115–131; 3) К изучению русских правописных норм первой половины XVII в. (На материале «Вестей-Курантов») // Памятники русского языка. Исследования и публикации. М., 1979. С. 38–54.

⁴³ Библиографию ее работ о курантах см.: В-К VI (Ч. 2). С. 236, 239–240.

ской прессы, ее доставки в Россию, специфика содержания и практика составления курантов, характеризуется работа переводчиков и др.

В настоящее время курантами интересуются не только лингвисты. Историки (К. А. Аверьянов, А. В. Беляков, А. П. Богданов, И. В. Галактионов, А. В. Лаврентьев, Н. М. Рогожин, Е. А. Савельева, П. В. Седов, Е. В. Чистякова, и другие) нередко упоминают куранты в своих работах или используют отдельные материалы 155 фонда РГАДА.⁴⁴ Комплекс курантов, связанных с Великим посольством, выявил А. Г. Гуськов.⁴⁵ Им же написана специальная статья о курантах, составлявшихся в Европе участниками Великого посольства Петра I.⁴⁶

Таким образом, можно констатировать, что в XIX в. историков интересовал лишь сам факт доставки в Москву иностранных газет и зачетные их переводов царю и боярам. Это не вязалось со стереотипным образом отгородившегося от Европы царства, где бояре на заседаниях Думы дремлют, «устава брады», в ожидании бодрящей дубины Петра I. Фактический материал из курантов привлекался для исследований в незначительном количестве. Сложность источника и ограниченный доступ к материалам архива Министерства иностранных дел препятствовали более глубокому изучению курантов.

⁴⁴ *Аверьянов К. А.* Русская дипломатия и контрразведка в XVII в // *Российская дипломатия: история и современность.* М., 2001. С. 118–119; *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 118–119; *Богданов А. П.* 1) От летописания к исследованию. М., 1995. С. 97, 168 и др.; 2) *Московская публицистика последней четверти XVII века.* М., 2001. С. 190; 3) *Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.)* // *ВИ.* 2003. № 4. С. 26–46; *Рогожин Н. М.* Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России // *История внешней политики России. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны).* М., 1999. С. 399; *Савельева Е. А.* Андрей Андреевич Виниус. Его библиотека и альбом // *Россия — Голландия: Книжные связи XV–XX веков.* СПб., 2000. С. 108; *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 242; *Чистякова Е. В., Галактионов И. В.* Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // «Око всей великой России». М., 1989. С. 140; *Лаврентьев А. В.* «Английская корона» казны российских государей и ее изображение на золотом 1598 г. // *Нумизматический сборник ГИМ.* М., 2007. Т. 18. С. 243.

⁴⁵ *Гуськов А. Г.* Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 24, 210; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Ед. хр. 1. Ч. 2; Ф. 32. Ед. хр. 12. (1697); Ед. хр. 13. (1697); Ед. хр. 49. (1698); Ед. хр. 53. (1697); Ед. хр. 69. (1697); Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 6. (1697); Ед. хр. 3. (1698).

⁴⁶ *Гуськов А. Г.* Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия.* М., 2009. Вып. 5. С. 27–44.

Усилия исследователей XX в. оказались потрачены на то, чтобы установить, чем же на самом деле были куранты. Их адекватный анализ значительно задержала политизация проблемы. В начале XX в. либеральная интеллигенция стремилась «удревнить» русскую прессу, доказывая глубокую «укорененность» «четвертой власти» в России. Столь же негативным для изучения курантов стало стремление советского государства середины XX в. доказать, что оно во все века не отставало от своих западных соседей. Таким образом, на примере курантов особенно ярко видно, что политизация исторических проблем отрицательно влияет на их решение вне зависимости от того, вмешиваются ли в научный процесс «демократические» или «патриотические» (или какие-то другие) силы.

Отдельной темой является вопрос о проникновении некоторых переводов статей из европейской прессы в рукописную книжность. К этой теме обращаются специалисты разных профилей: историки, литературоведы, лингвисты, как в России, так и за рубежом. Полученные ими сведения не систематизировались уже более столетия (с 1903 г.). Они рассыпаны по изданиям разного профиля. Данная тема, безусловно, достойна самостоятельного монографического исследования. Чтобы облегчить будущим исследователям эту работу, в историографическом обзоре учтены все выявленные на сегодняшний день публикации и не введенные в научный оборот архивные находки. Кроме того, это позволит читателям составить представление о том, насколько многочисленными и разнообразными по тематике были известия иностранной прессы, вошедшие в русскую книжность. В основной части работы эта тема не раскрывается.

С точки зрения истории науки, наиболее интересным представляется тот факт, что в зависимости от политической ситуации одни и те же произведения интерпретировались исследователями то как русские сочинения, то как иностранные. Впервые наличие переводов европейской прессы в русской книжности XVII в. отметил в 1855 г. хранитель Отделения рукописей и старопечатных славянских книг Публичной библиотеки А. Ф. Бычков.⁴⁷ Позднее этой темы касались многие исследователи, однако накопление данных о конкретных рукописях шло крайне медленно.

Важным этапом в изучении русских переводов иностранной прессы стал обзорно-справочный труд А. И. Соболевского «Переводная лите-

⁴⁷ Бычков А. Ф. Первые русские ведомости... С. 8.

ратура Московской Руси XIV–XVII веков»,⁴⁸ где в разделе «Летучие листки и газетные статьи» была отмечена большая часть известных сейчас переводов газетных статей и летучих листов из рукописных сборников. Обзор имеет ряд недостатков. Наиболее существенный из них состоит в том, что автор фиксировал переводы без сколько-нибудь подробного анализа. О многих умозаключениях ученого приходится догадываться. Кроме того, в справочник попали опубликованные И. Е. Забелиным куранты из Посольского приказа, не связанные с книжной традицией. В этот раздел вошли также художественные произведения, оригиналы которых были напечатаны в виде листовых изданий, к примеру, «Прение живота со смертью», которое невозможно отнести к разряду памфлетов или новостей (даже фантастических).

Древнейшим из попавших в Россию европейских «вестовых» текстов стало известие о землетрясении в Италии 1456 г. Учитывая, что в середине XV в. книгопечатание только зарождалось, можно предположить, что перевод был сделан с летучего листка или письма. Древнейший русский список датируется 70-ми гг. XV в. Впервые этот текст в рукописи из киевского Михайловского монастыря обнаружил В. Малинин.⁴⁹ Соболевский знал о его существовании, однако отождествил с более поздним переводом близкого по содержанию сообщения. В 1922 г. П. Симони опубликовал известие 1456 г. по сборнику кирилло-белозерского книгописца Евфросина. Здесь оно озаглавлено «Послание Феофила Дедеркина на Москву великому князю Василию Васильевичу из-за Римья из латыны». Симони, так же как и обращавшиеся позднее к этому памятнику Я. С. Лурье и Р. П. Дмитриева, не связывали его с рукописью, введенной в научный оборот Малининым.⁵⁰ Н. А. Казакова установила, что обнаруженный Малининым текст и «Послание Феофила Дедеркина» — списки одного и того же произведения и вы-

⁴⁸ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. СПб., 1903. С. 45, 46, 233–252. Первоначальный вариант работы: Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1899. Вып. 11. С. 8–159.

⁴⁹ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. С. 233–235.

⁵⁰ Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Евфросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130–168; Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Евфросина. (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка Задонщины) // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 264–291.

явила его вероятный немецкий источник.⁵¹ Указывая на многочисленные полонизмы в текстах, исследовательница предположила, что архетип русской версии рассказа возник в Южной Руси и оттуда уже попал в Кирилло-Белозерский монастырь. Позднее еще один список был обнаружен А. А. Туриловым в дополнении к Палее 1517 г., написанной в Пскове священником Духовской церкви Константином.⁵²

Соболевский считал древнейшим из переведенных на русский язык летучих листков «Повесть о Дракуле»⁵³ («Сказание о Дракуле воеводе»), появившуюся в Московском государстве еще в конце XV столетия. Это памфлетное сочинение о валашском господре Владе Цепеше, которому посвящена обширная историография, большинство ученых считает русским. Предполагается, что его составил на основе устных сообщений дьяк Федор Васильевич Курицын, возглавлявший в 1482–1484 гг. посольство в Венгрию и Молдавию.⁵⁴ Первые исследователи, начиная с Н. М. Карамзина, не сомневались в том, что это русский памятник. В 1863 г. Ф. И. Буслаев обратил внимание коллег на европейские параллели сочинения о Дракуле. После этого в литературе появились предположения, что русский текст — перевод или переработка европейского памфлета. Однако в статье А. Д. Седельникова (1929 г.) это предположение было отвергнуто.⁵⁵ В 1950–1960-х гг. гипотеза о русском происхождении памятника утвердилась в советской науке, хотя некоторые румынские исследователи продолжали настаивать на его переводном характере.⁵⁶

Несколько включенных в справочник Соболевского текстов относятся к XVI в. Это известия о сильной буре в Неаполе (1523 г.) и землетрясении в Венгрии (1524 г.). Соболевский, зафиксировавший их в одном сборнике из Публичной библиотеки (ныне РНБ), пришел к выводу, что они находились в одном летучем листке и были переведены вместе.⁵⁷ Р. П. Дмитриева обнаружила еще два связанных с Иосифо-Волоколам-

⁵¹ Казакова Н. А. Западная Европа... С. 163–164.

⁵² Лурье Я. С., Турилов А. А. Дедеркин Феофил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 185–186.

⁵³ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 41.

⁵⁴ Лурье Я. С., Григоренко А. Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 508.

⁵⁵ Седельников А. Д. Литературная история повести о Дракуле // ИОРЯС. 1929. Т. 2. Кн. 2. С. 621–659.

⁵⁶ Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964. С. 8, 9, 36–39.

⁵⁷ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 236.

ским монастырем списка.⁵⁸ Одна из рукописей датируется 20-ми гг. XVI в.⁵⁹ В настоящее время И. Майер выявила предположительный оригинал для сообщения о буре в Неаполе — брошюру в два листа, сохранившуюся в вольфенбюттельской библиотеке.⁶⁰

В русскую книжность XVI столетия проникали не только памфлеты и сообщения о стихийных бедствиях. Брошюра с известием о кругосветном плавании Магеллана также попала в Россию. Здесь она получила название «О Молюкитцких островах и иных многих дивных, их же новейшее плавание кастеланов, рекше испанских, подщанием кротчайшаго самодержьца Карола Пятого, събрано, еже новообрете, Максимилиана Транъсилвана к честнейшему кардыналю салтызвуръенскому епистолиа краснеиша чтением». Его оригиналом стало латиноязычное кельнское издание 1523 г., что установил еще А. Ф. Бычков, впервые обративший внимание на рукопись.⁶¹ Первые исследователи и издатели этого памятника Н. А. Казакова и Л. Г. Катушкина пришли к выводу, что древнейший русский список памятника относится к середине XVI в., хотя, по мнению Казаковой, сочинение было переведено на русский язык уже в середине 20-х гг. Анализ текста показал, что переводчик не только сокращал второстепенные детали, но и включал в текст необходимые для русского читателя комментарии.⁶²

В том же сборнике, что и сообщение о кругосветном плавании Магеллана, находится еще один текст, переведенный с латыни: «Сказание брани венециан противу турецкого царя». «Сказание брани» также упомянуто в описании Бычкова,⁶³ а исследовано и опубликовано Казаковой.⁶⁴ Первая часть сочинения — нравоучительное введение, в котором говорится о том, что Бог иногда попускает неверным разорять тех, кто забыл о нем. Далее помещен переводной рассказ об истории турецких завоеваний, а в конце сообщается, что турки собираются покорить Рус-

⁵⁸ Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 220.

⁵⁹ Казакова Н. А. Западная Европа... С. 163–164.

⁶⁰ В-К VI (Ч. 2). С. 53, 54.

⁶¹ Бычков А. Ф. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова. Т. 1. СПб., 1900. С. 152–153.

⁶² Казакова Н. А., Катушкина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 131–145, 240–252.

⁶³ Бычков А. Ф. Каталог собрания... С. 152–153.

⁶⁴ Казакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1974. С. 62–70.

ское государство и получить через его земли более удобный доступ в Европу. Казакова считает, что первоначальное ядро памятника связано со средиземноморской литературой, затем он был переработан в Польше и в виде памфлета на латинском языке попал в русские земли. Хотя рукопись относится к концу XVI—началу XVII в., Казакова считает, что русский вариант сочинения появился в 20-х гг. XVI в.⁶⁵ Еще один список сочинения (начала XVIII в.) отмечен в каталоге книжных собраний в музеях Вологодской области.⁶⁶

Сведения о землетрясении в Италии и Греции в 1542 г. также нашли отражение в русской книжности. Соболевскому был известен единственный список из собрания Соловецкого монастыря. Ученый считал, что оригиналом для русской версии рассказа послужил немецкий летучий листок.⁶⁷ В 1929 г. А. Д. Седельников обнаружил еще один список в сборнике из Иосифо-Волоколамского монастыря и предположил, что это русское сочинение, составленное Досифеем Топорковым, племянником Иосифа Волоцкого.⁶⁸ Список из собрания Соловецкого монастыря был опубликован в первом томе издания «Вести-Куранты» как переводной памятник.⁶⁹ Р. П. Дмитриева нашла еще одну рукопись, связанную с Иосифо-Волоколамским монастырем, и поддержала мнение Седельникова о русском происхождении текста.⁷⁰ Казакова обратила внимание на то, что сочинение входит в состав Новгородской II и Софийской II летописей и что немецкий летучий листок рассказывает о том же событии, что и русский текст, но не является его первоисточником. Она отказалась от версии об авторстве Досифея Топоркова, но предположила, что рассказ записал находившийся в Ревеле (совр. Таллинн) новгородец.⁷¹ В настоящее время И. Майер вернулась к первоначальной гипотезе о переводном происхождении памятника, согласившись с Казаковой в том, что предполагаемый Соболевским немецкий

⁶⁵ Казакова Н. А. Западная Европа... С. 147–156.

⁶⁶ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. I, вып. 2. С. 182.

⁶⁷ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 237.

⁶⁸ Седельников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф // Известия АН СССР. Л., 1929. Сер. 7. № 9. С. 772–773.

⁶⁹ В-К I. С. 10.

⁷⁰ Дмитриева Р. П. 1) Волоколамские четьи сборники... С. 220; 2) Досифей Топорков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 202.

⁷¹ Казакова Н. А. Западная Европа... С. 219–221.

протограф не мог служить непосредственным оригиналом для русского перевода.⁷²

Сходной оказалась судьба памфлетов из цикла подложной «переписки турецкого султана». Эти сочинения ввел в научный оборот в 1869 г. А. Н. Попов, обнаруживший в Хронографе 1696 г. несколько отсутствовавших в его более ранних редакциях текстов: «Список с грамоты, какову писал турской царь к римскому кесарю Леопольдусу», «Список с цесарской грамоты, какову писал к турскому салтану», «Список с переводу польского письма, а в Польше переведено с турскаго письма и языка, каково письмо прислано от турскаго царя к польскому королю, а польский король тот перевод прислал с послом для совету к великому государю на Москве», «Список с письма, каков прислан в Чигирин к казаком от турскаго салтана июля в 7 день 1678 году», «Ответ от казаков из Чигирина салтану», «Послание турскаго салтана к польскому королю». Эти сочинения имеют сходную структуру. Они включают, как правило, письмо султана с обширным титулом, требованием покорности и угрозами, а также пародийный ответ на него. Попов определил их как «подложные грамоты, вымышленные нашими книжниками».⁷³

Переписка турецкого султана привлекла внимание не только специалистов, но и широкой общественности. Популярность антитурецких памфлетов подпитывалась русско-турецкими войнами XVII–XIX вв. Особенно примечательна судьба входящей в этот цикл «Легендарной переписки турецкого султана с чигиринскими казаками». Наиболее широкое распространение текст получил уже в XVIII в. в украинской традиции. В поздних украинских вариантах сочинения мы видим адаптацию памятника к новым историческим условиям. Вместо чигиринских казаков в нем появились более популярные запорожцы, а текст обогатился ярким украинским фольклором. Украинский вариант «переписки» приобрел особую популярность после того, как в 1872 г. журнал «Русская старина» опубликовал его по трем спискам с комментариями Н. И. Костомарова.⁷⁴ Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. с одним из поздних вариантов сочинения познакомился И. Е. Репин. За-

⁷² В-К VI (Ч. 2). С. 53.

⁷³ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 227, 228.

⁷⁴ Султан турецкий и запорожские казаки // Русская старина. 1872. № 10. С. 450–451.

бористый текст вдохновил художника на создание картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».⁷⁵

Соболевский отнес переписку турецкого султана с польским королем и цесарем к числу «переводов летучих листков и газетных статей». Так же он охарактеризовал и выявленное им письмо султана к «немецким владетелем и всем христианским людям».⁷⁶ К. Харлампович и Е. Борщак включили в перечень переводных текстов переписку султана с казаками.⁷⁷ Оценка «переписки турецкого султана» вновь изменилась во второй половине 1950-х гг. в работах М. Д. Каган. В заголовках сочинений, где сообщалось об их переводе на русский язык, она увидела лишь литературный прием, который использовал анонимный русский автор. Тот факт, что наиболее ранний вариант переписки турецкого султана с польским королем обнаружился среди документов Посольского приказа, Каган объясняет тем, что «цикл грамот, связанных с темой дипломатической переписки турецкого султана с различными европейскими государями, представлял собой неофициальное публицистическое произведение, созданное в среде Посольского приказа во второй половине XVII в.».⁷⁸ Версию о переводном характере переписки турецкого султана с казаками категорически отверг украинский исследователь Г. А. Нудьга. Признавая русское происхождение большинства произведений этого цикла, он, однако, настаивал на украинском происхождении письма казаков.⁷⁹

В работах американского исследователя Д. К. Уо установлено, что русские версии рассматриваемых текстов являются переводами, состав-

⁷⁵ Каган М. Д. Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 224, 225; Щекотов Н. Запорожцы. Картина великого русского живописца И. Е. Репина. М.; Л. 1943. С. 5; Зангер Л. Картина И. Е. Репина «Запорожцы». М., 1960. С. 1.

⁷⁶ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 238, 239, 243, 244.

⁷⁷ Харлампович К. Листування запорозьких козаків із султаном // Записки історично-філологічного відділу. Київ, 1923. Кн. 4. С. 200–212; Borschak E. La lettre des zaporogues au Sultan // Revue des études slaves. 1950. Т. 26, fasc. 1–4. Р. 99–105.

⁷⁸ Каган М. Д. 1) Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225–250; 2) Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 309–315; 3) Переписка запорожских и чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 346–354.

⁷⁹ Нудьга Г. А. Листування запорозьців з турецьким султаном. Київ, 1963. С. 33.

лявшими небольшую часть обширной общеевропейской «Turgica» — памфлетов антитурецкого содержания. Для большинства текстов ученому удалось выявить более или менее близкие аналоги.⁸⁰ Позднее И. Майер и автор данной книги обнаружили еще два непосредственных оригинала для русских переводов антитурецких памфлетов.⁸¹ Под влиянием работ Уо М. Д. Каган скорректировала свою точку зрения на происхождение большинства сочинений из цикла переписки турецкого султана, хотя в отношении переписки султана с казаками она считала равнозначными версии о русском и европейском происхождении памятника.⁸²

На этом примере хорошо видно, что именно «национально значимые» тексты ученым труднее всего переосмысливать как переводные произведения. Однако сохранение в науке устоявшихся стереотипов может быть связано и с другими обстоятельствами. Так, например, в последнем прижизненном издании классической работы Д. С. Лихачева по истории русской литературы (1998 г.) упоминаются вымышленные послания, представляющие, по мнению автора, новый жанр, возникший в XVII в. В ссылках же мы видим опубликованные в 1950-х гг. работы Каган, где переписка турецкого султана рассматривается как сочинение русских книжников.⁸³ Можно было бы предположить, что Ли-

⁸⁰ *Waugh D. C.* 1) On the Origin of the 'Correspondence' between the Sultan and the Cossacks // *Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications*. 1971. 1/2. P. 3–46; 2) The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978. P. 94, 95, 170, 171.

⁸¹ *Maier I.* «Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser...». Ein fiktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621) // *Яко блго-пѣсниваа птица. Hyllningsskrift till Lars Steensland* (eds. P. Ambrosiani, I. Lysen et al.). Stockholm, 2006. С. 135–146 (Stockholm Slavic Papers 32). Сборник доступен в Интернете: <http://www.diva-portal.org/su/abstract.xsql?dbid=1396>; *Майер И., Шамин С.* «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам» (1663–1664 гг.). К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2007. № 4 (30). С. 80–89. Статья доступна в Интернете: <http://www.drevnyaya.ru>

⁸² *Каган М. Д.* Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками... Ср. также: *Каган М. Д.* 1) Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3, ч. 2. С. 221–223; 2) Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам // Там же. С. 227–228; 3) Легендарное послание турецкого султана польскому королю // Там же. С. 228–231.

⁸³ *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVII вв. СПб., 1998. С. 152.

хачеву не были известны последующие публикации на данную тему. Однако монография Уо предваряется предисловием, написанным самим Лихачевым.⁸⁴ Очевидно, дело в том, что первое издание книги Лихачева вышло в 1973 г., за пять лет до появления книги Уо. При переизданиях этот сюжет ускользнул от внимания Лихачева. Впрочем, не исключено, что какую-то роль сыграли и конъюнктурные соображения, ведь первая статья на эту тему была опубликована Уо еще в начале 1971 г.⁸⁵

Не менее сложной оказалась судьба «Сказания о двух старцах».⁸⁶ В нем рассказывается о появлении в разных городах Европы двух проповедников, предрекавших конец света. Этот текст на протяжении XVII—начала XVIII в. неоднократно с небольшими вариациями появлялся в европейской прессе (подробнее о нем см. в главе 5). В качестве реального известия его переводили на русский и украинский языки. Научное издание украинского перевода памятника состоялось в 1851 г. в составе «Летописи канцеляриста канцелярии войска Запорожского Самуила Величко», где текст помещен под 1660 г.⁸⁷ До настоящего времени не привлекло внимания ученых упоминание о старцах под 1680 и 1683 гг. в другом памятнике украинского летописания — «Летописи самовидца».⁸⁸ Изучение русского варианта произведения началось в 1882 г., когда Бычков обнаружил сочинение о старцах с пророчествами на 1661–1670 гг. под заглавием «Список с подметной повести писма руки Исидора Крючкова». В сборнике из собрания М. П. Погодина сочинение представлено как подметное письмо, излагающее взгляды старооб-

⁸⁴ *Wagh D. C. The Great...* P. 1–4.

⁸⁵ *Wagh D. C. On the Origin of the 'Correspondence'.* P. 3–46.

⁸⁶ Данное сочинение в научной литературе имеет много разных названий: «Список с подметной повести писма руки Исидора Крючкова», «Вестовое письмо из Палермы господарства Сицилийского Угорской земли под королю о двух старцах проках, проповедывавших близость кончины Мира», лист «о двух пророках в Палермо», «Список прислан от кавалеров острова Политанского», «Газет, то есть новина, з влоских краев прислан есть до Кракова и всей епархии до града Кантелины», «Газета», «Лист с острова Мальты», «эсхатологическая газета» и другие. Ни одно из этих наименований не отражает особенности всех редакций памятника. На мой взгляд, наименование «Сказание о двух старцах» в наибольшей мере подходит для данного текста.

⁸⁷ Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. Киев, 1851. Т. 2. С. 16–17.

⁸⁸ Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878. С. 151.

рядцев, которое в 1665 г. распространял житель Коломны И. Крючков. Текст сопровождается «обличением» священника Иоанна.⁸⁹

Е. В. Барсов обнаружил другой список (без указания автора) и опубликовал его,⁹⁰ а позднее переиздал в книге о старообрядчестве.⁹¹ Барсов не оговорил причин, побудивших его включить текст в круг памятников старообрядческой традиции, одновременно предположив его западное происхождение. Не отметил он и источник публикации. В настоящее время в ОПИ ГИМ в коллекции Барсова обнаружен рукописный оригинал изданного им известия о старцах.⁹² Дело, в состав которого входит этот текст, озаглавлено «Документы Посольского приказа 1587–1678 гг.» и содержит материалы, извлеченные из приказного архива. Это объясняет уверенность Барсова в западном происхождении сочинения. Становится понятна и причина умолчания о самой рукописи — ученый не мог публично сообщить, что она изъята из МГАМИД.

Сразу три варианта этого текста, датированные 1695 и 1694 гг., выявил в одной старообрядческой рукописи при описании собрания А. С. Уварова архимандрит Леонид (Кавелин).⁹³ Список текста 1695 г. обнаружил В. Георгиевский в библиотеке Флорищевой пустыни.⁹⁴ В 1898 г. к сочинению о старцах по списку, связанному с именем Крюčkова, обратился П. С. Смирнов, изучая историю старообрядчества в XVII в.⁹⁵ Таким образом, несмотря на то, что один из переводов был выявлен среди документов Посольского приказа на раннем этапе исследования памятника, в литературе возобладала ошибочная версия о его старообрядческом происхождении.

Соболевский упомянул «Сказание» в числе переводных «летучих листков» и газетных статей как лист «о двух пророках в Палермо». Вы-

⁸⁹ Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. I. С. 209–210.

⁹⁰ Из рукописей Е. В. Барсова. Вестовое письмо из Палермы господарства Сицилийского Угорской земли подкоролю о двух старцах пророках, проповедывавших близость кончины Мира в 1660 г. // ЧОИДР. 1884. Кн. 3. М., 1885. С. 13–14.

⁹¹ Барсов Е. В. Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым, с предисловием. М., 1890. С. 156–157.

⁹² ОПИ ГИМ. Ф. 450. Собр. Е. В. Барсова. Д. 83. Л. 91, 91а.

⁹³ Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Т. 4. С. 334–335. В издании в date одной из рукописей имеется опечатка. Вместо правильной даты 1694 г. указан 1794 г.

⁹⁴ Георгиевский В. Флорищева пустынь. Вязники, 1896. С. 238.

⁹⁵ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. СХХ, 18–20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46. Примеч. 22, 48, 28, 76–77.

явленные редакции сочинения он привел в своем справочнике отдельно, по хронологическому принципу, не дав им общего названия. В сводной работе Соболевского оказалось не учтенным письмо Крючкова.⁹⁶ В более позднем справочнике И. У. Будовница тексты из книги Соболевского обозначены в предметном указателе как «летучие листки и куранты», а имя Крючкова упоминается без связи с этими текстами.⁹⁷ Так различные редакции памятника оказались не объединены даже в рамках одного издания. Как памятник антифеодальной народной литературы сказание о старцах оценил Н. Н. Покровский,⁹⁸ обнаруживший еще одну редакцию в составе следственного дела Тайной канцелярии (1731 г.). Следователи Тайной канцелярии проделали большую работу по установлению путей распространения рукописи. Покровский показал, что копирование сказания было массовым явлением, а списки в своем хождении легко преодолевали социальные барьеры и значительные расстояния.

Каган, систематизируя накопившиеся к началу 90-х гг. XX в. сведения о памятнике, высказала уверенность, что автором текста был Исидор Крючков.⁹⁹ Этот вывод исследовательница делала, опираясь на «Слово улично» священника Иоанна, сопровождавшее «Сказание о старцах» в первом из введенных в научный оборот русских списков. Каган сомневалась, что Крючкова можно причислить к старообрядцам, поскольку приписываемый ему текст «больше напоминает светскую легенду», а «его представления о предшествующих концу света знамениях в деталях отличаются от старообрядческих сочинений». Справедливо указывая на то, что памятник чужд русской религиозной традиции, исследовательница, тем не менее, не связала его с переводными известиями о появлении двух старцев, известных по справочнику Соболевского. А. С. Лавров выяснил, что следователям Тайной канцелярии регулярно приходилось сталкиваться с известием о двух пророках. Он выявил три подобных дела за 1730-е гг., два из них так или иначе были связаны со старообрядческой средой. Лавров не сомневался

⁹⁶ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 46, 240, 248–250.

⁹⁷ Будовниц И. У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962. С. 147.

⁹⁸ Покровский Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.

⁹⁹ Каган М. Д. Крючков Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 201–203.

в русском происхождении памятника, а из предшествующих публикаций он ссылался только на статью Покровского.¹⁰⁰

Подтвердить точку зрения Соболевского о переводном характере памятника удалось в 2002 г. автору данной книги, обнаружившему сочинения о старцах 1678 и 1680 гг. в составе курантов. Оказалось, что отмеченный Соболевским текст редакции 1680 г. вошел в русскую книжную традицию именно через архив Посольского приказа.¹⁰¹ В следующем году из печати вышла работа американского исследователя Уо, посвященная так называемому «Анатолиевскому сборнику», который в первые годы XVIII в. составил житель г. Хлынова Семен Попов — автор Вятского временника, дьячок хлыновского Богоявленского собора. В сборнике Попова наряду с текстами религиозного, исторического, географического содержания присутствует и описание явления «пророков» на острове Мальта (1693 г.).¹⁰² В приложении к своей книге Уо опубликовал обнаруженный им текст и подметное письмо Крючкова по списку из собрания Погодина. Американский ученый не был знаком с вышедшей практически в то же самое время моей публикацией. Он лишь осторожно предположил, что «все эти тексты являются не переработками одного русского (или украинского) прототипа, а восходят к отдельным вариантам привозных памфлетов, содержащих ядро одного и того же рассказа, распространявшегося за пределами России». В недавней работе установлено, что впервые рассматриваемый текст был переведен на русский язык в 1620 г. На протяжении XVII в. «Сказание о двух старцах» не менее шести раз переводилось сотрудниками Посольского приказа. Это позволяет предположить, что в большинстве случаев источником распространения сочинения становился Посольский приказ, хотя возможны и другие пути проникновения отдельных вариантов текста в Россию (к примеру, через Украину).¹⁰³

¹⁰⁰ Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 249–252.

¹⁰¹ Шамин С. М. 1) В ожидании конца света в России (конец XVII—начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–138; 2) К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 50–52.

¹⁰² Уо Д. К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003. С. 48–50, 294, 295.

¹⁰³ Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 221–248.

Относительно рано в научный оборот был введен рассказ о превращении жестокого господина, отнявшего у бедной вдовы последнюю корову, во пса (имеются списки, датирующие событие 1670, 1671, 1673 и 1674 гг.). Ф. И. Буслаев упомянул о нем как о переводе летучего листа.¹⁰⁴ Соболевский выделил две редакции этого сочинения. В первой события связывались с немецким Майнцем, а во второй — с Прагой.¹⁰⁵ Вторая редакция была наиболее популярна и в XVIII в. стала сюжетом для лубочного издания.¹⁰⁶ Л. В. Черепнин обнаружил список этого сочинения в Новгородском летописном своде 1680-х гг.¹⁰⁷ Среди документов из архива приказа Тайных дел была найдена еще одна редакция произведения.¹⁰⁸

В русскую книжность вошло также описание коронации польского короля Михаила Вишневецкого. Уо опубликовал его в книге о переписке турецкого султана.¹⁰⁹ Майер обнаружила перевод текста среди документов Посольского приказа, а также установила его печатный европейский оригинал.¹¹⁰

Относительно широкое распространение в книжной традиции получило известие о небесном знамении 1672 г. «в Венгерской земле», переписанное ректором Киевской академии Варлаамом Ясинским. В 1900 г. Соболевский ввел его в научный оборот по списку Хронографа XVII в.¹¹¹ И. Я. Гурлянд обнаружил еще один список среди документов Приказа Тайных дел.¹¹² Уо считает, что список из приказа Тайных дел представляет собой не подлинник, а лишь копию оригинала, присланного в Малороссийский приказ из Украины от кн. Ю. П. Трубец-

¹⁰⁴ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 54, 55.

¹⁰⁵ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 244–247.

¹⁰⁶ Там же. С. 246–247; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. III (25). С. 60.

¹⁰⁷ Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. М., 1945. Т. XIV. С. 126–127.

¹⁰⁸ Шамин С. М. «Страшное действо» о жестоком графе, обращенном во пса (Из архива приказа Тайных дел) // История и письменная культура Древней и Новой России: сборник статей, посвященный 60-летию Ю. Д. Рыкова / Отв. ред. Ю. В. Анхимюк (в печати).

¹⁰⁹ Waugh D. C. The Great... P. 128.

¹¹⁰ В-К VI (Ч. 2). С. 126–131.

¹¹¹ Соболевский А. И. Неизданное произведение Варлаама Ясинского // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. 1. Отд. 3. С. 26–28.

¹¹² Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. С. 380–382.

кого.¹¹³ По его версии, «Толковый лист» о небесном знамении «в Венгерской земле» вместе с рисунком знамения был передан Трубецкому украинским гетманом И. Самойловичем в начале 1673 г. Американскому ученому удалось выявить в русской рукописной традиции 10 списков сочинения. Позднее Ю. Д. Рыков и автор данной работы выявили в архиве Посольского приказа неизвестную ранее редакцию, позволившую предположить, что в Россию попадали различные варианты известия о небесном знамении 1672 г.¹¹⁴

Широкое распространение в рукописной традиции получили сообщения о сражении под городом Зента, когда австрийский полководец Евгений Савойский разгромил турецкую армию (1697 г.). Соболевский отметил в сборниках две статьи на эту тему. Позднее новые рукописи с известиями о победе под Зентой выявили К. В. Харлампович и Б. Н. Морозов.¹¹⁵ Ряд сообщений о победе под Зентой обнаружил в архиве Посольского приказа А. Г. Гуськов.¹¹⁶ В настоящее время известия о войне с Османской империей, бытовавшие в России в конце XVII в., изучает Уо.¹¹⁷

Выявленное Соболевским «Пророчество из Кракова о гибели Польши (1558–1665 гг.)» опубликовано автором данного исследования.¹¹⁸ Неизвестный Соболевскому список этого пророчества отмечен Т. А. Исаченко в рукописи начала XVIII в.¹¹⁹ Подготовлены к публикации выпис-

¹¹³ Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия: Сборник статей в честь Д. С. Лихачева. М., 1985. С. 201–207.

¹¹⁴ Рыков Ю. Д., Шамин С. М. Новые данные о бытовании переводного известия о небесном знамении 1672 г. в Венгерской земле в русской рукописной традиции XVII в. // Историография, источниковедение, история России X–XX вв.: Сборник статей в честь Сергея Николаевича Кистерева. М., 2008. С. 263–308.

¹¹⁵ Харлампович К. В. «Ведомости Московского государства» 1702 года // ИОРЯС. 1918. Т. XXII/1. С. 1–18; Морозов Б. Н. Архив торговых крестьян Шангиных // Советские архивы. 1980. № 2. С. 57–61. Список, отмеченный Харламповичем, опубликован: Уо Д. К. История... С. 300–301.

¹¹⁶ Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I... С. 64, 157, 272, 273, 291, 295.

¹¹⁷ Waugh D. C. News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crumme, ed. Chester Dunning, Russell Martin and Daniel Rowland. Bloomington, IN: Kritika, 2008. P. 491–509.

¹¹⁸ Шамин С. М. Новости о религиозной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII века // Вестник церковной истории. 2009. № 3/4 (15/16). С. 261–265.

¹¹⁹ Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 2 / Изд. подгот. Т. А. Исаченко. М., 1997. №. 3058. С. 26.

ки о положении дел в Польше после взятия турками Каменца Подольского в 1672 г.¹²⁰ Как удалось установить в ходе исследования памятника, оригиналом для него стали подготовленные в Посольском приказе куранты.¹²¹

Некоторые из упомянутых в справочнике Соболевского сочинений до настоящего момента остаются неисследованными. Это рассказы о короновании и погребении польских королей, «новость» о появлении в Гданьске Агасфера (1663 г.), известия об извержении Этны (1668 г.) и землетрясении на Сицилии (1692 г.).¹²² Вводятся в научный оборот и новые, не отмеченные у Соболевского, тексты. Так, Харлампович впервые упомянул сообщение о встрече в Митаве Великого посольства (1697 г.), включенное в «Анатолиевский сборник». Список данного известия на столбцах, происходящих, вероятнее всего, из приказного архива, в конце XIX в. находился в частной коллекции историка и собирателя древних рукописей И. А. Шляпкина.¹²³ В архиве Посольского приказа выявлено еще два неизвестных ранее перевода известия о встрече Великого посольства в Митаве.¹²⁴

Харлампович впервые отметил, что выписки из курантов встречаются в записках окольничего И. А. Желябужского.¹²⁵ Под 1696 г. в записках, среди других известий о войне с Османской империей, обнаруживается сообщение о взятии Петром I Азова и Лютика.¹²⁶ А. Н. Зерцалов в сыском деле 1642–1643 гг. о «порче» царицы Евдокии Лукьяновны отметил переводы зарубежных новостей, случайно привлечших внимание следователей. Эти столбцы подъячий Разрядного приказа Федор Семенов передал стрельцу Григорию Казанцу для изготовления пыжей. На листках говорилось о чудесных знамениях и появившемся в «Калабрийском королевстве» пророке. Из-за вмешательства следователей рас-

¹²⁰ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 245.

¹²¹ Шамин С. М. Выписки о положении дел в Польше после взятия турками Каменца Подольского в 1672 г.: о влиянии европейской прессы на русскую книжность (в печати).

¹²² Соболевский А. И. Переводная литература... С. 241, 249.

¹²³ Шляпкин И. А. Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славянорусской письменности. М., 1894. С. 7–9.

¹²⁴ Шамин С. М. К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.) на формирование положительного образа России в Европе (По материалам курантов) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 377–391.

¹²⁵ Харлампович К. В. «Ведомости Московского государства»... С. 5.

¹²⁶ Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990. С. 243, 246. Подробнее см.: Waugh D. C. The Great... P. 165–166.

пространение этих «новостей» прервалось. В книжные сборники они попасть не успели. В 1968 г. это дело было вновь издано лингвистами.¹²⁷ А. С. Лавров рассматривает хранившееся у Казанца письмо как русское сочинение,¹²⁸ однако содержание дела, на мой взгляд, не позволяет согласиться с такой трактовкой. Из вновь опубликованных сочинений «пророческой» тематики следует отметить «Пророчество из костела святого Дионисия», которое появилось в курантах в XVII в., а в следующем столетии попало в рукописные сборники.¹²⁹

М. П. Алексеев обнаружил в рукописи Афанасия, архиепископа Холмогорского и Важского, скопированной в 1689 г., перевод роялистского памфлета о казни английского короля Карла Стюарта. По мнению историка, возникновение русского перевода «с большей вероятностью» следовало отнести «к началу 50-х, чем к концу 80-х годов XVII в.».¹³⁰ Предположение Алексеева подтвердилось. Датированный 1649 г. прототип представленного в сборнике текста был обнаружен в РГАДА в составе фонда 155 при подготовке к изданию четвертого тома «Вестей-Курантов».¹³¹ Р. П. Дмитриева обнаружила «Сказание о знамении небесном, иже бысть в Немецкой земле в граде Риге» (1524 г.).¹³² Текст до настоящего времени не изучен, вопрос о его связи с европейской прессой остается открытым. А. А. Турилов ввел в научный оборот сочинение, относящееся уже к началу XVIII в., в котором рассказывается о дарах, присланных австрийскому императору турецким султаном.¹³³ Еще один текст, не отмеченный в литературе, имеется в сборнике историко-географических сочинений из собрания Ф. А. Толстого. В нем помещен

¹²⁷ *Зерцалов А. Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18 (Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г.–20 мая 1643 г.). С. 270, 273.

¹²⁸ *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России... С. 248–249.

¹²⁹ *Шамин С. М.* «Сказание о двух старцах»... С. 247–248.

¹³⁰ *Алексеев М. П.* Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. 1947. № 95. Серия исторических наук. Вып. 15. С. 93–106. В этой же статье (С. 106) Алексеев указывает другое русское переводное сочинение о Карле I (рукопись ГПБ (ныне РНБ) Q.XVII.11). Столбцы с переводом третьего «печатного листа» о казни Карла I сохранились в составе архива Приказа тайных дел (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 64).

¹³¹ В-К IV. С. 82–85.

¹³² *Дмитриева Р. П.* Волоколамские четьи сборники... С. 220.

¹³³ *Турилов А. А.* Легендарное донесение из Белграда // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 2. С. 226–227.

рассказ о короновании императора Священной Римской империи, короля Чехии и Венгрии Карла VI (1711 г.).¹³⁴ Перевод вестового листа на немецком языке отметил в рукописном сборнике А. Г. Бобров. В нем шла речь о военных действиях турецкого флота и «небесном знамении». Владельцем рукописи с этим текстом был один из руководителей Псковского восстания 1650 г. стрелец Демидка Воинов.¹³⁵ Э. Малэк обратила внимание на литературное сочинение 1680-х гг., пародирующее куранты. Автор пародировал известия, которые действительно встречаются в настоящих курантах: о чудесах, церемониях, стихийных бедствиях, моде, морской торговле.¹³⁶ С. И. Николаев отметил, что подобные произведения проникали в Россию через Украину из Польши.¹³⁷

В ряде работ исследователи попытались осмыслить появление переводов известий иностранной прессы в русской книжности и оценить влияние, которое эти тексты оказали на развитие российской культуры. Впервые над этой проблемой задумался еще А. Ф. Бычков, предположивший, что с их появлением связано прекращение составления русских летописей.¹³⁸ С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что развитие летописания в XVII в. продолжалось. А. М. Панченко отметил, что русских читателей в европейской прессе могло привлечь «баснословие», экзотика, всякого рода курьезы, интерес к которым характерен для эпохи барокко.¹³⁹ Г. Н. Моисеева выдвинула гипотезу, что куранты повлияли на формирование стиля русских повествовательных сочинений конца XVII—начала XVIII в. и послужили источником фактического материала для «Гистории о российском кавалере Александре» (рас-

¹³⁴ ОР РНБ. F.XVII.19 (из собр. Ф. А. Толстого). Л. 314–315. Нач. «Римского кесаря венчание. В 22 день декабря 1711-го зделалось в городе Франкфурт торжественное кесарское венчание по следующим чины...», кон.: «И тако сия церемония с непрестанным стучанием и шумом литавры и трубы и выкликаньем людеи: „Виват кесар Карлус“ и счасливо исполнилося».

¹³⁵ Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Демидка Воинов // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 463–476.

¹³⁶ Малэк Э. 1) Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 427–429; 2) Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008. С. 354.

¹³⁷ Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 303–314.

¹³⁸ Бычков А. Ф. Первые русские ведомости... С. 8, 9.

¹³⁹ Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969. С. 129–130.

сказы о военных действиях и быте «мальтийских кавалеров») и «Истории о некоем шляхецком сыне» (описание придворных обычаев двора «аглинского» короля).¹⁴⁰ Д. К. Уо указал, что появление русских переводов иностранных памфлетов и летучих листов тесно связано с работой Посольского приказа, а их распространению в рукописных сборниках способствовал начатый в 1676 г. разбор архива приказа Тайных дел и растянувшаяся до 1683 г. передача его документов в Посольский приказ. Согласно заключению американского исследователя, переводные произведения прочно вошли в русскую литературу и стали ее органической частью, а их появление способствовало созданию подобных текстов русскими книжниками.¹⁴¹ В книге об «Анатолиевском сборнике» Уо предпринял удачную, на мой взгляд, попытку на основе содержания рукописи, в том числе и переводов иностранной прессы, проанализировать мировоззрение вятского книжника С. Попова.¹⁴²

Таким образом, мы видим, что хотя тексты переводов «новостей» из иностранной прессы начали вводиться в научный оборот с середины XIX в., только Соболевский систематизировал их и осмыслил как целостное культурное явление. Анализ историографии показывает, что основной проблемой в изучении переводов иностранной прессы в русской книжной традиции является доказательство их переводного характера. Ученые отмечают несколько признаков, позволяющих отнести текст к числу переводов: 1) структура самого сообщения, отражающая особенности компоновки материала в печатных и рукописных газетах (наличие заголовка с указанием даты и места, из которого прислано известие); 2) упоминание о переводе в самом русском тексте; 3) присутствие переводческих черновиков и списков с них в составе приказной документации; 4) наличие европейского оригинала. Неоспоримыми доказательствами иноязычного происхождения сочинения являются только два последних признака. В остальных случаях можно также предположить, что перед нами русское литературное сочинение, которое имитирует перевод.

К сожалению, задача найти иностранный оригинал или его перевод из приказного архива крайне сложна, а иногда и вовсе невыполнима. Приказная документация составлялась в одном, редко двух экземпля-

¹⁴⁰ *Моисеева Г. Н.* О формировании стиля русских повестей первой трети XVIII века (Роль переводных курантов XVII века) // XVIII век. М., 1975. Сб. 10. С. 82–86.

¹⁴¹ *Waugh D. C.* 1) *Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes...* P. 60, 61, 76; 2) *The Great...* P. 154, 155, 159, 171–173, 185.

¹⁴² Уо Д. К. История...

рах. Вероятность утраты таких документов очень велика. Сохранность иностранной прессы также зачастую неудовлетворительна даже для конца XVII в.¹⁴³ Кроме того, европейский оригинал сочинения приходится искать среди огромной массы архивных материалов по разным европейским архивам. Чаще всего удается найти не то издание, с которого был сделан русский перевод, а близкий по содержанию вариант текста. Однако в этом случае у сторонников «автохтонного» происхождения сочинения появляется возможность интерпретировать находку как свидетельство того, что в Европе составлялись сообщения на ту же тему, что и в России.

Иными словами, вопрос о том, считать ли текст переводным или оригинальным русским произведением, часто решается исследователями на основании собственных априорных представлений. Значительное влияние на выбор позиции ученого оказывает историческая эпоха, в которую создается исследование. Ряд памятников, открытых в середине XIX в., были первоначально рассматривались как русские произведения. Решительный поворот к поиску иностранных оригиналов произошел в конце XIX и первой четверти XX в. С конца 1920-х гг. в исследованиях советских ученых предпринимались попытки «национализировать» тексты, переводной характер которых нельзя доказать однозначно. Между тем иностранные ученые не поддержали подобной переоценки. Хочется надеяться, что в настоящее время как в российской, так и в зарубежной науке возобладал взвешенный и объективный подход к данной проблеме.

Дальнейшие исследования проблемы бытования иностранной прессы в допетровской России должны развиваться в двух направлениях. Одно из них — обобщение накопленного материала. Второе — изучение функционирования конкретных известий иностранной прессы. Вопрос о том, как полученные из иностранных газет новости использовались русским правительством, каким образом они становились достоянием людей, не связанных с дипломатической службой, остается во многом открытым. Изучение этих тем поможет лучше понять место европейской прессы в русской культуре.

¹⁴³ *Bogel E. & Blühm E. Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts. Ein Bestandsverzeichnis mit historischen und bibliographischen Angaben. Bd. 1, 2. Bremen, 1971; Bd. 3. Bremen, 1985; Maier I. Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau // Gutenberg-Jahrbuch. Mainz, 2004. Bd. 79. S. 191–218.*

1.2. Переводы иностранной прессы XVII—начала XVIII столетия в архивных фондах

Вопрос о том, как формировались коллекции переводов иностранной прессы, хранящихся в современных архивных фондах, длительное время не привлекал внимания исследователей. Без предварительного источниковедческого анализа началась и публикация документов. Только в 1988 г. к этой теме обратилась Е. И. Кобзарева.¹⁴⁴ Тем не менее к настоящему времени история формирования современных архивных фондов, содержащих переводы иностранной прессы, освещена крайне неравномерно. Самой важной остается проблема выделения внутри современных коллекций исторически сложившихся комплексов XVII—начала XVIII в. и их источниковедческая характеристика. Без этого возможности использовать куранты как исторический источник крайне ограничены.

Перейдем к рассмотрению конкретного материала. Важными источниками для изучения поставленной темы являются описи архива Посольского приказа 1626 и 1673 гг.¹⁴⁵ Этим документам присущ один существенный недостаток — из-за слишком общего характера описаний далеко не всегда возможно не только точно определить отдельный документ, но и понять, имеем ли мы дело с переводом иностранного информационного издания или с какими-то другими источниками.¹⁴⁶

¹⁴⁴ Кобзарева Е. И. 1) Известия о событиях в Западной Европе...: Автореф. дис. ... канд. ист. наук; 2) Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–21.

¹⁴⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.

¹⁴⁶ Сложно установить, что скрыто под описаниями типа «тетрадь немецкая» (это может быть и печатная газета, и брошюра на любую тему, и тетрадь с любыми рукописными записями на иностранном языке); «тетрадь печатная» (любое печатное издание малого формата, в том числе и газета); «листок вестовой», «лист писан о вестях» и «листы вестовые» (под такую характеристику подходят все «вести» от сообщений порубежного воеводы до газеты); «столп вестовой», «столп, а в нем переводы» (столп с любыми вестями, в том числе и с переводами газет); «лист латинский» (любой документ на латыни, в том числе и газета на латинском языке); «рознь» (любые разрозненные документы); «черные переводы вестовых писем» (черновики переводов с иностранных вестовых писем могли быть как переводами с иностранных газет, так и переводами с писем греческих иерархов или армянских купцов) и др. Даже в тех случаях, когда хранящиеся в архиве приказа документы

Тем не менее уже в описи 1626 г. отмечены отдельные документы, которые с большой степенью вероятности можно связать с иностранной прессой. Среди датских грамот указан «Перевод с немецкого с печатно-во дестового листа, что подал дацкой дворенин Мартын Мартынов во 121-м (1613)¹⁴⁷ году генваря в 9 день, снизу истоптан и низ отодран». Среди английских грамот — «Тетрать немецкая, напечатана аглинским языком, речь Якуба, короля аглинского, к бояром своим на земском собрание о всяких делех, а на ней подписано: 129-го (1621) августа в 17 день, подал Мартин Мартынов»; «Тетрать вестовая, болшие бумаги, писана немецким писмом, а на ней помечено: росход о товарах аглинских немец»; «Свяска, а на ней подписано... вестовые писма о вестях». В голландских грамотах — «Перевод с листа, что прислал галанец Исаак Масца о немецких вестех во 131-м (1622/1623) году»; «Тетрать, а в ней писано по-немецки на 6 листах вести, что делаетца в Свие и в ыных в немецких государствах, подал галанской посланник Исаак Обрамов Масса, помечено на них по-руски: 133-го (1624) сентября в 17 день; огибной лист немного поплел». В составе «грамот любских и из Амборха» встречаем «6 листов печатных немецких вестовых розных городов, что в их немецких городех делаетца, писаны лета от рожества Христова 1629-го году».¹⁴⁸ В числе английских книг — «Тетратка печатная, дестовая, печатана немецким писмом, 134-го (1625/1626) году, подал ее в Посольском приказе Карпов человек Демулина Иван Фрянка, а сказал, послал де ее с ним и велел подати в Посольском приказе Карп Демулин». В «столпах голанских и вольных розных городов» видим «Столп немецкой вестовой из розных немецких городов, верху нет и году не написано»; «Столп, что делалось в немецких государствах и в Полше во 127-м (1618/1619) и во 128-м (1619/1620) году, списаны с немецких с печатных листов, начала у него нет». «Рознь свейская» включает «Перевод с немецких с вестовых с печатных, листов, что присланы изо Пскова и из ыных городов по 132-й (1624) год июля по 2-е чис-

названы «курантами», не всегда можно установить, идет ли речь об иностранной газете или о переводе.

¹⁴⁷ В XVII в. до реформы календаря Петра I в России годы считали от сотворения мира, а началом года был не январь, а сентябрь. Для удобства современных читателей принято переводить даты в систему летоисчисления от Рождества Христова, при этом если в документе не указан месяц, то современная дата оказывается двойной и пишется через косую черту. При анализе порядка хранения курантов дата «от сотворения мира» дает более точное представление о делопроизводстве, поэтому пересчет на современное летоисчисление дается в скобках.

¹⁴⁸ Дата написана ошибочно.

ло, исподу нет, изотлел». «Рознь галанская из розных государств» — «Переводы с вестовых тетратей 132-го (1623/1624) году, а писаны в них вести многие, что деялось в немецких городех».¹⁴⁹ Как отмечала еще Е. И. Кобзарева, хранились они или среди документов тех стран, откуда были доставлены, или же их местонахождение определялось информационным содержанием. Вместе подобные документы не собирались. По сравнению со второй половиной XVII столетия их число было очень невелико.

Опись Посольского приказа 1673 г. более подробно, чем описание 1626 г. Поскольку с 1665 г. основная часть переводов иностранной прессы откладывалась в приказе Тайных дел, то в описи 1673 г. отразилась система хранения иностранной прессы не 1670-х гг., а предшествующих десятилетий. Иностранные информационные издания и их переводы упомянуты в этом описании более десяти раз. Большая часть материалов находилась среди польских и шведских дел. Имеется лишь одно исключение из этого правила. Оно связано с голландскими газетами. В «особой коробье», где хранились «листы и ответные письма галанские и вольных городов», находились две «связки», в одной из которых были «11 листов печатных галанских, вестовые», а в другой — «куранты и грамотки курлянского князя канцлера и галанцов торговых иноземцов, присланы к Москве ис Курляндии в 165-м (1656/1657) году».¹⁵⁰ Данные сведения позволяют предположить, что до учреждения регулярной почты в Посольском приказе хранилось незначительное количество голландских газет. По своему порядку оно было близко тому числу голландских газет 1640-х—первой половины 1660-х гг., которое сохранилось в РГАДА до наших дней.¹⁵¹

В большинстве случаев рядом с иностранной прессой и ее переводами лежали польские или шведские дела. Среди «грамот цесарских, положенных в сундук с полскими грамотами», упомянуты «в обертке ж 23 листка писмяных и печатных на цесарском языке».¹⁵² Судя по всему, под «печатными листками на цесарском языке» имеются в виду немецкие газеты или летучие листки. В одном из сундуков хранился «столп порубежной и вестовой о польских и о черкасских делах, вначале перевод с курантов, что присланы из Любка о вероломстве корунных гетманов

¹⁴⁹ Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. С. 185, 195, 198, 200, 204, 208, 254–255, 310, 358, 364.

¹⁵⁰ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 336, 337.

¹⁵¹ *Maier I. Niederländische Zeitungen...* S. 199–213.

¹⁵² Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 116.

Потоцкого да Любомирского, как они за своею присягою боярина и воеводу Василья Борисовича Шереметева отдали в Крым 169 (1660) году».¹⁵³

В «белой коробье», отведенной под «полские ж листы и иных повытей», находились «свяска, а в ней листы немецкие печатные, каковы присланы из Ругодива, тут же отписка Афанасья Нащокина 164-го (1655/1656) году», «2 листа немецкие печатные, присланы из Юрьева-Ливонского во 168-м (1659/1660) году», а кроме того «Меркориус полской печатной экстраардинальный (так в описи. — *С. III.*) 1661-го¹⁵⁴ году, не весь, тетрадей иных нет, толко по смете 36 тетрадей, а в ыных тетратках по два и по одному листу».¹⁵⁵ Скорее всего, именно переводы с этого издания упоминаются в переписной книге документов приказа Тайных дел 1676 г. среди дел Посольского приказа. Там под № 16 описан «Перевод с польских печатных тетрадей, что привез ис Польши думной дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин-Нащокин во 171-м (1662/1663) году».¹⁵⁶ Поскольку «Меркуриус» выходил в январе—июле 1661 г., то в Москву он попал не раньше, чем через полгода после выхода. О других польских газетах этого времени не известно, а вероятность того, что Нащокин привез целую подборку каких-то не периодических печатных изданий, крайне мала. Если данное предположение верно, то получается, что иностранный подлинник остался в Посольском приказе, а перевод был передан в приказ Тайных дел. Таким образом, в «белой коробье» среди «польских» документов хранились только те иностранные газеты, которые доставил А. Л. Ордин-Нащокин. В этом случае место хранения документов определялось двумя факторами — связью с конкретным государством (Польшей) и общим «источником доставки» (Ордин-Нащокин).

«Коробья невелика», где лежали «полские и запорожские дела», содержала «перевод с немецких печатных тетрадей, каковы подал полских панов-рад посланник Владислав Комар о рижском походе в 165-м (1656/1657) году, отписка к великому государю и переводы с немецких листов и с немецкого писма вестового с курантов, что прислал воевода Афонасей Нащокин ис Куконауса 165-го году» (1656/1657).¹⁵⁷ Несколь-

¹⁵³ Там же. С. 197.

¹⁵⁴ Цифра 61 исправлена из 70 (примечание в издании описи 1673 г.). Очевидно, что ее составитель хотел указать дату от сотворения мира, однако засомневался в пересчете и оставил дату от Рождества Христова.

¹⁵⁵ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 242, 256.

¹⁵⁶ РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 4, 5.

¹⁵⁷ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 271, 272.

ко меньше изданий хранилось среди документов по связям со Швецией: «Ящик в красной коже, а в ней свейских послов и посланников писма о посольских делах, тут же и свейских генералов листы о всяких порубежных и торговых делах» содержал «18 листов печатных и писменных, присылал из Стекольна Мелхер Бекман 140-го (1631/1632) году», а кроме того «вестовые писменные и печатные листки прошлых лет».¹⁵⁸ В личном ящике дьяка Ефима Юрьева с делами о «свейских» посольских съездах лежали «Перевод в столпцах с немецкого печатного листа, каков подал в Посольском приказе Амбурец Иван Плюс во 173-м (1664/1665) году о страшной комете» и «переводы с немецких курантов и с присланного писма голанского посла».¹⁵⁹ Упомянут также «Сундук с нутренным замком, а в нем грамоты свейские, французские, дацкие, галанские да листы волных городов Амбурка и Любка», который содержал «в свяске 2 листа колыванского губернатора Бенкт Горна, да тут же двои куранты, присланы листы и куранты из Царева-Дмитреева города во 167-м (1659) году генваря 17 день».¹⁶⁰

Перечисленные в описании документы не исчерпывают весь перечень иностранных газет, летучих листов и их переводов, хранившихся к 1673 г. в Посольском приказе. Данный вывод можно сделать исходя из того, что до нашего времени от первой половины XVII в. дошло больше документов, чем выделено в описи. По описанию 1673 г. не удалось идентифицировать и документы из описи 1626 г. Трудно предположить, что все они пропали. Кроме того, в описи 1673 г. не фиксировались черновые переводы иностранных газет 1660-х гг. Такие документы в настоящее время присутствуют в фонде 155 РГАДА. В отличие от курантов, передававшихся в Посольский приказ из приказа Тайных дел в 1676–1683 гг., они не скреплены приказными дьяками. Можно предположить лишь два варианта — или дьяки, разбиравшие архив приказа Тайных дел, скрепляли не все документы (тогда в приказе Тайных дел хранилось больше переводов, чем отмечено в его передаточных описях, об этом см. ниже), или, что вероятнее, черновики курантов оставались в Посольском приказе и при составлении описи 1673 г. не учитывались. Возможно, какое-то количество иностранных газет и переводов не удалось выявить из-за того, что они обозначены как «вестовые листы», «тетради» и т. д. В описи 1673 г. не могли быть зафиксированы и отдельные переводы иностранных информационных изданий,

¹⁵⁸ Опись архива Посольского приказа 1673 года. Ч. 1. С. 309, 311, 316.

¹⁵⁹ Там же. С. 482.

¹⁶⁰ Там же. С. 301, 307

входившие в состав более крупных столбцов с посольскими делами. В любом случае, указаний на сколько-нибудь крупные комплексы документов, которые можно было бы связать с «архивом русской рукописной газеты», в этой описи нет.

Анализ описей Посольского приказа 1626 и 1673 гг. позволяет сделать вывод, что до 1665 г. иностранных газет в Москву поступало не слишком много. В приказном делопроизводстве они еще не выделялись как особый, самостоятельный источник информации. Дошедшие до нашего времени переводы иностранной прессы более раннего времени не были единым комплексом документов. Каждый перевод (или подборку нескольких полученных от одного контрагента и входивших в один столбец переводов) необходимо рассматривать как самостоятельный документ, поскольку, в отличие от более поздних обзоров, все они использовались по-разному, в зависимости от конкретной ситуации. Именно поэтому отдельные переводы иностранной прессы можно найти в разных фондах, где сосредоточены документы по связям России с европейскими государствами. У переводов иностранной прессы первых десятилетий XVII в. отсутствовало главное достоинство курантов второй половины столетия — они не давали возможности последовательно наблюдать за развитием событий в Европе.

Большое значение для изучения бытования иностранной прессы в России XVII в. имеют описания архива приказа Тайных дел.¹⁶¹ Данный приказ ведал делами, которые интересовали государя лично, и поэтому дублировал часть функций других приказов, в том числе Посольского. Именно приказ Тайных дел в 1665 г. организовал регулярную почту, систематически доставлявшую в Москву иностранные газеты. Теперь они (вместе с переводами) давали значительные объемы постоянно прибывающих материалов для хранения в приказном архиве. В приказе Тайных дел вырабатывались новые правила хранения иностранных газет и их переводов. Отложившиеся в его архиве документы были зафиксированы в описаниях, которые составлялись как в годы существования приказа, так и после его ликвидации при передаче дел в другие приказы.

Наиболее раннее описание датируется 7180 (1671/1672) г. В примечании издателя указано, что «эта опись не имеет особого заголовка; судя по встречающимся в ней указаниям, она составлена в 7180-м году». Особая ценность описи в том, что для каждого документа указано место

¹⁶¹ РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1.

хранения. Куранты лежали в «портяном мешке» и «шкапе».¹⁶² «В портяном мешке» в столбцах и тетрадках хранились самые разные материалы.¹⁶³ В целом содержимое мешка производит впечатление подборки документов, связанных с польскими «делами». Трижды отмеченные в описании «переводы с курантов» представляли собой отдельные комплекты. Скорее всего, их содержание также имело отношение к Польше.¹⁶⁴

Иначе выглядит описание содержимого «деревянного шкапа»: «В шкапе деревяном в ящиках вестовые немецкие писма и с них переводы в столпцах, 173-го, 174-го, и 175-го, и 176-го, и 177-го, и 178-го годов... В том же шкапе 5 листов немецкие, что привез Петр Марселис. Да в тех же ящиках вестовые всякие письма и переводы» (в 1670–1680-х гг. иностранную прессу, как и раньше, называли не только курантами, но также и вестовыми письмами/листами). Из «не вестовых» документов здесь лежали только раздаточные книги, «что роздано по боярине Борисе Ивановиче Морозове». Таким образом, мы видим, что в Тайном приказе имелся специальный шкаф для вестовых материалов. Здесь куранты начали собираться в отдельный архивный комплекс. Содержимое данного шкафа дает достаточно четкую картину того, как в приказе Тайных дел хранились вестовые материалы. Часть документов была собрана в столпы, а часть лежала рассыпью. Наиболее ранние, систематизированные по состоянию на 7180 (1671/1672) г. документы, относятся ко времени начиная с 7173 (1664/1665) г., когда была учреждена регулярная почта. Между тем в составе столбцов, скрепленных дьяками при разборе архива приказа Тайных дел, имеются и более ранние переводы (начиная с 1650-х гг.). Очевидно, к началу 1670-х гг. они лежали в рассыпи.

¹⁶² РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 850, 854–857.

¹⁶³ Среди них «письма Микиты Зюзина, что взял думной дьяк Дементей Башмаков», посольские столбцы 172 (1663/1664)–178 (1669/1670) гг., многочисленные тетради с материалами о польско-украинских делах, списки со статей Андрусовского перемирия и другие документы, связанные с подготовкой и заключением этого перемирия, «тетрадь, а в ней список з грамоты турецкого царя к Римскому цесарю», «перевод с латынского письма с речи, какову говорил цесарю Римскому польской посол о супружестве», «парсуна польского короля Михаила», расспросные речи грека Родиона Фомина, «перевод с цесарских курантов», «перевод с цесарских и з галанских печатных курантов», «перевод с цесарских печатных курантов» и др.

¹⁶⁴ РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 854–857.

За 1676–1683 гг. мы имеем более подробные описания переводов иностранных газет из приказа Тайных дел. Переписная книга 1676 г.¹⁶⁵ была составлена в связи с ликвидацией приказа, а описания 1677¹⁶⁶ и 1683 гг.¹⁶⁷ — при передаче дел в Посольский приказ. В Таблице № 1 отражено соотношение между описаниями разных лет.

Таблица № 1

Передача курантов в архив Посольского приказа

Описание 1676 г.	Описание 1677 г.	Описание 1683 г.
№ 16 Перевод с польских печатных тетрадей, что привез ис Польши думной дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин Нащокин во 171-м году	№ 15 ...с польских печатных тетрадей, что привез ис Польши думной дворянин Афонасей Лаврентьевич Ордин Нащокин во 171-м году	
№ 21 Куранты о всяких вестях 164-го, 168-го, 169-го, 170-го, 171-го, 172-го, 173-го, 174-го, 176-го, 177-го, 178-го году		№ 32 Столп, а в нем куранты 164-го, 167-го, 168-го, 169-го, 170-го, 171-го. № 16 Столп, а в нем куранты о всяких вестях 172-го, 173-го, 176-го, 177-го, 178-го годов
№ 22 Куранты ж 174-го, 175-го году		№ 17 Столп, а в нем куранты ж 174-го, 175-го, году о всяких вестях, каковы подал иноземец Ивана фан Сведин
№ 23 Куранты ж 172-го, 173-го, 174-го и уговорное письмо иноземца Ивана фан Сведина, почему он те вестовые куранты и всякие письма к Москве привозил		№ 15 Столп, а в нем куранты 172-го, 173-го, 174-го году и уговорное письмо иноземца Иван фан Сведина, почему он куранты и всякие письма к Москве привозил
№ 24 Куранты 176-го, 177-го, 178-го		№ 18 Столп, а в нем куранты 176-го, 177-го, 178-го, году о всяких же вестях, каковы подал иноземец Ивана фан Сведин

¹⁶⁵ Там же. Стб. 1–6.

¹⁶⁶ Там же. Стб. 349–351, 360, 362.

¹⁶⁷ Там же. Стб. 626–627, 629–631, 635–637, 640–641.

Описание 1676 г.	Описание 1677 г.	Описание 1683 г.
Перевод в тетратех, в пол- десть, с Польской с печат- ной книги, что привез в Киев ис Польши киев- ской полковник Василей Дворецкой...	№ 20 Перевод в тетратех, с Полской печатной книги, что привез в Киев ис Поль- ши киевской полковник Василей Дворецкой...	
Тетрать в полдесть, а в ней статьи о посольском деле от Офонася Лаврентьеви- ча Нащокина 168 го году; с нею 6 переводов с фурма- нов разных годов и меся- цов и чисел	№ 21 Тетрать в полдесть, а в ней статьи о посольском деле боярина Афонася Лаврентьевича Нащокина 168 го году; и переводы с фурманов разных годов	

Таблица показывает, что передача основной части столбцов с переводами иностранной прессы осуществлялась в 1683 г. Кроме того, в 1677 и 1683 гг. при передаче дел в Посольский приказ были зафиксированы четыре небольших комплекса с переводами иностранной прессы, оказавшиеся неучтенными в 1676 г. Все они имеют вид случайно подобранных материалов.¹⁶⁸ Вполне вероятно, что передавались и другие комплексы с небольшими включениями интересующих нас документов.

Приведенные выше описания создают впечатление беспорядка в хранении переводов иностранной прессы в первые годы существования архивного комплекса курантов. Судя по всему, такая ситуация была признана неприемлемой уже в начале 1670-х гг. С 1671 г. переводы иностранной прессы стали переписывать в тетради (по примеру составления посольских книг на основе столбцов с документами посольств).

¹⁶⁸ В описи 1677 г. встречаем столп с «переводами с цесарских и галанских курантов о вестях» (судя по отсутствию в описи дат, это какие-то переводы без заглавий) (РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 360); столп, в который входили «переводы с цесарских и галанских курантов о вестях», а также документы о приезде греков Ивана Ильина и Афонасия Григорьева; отписка Ордина-Нащокина и другие документы (Там же. Стб. 362); столп с «приездом» грузинского митрополита, списком с письма Ивана Брюховецкого, «переводом с письма, каково прислано из немецкой земли о звездах», «переводами многими с листов и с печатных курантов о всяких вестях» и др. (Там же. Стб. 362). Два последних столпа в реальности были переданы не в 1677 г., а в 1683 г. вместе с другими переводами (Там же. Стб. 626, 627, 629). В описи 1683 г. кроме перечисленных материалов встречаем столп № 13, «а в нем вестовые всякие письма и переводы с курантов», а также распросные речи, отписки 172-го, 173-го, 176-го годов и др. (Там же. Стб. 630).

Опись 1683 г. фиксирует тетради с курантами за 179 (1670/1671), 181 (1672/1673), 182 (1673/1674), 183 (1674/1675), 184 (1675/1676) гг. Еще в двух комплексах тетради с курантами отмечены без даты.¹⁶⁹

Возможно, что переход на тетрадное делопроизводство связан с тем, что после смерти Леонтия Марселиса (1670 г.) почту возглавил его брат Петр Марселис (его иногда путают с отцом, которого также звали Петр). В пользу данного предположения свидетельствует тот факт, что в 1672 г., когда почту недолгое время возглавлял Андрей Виниус, куранты на протяжении нескольких месяцев изготовляли в виде столбцов. Время, когда от составления тетрадей окончательно отказались в пользу столбцов, определить сложно из-за плохой сохранности документов. Произошло это между сентябрем 1675 и сентябрем 1676 г., что вполне соотносится со временем окончательной передачи почты Виниусу.

Начиная с 1676 г. куранты хранились в Посольском приказе. Первоначально они ведались в повытии Семена Протопопова, а с 1677 г. — в повытии Дмитрия Симоновского, вместе с Донскими казаками и Мещанской слободой.¹⁷⁰ Столбцы 1676 и 1677 гг. оказались возможным реконструировать полностью по имеющимся на них пятнам от сырости, загрязнениям и делопроизводственным пометам. В этот период (также, как и в конце 1660-х гг.) куранты после возвращения в Посольский приказ от царя или из Боярской думы определенное время хранились в виде небольших столбцов, включающих одну сводку. Об этом говорят полосы грязи шириной 4–6 см., которые видны на верхней части оборотов первых листов многих комплектов курантов. Такое загрязнение могло возникнуть из-за длительного хранения маленького столбца в запыленном месте, при относительно долгом его хождении по рукам или, к примеру, если столбец хранился в мешке у дьяка, который постоянно искал там нужные документы. Однако в отличие от 1660-х гг. куранты 1670–1680-х гг. в россыпи из отдельных сводок находились не слишком дол-

¹⁶⁹ Тетради с «переводами курантов» указаны только в описи 1683 г. Она фиксирует такие тетради отдельно от столбцов. В ней мы видим: № 9 «Две тетради, в десть, а в них переводы с немецкого листа и с цесарских и з галанских курантов о всяких посолских вестях»; № 10 «11 тетрадей, в десть, а в них переводы с цесарских и з галанских печатных курантов 181-го, 182-го, 183-го годов о всяких посолских вестях»; № 11 «6 тетрадей, в десть, а в них списки с листов Петра Дорошенка к гетману Ивану Самойловичу и от гетмана к нему Петру; переводы с писем, что прислал с Польши Василей Тяпкин; переводы же с печатных курантов, каковы присланы чрез рижскую почту»; «Переводы с цесарских и з галанских печатных курантов, каковы присланы чрез Виленскую и рижскую почту в 179-м, и во 183-м, во 184-м годех, в тетрадех» (РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 637, 640, 641).

¹⁷⁰ Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 52, 53, 167.

го. На постоянное хранение их (по крайней мере в 1676 и 1677 гг.) подклеивали в большие полугодовые столпы. Об этом свидетельствует характер пятен от сырости на бумаге. Однако даже на протяжении полугодия куранты не накапливались беспорядочной грудой за половину года, а постепенно подклеивались к столбцу. Об этом свидетельствует помета на оборотной стороне последних курантов за май 1677 г.: «почтовой 185». Запись обозначала почтовый свиток за 1676/1677 г. Принесенные в Посольский приказ 21 июня куранты за 6 января, 5 и 12 мая были подклеены уже среди июньских курантов.¹⁷¹ Это значит, что майские переводы к 21 июня уже были собраны в свиток, хотя до конца года (сентябрьского) оставалось еще три месяца.

Восстановление столбцов 1678–1681 гг. по пятнам сырости не проводилось. Однако об их структуре можно судить по особенностям сохранности и пометам подъячих. В фонде 155 РГАДА находятся оба столбца за 7187 (1678/1679) г. и один за первую половину 7189 (1680/1681) г. С января по сентябрь 1679 г. в приказе была несколько изменена система хранения курантов. Их стали вклеивать в свитки помесячно или до конца полугодия хранили в столбцах за один месяц. На оборотах последних листов за каждый месяц надписывалось его название. Однако уже в 1680 г. произошел возврат к прежней системе хранения свитками за большие периоды. Об этом говорит помета на обороте последнего листа курантов за 8 декабря. После обычной надписи «куранты 189 (1680/1681) г.» тот же текст четырежды повторяется по-русски латиницей. Далее латиницей добавлено «сбору Дмитрия Симоновского».¹⁷² Данная подпись подтверждает, что техническая обработка и хранение курантов находились в ведении повытия Симоновского.

Весной—летом 1681 г. ситуация с хранением курантов ухудшилась. До нашего времени они дошли в виде сильно перепутанного, по большей части чернового материала. Три следовавших друг за другом сводки курантов конца октября—начала ноября 1681 г. были помечены на оборотах последних листов словом «куранты».¹⁷³ Такая запись обычно появлялась на столбцах, которые долгое время хранились по отдельности. Это могло быть связано как с болезнями царя Федора Алексеевича, так и с его отлучками из Москвы. Однако со второй половины ноября, судя по сохранности источника, произошел возврат к прежней системе хранения в больших столпах. Об этом же говорит помета на обороте по-

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 111–127.

¹⁷² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 17, 92, 113, 160, 205, 255; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 134.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 131 об., 145 об., 162 об.

следнего листа сводки курантов 15 ноября 1682 г. — «почтовой 191 году».¹⁷⁴ Она могла быть поставлена только на свитке, содержащем куранты за значительный промежуток времени. В 1688–1689 гг. куранты собирали в полугодовые столпы. Об этом свидетельствуют пометы на курантах 24 февраля 1689 г.: «курант<...> по ма<...> а с марта <...>» и на курантах 2 сентября 1689 г.: «куранты 198 сентября».¹⁷⁵ Полугодовой столбец за март—август 1689 г. утрачен целиком. Осенью 1689 г. куранты вновь какое-то время собирались помесечно, что показывает запись «198 (1689) г. октябрь»,¹⁷⁶ но, судя по другой записи, столбцы не всегда включали ровно месяц: «куранты 198-го году. Генварь, февраль. Не полны».¹⁷⁷ Подводя итоги изложенным наблюдениям, можно сказать, что в Посольском приказе во второй половине 1670-х–1690-х гг. более или менее устойчиво действовала практика, в соответствии с которой куранты собирали в полугодовой столбец из месячных столбцов или постепенно подклеивали документы к полугодовому столбцу по мере их использования. Это было существенным прогрессом по сравнению с тем, как дело было поставлено в приказе Тайных дел в 1660-х гг.

В 1700 г. составители курантов отказались от столбцов и перешли на тетрадное делопроизводство,¹⁷⁸ как это уже было в последние годы правления Алексея Михайловича. Среди дел 1700 г. мы встречаем куранты в виде тетрадей формата 4° и формата 1°. Связано это с изменением общих норм ведения государственной документации. С начала XVIII столетия все российское делопроизводство постепенно переводится на тетради.¹⁷⁹

К концу XVII столетия в Посольском приказе хранились следующие крупные комплексы курантов: 1) сильно перепутанные обзоры иностранной прессы второй половины 1650-х–1660-х гг., скомплектованные в приказе Тайных дел; 2) куранты первой половины 1670-х гг., переданные в Посольский приказ из приказа Тайных дел в относительном порядке; 3) куранты последней четверти XVII в., отложившиеся в Донском повытии Посольского приказа. Таким образом, документы второй половины XVII в. из фонда 155 РГАДА к концу XVII столетия хранились большими столпами среди документов Донского повытия.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 291 об.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 131 об., 139 об.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 203 об.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 18 об.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8.

¹⁷⁹ Автократов В. Н. К истории замены столбцовой формы делопроизводства тетрадной в начале XVIII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 7. С. 274–286.

Общие перемены в системе государственного управления, произошедшие в начале XVIII в., оказали существенное влияние на порядок хранения курантов. С началом издания печатных «Ведомостей» (конец 1702 г.) переводы иностранной прессы стали оседать в архиве Московской (Синодальной) типографии.¹⁸⁰ Перенос издания «Ведомостей» в Петербург и создание Коллегии иностранных дел также не могли не отразиться на порядке хранения документов. Недостаточная изученность системы функционирования дипломатического ведомства России в первые десятилетия XVIII в. не позволяет детально изучить систему хранения курантов в данный период.

Столбцы, составленные в XVII столетии, оставались не разобранными до конца XVIII в. Попавшиеся архивистам под руку переводы иностранной прессы некоторое время после начала разборки архива Посольского приказа не собирались в один комплекс. Так, разобранный вскоре после 1782 г. (датировка по году на филигране оберточной бумаги) «Столп, а в нем куранты 164-го, 167-го, 168-го, 169-го, 170-го, 171-го году», был описан среди «Приказных дел старых лет».¹⁸¹ Это позволяет предположить, что формирование отдельной коллекции иностранных газет и их переводов началось после этой даты.

Другие обзоры иностранной прессы (в основном черновики) были использованы как временные обертки при разборке дел Донского повытия. При этом первоначальный текст документов иногда перечеркивался, а на оборотной стороне наносились пометы с описанием содержания обертываемых документов. Так, переводы иностранных газет конца 1660-х гг. на оборотах имеют пометы: «стопп Донского повытья 153-го (1644/1645) году», «стопп донской 193 (1684/1685) г.», «стопп 196 (1687/1688) г. донской зимовой», «стопп донской 197-го (1688/1689) году», «стопп Донского повытья 1701-г году, а в нем приезды в Москву зимовых и лехких станиц и о других делех».¹⁸² Спустя какое-то время ошибочность подобного использования переводов иностранной прессы была осознана. Листы собрали и присоединили к делам за соответствующие годы. Однако восстановить их первоначаль-

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 381. Ед. хр. 953–971. Описание отложившихся здесь переводов иностранной прессы опубликовано. См.: Библиотека Московской Синодальной типографии. Секция 1: Рукописи. В 6 т. Т. 4: Материалы и оригиналы ведомостей 1702–1727 гг. / Сост. В. А. Погорелов. М., 1903.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 141. 1652 г. Ед. хр. 122.

¹⁸² РГАДА. Ф. 155. 1669 г. Ед. хр. 8. Л. 14 об., 20 об., 24 об., 25 об., 30 об., 31 об.; 1669 г. Ед. хр. 10. Л. 1 об.

ную последовательность оказалось невозможно. В настоящее время они расположены внутри архивных дел беспорядочно.

Важную информацию о ходе формирования современного фонда 155 РГАДА, где сосредоточена основная часть курантов, дает его первая опись. Она составлена на листах бумаги с одинаковыми филигранями конца XVIII в.¹⁸³ На то, что опись начала составляться в это время, указывает и тот факт, что для обертки некоторых иностранных газет и переводов была взята бумага, которая ранее использовалась при разборке греческих грамот.¹⁸⁴ Между тем греческие грамоты разбирал в конце 1780-х гг. Н. Н. Бантыш-Каменский.¹⁸⁵

Опись имеет заглавие «Реестр газетам (ведомостям)». И под газетами, и под ведомостями в конце XVIII в. подразумевались именно газеты. Архивист использовал в заглавии «иностранное» слово, пояснив его в скобках русским. Позднее (судя по почерку) заглавие дополнено словами «На Российском, Латинском, Немецком, Французском, Италианском, Голандском и Аглинском языках печатным и писменным, то есть переводам с некоторых. С 1631-го по 1794-й год».¹⁸⁶ Двойное название показывает, что первоначально систематизировать собирались только иностранные газеты. Их русские переводы были добавлены в состав фонда позднее. О том же свидетельствует и запись на обороте титульного листа описи: «Сверх чужестранных ведомостей старых лет имеются еще и переводы оных в столбцах, кои в том же шкафу наверху положены и по годам разобраны быть должны». На основании данной записи можно сделать вывод, что в то время, когда работа над разборкой иностранных газет уже велась, переводы еще лежали в столпах.

Механизм составления описи был следующим. На листах чистой бумаги проставляли годы — по одному на каждой стороне листа. Архивист фиксировал иностранные газеты по годам, дописывая обнаруженные издания в порядке нахождения. В некоторых случаях под простав-

¹⁸³ Типа Клепиков № 709 «Вензель РФ на фигурном щите и лигатура ЯЕ» (Русская фабрика Якова Евреинова), 1783 г. См.: *Клепиков С. А.* Филиграния на бумаге русского производства XVIII—начала XIX века. М., 1978.

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9; 1703 г. Ед. хр. 8.

¹⁸⁵ *Фонкич Б. Л.* Греческие рукописи и документы в России. М., 1997. С. 216.

¹⁸⁶ На Л. 1. Ф. 155. Оп. 1 имеется также помета, которая сообщает, что в Московском телеграфе 1827 года стр. 5–33 помещена библиографическая статья А. Я. Булгакова «О первых русских ведомостях и об иностранных повременных изданиях которые выписываемы были в России с 1631 года», а также, что хронологический список, приложенный к статье Булгакова, «из сего Архивного реестра» (т. е. из оп. 1. — С. III.).

ленным годом нет ни одной записи (1662 г.).¹⁸⁷ Наиболее ранние записи сделаны раздельной скорописью. В описи обозначались также номера картонов и связок, в которых хранились разобранные документы.

Первоначально реестр начинался с 1631 г.¹⁸⁸ Обнаруженные позднее документы 1621, 1628, 1630, 1633 гг. были вписаны на том же листе на оставшемся месте разными почерками. Переводы иностранных газет, как правило, включены в опись позднее, чем сами иностранные газеты. Записи о переводах сделаны беглым гражданским письмом на незаполненных описанием иностранных газет частях листов. К примеру, в одном случае первоначальным почерком под № 1–4 были вписаны названия различных иностранных газет. Потом между № 3 и № 4 были добавлены более поздним почерком «выписки из немецких газет». Они получили № 4, а прежний № 4 стал № 5. Когда еще позднее к списку были добавлены вновь найденные переводы, им был присвоен № 6.¹⁸⁹

В «Донесениях о трудах чиновников Московского архива по 1820 год», в которых отражены основные работы сотрудников архива с 1802 г., обработка иностранных газет и их переводов не отмечена.¹⁹⁰ Следовательно, к 1802 г. первичное формирование фонда уже завершилось. Дополнительные сведения о времени составления современных дел с переводами иностранной прессы можно получить по датам филиграней оборточной бумаги. Эти данные представлены в Таблице № 2. Часть филиграней включает белые даты. Остальная бумага фабрики Якова Евреинова, датируется рубежом XVIII–XIX вв., хотя наиболее вероятной датой кажется конец XVIII в.

Таблица 2

Даты филиграней оборточной бумаги¹⁹¹

дата	рубеж XVIII–XIX вв.	1801	1802	1804	1807	1808	1822	1823	1824
кол-во дел	9	3	2	1	3	5	2	1	2

¹⁸⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Л. 8.

¹⁸⁸ Там же. Л. 2.

¹⁸⁹ Там же. Л. 5.

¹⁹⁰ АВП РИ. Ф. 1-III. Оп. 19. 1802 г. № 1.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1, 1666 г. Ед. хр. 11; 1664 г. Ед. хр. 2; 1664 г. Ед. хр. 3; 1665 г. Ед. хр. 11; 1667 г. Ед. хр. 10; 1668 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 8; 1669 г. Ед. хр. 9; 1669 г. Ед. хр. 10; 1670 г. Ед. хр. 8; 1672 г. Ед. хр. 8; 1673 г. Ед. хр. 9; 1673 г. Ед. хр. 10; 1674 г. Ед. хр. 8; 1675 г. Ед. хр. 8; 1676 г. Ед. хр. 8; 1677 г. Ед. хр. 7; 1679 г. Ед. хр. 5; 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 6; 1697 г. Ед. хр. 12; 1697 г. Ед. хр. 13; 1698 г.

Таким образом, фонд сформировался между концом 1780-х гг. и 1801 г., а потом постепенно пополнялся в течение многих лет. К 1825 г. эта работа была в основном завершена. О том, кто именно комплектовал фонд 155, в настоящее время ничего не известно. Можно лишь с уверенностью сказать, что в этой работе принимал участие Н. Н. Бантыш-Каменский. Выполненные им пометы имеются на серии дел.¹⁹² Однако дела, подписанные Бантыш-Каменским, составляют меньшую часть фонда.

Следует сказать несколько слов о методах работы архивистов при разборе столбцов и тетрадей XVII в. Листы столбцов при их разборке не нумеровались (по крайней мере, еще в 1906 г. такая нумерация отсутствовала¹⁹³). Отсутствие пагинации позволяло дополнять дело вновь найденными материалами. Между тем к работе с курантами допускались исследователи (Булгаков, Голицын, Покровский, возможно, Забелин и Барсов). Это способствовало нарушению порядка листов в документах. Основная сложность в работе архивистов заключалась в том, что, как показывают описи архивов Тайного и Посольского приказов, куранты за один год могли храниться в нескольких столбцах и, наоборот, в одном столбце могли храниться куранты за несколько лет. В конце XVIII—начале XIX в. архивисты пытались разобрать материал по годам в хронологическом порядке. Это хорошо видно на примере одного из дел 1666 г.¹⁹⁴ Оно было собрано из материалов нескольких столбцов XVII в. В деле присутствуют и листы со скрепой дьяка Артемия Степанова, которые происходят из приказа Тайных дел (л. 1–54, 75–78, 109–318), и листы без скреп, которые, вероятнее всего, хранились в Посольском приказе (л. 55–74, 79–108, 319–328). В XVII столетии материалы этого дела находились не менее, чем в пяти разных столбцах. Все столбцы включены в дело лишь частично. Материалы из них расположены не единым комплексом, а чередуются.

Общий итог разбора столбцов нельзя признать вполне удовлетворительным. Так в 211 единицах издания курантов за 1660–1670 гг. нахо-

Ед. хр. 17. Ч. 1; 1699 г. Ед. хр. 10; 1699 г. Ед. хр. 11; 1699 г. Ед. хр. 12; 1700 г. Ед. хр. 8; 1700 г. Ед. хр. 9; 1701 г. Ед. хр. 14. Ч. 1; Оп. 2. Ед. хр. 2. 1620 г.; Ед. хр. 37. 1672 г.; Ед. хр. 41. 1681 г.

¹⁹² РГАДА Ф. 155. Оп. 1. 1699 г. Ед. хр. 10; 1700 г. Ед. хр. 8; 1701 г. Ед. хр. 14. Ч. 1; 1702 г. Ед. хр. 9; 1703 г. Ед. хр. 8. Автор благодарит за помощь в идентификации почерков А. Д. Шахову.

¹⁹³ Покровский А. К истории газеты в России. С. 15.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1666 г. Ед. хр. 11.

дим несколько десятков случаев, когда дата документов не совпадает с датировкой дела.¹⁹⁵ Тетради и столбцы с обзорами 1670–1690-х гг. архивисты дополняли гораздо реже, хотя и здесь встречаются исключения. К примеру, от времени правления царевны Софьи сохранилось значительное количество вторых экземпляров курантов. В настоящее время они лежат вместе с первыми экземплярами, однако в XVII в. эти дубликаты были собраны отдельно, о чем свидетельствует помета «куранты розных годов, не надобные для того, что в столпах таковые вклеены» на курантах 19 ноября 1688 г.¹⁹⁶

На деле 1678 г. к обычному заглавию почерком начала XIX в. приписано: «С приложением польских писем, объявленных в Смоленске Назарием Краевским и присланных при отписках в Посольский приказ». Судя по пятнам от сырости, хранившиеся в деле куранты уже после расклейки столпов были перепутаны. Некоторые листы и, вероятно, целые сводки, утеряны. Если следовать современной архивной нумерации, получается, что куранты трижды прерываются материалами, связанными с деятельностью Назария Краевского.¹⁹⁷ Однако пятна от сырости на бумаге показывают, что первоначально куранты и переписка Краевского хранились раздельно.¹⁹⁸ Можно предположить, что материалы дела были частично расхищены в XIX в., когда появилась мода на куранты, а переписку Краевского, относившуюся к делам по связям с Польшей, добавили в куранты, чтобы сохранить нужный объем.

Некоторые из документов, отобранных для включения в состав фонда, по какой-то причине не были к нему присоединены. Как пример можно привести «список с белорусского письма» и само «письмо», переведенное 30 января 1653 г. Документ представляет собой вестовое письмо на «белорусском» языке (определение языка дано переводчиками XVII в., с моей точки зрения, в его переводе не было необходимости, он мало отличается от оригинала). В рукописи сообщается о том, что жена польского короля Казимира родила «дитя или детищ пять глав

¹⁹⁵ Более подробно о составе современных архивных дел см.: В-К VI (Ч. 1). С. 9–59.

¹⁹⁶ Впервые на эту помету обратила внимание Е. И. Кобзарева. РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Д. 9. Ч. IV. Л. 307 об.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 1–136, 220–228, 236–280.

¹⁹⁸ Подробнее см.: *Шамин С. М.* Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*. М., 2003. С. 121–134.

имеющ, от них иже едина глава человеческая была, прочи звериные главы». На обороте первого листа дела стоит помета, сделанная почерком конца XVIII—начала XIX в. — «В куранты». Несмотря на эту помету, документы оказались в современном фонде 141 РГАДА.¹⁹⁹ Можно привести и обратный случай. Одно из дел 1672 г. первоначально имело заглавие: «...о всяких... Переводы с писем из раз[ных мест] и от разных персон о турецки[х и по]лских воинских движениях. Столп расклеен и перемешан за...». Ниже вписано слово «турецкой», которое свидетельствует о том, что в какой-то момент дело планировали включить в фонд по связям с Турцией. Однако затем эту запись вычеркнули, а дело присоединили к курантам.²⁰⁰

Если разделение столбцов Посольского приказа архивисты конца XVIII–XIX вв. пытались производить по хронологии, то принцип отбора материалов для фонда проследить удастся не всегда. Из разных дел Посольского приказа и Коллегии иностранных дел архивисты отбирали в фонд 155 документы следующих типов: 1) отдельные переводы иностранных газет (печатных и рукописных) и других информационных изданий XVII–XVIII вв.; 2) обзоры иностранной прессы 1660–1730-х гг. («переводы с курантов», «выписки с курантов»); 3) краткие выписки из русских обзоров иностранной прессы («выписки с курантов»); 4) копии русских печатных газет XVIII в.; 5) газеты XVII–XVIII вв. (русские и иностранные); 6) «Ведомости публичные из Коллегии иностранных дел» (рукописные и печатные); 7) делопроизводственная документация. Кроме того, в состав фонда были включены отдельные материалы разного характера с внешнеполитическими известиями.

Судя по всему, причина появления искусственного «архива русской рукописной газеты» состояла в столкновении разных принципов систематизации документов. Архивисты конца XVIII–XIX вв. при формировании фонда исходили из формальных критериев. Они собирали вместе иностранные газеты и созданные на основе этих газет русские документы, вне зависимости от того, в каких целях они использовались в XVII столетии. Систематизировать иностранные газеты было просто, поскольку они внешне отличаются от иных материалов. При подборе русских документов строго следовать выбранному формальному подходу получалось не всегда. Работники архива не имели ни сил, ни времени на сопоставление европейских газет и документов российского происхождения. Из-за этого с европейскими газетами были объедине-

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 141. 1653 г. Ед. хр. 130.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7.

ны некоторые русские материалы, в реальности с ними не связанные. Со временем о том, по какому принципу изначально формировался фонд, скорее всего забыли. В него стали включать все, что казалось архивистам как-то связанным с новостями из Европы. При изучении же документов фонда 155 исследователи априорно исходили из того, что фонд сформирован по функциональному принципу. Это было вполне естественно, поскольку Булгаков, обращаясь к фонду, пытался найти ответ на вопрос: «в котором году прошедшего столетия начались издаваться С. Петербургские Ведомости», т. е. искал архив газеты. Источникововедческое исследование, которое помогло бы Булгакову избежать такой ошибки, было проведено лишь Кобзаревой полтора века спустя.

Кратко остановимся на судьбе фонда в XX столетии. В РГАДА (в то время Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР) данный фонд был передан 26 марта 1928 г.²⁰¹ При передаче он назывался «Иностранные ведомости (куранты) и газеты (иностранные и русские)». В карте фонда 1928 г. указано, что материалы переданы из МГАМИД. В это время они хранились в 44 картонках (1621–1699 гг.) и «много в папках». Описание позволяет предположить, что к моменту передачи дел в РГАДА документы XVIII в. не были разобраны, вследствие чего не нашли отражения в публикациях исследователей. На 31 мая 1935 г. в фонде числились не разобранными 1456 дел. В дальнейшем фонд неоднократно менял название.²⁰² В 1950-х гг. часть единиц хранения (начиная с 1720 г.) передавалась в МИД СССР (современный АВП РИ). Возможно, что примерно в то же время или несколько позже не переданные в МИД СССР печатные иностранные газеты XVIII в. были исключены из состава фонда и переданы в библиотеку РГАДА. Среди оставшихся в РГАДА документов по акту 1960 г. отмечено отсутствие 9 дел, указанных в описи № 1.²⁰³ Часть их в настоящее время находится в библиотеке РГАДА. В 1973 г. была обнаружена не внесенная в опись № 1 единица 1661 г.

²⁰¹ РГАДА. Дело фонда 155.

²⁰² По акту проверки 5 августа 1948 г. — «Иностранные газеты», по акту 29 июля 1954 г. — «Иностранные ведомости (куранты) и газеты».

²⁰³ 1686. № 4, польские газеты г. Кракова; 1697. № 4, «новоприезжей» немецкий курьер; 1697. № 6, Краковские польские ведомости; 1697. № 9, гарлемские голландские газеты; 1697. № 10 Лейденские голландские газеты; 1700. № 5, Гамбургский северный немецкий меркурий № 102; 1700. № 4, Гамбургские европейские ведомости № 103; 1704. № 8, Стокгольмская шведская газета № 15; 1706. № 9, Амстердамская французская газета № 100.

В 1970-х гг. было проведено описание россыпи фонда 155. Из вновь описанных дел в 1980 г. сформирована опись № 2 объемом в 105 единиц хранения.²⁰⁴ Документы, которые вошли в опись № 2, имеют особенно плохую сохранность. В основном это разрозненные обзоры или отдельные листы. Из крупных комплексов в составе описи № 2 можно отметить обзоры иностранной прессы за 7176–7178 (1667–1670) гг. (14 комплектов) из приказа Тайных дел²⁰⁵ и часть столпа с курантами за 7199 (1691) г. из Посольского приказа (более восьми комплектов). Столп 7199 (1691) г. имеет очень плохую сохранность и разбит на несколько единиц хранения.²⁰⁶ Особняком стоят материалы (в основном переводы иностранной прессы) из Великого посольства.²⁰⁷ Большой интерес представляет единица хранения № 97 (1728 г.) — почти полный комплект обзоров иностранной прессы за 1728 г. Основная часть таких годовых комплектов хранится в АВП РИ в фонде 11 «Иностранные газеты». Данный комплект 1728 г., скорее всего, не был передан в АВП РИ случайно.

Некоторые документы из фонда 155 РГАДА и фонда 11 АВП РИ в 1950-х гг. реставрировались. Реставраторы оклеили наиболее постра-

²⁰⁴ Отдельные дела добавлялись в эту опись в 1982–1984 гг. К 1985 г. в фонде насчитывалось 677 единиц хранения, в их числе 82 дела, нуждающихся в реставрации. В путеводителе РГАДА приводятся данные, в отдельных пунктах отличающиеся от наших. В путеводителе датой поступления фонда в архив назван 1925 г. Здесь же указывается, что описанные в 1970-е гг. документы (оп. 2) выделены из ф. 141 «Приказные дела старых лет» (см.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 32). Однако на документах, вошедших в состав оп. 2, имеются многочисленные пометы архивистов конца XVIII–XIX вв. о присоединении их к «курантам» или «газетам» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 39. 1678 г. Л. 4 об. — помета почерком конца XVIII—начала XIX в. «в куранты»; РГАДА Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 61. 1693 г. На л. 1. об. почерком конца XVIII—начала XIX в. помета «7201 году к газетам», на л. 29 об. почерком конца XVIII—начала XIX в. помета «куранты»; Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 73. 1690-е гг. на л. 1 об. помета почерком конца XVIII—начала XIX в. «в куранты года нет». Имеется и значительное количество других примеров). На обложке одного из дел (оп. 1) имеется перечеркнутый штамп ф. 159: «Приказные дела новой разборки» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 12). Очевидно, что сведения о включении в ф. 155 материалов из ф. 141 связаны или с единичными документами, или с тем, что часть не описанной россыпи из ф. 155 на какое-то время передавалась в ф. 141. Вопрос о причине появления в составе ф. 155 дела из ф. 159 требует дальнейшего изучения.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 35. 1667–1670 гг.

²⁰⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 51. 1691 г.; Ед. хр. 56. 1691 г.; Ед. хр. 57. 1691 г.; Ед. хр. 58. 1691 г. и, частично, ед. хр. 59. 1666 г. (?), 1690-е гг. (?).

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 67. 1697 г.; Ед. хр. 87. Кон. 1690-х; 1707 гг.

давшие листы прозрачной бумагой. В случае особо плохого состояния документов их оборотные стороны подклеивались обычной бумагой. Такой же бумагой заклеены дыры в бумаге XVII в. Для этого использовалась бумага конца XVIII—начала XIX в. Из-за этого на отдельных документах XVII в. появились филигранные гораздо более позднего времени. Хотя реставрационные работы были крайне необходимы из-за ветхого состояния документов, имели они и некоторые негативные последствия. К примеру, реставраторы обрезали края листов. Из-за этого в ряде случаев были утрачены элементы букв и скрепы.

Серьезные ошибки допущены при реставрации отдельных тетрадей 1670-х гг. Как пример можно привести дело 1673 г., которое реставрировалось в 1957 г.²⁰⁸ Реставратор переплела тетради в книгу. При этом она искусственно составила и соединила реставрационной бумагой тетради, не существовавшие в XVII в. Так, в тетради л. 47–52 соединены вместе л. 47 и 52, однако на л. 47 филигрань «герб», а на л. 52 филигрань «голова шута». Бумаги с двумя филигранями в XVII в. не производилось. Л. 48 и 51 также соединены вместе, но на каждом из этих листов контрамарки. Кроме того, в тетрадь оказались вплетены и русские переводы, и рукописные немецкие газеты (л. 51, 52). В реальности такого документа существовать не могло. Таким образом, даже работа с курантами, хранящимися в тетрадях, невозможна без предварительного палеографического изучения документов.

Переданные в АВП РИ документы отложились в составе фонда 11 (оп. 11/1; 11/2, 11/3). Среди документов за 1720–1729 гг. оказались переводы иностранной прессы двух типов: куранты — черновики печатных «Ведомостей» и куранты — обзоры иностранной прессы. Позднее из россыпи «Внутренних коллежских дел» были извлечены и включены в фонд 11 обзоры иностранной прессы за 1730, 1731 гг. и отдельные переводы более позднего времени вплоть до XIX в. Таким образом, фонд 11 АВП РИ дополнен материалами, которые отсутствовали в фонде 155 РГАДА до его разделения. Примерно половина хранящихся в АВП РИ обзоров иностранной прессы имеет плохую сохранность и не выдается исследователям. Наиболее ценны относительно полные обзоры иностранной прессы 1724–1731 гг.

Если материалы из фонда 155 РГАДА (и выделенного из этого собрания фонда 11 АВП РИ) включают значительные по объему комплексы обзоров иностранной прессы, то в остальных случаях мы встречаем

²⁰⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1673 г. Ед. хр. 9. На переплетенном листе штамп с указанием даты реставрации (13.09.1957) и фамилия реставратора (Зайцева).

обычно отдельные документы. Выше уже говорилось о курантах из фонда 141 РГАДА (Приказные дела старых лет), куда обзоры иностранной прессы попали из-за того, что на момент начала его комплектования специального фонда для иностранных газет и их переводов еще не существовало. В некоторые фонды переводы иностранных газет попали случайно, как например в фонд 159 РГАДА (Приказные дела новой разборки),²⁰⁹ и фонд 125 РГАДА (Монастырские дела).²¹⁰ Часть листов курантов, оказавшихся среди монастырских дел, имеют следы вторичного использования.

Очень интересно ветхое дело, отложившееся в составе фонда 27 РГАДА (Разряд XXVII — приказ Тайных дел).²¹¹ Данная единица хранения не входила в первоначальный состав фонда, а была включена в него значительно позднее, уже в XX в. Его составляют расклеенные столбцы, грубо сшитые, вероятно, в конце XVIII—начале XIX в. Листы дела сильно запачканы органическим веществом серо-коричневого цвета (возможно, в 1812 г., когда часть архива оказалась выброшена в ров Московского Кремля). Дело включает статейный список о ходе переговоров, предшествовавших заключению Кардисского мира, и другие документы по сношениям со Швецией 1661 г. Составлено оно из различных столбцов, происходящих из Посольского приказа и Приказа Тайных дел. Включили в него и куранты.²¹² Скорее всего, данное дело первоначально собиралось для фонда 96 (Сношения России со Швецией), но вследствие загрязнения органикой так и не было включено в фонд.

Комплекс курантов, связанных с Великим посольством, выявил А. Г. Гуськов. Часть из них попала в Кабинет Петра I. Скорее всего, они изначально хранились среди бумаг Петра I. Переводы европейских газет, присланных в Великое посольство из Вены переводчиком Адамом Стилем (Свейковским), отложились среди материалов по сношениям с Австрией и Германской империей, а посланные русским резидентом в Польше А. В. Никитиным — среди польских дел.²¹³ Отдельные переводы иностранной прессы встречаются и в составе фондов по связям

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 1490. 1682 г. В данное дело включено 11 листов из разных комплектов курантов за конец 1670-х—начало 1680-х гг.

²¹⁰ РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. Ед. хр. 129, 368, 369.

²¹¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 621.

²¹² Описание см.: В-К VI (Ч. 1). С. 32–33.

²¹³ Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I... С. 24, 210. РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Ед. хр. 1. Ч. 2; Ф. 32. Ед. хр. 12 (1697); Ед. хр. 13 (1697); Ед. хр. 49 (1698); Ед. хр. 53 (1697); Ед. хр. 69 (1697); Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 6 (1697), Ед. хр. 3 (1698).

России с различными странами,²¹⁴ что в большинстве случаев отражает их реальное хранение вместе с другими дипломатическими документами.

Особый интерес представляют небольшие комплекты переводов иностранной прессы, оказавшиеся вне РГАДА. Два комплекта (1655 г. и конца XVII в.) имеются в ОПИ ГИМ в составе фонда 440 (И. Е. Забелина).²¹⁵ Комплект 1655 г. опубликован Забелиным в 1880 г.²¹⁶ вместе с «Переводом с голландских печатных курантов, каковы подал Иван Фансведен в нынешнем в 173 году июля в 20 день». Это позволяет сделать вывод, что в распоряжении ученого имелись, как минимум, три комплекта переводов иностранной прессы за разные хронологические периоды. В фонде 155 РГАДА экземпляры этих переводов отсутствуют. Поскольку документы данного типа вне архива Посольского приказа встречаются крайне редко, а у Забелина оказалась целая подборка за разные десятилетия, мы можем с большой долей вероятности предположить, что хранящиеся в фонде Забелина материалы происходят из МГАМИД. В XIX в. другого источника, где можно было бы собрать такую коллекцию, не существовало.

Небольшие комплексы подлинных переводов иностранной прессы за 1639, 1672, 1684, 1686, 1687, 1689 гг. и их копии XIX в., а также не сохранившиеся в подлинниках копии курантов 1684 и 1690 г., выполненные в XIX в., отложились в Рукописном отделе БАН,²¹⁷ куда поступили из коллекции Ф. А. Толстого. Они, вероятнее всего, также попали туда из МГАМИД в XIX в., когда куранты уже вошли в научную моду, а их описание еще не было закончено. Так на обороте курантов 13 марта 1672 г. имеется помета почерком XIX в. «в куранты 7180», аналогичная тем, что встречаются на документах РГАДА.²¹⁸ Толстой, в собрании

²¹⁴ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1660 г. Ед. хр. 1, 2 (Документы из данного фонда указаны Е. И. Кобzareвой); Ф. 35. Стб. 147 (1641) (Документы из данного фонда указаны Т. А. Опаринной);

²¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 440 (И. Е. Забелина). Оп. 2. Ед. хр. 26 (26/2). Л. 22–34; Оп. 4. Ед. хр. 15 (15/4).

²¹⁶ Забелин И. Е. Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. 1880. Кн. 2. С. 37–46.

²¹⁷ ОР БАН. 32.14.11; 32.14.12. См. также: В-К I. С. 15, 16; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 25; Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. Л., 1965. С. 324–328. Находящиеся в деле 32.14.11 вестовые материалы 1675 г., скорее всего, не были связаны с курантами.

²¹⁸ ОР БАН. 32.14.11. № 1 (подлинники). Л. 1 об.

которого была, как минимум, одна рукописная книга с материалами из иностранной прессы, явно интересовался курантами. Скорее всего, первоначально рукописи были взяты лишь для копирования. Иначе сложно объяснить причину появления имитирующих столбцы XVII в. копий XIX в.

По утверждению А. Ф. Бычкова, в 1850-х гг. Публичная библиотека приобрела часть обзоров голландских газет, которые составлял А. А. Матвеев во время своего пребывания в Гааге в качестве дипломатического представителя России.²¹⁹ В настоящее время точное местонахождение этих материалов остается неизвестным. Вероятнее всего, здесь произошла ошибка, и Бычков имел в виду не куранты, а книгу с копиями вестовых писем Матвеева, в которой имеется несколько переводов статей из иностранных газет. Тут же присутствуют пометы о пересылке в Москву курантов, составленных Матвеевым в Гааге.²²⁰

В архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН хранятся копии переводов иностранной прессы за 1621–1643 гг., снятые в 1901–1902 гг. в МГАМИД делопроизводителем Н. В. Голицыным (940 л.).²²¹

Таким образом, мы видим, что изучение материалов фонда 155 РГАДА в целом возможно только в контексте исследования истории архивного дела. При иной постановке проблемы необходимо работать с конкретными делами. Анализ истории хранения курантов снимает вопрос о «русской рукописной газете» начала XVII в. Архива документов, которому можно было бы дать такое определение, в то время не существовало. Целостный комплекс с обзорами иностранной прессы начал складываться лишь в Тайном приказе царя Алексея Михайловича. Исходной точкой формирования архива курантов был шкаф, куда в Приказе Тайных дел складывали вестовые документы.

²¹⁹ Бычков А. Ф. Первые русские ведомости... С. 17.

²²⁰ ОР РНБ. F.IV.492.

²²¹ СПб ИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Ед. хр. 26.

Глава 2

КУРАНТЫ В РОССИИ XVII СТОЛЕТИЯ

2.1. Иностранная пресса в России первой половины XVII в. и куранты времени правления царя Алексея Михайловича

Переводы европейских «летучих листков» неоднократно появлялись в Москве еще в XVI столетии.¹ О том, как они попадали в Россию, можно только догадываться. Впервые сведения о доставке иностранной прессы встречаются в сочинении Исаака Массы, голландского купца из Гарлема. Масса приехал в Россию в 1601 г. для изучения торгового дела. Его сочинение о России охватывает события русской истории до 1610 г.² Книга посвящалась принцу Морицу Оранскому и предварялась адресованным к нему письмом. В этом письме Масса рассказывал о своих заслугах перед Нидерландскими штатами и лично перед принцем Оранским. В их числе Масса указал распространение в России известий о победах принца. Проживая в Москве, он заказывал «изображения и описания завоеванных городов и сражений», выигранных принцем Оранским. Масса переводил эти описания на русский язык и дарил их «княжеским детям».³ В архиве Посольского приказа сохранился «перевод с немецкой тетради», содержащий внешнеполитические известия

¹ Казакова Н. А. Западная Европа... С. 131 и др.

² Шокарев С. Послесловие // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 466.

³ Масса И. Краткое известие о начале и прохождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей. Письмо к Морицу, принцу Оранскому // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 15.

за июнь 1600 г., где действительно упоминается о «принце Уранском». ⁴ Сложно сказать, связано ли появление этого перевода непосредственно с деятельностью Массы. Однако можно не сомневаться, что русское правительство действительно интересовалось положением дел в Голландии. Масса мог привозить «изображения и описания» побед принца Оранского не только для прославления его имени, но и выполняя пожелания московских властей. Позднее, в 1620-х гг., голландский купец активно снабжал русское правительство внешнеполитическими новостями. ⁵ Подобная деятельность была чревата осложнениями. Коллеги Массы доносили принцу Морицу, что купец порочит в Москве политику штатгальтера. ⁶ Однако сведений о том, что этот донос как-то повредил Массе, не сохранилось.

Другие купцы также поставляли иностранную прессу в Россию. Д. Цветаев отмечает, что голландский купец Андрей Келдерман, ездивший в Данию в 1640–1641 гг. вместе с Иваном Фоминым, разведывавшим сведения о датском принце Вальдемаре, привез с собой в Москву немецкую брошюру о войне Швеции с Австрией. Эта брошюра была переведена на русский язык и зачитана государю. ⁷ Активно поставляли в Москву информационные издания из Европы купцы Мельхер Бекман, Юрий Клинк и др. ⁸

Русские купцы также могли привозить иностранную прессу из заграничных поездок. «Переводы», а точнее выписки, из какой-то иностранной газеты (1654 г.) сохранились в составе расспросной речи новгородского купца М. Воскобойникова, который вернулся из шведского Ругодива. В документе особое внимание уделяется английским делам. «Перевод с вестовых листов, каков подал Максим Воскобойников 162-го году июля в 27 день» включает пять сообщений: «Из Кесарские земли из города Колн писано июня в 23 день»; «Из Галанские земли из города Хравенгаген писано июня в 26-м числе»; «Из Аглинской земли писано июня в 11 день»; «Из Галанские земли из города Гага писано июня 19 числа»; «Из города Бремен писано июня в 16 день». В этих переводах, как и в расспросных речах, содержится значительное количество новостей о событиях в Англии (смута против Кромвеля в пользу

⁴ В-К I. С. 22–23.

⁵ В-К I. № 8, 11–13, 18, 19, 25.

⁶ Кобзарева Е. И. Известия... С. 56.

⁷ Цветаев Дм. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 66.

⁸ В-К I. С. 5.

английского королевича и др.). Имеются также известия о польских и шведских делах.⁹

Другой новгородский купец Петр Микляев (он был хорошо знаком с М. Воскобойниковым и даже выполнял совместно с ним правительственные поручения¹⁰) привозил «немецкие печатные тетради» в 1660 г. Об этом свидетельствует челобитная А. Л. Ордина-Нащокина: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия, и Малыя, и Белыя Росии самодержцу. Холопи твои, Афонка Нащокин с товарищи, челом бьют. Августа, государь, в последних числах приехав из Любека в Юрьев Ливонской гость Петр Микляев подал нам, холопом твоим, немецкие печатные тетради о миру дацкого короля с свейским королем. И мы, холопи твои, тетрати велели перевести, да тот перевод послали к тебе к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Великия и Малыя Росии самодержцу и велели подать в Посольском приказе твоим, великого государя, дьяком думному Алмазу Иванову да Дмитрею Шубину». Письмо было доставлено в Посольский приказ 18 сентября 1660 г.¹¹

Еще одним каналом, по которому иностранные газеты попадали в Посольский приказ, были дипломатические сношения. Газеты привозили датский агент Давыд Миколаев, шведский резидент в Москве Петр Крузбиорн,¹² секретарь датского посланника Ганса Ольделанда Андрей Роде (посольство Ольделанда пребывало в Москве с 23 марта по 29 мая 1659 г.¹³) и др. Сочинение Роде является дневником посольства. Оно ценно тем, что показывает, как и на каком этапе дипломатических переговоров интересующие нас материалы передавались иностранными дипломатами служащим Посольского приказа. 24 марта 1659 г. к послам явился подьячий из Посольского приказа. Он приветствовал посланника и попросил сообщить новости «о положении дел в Дании, о мирном договоре, заключенном со Швецией, о землях, обещанных и уступленных Дании на основании этого договора, о причинах, вызвавших эту недавнюю войну, об осаде Копенгагена, о морском

⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 4. 1654 г. Л. 1–12. О Воскобойникове см.: Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI—первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 317–321.

¹⁰ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 318–319.

¹¹ РГАДА. Ф. 96. 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 420–420 об.

¹² В-К I. С. 5.

¹³ Шокарев С. Россия в царствование Алексея Михайловича глазами иностранцев // Утверждение династии. М., 1997. С. 408.

сражении и, наконец, о том, кто одержал верх». Сообщения послов были подробно записаны. Кроме того, датские послы пообещали передать «книжечку с очерком образа действий Швеции за последнее время и вызванной ею несправедливой войны».¹⁴ Упомянутая брошюра была передана русской стороне только 6 апреля: «Вышедшая в свет печатная книжечка достоверным повествованием о событиях, происшедших после мирного договора, заключенного нами со Швецией, была тоже сегодня, согласно обещанию, данному в прошлом тайном совещании, вручена приставам для перевода ее на русский язык».¹⁵ Таким образом, только на передачу привезенной брошюры ушло почти две недели.

Иногда европейские послы не передавали информационные издания (их списки или переводы) своим русским коллегам, а просто пересказывали их содержание. Так, члены голландского посольства, посетившего Россию в 1664–1665 гг., пересказали опубликованные в прессе известия о приеме русского посла в Голландии и о переговорах между цесарем и турецким султаном.¹⁶ Европейские послы привозили иностранную прессу в Россию и позднее. К примеру, в 1672 г. польский дипломат Иероним Комар привез в Москву «немецкий печатный лист»,¹⁷ в 1673 г. датский резидент Геи Монс передал в Посольский приказ присланное к нему через рижскую почту «вестовое немецкое письмо»,¹⁸ а в 1675 г. бранденбургский посланник Иоахим Скультет передал в Посольский приказ «цесарские печатные куранты».¹⁹

Русские послы во время своих зарубежных поездок также интересовались иностранной прессой. И. Майер посвятила специальную работу переводам с иностранных газет, которые были выполнены в Стокгольме во время пребывания там русского посольства (5 июня–30 октября 1649 г.). Она установила, что с 10 июня по 19 октября перевели не менее 20 газет. Переводы выполнялись с тех газет, которые приходили в Стокгольм по почте. Для части из них найден оригинал. Им была выходив-

¹⁴ Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. М., 1997. С. 13.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб., 1996. С. 60, 91.

¹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7. Л. 34–38.

¹⁸ Там же. Л. 22–25.

¹⁹ РГАДА. Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. Ед. хр. 2. Л. 117, 118. «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы прислал в Посолской приказ брандебурской посланник Ефим Шкултетус» (18 сентября 1675 г.). За эту информацию благодарю Е. И. Кобзареву.

шая в Гамбурге «Wochentliche Zeitung». Качество переводов Майер считает вполне приемлемым. Кроме того, переводы делались и из других, пока не установленных источников. Для переводов отбирались сообщения о торговле между германскими землями и Швецией, борьбе Венеции с Османской империей и о Польше. Из массы опубликованной в газете информации переводчиков чаще всего привлекали новости о международных событиях. В наименьшей степени интересовались местными новостями из Германии и Италии. Газеты переводили в течение одного-двух дней после прибытия почты из Гамбурга в Стокгольм.²⁰ Однако подобные случаи были редким исключением.

Получение иностранной прессы через купцов и дипломатов имело свои плюсы и минусы. Главным плюсом было отсутствие расходов, ведь брошюры и газеты по этим каналам доставлялись бесплатно. Минусы представляются более существенными. Во-первых, информация шла в Россию долго, поскольку доставлялась попутно, при случае. Во-вторых, когда прессу привозили иностранные дипломаты, рассчитывать на объективность подобных новостей было сложно. Послы могли привозить с собой те издания, которые отражали политическую ситуацию в Европе в наиболее выгодном для их государств свете. В-третьих, на основе редких обрывочных данных составить целостную картину политической жизни Европы не представлялось возможным.

Российское правительство испытывало потребность в постоянном получении «вестей» из-за рубежа. Техническая возможность для этого была, поскольку европейская почтовая сеть, способная обеспечить быструю и регулярную перевозку газет, доходила до Риги — т. е. заканчивалась очень близко от рубежей России. Рижанин Юстус Филимонатус, поставлявший в 1643–1644 гг. «вести» в Посольский приказ (судя по всему, за специальную плату), предлагал установить регулярную пересылку корреспонденции между Ригой и Псковом.²¹ Однако это требовало существенных материальных затрат.

Проект Филимонатуса не был реализован. Вскоре и в его услугах отпала нужда. Это произошло после приезда в Москву для заключения брака с царевной Ириной Михайловной датского королевича Вальдемара. Дело в том, что Вальдемар хотел, находясь в Москве, следить за новостями из Европы. Газеты и письма с вестями ему пересылал виленский

²⁰ *Maier I. Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649) // Explorare necesse est. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 181–190.*

²¹ В-К II. С. 4.

почтмейстер Берент Фохт. Наиболее раннее его послание датировано 4 июня 1644 г. Переписка продолжалась, по крайней мере, до октября 1644 г.²² Присланные Фохтом известия переводились в Посольском приказе. В перлюстрации корреспонденции именитого гостя российские власти не видели ничего зазорного. Таким образом, русское правительство получило возможность ознакомиться с иностранной прессой, не прилагая к этому особых усилий.

С пребыванием в Москве королевича Вальдемара связано первое упоминание иностранной прессы в русском литературном произведении. Оно встретилось в «Повести о кончине царя Михаила Федоровича» (1647 г.). Данное сочинение — рассказ о сватовстве датского королевича Вальдемара к царевне Ирине Михайловне. Непременным условием для заключения брака русская сторона считала переход принца в православие. Вальдемар, которому до приезда в Москву обещали не настаивать на перемене веры, упорствовал в желании остаться протестантом. Началась богословская полемика, в которой приняли участие русские богословы и сопровождавший королевича пастор Фельгабер. Тянулась она полтора года. Уставший от этого жених даже попытался бежать из Москвы. Однако Россию он смог покинуть только после того, как смерть царя Михаила Федоровича сняла с повестки дня сам вопрос о бракосочетании. «Повесть» была написана «рукою многогрешного простого монаха» по заказу «благоразумного и честного мужа, доброго и великого рачителя и разумителя Божественного писания». Отвечая на свой же риторический вопрос, зачем надо было писать столь печальную повесть, автор ссылается на то, что «в странах немецких пишут и печатают в книгах и на листах о военных действиях; почему же мы ленимся, боимся или срамымся писать и печатать о том, что случается в Русской земле не от человеческой храбрости или хитрости, но Божиего посещения».²³ Мы видим, что к 1647 г. факт публикации в различных европейских странах известий о политических событиях был хорошо известен в России не только сотрудникам Посольского приказа, но и некоторым лицам духовного чина. В сочинении мы видим признание полезности этих публикаций, а также призыв к изданию сочинений о своих победах, правда не военных, а духовных.

Приведенные примеры показывают, что в первой половине XVII в. иностранная пресса без особых сложностей проникала в Россию. Одна-

²² В-К II. № 81, 88–93.

²³ Каган М. Д. Повесть о кончине царя Михаила Федоровича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3. (XVII). Ч. 3. С. 138–140.

ко уровень присутствия западных газет в Москве не следует преувеличивать. Об этом свидетельствует уже тот факт, что в русском языке даже не существовало специального слова для обозначения газет. Как справедливо отмечал в своей работе Д. К. Уо, до середины XVII столетия переводчики при переводе иностранных газет в подавляющем большинстве случаев указывали, что ими сделан перевод с листов (лиستков) или тетрадей, реже писем.²⁴ К этим основным определениям добавлялись указания на то, что переводимые листы (листки, тетради, письма) являются вестовыми, печатными (письменными для рукописных газет), немецкими (голландскими и т. д.), перечневыми (от слова «перечень», т. е. текст с постатейным перечислением известий). В каждом конкретном случае некоторые дополнительные определения опускались (к примеру, «Перевод с вестовых печатных листов, что при[вез] из Риги агличанин Иван Гебдон»).²⁵

Специальное обозначение для понятия «газета» потребовалось в русском языке только в середине столетия. Для этого стали использовать слово «куранты», которое встречается в заглавиях голландских периодических изданий. Процесс его вхождения в русский язык зафиксирован в материалах четвертого и пятого томов «Вестей-Курантов». Сведем эти данные в хронологическую Таблицу № 3.

Таблица № 3

Использование слова «куранты»

Год	1649	1651	1652	1656	1658
Количество примеров со словом «куранты»	1	1	1	2	4

Создается впечатление постепенного, растянувшегося на десяток лет процесса «вживания» слова в русский язык. Однако информация В-К V может быть уточнена. К опубликованным материалам следует добавить шесть случаев упоминания курантов в неопубликованном деле конца 1657–1658 г.²⁶ С другой стороны, необходимо отказаться от некоторых примеров более раннего времени. Ед. № 5 пятого тома издания датирована 1651 г. на основании пометы на обороте л. 1 архивного дела.²⁷

²⁴ Waugh D. C. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes... P. 447–451.

²⁵ В-К V. С. 19.

²⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 5. 1657–1658 гг.

²⁷ В-К V. С. 29.

Иабурна ¹⁶⁹ г. Ейла Уона

Adrianus van der Aa

85

Игоршапы Оффенбау в.

[illegible]

Н СДОШНН

Напомена

Однако появление пометы связано со вторичным использованием бумаги в конце XVIII—начале XIX в. при разборке дел Донского повывтия. В тексте же единицы упоминается П. Д. Дорошенко, который вышел на политическую арену только в 1660-х гг. и фигурировать на страницах иностранных газет в начале 1650-х гг. не мог. В единице № 14 (1652 г.) слово «куранты» представляет собой помету на обороте титульного листа.²⁸ Судя по почерку, данная помета, хотя и относится к XVII в., была вписана позднее, чем создавался основной текст. Ед. № 26 (1656 г.) содержит известия разных лет, в том числе августа 1660, 1665–1666 гг.²⁹ (подробнее об этом см. в работе И. Майер³⁰). Таким образом, оказывается, что между первой единичной фиксацией слова в 1649 г. и началом его систематического употребления прошло шесть лет. В других источниках слово «куранты» начинает использоваться не ранее 1657 г.³¹ В силу этого время вхождения слова «куранты» в русский язык следует отнести к концу 1650-х гг. Это закономерно, поскольку в 1654 г. Россия вступила в войну с Польшей, а в 1656 г. — со Швецией. Русское правительство остро нуждалось в информации о событиях в Европе для того, чтобы принимать правильные внешнеполитические решения, что резко усилило интерес к иностранной прессе.

Любопытно, что почти синхронно со словом «куранты» в русском языке появляется его синоним — «авизы» (встречаются также варианты «ависы» и «адвизы»). Впервые слово упоминается в письме из приказа Тайных дел к иноземцу Ивану Гебдону (1661 г.).³² Если «куранты» — прямое заимствование из голландского языка, то итальянская по происхождению лексема «авизы», вероятнее всего, заимствована через посредство других европейских языков, скорее всего немецкого. В XVII в. слово «Aviso» использовалось в названиях многих немецких газет.³³

²⁸ В-К V. С. 57.

²⁹ В-К V. С. 101.

³⁰ *Maier I.* Die Übersetzungen westeuropäischer Zeitungen am Moskauer Gesandtschaftsan von 1660 bis 1670. Zur ersten Ausgabe der Vesti-Kuranty mit Paralleltextrn // *Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*, Ljubljana, 15–21 August 2003 / Ed. by Brigitta Englund Dimitrova & Alexander Pereswetoff-Morath. Lund, 51–74 (Slavica Lundensia, Supplementa 2). S. 54–55.

³¹ Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что остались по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова / Сообщил Е. В. Барсов // *ЧОИДР* 1887. Кн. 3. С. 60; *Сахаров А. Л.* О названии русской рукописной газеты 1621 г. ... С. 397.

³² *Гурлянд И. Я.* Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент. С. 22.

³³ *Bogel E. & Blühm E.* Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts... Bremen, 1985. Bd. 3. S. 172. За эти сведения благодарю И. Майер.

Однако из числа возможных посредников нельзя исключать и польский язык, поскольку слово «awis» в значении «газета» употреблялось в Польше.³⁴ Термином «авизы» пользовался в своих донесениях из Варшавы прибывший туда в качестве резидента в 1674 г. стольник В. М. Тяпкин.³⁵ Но могли быть и другие варианты заимствования. К примеру, серб Юрий Крижанич, находясь в ссылке в Тобольске, использовал по отношению к газетам именно этот термин, когда писал на латыни: «In advisiis, quae mihi ultimo ad manus venerunt, legi...» (1663 г.).³⁶ Не исключено, что ставшее интернациональным слово пришло в Россию одновременно через разные языки. Появление в русском языке на рубеже 1650-х–1660-х гг. сразу двух новых слов для обозначения газет свидетельствует о том, что иностранная пресса начала входить в повседневную жизнь политической элиты России.

О том, что не позднее, чем с 1660-х гг., русское правительство активно использовало сведения иностранных информационных изданий, мы узнаем из сообщений иностранцев. Так Августин Мейерберг, посланник императора Священной Римской империи германской нации Леопольда I к Алексею Михайловичу, пребывавший в Москве в 1661–1662 гг., писал: «При переговорах они оказываются самыми непостоянными. Особливо потому, что наибольшая важность доказательств зависит у них только от известий, напечатанных в „еженедельных Меркуриях“ прусаков и голландцев, занесенных в Москву, да еще в превратном виде, иноземными купцами; они слушают их точно ответы с треножника Дельфийского оракула».³⁷ В этом высказывании смешались высокомерие, с которым имперские послы привыкли относиться к «диким московитам» и раздражение по поводу весьма неприятного открытия — российские дипломаты знали о происходящем в Европе и пользовались этим знанием совсем не так, как хотелось бы Мейербергу.

Одной из причин быстрого увеличения количества попадавших в Россию иностранных газет было то, что ими интересовался сам царь Алексей Михайлович. Яркое свидетельство такой заинтересованности

³⁴ Покровский А. К истории газеты в России. С. 6.

³⁵ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. Т. 11. С. 490, 500.

³⁶ Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 197.

³⁷ Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. М., 1997. С. 90.

относится к 1652 г., когда на обороте одного «перевода с вестового письма» была сделана очень необычная помета: «Государю чтена. Изволил государь пречесть сам вслух при боярех октября в 13 день».³⁸ Документы на заседаниях Боярской думы, как правило, зачитывали думные дьяки. В любом случае, это было не царским делом. Особое внимание Алексея Михайловича к статье объясняется очень просто. В публикации рассказывается, что в Англии «мирским людям» стало тяжело жить. Они отягощены поборами со стороны военных. Их надежды «свободны быть, и по своей воли жить», возникшие после свержения английского короля, оказались напрасными: «Только ныне от себя обмануты видят, и для того всяк избавленья себе уповаet».³⁹ Как видим, Алексей Михайлович лично зачел боярам документ, свидетельствующий о благодетельности царской (т. е. его собственной) власти для народа и бессмысленности бунта против законного государя. Внешнеполитическая информация об изменении ситуации в Англии была в данном случае для Алексея Михайловича явно вторична. Другие (иногда значительно более важные) документы с «английскими» известиями такого внимания со стороны государя не удостаивались.

Мысль о необходимости наладить регулярную доставку иностранной прессы в Россию появилась у царя несколько лет спустя. До нашего времени сохранился документ, который дает уникальную возможность увидеть, как именно это произошло. 22 февраля 1659 г. Алексей Михайлович дал А. Л. Ордину-Нащокину роспись того, что нужно привезти из-за границы. Среди прочего, государя интересовало, что в иностранных газетах сообщают о нем лично и его делах, поэтому под десятым пунктом царь затребовал «Лист печатной о государеве походе», а под одиннадцатым добавил: «И всем государевым трем походам». Только в последнем пункте монаршее око охватило более широкие горизонты, и царь затребовал «вести изо всех государств ежемесяц».⁴⁰

Выполнить царскую волю Ордину-Нащокину не удалось, хотя в дальнейшем, выполняя различные поручения государя, он часто снабжал Посольский приказ иностранными газетами.⁴¹ Однако Алексей Михайлович не оставлял своей идеи. Вскоре такое же задание получили отправленные в Англию и Италию П. С. Прозоровский и И. А. Желябужский. В своем статейном списке (1662–1663 гг.) они сообщали, что

³⁸ В-К IV. С. 5.

³⁹ В-К V. С. 89.

⁴⁰ Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. С. 109.

⁴¹ В-К VI (Ч. 1). № 1, 3, 5, 6, 22.

в Англии, Флоренции и Венеции найти людей «кому б писать про вести и присылать куранты» найти не удалось из-за дальнего расстояния. Несколько лучше обстояли дела в Курляндии. Здесь желание сообщать новости в Москву выказал канцлер курляндского князя.⁴² Поручение организовать регулярную доставку иностранной прессы в Россию Желябужскому дали не случайно. В 1661 г. он уже передавал в Посольский приказ «немецкие куранты».⁴³

Разными путями иностранные газеты попадали в Москву все чаще. Так в 1664 г. работавший в Пскове переводчик Ефим Фентуров прислал газеты из Пруссии и Гамбурга в Новгород переводчику Лазарю Цымерману. Тот сообщил об этом воеводе И. Б. Репнину и дьяку С. Углецкому и сделал перевод. Перевод был отправлен в Москву в Посольский приказ с новгородским стрельцом Я. Савельевым. Только на доставку газет из Новгорода в Москву ушла целая неделя.⁴⁴

Желание царя получить постоянный доступ к новостям европейской прессы было реализовано только 18 мая 1665 г., когда между приказом Тайных дел (органом, который занимался вопросами, интересовавшими царя Алексея Михайловича лично) и иноземцем Яном ван Сведеном был заключен договор об организации почты. Он обязался привозить «вестовые письма всякие Цесарской, Шпанской, Французской, Польской, Свейской, Дацкой, Аглинской, Италианской, Галанской и Недерлянской земель ис стольных городов по две недели, из Турского, из Кизылбашского царств и из Ындеи по времени». На расходы ему было выделено 500 рублей деньгами и на 500 рублей соболиных шкур.⁴⁵ В основном ван Сведен привозил газеты. Его почта была частным коммерческим предприятием, которое работало по договору с правительством и пользовалось его покровительством. Наиболее ранние из курантов, составленных на основе пришедших через почту ван Сведена газет, датированы 20 июля 1665 г.⁴⁶ Таким образом, регулярная доставка европейской прессы в Москву была налажена через 20 с небольшим лет после того, как эту идею высказал Ю. Филимонатус и более, чем через 6 лет после того, как этого пожелал сам царь Алексей Михайлович.

Безоговорочно рассматривать все куранты после 1665 г. как результат работы почты ван Сведена нельзя, в Посольский приказ «вести»

⁴² Кобзарева Е. И. Известия... С. 61.

⁴³ В-К VI (Ч. 1). № 9; РГАДА. Ф. 141. 1652 г. Ед. хр. 122. Л. 39–56.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1664 г. Ед. хр. 2. Л. 1.

⁴⁵ РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. СПб., 1907. Стб. 1065.

⁴⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 440 (И. Е. Забелина). Ед. хр. 26/1.

продолжали попадать и через других корреспондентов.⁴⁷ 20 мая 1666 г. договор с ван Сведеном о почте был продлен.⁴⁸ Когда же в следующем, 1667 году подошел срок очередного продления соглашения, ван Сведен получил от русского правительства еще одно задание — его направили за границу «для призыванья в Московское государство ремесленных людей».⁴⁹ Хотя в документе не говорилось о доставке вестей, фактически ван Сведен продолжал выполнять эту работу.

Почта, через которую кроме «вестей» для государственных нужд пересылались за плату частные письма иностранных купцов, оказалась очень выгодным предприятием. Когда об этом стало известно, появилось много желающих доставлять «вести» из Европы в Москву. В 1668 г. подошел очередной срок возобновления «почтового» договора, ван Сведен узнал, что на право содержать почту претендует Леонтий Марселис (сын Петра Марселиса, много лет торговавшего в России и выполнявшего самые разные задания русского правительства; семейству Марселисов покровительствовал глава русского внешнеполитического ведомства А. Л. Ордин-Нащокин). Ван Сведен подал челобитную государю, в которой напоминал, что «держал» почту три года и просил дать ему торг с Марселисом.⁵⁰ Русское правительство воспользовалось случаем добиться от иностранных коммерсантов наиболее выгодных условий оплаты почтовых услуг. Дело Марселиса и ван Сведена слушалось с 29 мая по 1 июня 1668 г. Ван Сведен выразил готовность доставлять «вести» раз в неделю и сократить оплату своих услуг до 400 рублей в год, при условии, что почту будут возить ямщики, а не его наемные люди.

Леонтий Марселис сказал, что он и его отец Петр бесплатно три года доставляли в Москву «всякие подлинные ведомости» (в первой половине 1660-х гг. в возрасте чуть более 20 лет Леонтий занимался сбором политических сведений в Риге, был разоблачен, арестован, а потом бежал, подкупив своих охранников⁵¹), и если корреспонденцию будут возить ямщики, то готов держать почту бесплатно, в надежде на «премно-

⁴⁷ Так, например, «амбурец, торговли иноземец» Иван Плюс 5 января 1666 г. подал в Посольском приказе «немецкий печатный лист». См.: РГАДА. Ф. 155. 1666 г. Ед. хр. 11. Л. 72, 93, 92, 91, 90, 88, 89.

⁴⁸ РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 1195.

⁴⁹ Там же. Стб. 1305

⁵⁰ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 4, 5.

⁵¹ Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 162.

гую милость» великого государя. Необходимо только жалование тем, кому «в Вильне и в иных местах почта приказана, и которые учнут всякие ведомости писать ему». Марселис также обещал, что через его почту не будет контрабанды денег и драгоценностей. Назначить более выгодные условия было невозможно, и победа в торгах досталась Леонтию Марселису.

Таким образом, после передачи почты Марселисам существенно изменилась система организации и финансирования всего предприятия. Теперь почтмейстеру денег не выплачивалось вообще. Для перевозки почты по территории России стали использовать государственную ямскую службу. На почтовых станах от Москвы до Риги и Вильно среди ямщиков выбрали почтарей. Таким образом, государство взяло на себя ответственность за сохранность и своевременную доставку корреспонденции. При Марселисах почта уже не была чисто капиталистическим предприятием, как в предыдущие годы. Высококвалифицированный труд осуществлялся почтмейстером и его коллегами за границей, а перевозка почты — феодально-зависимыми, прикрепленными к своим ямам ямщиками. Если для сотрудников почты ван Сведена трудовым стимулом были только деньги, то при Марселисах к очень небольшим «прогонам» (плата за перевозку), которые выплачивались ямщикам нерегулярно, добавлялось нещадное битье батогами в случае ненадлежащей доставки корреспонденции. Интересно сравнить организацию почты с другим предприятием Марселисов — железоделательными заводами.⁵² Сложные работы на них выполняли вольнонаемные мастера, по большей части иностранцы, а вспомогательные — приписные крестьяне. Очевидно, именно такой способ организации высокотехнологичного производства был наиболее выгодным в России того времени.

Проиграв торг, ван Сведен попросил разрешения держать собственную почту еще год за свой счет.⁵³ О последнем периоде работы почты ван Сведена известно в основном из обвинений, которые против ван Сведена и его наследников выдвигал Леонтий Марселис. Дело в том, что, сделав большие уступки правительству, Марселисы решили компенсировать убытки, превратив пересылку любой корреспонденции за границу в свою монополию. Уже 26 июня 1668 г. Ордин-Нащокин просил царя запретить иным иностранцам, кроме Марселиса, пересылать

⁵² Юркин И. Н. Демидовы в Туле. М., 1998. С. 15; Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 1. С. 76.

⁵³ Там же. Т. 2. С. 5–7.

грамотки за рубеж. В отписку об устройении Рижской почты, которую Марселис привез в Псков воеводе князю Д. С. Великому-Гагину, было включено требование запретить иноземцам, живущим в Пскове, нанимать гонцов и посылать письма с проезжими. С тех, кто будет посылать письма в обход почты Марселиса, полагалось брать штраф по рублю с каждого золотника веса,⁵⁴ а 28 октября 1668 г. по челобитью Леонтия Марселиса был «указ сказан» стряпчему голландской и гамбургской компании Григорию Миколаеву посылать за рубеж письма только через почту Марселиса.⁵⁵ Однако, судя по более поздним документам, ван Сведен продолжал «держатъ» почту и присылать «вести» до самой смерти в конце 1668 г.⁵⁶

После смерти ван Сведена Марселис продолжал добиваться ликвидации его почты. По челобитью Леонтия Марселиса был допрошен Еремей Левкин, племянник умершего ван Сведена. Марселис обвинял его в тайной отправке за границу вестовых грамоток. Еремей Левкин сказал на допросе, что почта отпускается уже четвертый год по тому договору, который заключил ван Сведен с приказом Тайных дел. Он, Еремей, по тому договору еженедельно поставляет «ведомости» в приказ Тайных дел.⁵⁷

Иностранные купцы попытались добиться сохранения почты ван Сведена. 7 декабря 1668 г. стряпчий голландской и гамбургской компании Григорий Миколаев подал в Посольский приказ челобитную, по которой жаловался, что Леонтий Марселис берет за письма с золотника веса 10 копеек, тогда как ван Сведен брал 6 копеек. Столько же хочет брать и вдова последнего. Григорий Миколаев просил, чтобы купцам было позволено, как прежде, посылать свои грамотки с почтой вдовы ван Сведена или со своими гонцами.⁵⁸

Сведений, однозначно свидетельствующих о работе почты ван Сведена в 1669 г. и позднее, в источниках не встречается. Очевидно, Марселисы, опираясь на поддержку Ордина-Нащокина, все-таки добились ее ликвидации. Дату начала работы почты Марселисов называет «Книга записная нынешняго 178 году курантом». В ней говорится, что первая почта отпущена из Москвы на Ригу 17 сентября 1668 г., а на Вильно —

⁵⁴ Там же. С. 8–11.

⁵⁵ Там же. С. 11

⁵⁶ *Стрейс Я.* Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам // *Московия и Европа*. М., 2000. С. 324, 325.

⁵⁷ *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 38, 39.

⁵⁸ Там же. С. 39, 40.

1 марта 1669 г.⁵⁹ В договоре о почте, заключенном Леонтием Марселисом, он обязался «держать... почту, что во всех государствах во всякое время делается, вестями так печатными, как и письменными».⁶⁰ Теперь европейские газеты приходили в Москву гораздо более регулярно, чем прежде. Однако даже через год после начала работы почты Марселиса газеты продолжали (хотя и редко) попадать в Москву по другим каналам. Так, 6 сентября 1669 г. дьяк Еремей Полянский принес в Посольский приказ из приказа Тайных дел «немецкие печатные куранты» (газеты). В тот же день готовый перевод и «подлинной лист» были «взяты» обратно в приказ Тайных дел.⁶¹ Поскольку Марселис привозил почту непосредственно в Посольский приказ, то принесенные Полянским газеты не могли быть доставлены рижской или виленской почтой.

Насколько же быстро доставлялись иностранные газеты в Москву в период правления Алексея Михайловича? Данный вопрос был рассмотрен на целом ряде примеров в исследовании И. Майер. Для газет из Голландии она установила, что в период до учреждения почты в одном случае они шли до 54 дней (1660 г.), во втором случае 43 дня (1665 г.). В конце 1660-х гг., после организации почтовой связи, средний срок доставки периодических изданий из Голландии составил 30–35 дней. Из приведенных данных очевидно, что создание почты позволило радикально сократить сроки доставки европейских газет в Москву. Немецкие газеты в это время приходили за 24–32 дня из Гданьска, а из Гамбурга (при очень удачном стечении обстоятельств) их могли привезти за 22 дня.⁶²

Еженедельная доставка корреспонденции из Риги и Вильно позволяла получать иностранные газеты и составлять куранты до 8–10 раз в месяц. На практике куранты составлялись реже. В 1671 г., когда работа почты уже стабилизировалась, иностранная пресса доставлялась в Москву от 4 до 9 раз в месяц.

Таблица № 4

Составление курантов в марте—июне 1671 г.⁶³

	март	апрель	май	июнь
через рижскую почту	2	2	2	4
через виленскую почту	3	2	5	5

⁵⁹ Там же. С. 36, 37.

⁶⁰ Там же. С. 21.

⁶¹ РГАДА. Ф. 155. 1669 г. Ед. хр. 8. Л. 40–40 об.

⁶² В-К VI (Ч. 2). С. 70–73.

⁶³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7; 1665 г. Ед. хр. № 12.

За октябрь—ноябрь 1673 г. рижская почта доставила газеты 5 раз, а виленская — 6,⁶⁴ в 1674 г. виленская почта практически перестала привозить в Москву иностранную прессу. Вероятно, это связано с тем, что в конце 1673 г. в Польше появился первый постоянный русский дипломатический представитель — Василий Михайлович Тяпкин, который сам занимался сбором и систематизацией информации. Возможно, в такой ситуации в Москве сочли невыгодным закупать газеты через польских почтмейстеров.

Таблица № 5

Составление курантов в марте—июне 1674 г.⁶⁵

1674	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август
через рижскую почту	1	4	3	3	4	4	3	4
через виленскую почту	2		1					

Теперь куранты составлялись реже, чем в 1671 г., однако содержащихся в них известий для российских властей хватало. В 1674 г. Иоганн Филипп Кильбургер, участник шведского посольства в Россию и автор «Краткого известия о русской торговле...», писал: «С почтой еженедельно получают точно так правильно, как здесь в Швеции, все голландские, гамбургские, кенигсбергские, как печатные, так и написанные ведомости. Они всегда должны быть переведены на русский язык и прочитаны царю».⁶⁶ О том, что происходило с курантами в 1675 г., сказать сложно, поскольку документы практически не сохранились. Обе озаглавленные сводки за сентябрь этого года составлены на основании изданий, пришедших через Ригу.⁶⁷ В любом случае куранты продолжали составлять. Об этом узнаем из сообщения бранденбургского посланника Иоахима Скультета: «...у русских сейчас есть на все свое мнение, и они достаточно информированы из газет о происходящем».⁶⁸

Из-за того, что Леонтий Марселлис передавал газеты непосредственно в Посольский приказ, а не в приказ Тайных дел, как это раньше делал

⁶⁴ РГАДА. Ф. 155. 1673 г. Ед. хр. 9.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 155. 1674 г. Ед. хр. 7.

⁶⁶ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 161.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1675 г. Ед. хр. 9.

⁶⁸ Beschreibung der zweiten Gesandtschaft, welche Joachim Scultetus 1675 nach Russland angetreten // Büsching A. F. Magazin für die neue Historie und Geographie. Theil. IX. 1775. S. 44. Благодарю за эту цитату Е. И. Кобзареву.

Ван Сведен, возник вопрос об иерархии в служебных отношениях между почтмейстером и переводчиками Посольского приказа. Об этом свидетельствует «дело», которое возникло между Марселисами и переводчиками. Конфликт начался в апреле 1669 г. Переводчики Посольского приказа Иван Тяшкогорский и Леонтий Гросс выдвинули к Леонтию Марселису серию претензий. Они жаловались, что Марселис распечатывает связки с газетами и отмечает на них те статьи, которые нужно перевести. Переводчики рассматривали это как бесчестие, поскольку они «и без него знают, что годно перевести». В заключение переводчики просили, «чтоб великий государь пожаловал, велел от того почтаря оборонить». По этой челобитной 27 апреля Леонтию Марселису было указано приносить почту в Посольский приказ нераспечатанной.⁶⁹

К 29 апреля относится еще один документ с жалобами переводчиков. Посольского приказа переводчики «розных языков» вновь «били челом», что Марселис приносит к ним вестовые письма распечатанные, а иногда приносит копии. Переводчики указывали, что в других государствах почту привозят в канцелярию нераспечатанной, там распечатывают и только потом отдают почтмейстеру частную переписку. Жалоба была подписана Тяшкогорским. Другой переводчик, С. Лаврецкий, занимавший более скромное место в переводческой иерархии, подтверждал, что в Польше при подскарбии коронном делается так, как описано в жалобе Тяшкогорского.⁷⁰

На следующий день Петр Марселис (отец Леонтия Марселиса) по царскому указу принес опечатанные сумки с виленской почтой в приказную избу. Там он сказал, что во всех государствах почтари сами распечатывают почтовые сумки, и он Петр и сын его Леонтий били государю челом, чтобы он разрешил Марселисам приносить почту в Посольский приказ распечатанной, иначе им, Марселисам, будет «бесчестье великое, будто им в том великий государь не верит». Произнеся эту речь, Петр Марселис ушел из приказа вместе с запечатанными сумками.⁷¹

Марселисы, вступая в конфликт с переводчиками, рассчитывали на покровительство Ордина-Нащокина. Эти расчеты оказались напрасными. Нащокин уже потерял былое влияние на государя. Более того, покровительство Марселисам стало одним из пунктов обвинений, выдвигавшихся

⁶⁹ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 40, 41.

⁷⁰ Там же. С. 24.

⁷¹ Там же. С. 25.

нутых руководителю Посольского приказа его противниками. Мы не будем касаться подробностей, связанных с причиной падения и последующего пострижения в монахи бывшего царева любимца Ордина-Нащокина. Для нас интересно, что низвергнутого царского фаворита, среди прочего, обвиняли в упущениях в работе почты: «Почта для чего не за крестным целованьем? Грамотки распечатывают, а Марселис сказал, что и вперед будет распечатывать: явно, что вести переписывает, в числах не сходится. И в золотых улика есть, что многие присылаются чрез почту, а он не все объявляет». Ордин-Нащокин отвечал на это, что приведение к присяге не входит в его компетенцию, а Леонтия Марселиса преследуют за дружбу с ним.⁷²

Общий ход событий позволяет нам не сомневаться в победе переводчиков над Марселисами, которые осмелились перечить царскому указу. Сам же инцидент дает возможность ответить на чрезвычайно важный вопрос о том, кто выбирал в огромной массе газетной информации статьи для перевода на русский язык. Судя по материалам дела, это было прерогативой переводчиков Посольского приказа. Попытки нового почтмейстера Марселиса взять данную функцию на себя привели к острому конфликту, потребовавшему вмешательства царя.

Никаких сведений о вмешательстве руководства Посольского приказа в отбор газетных статей для перевода мы не находим. Скорее всего, переводчикам просто давались общие указания о тематике интересовавших русское правительство известий. С точки зрения сегодняшней практики, когда переводчики выполняют лишь техническую работу, такое положение дел кажется странным. Однако следует учитывать, что до конца XVII столетия в составе политической элиты России владеющие иностранными языками люди были исключением. Если бы кто-то из руководителей Посольского приказа захотел отбирать материалы для курантов сам, то понадобилось бы предварительно переводить газеты полностью, что существенно увеличивало бы объем работы. Штаты Посольского приказа не позволяли такого расточительства. Особый статус переводчиков в России отмечали и посещавшие Москву иностранцы. Так Я. Рейтенфельс называл переводчиков «секретарями по внешним сношениям».⁷³

Данных о том, кто переводил иностранные газеты в период правления царя Алексея Михайловича, сохранилось мало. Известно лишь, что

⁷² Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. VI. Т. 12. История России с древнейших времен. С. 383, 384.

⁷³ Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007. С. 83.

переводы немецких газет для курантов 29 октября и 7 ноября 1671 г. делал Леонтий Гросс, а для сводки 29 ноября 1671 г. — Иван Тяшкорский. Голландские газеты для курантов 29 октября, 7 и 29 ноября 1671 г. переводил Андрей Виниус.⁷⁴ Некоторое время он был единственным переводчиком с голландского языка в Посольском приказе.⁷⁵ Вопрос о том, насколько качественно составлялись обзоры иностранной прессы в период правления Алексея Михайловича, в полной мере решен для курантов, составленных до начала 1671 г. В своей диссертации Д. К. Уо отметил, что переводчики включали в куранты наиболее важную с их точки зрения информацию. Из отобранных для перевода статей удалялись излишние и второстепенные сведения. В ряде случаев перевод скорее представлял собой пересказ. Непонятные места корреспонденций прямо в тексте могли комментироваться.⁷⁶ И. Майер подробно проанализировала работу переводчиков за 1660–1670 гг. Она отметила, что в ряде случаев переводчики делали серьезные ошибки, искажавшие смысл оригинала. Тем не менее, по сравнению с началом XVII столетия подготовка переводчиков к 1660-м гг. значительно улучшилась.⁷⁷

2.2. Куранты времени правления царя Федора Алексеевича

После смерти царя Алексея Михайловича некоторые члены Боярской Думы, стремившиеся изолировать Россию от дурных влияний Европы, выступили за ликвидацию почты (вместе с театром и некоторыми другими новшествами). Об этом с тревогой сообщали европейские дипломаты, находившиеся в Москве.⁷⁸ Однако столь радикальные меры не были реализованы. 1670-е годы стали для курантов «классическим» временем. Система доставки и обработки иностранных газет была отлажена и работала более-менее четко. Перемены, конечно, происходили, но они уже не имели такого принципиального характера, как раньше. В 1675 г., незадолго до смерти Алексея Михаловича, почта была отобрана у Петра Марселиса младшего (брат Леонтия Марселиса)

⁷⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. № 6. Л. 6 об., 10, 91 об., 96 об., 102 об., 107 об.

⁷⁵ Юркин И. Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. С. 85.

⁷⁶ Waugh D. C. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes... Р. 38, 49, 50, 51, 60. В 1670-х гг. постепенно становится нормой помещать переводческие комментарии не в тексте, а на полях курантов.

⁷⁷ В-К VI (Ч. 2). С. 168–190.

⁷⁸ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2008. С. 92.

и передана Андрею Андреевичу Виниусу.⁷⁹ Андрей Виниус так же, как и младшие Марселисы, имел тесные связи с Россией. Их отцы Петр Марселис старший и Андрей Виниус старший когда-то вместе строили первые в России железоделательные заводы под Тулой. Между компаньонами произошла ссора, Марселис вытеснил Виниуса из дела. Пути двух семей разошлись не только в бизнесе. Марселисы твердо придерживались протестантского вероисповедания и, ведя свои дела в России, оставались для нее чужими, а Виниус старший перешел в православие. Его сын работал переводчиком в Посольском приказе. Смена социального статуса руководителя почты способствовала ее дальнейшей интеграции в аппарат государства.⁸⁰

Несмотря на постепенное огосударствление почты, ее коммерческий характер по-прежнему играл существенную роль. В частности, Виленская почтовая ветка была закрыта в 1681 г. в соответствии с личными денежными интересами Виниуса: в условиях спада деловой активности из-за эпидемии в Европе переписка между купцами сократилась, и предприниматель решил ликвидировать одну из двух почт. Прекратить пересылку писем через Вильно Виниуса призывал гданьский почтмейстер Вернер Штурм (Бранденбургские почты), который конкурировал с виленским почтмейстером. В челобитной о закрытии почты Виниус уверял, что перепиской торговых иноземцев «едва протори одной Рижской почты исполнить можно... а чрез Вильно посылать нечего».⁸¹

Ликвидация одной из двух почтовых веток противоречила интересам государства. В случае конфликта со Швецией Россия автоматически лишалась единственного канала, по которому регулярно поступала оперативная информация о политических событиях в Европе. Причина того, что Посольский приказ пошел на этот шаг, заключается в общей ориентации внешней политики последнего года царствования Федора Алексеевича на мирные отношения с соседями. Сыграло свою роль и влияние Виниуса в Посольском приказе.

⁷⁹ Виниус уже недолгое время исполнял обязанности почтмейстера в 1672 г. В 1695 г. его сменил сын Матвей, а в 1701 г. Петр I за проступки отца отобрал у Виниусов почту. Подробнее об А. А. Виниусе см.: *Юркин И. Н.* 1) Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716; 2) «От первопрестольного града Москвы...»: А. А. Виниус в Москве и Подмосковье. М., 2009.

⁸⁰ *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 1. С. 85–95, 171–195.

⁸¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 177–181; *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 57.

Учитывая то, что газеты требовались для регулярного получения оперативной информации, необходимо выяснить, в какие сроки и как регулярно их поставляли в данный период. Сроки доставки иностранной прессы зависели от двух факторов — работы европейских почтовых линий и скорости движения корреспонденции на их русской ветке. Теоретические сроки движения почты от Вильны до Москвы определяются договорами с виленским почтмейстером Бисингом 1669 и 1685 гг. Первый договор был составлен после учреждения виленской почты. В нем возможный срок доставки почты от Вильно до российской границы определялся в четыре дня. Столько же времени отводилось на провоз почты по территории России. Второй договор составили при возобновлении работы почты после почти пятилетнего перерыва. Он учитывал многолетний опыт работы виленской почты. Этот документ определял время движения почты по польской территории в пять дней. Соответственно бóльшим должен был оказаться и срок доставки почты по русской территории. Таким образом, исходя из текстов договоров 1669 и 1685 гг., минимальный срок доставки корреспонденции из Вильно в Москву в годы правления Федора Алексеевича не мог быть меньше 8–10 дней.

Переход от вольного найма к использованию ямщиков (произошедший после передачи почт Марселисам) создал проблему, которую не удалось решить в течение всего XVII в. — почта запаздывала. Регулярные экзекуции над ямщиками решали проблему лишь на короткий период. Уже в конце 1675 г., когда почтовое дело было отобрано у Петра Марселиса, ему ставилась в вину задержка корреспонденции на 2–3 дня.⁸² Удалось ли сменившему Марселиса Андрею Виниусу исправить положение? Прямых данных за период с 1676 по 1681 г. (времени ликвидации виленской почты) нет. При решении этого вопроса приходится опираться на сопоставление дней недели, в которые поступала в Москву виленская почта.

Теоретически, почта должна была приходиться в среду.⁸³ Поскольку в заглавиях курантов обычно указывалась дата доставки газет в Посольский приказ, то по формуле Е. Ф. Карского⁸⁴ оказалось возможным вычислить дни недели, когда иностранные газеты реально появлялись в Москве. Подсчеты показали, что корреспонденция из Вильно очень редко приходила в «почтовый день». Обычный срок ее доставки —

⁸² Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 1. С. 118, 164; Т. 2. С. 108.

⁸³ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле... С. 160, 161.

⁸⁴ Проништейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М., 1981. С. 117.

с пятницы по понедельник. Конечно, в каких-то случаях разница в датах объясняется тем, что заглавие курантов отражало не реальные сроки доставки газет, а время составления курантов. Однако в том, что почта постоянно задерживалась, вряд ли стоит сомневаться. Задержку в несколько дней (особенно весной и осенью) иногда можно объяснить ухудшением состояния дорог в распутицу. Вот как описывает весеннюю дорогу от Кадника к Смоленску (по ней возили и почту) участник польского посольства 1678 г. в Москву Б. Таннер: «4 апреля тронулись мы в путь — несчастливый и ужасный, по дремучим, топким лесам, где для проезда приходилось нередко в одну повозку запрягать по многу лошадей. Передняя грузовая повозка почти затонула в топи — ее в тот день не успели вытащить...».⁸⁵ Некоторое представление о скорости доставки корреспонденции дают датированные письма виленского почтмейстера Бисинга и его служащего Грева. В 1679 г. они попадали в Москву за 15 дней.⁸⁶ Вероятно, этот срок и был обычным для доставки почты из Вильно в Москву в царствование Федора Алексеевича, хотя в некоторых случаях почта приходила быстрее.

Рижская почта работала более четко. Кильбургер писал, что в 1674 г. почта шла 8–11 дней и приходила в Москву в четверг.⁸⁷ В 1676–1680 гг., судя по датам в заглавиях курантов, рижская почта приходила в четверг или в пятницу — т. е. практически не опаздывала. Надо также учитывать, что обозначенная на переводах иностранных газет дата их присылки в некоторых случаях фактически могла быть датой их перевода и на день отставать от реальной. Отсюда можно сделать вывод, что сроки доставки в Москву почты из Риги остались теми же, что и в 1674 г., и составляли 8–11 дней. После того, как в 1681 г. Рижская почта стала единственной, сроки доставки увеличились. В конце 1681—начале 1682 г. она практически никогда не приходила в четверг. Чаще всего помеченная на курантах дата поступления почты приходилась на пятницу. Иногда, особенно в распутицу, почта задерживалась даже до понедельника.

Время доставки газет зависело также от работы европейских почт. Были случаи, что они запаздывали. В 1677 г. отмечено два таких случая. Один раз к отправке виленской почты не пришла в срок почта из Голландии, в другой — к «отпуску» рижской почты опоздала корреспонден-

⁸⁵ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М., 1891. С. 29.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 83, 84.

⁸⁷ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле... С. 160, 161.

денция из Кенигсберга.⁸⁸ Скорее всего, иностранные почты задерживались чаще, чем об этом упоминалось в курантах. Кильбургер в 1674 г. писал, что при нормальной работе почты от Москвы до Гамбурга корреспонденции доходят за 23 дня через рижскую и за 21 через виленскую почту.⁸⁹ В 1676 и 1677 г. «грамотки» из Гданьска были доставлены за 20 дней через рижскую и за 23 через виленскую линию. В 1680 г. грамотка из более близкого Кенигсберга пришла через Ригу за 22 дня.

Чтобы выяснить минимальные сроки доставки прессы в Москву, был взят комплект кенигсбергских газет (они, за исключением рижских газет, печатались ближе всего к русским границам) за 1676 г. (период наилучшей работы почты).⁹⁰ Русский перевод удалось найти для семи номеров кенигсбергских газет. Это объясняется тем, что русские переводы сохранились только начиная с сентября 1676 г., а кенигсбергские газеты, наоборот, лучше представлены за начало года. Данная газета выходила два раза в неделю (четверг и воскресенье). Ее выпуски не датированы, но имеют сквозную годовую нумерацию. По этим данным устанавливается дата выхода газеты. Поскольку владения бранденбургских курфюрстов еще в 1610 г. перешли на григорианский календарь, а разница между календарной датой выхода кенигсбергской газеты и применяемым в России юлианским календарем в XVII в. составляла 10 дней,⁹¹ в дату выхода газеты вносилась соответствующая поправка. Средний срок доставки оказался равен 21,5 дням с момента выхода газеты. Срок доставки рижских газет, поступавших в Москву (судя по пометам на курантах) с 1677 г.,⁹² мог быть в два раза меньше, поскольку он определялся только временем движения рижской почты. Безусловно, по мере удаления от русских границ срок доставки корреспонденции увеличивался.

Вопрос о периодичности составления курантов необходимо решать для каждого конкретного периода отдельно. От времени правления царя Федора Алексеевича до наших дней сохранились документы за сен-

⁸⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 45, 289.

⁸⁹ Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле... С. 160, 161.

⁹⁰ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 1. С. 163, 164; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 1; 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 137, 234, 235; 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 139; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 177–181.

⁹¹ Пронштейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. С. 60–61.

⁹² Подлинники рижской газеты *Rigische Novellen* сохранились начиная с 1681 г. В РГАДА среди экземпляров Кенигсбергской газеты за 1681 г. сохранилось 8 номеров *Rigische Ordinari Post-Zeitung* за январь—март 1681 г. См.: Симонов В. И. Коллекция немецких газет XVII в. в ЦГАДА // Советские архивы. 1984. № 3. С. 58, 59.

тябрь—декабрь 1676 г., март—декабрь 1677 г., сентябрь 1678—август 1679 гг., сентябрь 1680—февраль 1681 г., май 1681 г.—апрель 1682 г. и отдельные сводки курантов за ноябрь 1679.⁹³ При нормальной работе и рижской, и виленской почт, которые возили корреспонденцию дважды в неделю, в Посольском приказе должны были составлять в разные месяцы 8–10 комплектов курантов. Однако реально иностранные газеты привозила не каждая почта. Об этом говорит помета «курантов с сей почтой нет»⁹⁴ на переводе письма Грева, служащего виленского почтмейстера Бисинга. В среднем за один месяц в 1676–1677 гг. газеты приходили 7,3 раза, за аналогичный срок в 1678–1679 гг. — 6,9 раз, а в 1680—начале 1681 гг. — 5 раз (данные о доставке газет указаны с дробями, что позволяет более точно оценить динамику происходивших перемен). После закрытия виленской почты, в конце 1681—начале 1682 г., газеты стали приходиться через рижскую почту достаточно регулярно — четыре раза в месяц. Из этого видно, что средняя частота составления курантов постепенно падала, особенно сильно это проявилось в 1680–1682 гг.

Снижение скорости и периодичности доставки газет в Посольский приказ может быть связано со сменой приказного руководства. 21 января 1679 г. его руководителем назначили боярина В. С. Волынского, пришедшего на смену думному дьяку Л. И. Иванову, тогда же в приказ получил назначение думный дьяк Л. Т. Голосов. Однако 6 мая 1681 г. главой приказа вновь становится Л. И. Иванов, и вместе с ним назначение получает дьяк П. Б. Возницын.⁹⁵ Частая смена руководства всегда отрицательно сказывается на работе подведомственного учреждения.

Доставленные почтой иностранные газеты сразу попадали в Посольский приказ. За время правления Федора Алексеевича отмечено только два исключения из этого правила. Осенью 1676 г. на границе России со Швецией проходил посольский съезд. Русское посольство возглавлял Иван Васильевич Бутурлин. Приходившие с рижской почтой иностранные газеты переводили прямо в самом стане⁹⁶ и лишь потом отпра-

⁹³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 1; 1677 г. Ед. хр. 7; 1678 г. Ед. хр. 4; 1679 г. Ед. хр. 5; 1680 г. Ед. хр. 4; 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5. Существенные утраты в переводах имеются за декабрь 1677, весь 1678, август 1679 г. и весну — лето 1681 г., что ограничивает возможность их использования для статистики.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 2.

⁹⁵ Беляков А. В. Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 77.

⁹⁶ Как свидетельствует статейный список посольства, доставка иностранной прессы непосредственно в посольский стан была организована еще до начала переговоров. См.: ОР РГБ. Ф. 29 (собр. Беляева). Ед. хр. 85. Л. 34, 40, 50–50 об.

ляли в Москву. Благодаря этому русские послы оперативно узнавали о поражениях шведских войск в Померании и Сконе и международной ситуации в Европе.⁹⁷ В январе 1681 г. в связи с эпидемией в Кракове был объявлен карантин на русско-польской границе. Пришедшие по виленской почте материалы переводились и копировались на заставе, потом они попадали в Смоленск, где снималась еще одна копия. Только «смоленская» копия отправлялась в Москву. Возможно, что так поступали и с приходившими через Вильно газетами. Однако точных данных об этом нет.⁹⁸

О том, кто именно из переводчиков Посольского приказа переводил газеты, известно немного. На смоленскую заставу во время карантина 1681 г. для перевода иностранной корреспонденции отправляли переводчика Степана Чижинского.⁹⁹ Однако он был переводчиком с польского и латинского языков.¹⁰⁰ Текст указа говорит о том, что Чижинский должен был переводить немецкие и латинские «вестовые и иные письма». О том, как переводились (и переводились ли вообще) на заставе голландские газеты, сведений нет.

Информацию о переводчиках, работавших с иностранной прессой в период правления Федора Алексеевича, дают их пометы на курантах. На скрепах сводки от 7 января 1681 г. сохранилось «рукоприкладство» переводчика Леонтия Гросса.¹⁰¹ Еще одна сохранившаяся скрепа гласит: «Ивашко Тяшкогорский переводил и руку приложил».¹⁰² Уместно вспомнить, что как раз от имени переводчиков Л. Гросса и И. Тяшкогорского подавалась приведенная выше жалоба на почтмейстера Марселиса, их пометы встречаем и на курантах времени правления царя Алексея Михайловича. Фактически в переводе статей из иностранных газет участвовало большее число людей. Об этом свидетельствует разнообразие почерков, которыми были выполнены черновые тексты курантов. То, что сохранились именно скрепы Л. Гросса и И. Тяшкогорского, объясняется их высоким положением в иерархии переводчиков Посольского приказа.¹⁰³

⁹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 11, 12, 23.

⁹⁸ ПСЗ-І. Т. II. № 858. С. 294.

⁹⁹ Там же. С. 295.

¹⁰⁰ *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII века... Приложения. Список служащих Посольского приказа 1645–1682 гг. № 550.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 167–176.

¹⁰² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 43–45 об.

¹⁰³ *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. М., 1997. С. 46; *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII века. С. 102–247.

Черновики курантов (за исключением весны—осени 1681 г.) сохранились в незначительном количестве. Среди них один за сентябрь 1676 г., один за август 1679 г., три за октябрь 1680 г. и четыре — за январь—февраль 1681 г. Три январских и февральских перевода были использованы вторично для упражнения в каллиграфии.¹⁰⁴ На них кто-то из подьячих отработывал написание букв и даже целых фраз. Обычно черновики оставались тогда, когда ни один из чистовиков по какой-то причине не возвращался в приказ.¹⁰⁵ Почерка черновиков могут принадлежать разным авторам даже внутри одного текста. Например, перевод 10 октября 1680 г. начат аккуратным почерком и на правильном русском языке, а продолжен латинизированной скорописью с наклоном и характерными для иностранца ошибками — «тругая» вместо «другая», «семель» вместо «земель» и т. д. Как указала И. Майер, такие ошибки могли быть сделаны выходцем из южных немецких земель. Данный почерк сильно отличается от почерка Л. Гросса, хорошо освоившего к началу 1680-х гг. русскую скоропись. Этот перевод имеет значительную стилистическую и орфографическую правку, в то время как некоторые из черновиков правки не имеют вообще. О том, что даже с одними и теми же статьями могли работать разные переводчики, свидетельствует один из комплектов курантов осени 1678 г. К сожалению, материалы сохранились не полностью. Из одних и тех же газет было составлено два чистовика. Они различались по расположению статей, стилю перевода и даже по словоупотреблению («молнии» или «перуны» и т. д.). Можно предположить, что перед нами результаты испытания, устроенного руководством приказа кандидату в переводчики.¹⁰⁶ Подобный экзамен описывает переводчик Посольского приказа М. И. Арсеньев: «И пришед в приказ, переводчик Николай Спафарей мене свидетельствовал в язы-

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 13–19; 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 256–258; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 40–45, 56–61, 264–275, 307–317, 187–204.

¹⁰⁵ В курантах за весну—осень 1681 г. чистовые тексты составляют меньшинство. Однако сложно сказать, были ли это именно переводческие черновики. Вероятно, в указанный период первоначальный перевод переписывался подьячими небрежной, «быстрой» скорописью, затем правился и лишь после этого копировался каллиграфической скорописью для отправки царю (практически все это время Федор Алексеевич провел в «походе», об этом говорят пометы на курантах и записи в дворцовых разрядах). См.: Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 187.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 172–174, 212, 184–185; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 46–50, 167–176.

ках. Потом дали мне грамоту венецкую по итальянски перевести, заперли в казенку и я перевел исправно».¹⁰⁷

Как и в прежние годы, при Федоре Алексеевиче из иностранных газет для перевода отбирались лишь отдельные статьи. Нами были сопоставлены куранты за 1676 г. и кенигсбергская газета за тот же год. Результаты сопоставления отражены в следующей Таблице № 6.

Таблица № 6¹⁰⁸

**Соотношение переведенных и не переведенных
на русский язык статей кенигсбергских газет**

№ кенигсбергской газеты	Общее кол-во корреспондентов в газете	Число переведенных корреспондентов	% переведенных корреспондентов
78	20	7	35
79	16	5	31,25
81	20	2	10
84	19	4	21
85	16	5	31,25
87	13	1	7,69
100	17	2	11,76
Всего	121	26	21,48

Фактически процент переведенных корреспондентов из кенигсбергских газет был меньшим за счет того, что из некоторых полученных в Посольском приказе изданий материалы не переводились вообще. Оказались полностью не востребованными № 75, 80 и ряд других. Это позволяет с полной уверенностью говорить, что куранты, как и прежде, представляли собой не сплошной перевод всех доступных новостей, а узкую выборку важных для русского правительства известий.

Необходимо также определить, как соотносились между собой переводы из голландских и «цесарских» (немецких) газет. Сделать это сложнее, чем для курантов последних лет правления Алексея Михайловича, когда они составляли две четко разделяемые части сводки (от этого принципа не позднее 1676 г. отказались так же, как и от переписывания курантов из столбцов в тетради). Однако в нескольких сводках курантов времени правления Федора Алексеевича статьи из голландских

¹⁰⁷ Турилова С. Л. Мемуары русского разночинца перв. пол. XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия, 1989. М., 1990. С. 13; Рогожин Н. М. У государевых дел быть приказано... М., 2002. С. 35.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 1. Л. 39–46, 59–74 об., 79–82 об.; Ед. хр. 8. Л. 50–63, 75–86, 91, 139.

газет помещены в конце столбца и отделены от корреспонденций из немецких изданий пометой переводчика. Это позволяет определить соотношение статей, взятых из голландских и немецких газет. Результаты сопоставления отражены в Таблице № 7.

Таблица № 7¹⁰⁹

Соотношение статей из голландских и немецких газет

Дата курантов	Общее число статей	Число статей из немецких газет	Процент статей из немецких газет	Число статей из голландских газет	Процент статей из голландских газет*
08.10.1676	13	12	92,3	1	7,7
13.09.1677	6	4	66,66	2	33,34
29.11.1679	12	9	75	3	25
02.11.1680	11	5	45,45	6	54,55
23.11.1680	13	11	84,61	2	15,39
Всего	55	41	74,54	14	25,46

* За 100% принято общее количество статей в данной сводке курантов.

Данные таблицы говорят о преобладании переводов из немецких газет. Встает вопрос, можно ли выборку считать корректной? Конечно же, определить точнее соотношение между немецкими и голландскими статьями можно было бы, найдя оригиналы ко всем переводам. Тем не менее, о преобладании в рассматриваемый период немецких переводов над голландскими можно говорить с большой степенью уверенности. Об этом свидетельствуют не только цифры, но и структура курантов. В них переводы «цесарских» газет во всех пяти случаях стоят на первом месте, а голландские помещены в конце.

Осталось ли среднее количество переводимой информации неизменным за все время правления Федора Алексеевича? Точно ответить на этот вопрос не составило бы труда, если бы текст курантов был набран на компьютере. В этом случае было бы достаточно автоматически подсчитать количество знаков в курантах за каждый месяц. Однако работу такого объема целесообразно проводить только при публикации текстов. Для предварительного решения намеченных задач достаточно посчитать количество переведенных статей. Оперировать данными ежемесячных подсчетов оказалось неудобным. При такой методике слишком сильно влияние случайных колебаний, которые мешают увидеть

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 50–55; 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 238–241; 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 267–279; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 66–76, 88–105.

Число корреспонденций

Номер столбца	1	2	3	4
хронологический период	09.1676– 11.1676	03.1677– 05.1677	06.1677– 08.1677	09.1677– 11.1677
среднее число корреспонденций	35,5	44	30	35,5
среднее число корреспонденций	усредненные данные за период			
	32,4 (полные)			36,3

общую картину. Поэтому все тексты курантов, оказавшиеся по своей сохранности пригодными для статистических подсчетов, были разбиты на периоды по три-четыре месяца. Для каждого из периодов посчитано среднемесячное количество переводимых статей. Оказалось, что в январе 1681 г. количество переведенных статей значительно выше среднего. Это могло быть вызвано какой-то случайной причиной. Нет и полной уверенности в достаточной сохранности материалов за 1678—начало 1679 г., количество переведенных статей было меньше среднестатистического. Для повышения точности расчетов данные за январь 1681 г. и сентябрь 1678—апрель 1679 г. были вынесены в отдельные графы. Результаты были сведены в Таблицу № 8.

Таблица показывает, что с середины 1679 г. количество ежемесячно переводимых статей увеличилось с 32,4 до 52,66 штук в среднем за месяц. Если из подсчетов исключить столбцы № 5 и № 6 (за эти периоды возможна утеря отдельных текстов), а также столбец № 9, где явно превышено среднее количество переводимых статей, то все равно наблюдается рост среднемесячного числа переведенных корреспонденций на 33 % (с 36,3 до 48,32 штук). Таким образом, можно утверждать, что в последние годы царствования Федора Алексеевича, несмотря на ухудшение работы почты, наблюдалось не снижение, а увеличение объема переводимой из иностранных газет информации.

Кроме обзоров иностранных периодических изданий в свитки курантов включались и отдельные материалы иного происхождения. Сколько-нибудь регулярно в куранты помещались только письма иностранных почтмейстеров к А. Винуису. Другие материалы единичны и, скорее всего, случайны. Письма иностранных почтмейстеров можно разделить на два типа. К первому относятся письма с новостями. Очевидно, они служили дополнением к газетам по вопросам, интересовавшим русское правительство. Второй тип составляли письма, касавшиеся работы почты. Иногда в одном письме могли совмещаться и те и другие

Таблица № 8

в курантах

5	6	7	8	9	10	11
09.1678, 10.1678, 12.1678	01.1679– 04.1679	05.1679– 07.1679	09.1680– 12.1680	01.1681	10.1681– 12.1681	01.1682– 03.1682
25,3	24,3	51	47	70	43,3	52
с 09.1676 по 04.1679 (без столбцов 5 и 6)		усредненные данные за период с 05.1679 по 03.1682			48,32 (без столбца 9)	
		52,66 (полные)				

известия. Материалы, сопровождавшие в свитках курантов переводы печатных изданий, сведены в Таблицу № 9.

Таблица № 9¹¹⁰

Дополнительные материалы в столбцах с курантами*

Годы	1676	1677	1678	1679	1680	1681	1682
Материалы							
Письма почтмейстеров и их сотрудников		3	2	7	2	1	
В некоторой грамотке из Берлина						1	
Выписка из статейного списка В. Тяпкина					1		
Лист к датскому посланнику		1					
Лист поданный польскими послами					1		
Подлинное начертание кометы на листе ¹¹¹						1	
С почтой из Чигирина		1					
Челобитные Я. Н. Одоевского и И. В. Бутурлина о доставке курантов	3						

* Цифрой обозначено количество материалов за указанный год.

Таблица показывает, что все эти материалы не определяли облика курантов и могли играть только вспомогательную роль.

Как уже говорилось, статьи иностранных газет для перевода отбирали переводчики Посольского приказа. В какой же срок осуществлялся перевод отобранных статей? В 1676 г. в посольском стане на границе со Швецией куранты, по крайней мере дважды, составлялись менее,

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 11, 12, 23; 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 28, 75–77, 137, 153, 234, 235; 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 138, 139, 203–207; 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 1, 2, 18, 19, 83, 84, 176, 177, 229, 230, 239–241; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 7–11, 49, 199–204, 297–306; 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 177–181, 182–186.

¹¹¹ В реальности в куранты включено только описание.

чем за один день. В Москву они отправлялись в день поступления почты из Риги на посольский стан.¹¹² Эти факты позволяют предположить, что обычно статьи из иностранных газет отбирались и переводились в день их доставки. В пользу предположения свидетельствует и ряд косвенных доказательств.

Чистовые куранты времени правления Федора Алексеевича всегда предварялись заглавием с устойчивым формуляром: «Перевод с цесарских/галанских печатных курантов каковы присланы чрез Рижскую/Виленскую почту в нынешнем во <год> году <месяца> в <число> день». С 1680 г. перед названием почты вставлялось «в Посольский приказ». Однако в одном случае в формуляре курантов отмечено отступление от твердо соблюдаемого правила. В комплекте курантов за сентябрь 1676 г. традиционное для заголовка слово «присланы» оказалось заменено словом «переведены».¹¹³

Любопытный случай относится к октябрю 1677 года. В деле за этот год имеются два абсолютно идентичных комплекта курантов. Однако на одном стоит помета, что он доставлен 21 октября, а на втором — 22 октября.¹¹⁴ Такое противоречие в данных источника можно объяснить следующим. Очевидно, второй чистовик был скопирован с черновика на день позже. Чтобы «сохранить свежесть» новостей, в нем изменили на один день дату составления курантов.¹¹⁵ Пометы и исправления на курантах 25/30 сентября 1680 г. напрямую фиксируют подлог с датами. Причем несколько запутавшийся в числах «автор» подлога настаивал в своих пометах, что куранты были составлены и отправлены к царю в один и тот же день.¹¹⁶

Эти данные позволяют сделать вывод, что в Посольском приказе сложились правила, в соответствии с которыми переводчики должны были выполнить перевод пришедших по почте иностранных газет «тотчас». Проставленная на документе дата доставки газет в Москву и «теоретическое» время перевода должны были совпадать. Однако случалось, что куранты оказывались «готовыми к употреблению» только на следующий день после прихода почты. Приказные служащие выходили из этой ситуации, корректируя дату. Иными словами, в документах ставили дату изготовления курантов, обозначая ее как время присылки иностранных газет.

¹¹² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 11, 23.

¹¹³ Там же. Л. 38.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 278–286.

¹¹⁵ Там же. Л. 310–328.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 23–30.

Необходимо сказать несколько слов о комментариях на полях курантов. В 1660-х гг., когда происходило становление системы обработки иностранной прессы, содержание курантов комментировалось крайне редко. Однако к середине 1670-х гг. многочисленные комментарии на полях курантов стали нормой. Переводчики поясняли названия географических пунктов, комментировали термины политического и социально-экономического характера. Такие пометы делались на полях основного текста напротив слов, понимание которых могло быть затруднено. Они помогали слушателям курантов ориентироваться в европейских событиях. Так, даты, указанные в летоисчислении от Рождества Христова, в помете переводились в исчисление от Сотворения мира. Комментировались названия метрологических и денежных единиц — мили пересчитывались в версты, английские фунты и датские кроны — в рубли и т. д. Встречались в курантах и толкования сложных для русского читателя понятий: «математик» — в комментарии на полях «числословец», «милион» — 10 сот тысяч, «галеры» — воинские корабли, «капуцин» — чин монашеский, «протестантская вера» — кальвинская вера, «неудовольствованные» — бунтовщики, «голдование» — вроде подданства, «триумфальные ворота» — победительные ворота. Наибольшая часть комментариев относится к географическим названиям.

В сообщениях иностранных газет о событиях в России информация могла излагаться в слишком общих чертах. Тогда на полях помещали дополнительный комментарий. Например, указание статьи, что «некоторой казакский полковник з 10000 вольницы стоит в Черном лесу, где он туркам, побрав у них людей и скота, великие шкоды чинит», было снабжено пометой, что речь идет о полковнике Шульце.¹¹⁷ Объяснения на полях могли быть и очень развернутыми. В одном из сообщений о штурме Чигирина в 1678 г. говорилось, что визирь приказал для янычар, которые работали в траншеях вокруг города, варить сорочинское пшено (рис) в воловьей и овечьей крови. Поясняющая это известие помета на полях гласила: «Для того, как визирь приде под город и велит янычаром ити в шанцы с мешками волосяными, а в них земля. И за то повелел он всех тех янычар кормить и поить довольно потому, что послал их на смерть».¹¹⁸ Подробные пометы были исключением. Как правило, комментаторы ограничивались 1–5 словами.

Подробные справки обычно в куранты не включались. Единственный за все время составления курантов случай отмечен в 1680 г. Тогда

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 161.

¹¹⁸ Там же. Л. 160.

к газетному сообщению о появлении двух пророков, предрекавших конец света, было составлена большая справка, в которую вошли материалы из статейного списка резидента Тяпкина и вестовых листов, поданных польскими послами. Справку составляли в повыеье Ивана Волкова по требованию думного дьяка Лариона Иванова.¹¹⁹

Насколько качественными были политико-географические комментарии к курантам времени правления Федора Алексеевича? Знания переводчиков были достаточными, чтобы правильно пояснить названия городов в соседних с Россией государствах. По крайней мере, в комментариях к названиям восемнадцати польских, курляндских и других восточно-прибалтийских городов, которые удалось точно идентифицировать, не сделано ни одной ошибки. Иначе обстояло дело с топонимикой государств, лежащих дальше к западу.

Если Берлин, столицу курфюрста Бранденбургского, в пометах всегда называли бранденбургским городом, то из восьми других населенных пунктов, которые удалось идентифицировать, два (Минден и Магдебург) назывались то «бранденбургскими», то цесарскими. Кроме того, «бранденбургским» (во втором случае «померским») в пометах назван шведский Вольгаст в Западной Померании. Город в тот момент занимали бранденбургские войска, хотя юридически он принадлежал Швеции. Название самой Померской (Поморской) земли в курантах поясняется дважды. В одном случае в заглавии — «Померская Западная земля» помечена как «цесарская». Факт ее раздела между Бранденбургом и Швецией по Вестфальскому миру переводчики игнорируют, хотя им известно о принадлежности западно-померанских Штеттина и Штральзунда Швеции. Еще один раз название «Померской земли» пояснялось в тексте статьи, сообщавшей о боевых действиях против Швеции. В помете стояло — «бывала цесарская». Вероятно, переводчик хотел подчеркнуть справедливость военных действий против Швеции. В остальных 14 случаях, когда это название встречалось в текстах, его оставляли без помет. Более того, его использовали для уточнения места расположения других географических пунктов. Граничащая с Померанией Мекленбургская земля один раз была охарактеризована как «вольное княжество», а в другом случае переводчик указал, что она находится «в Померской земле». Расположенный там же Росток дважды помечен как «вольной цесарский», и по одному — «бранденбургской», «свейской», «датской» и «немецкой». Последняя помета во всех

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 1–11.

случаях однозначно показывает, что переводчик очень слабо представлял, в чьих владениях расположен город.

Ошибочные пометы в отношении Ростока были сделаны из-за ориентации на содержание статей. По той же причине Ютландия и Норвегия, которые принадлежали датской короне, на полях курантов были обозначены как шведские. Путаница с определением принадлежности Норвегии была вызвана тем, что боевые действия происходили в Емтланде, который до 1645 г. входил в состав Норвегии и лишь после был аннексирован Шведским королевством. В четырех других случаях принадлежность Норвегии указывалась правильно. В отношении девяти других скандинавских топонимов (названий городов и земель), которые удалось идентифицировать, ошибок допущено не было.

Во всех случаях переводчики фиксировали не юридическую принадлежность территории, а ее реального владельца. Например, рядом с названием «Шконская земля» (Сконе), где велись боевые действия между Швецией и Данией, стояла помета «часть за шведами, а часть за датчанами». Иногда (но всегда с оговоркой) указывался прежний владелец территории. Например, Ланцкрон — «ныне датский, а был свейский». В одном случае, когда жители Штральзунда не пустили в свои стены разбитого на Рюгене шведского генерала Кениксмарка, переводчик, привыкший характеризовать этот город как «свейский», с удивлением отметил, что Штральзунд «бывал под свейскою обороною».

Сходную картину можно заметить, рассматривая топонимику Саксонии — другого имперского курфюршества. Его столица Дрезден упоминается с пометами шесть раз: всегда как «саксонской» или как «курфюрстера саксонского». Другой крупный саксонский город — Лейпциг — в одном случае из шести помечен как цесарский, а не как саксонский. Среди трех других точно идентифицированных саксонских топонимов два обозначены как цесарские. И наоборот, Йена, названная саксонской, находилась в Тюрингии на границе с Саксонией и в состав Саксонии не входила. Кельн, столица архиепископства — курфюршества, только в семи случаях из шестнадцати сопровождается пометой «курфюрстера колинского», чаще переводчики называли его цесарским городом. Столицы двух других влиятельных архиепископств — курфюршеств Майнца и Трира — отмечены как принадлежащие собственным курфюрстам. Сообщил переводчик и о принадлежности Трирскому курфюрсту Кобленца.

Конец XVII в. был временем заката вольных немецких городов. В составе Ганзейского союза оставались только три имперских города — Бремен, Гамбург и Любек, последний из которых захирел, а первый в

1654 г. был вынужден принести присягу шведскому королю, владевшему по Вестфальскому миру Бременской землей. Название Бремена трижды сопровождено пометами: «цесарский», «вольный» и «вольный цесарский», а Любека дважды: «цесарский» и «вольный цесарский».

Страсбург в восемнадцати комментариях дважды был назван «вольным цесарским», а в остальных его характеризовали как «цесарский», «цесарский под французским» (после его захвата Людовиком XIV) и, наконец, «ныне французский». Регенсбург — место заседания имперского парламента — в семи из девяти помет назван цесарским, в одной — вольным цесарским и в одной из-за ошибочной интерпретации содержания статьи — цесарским в Венгерской земле.

Приведенные выше пометы к немецким топонимам позволяют сделать вывод о двойственном отношении переводчиков Посольского приказа к Священной Римской империи германской нации. С одной стороны, ее рассматривали как единую державу под властью императоров Священной Римской империи, а с другой — понимали призрачность этого единства. Наследственные владения австрийских Габсбургов в Посольском приказе обычно тоже называли «цесарскими». Удалось идентифицировать семь таких топонимов в немецких и чешских землях.

Иначе обстояло дело с венгерскими владениями Габсбургов. В Посольском приказе с большим вниманием относились к венгерскому восстанию против венского правительства. Это отразилось в пометах на полях курантов. Среди трех городов, которые находились в восставших венгерских областях цесарской державы, Эпериес (Прешов) назван венгерским, Шемниц (Банска-Штьявица) — «в Венгерской земле», Найзол (Банска-Бистрица) — дважды «венгерским», «турским» и «турским в Венгерской земле». Только Сатмаро, расположенный южнее района восстания, помечен как «цесарский в венграх город».

Очевидно, для переводчиков и в этом случае фактическое владение территорией оказывалось важнее, чем ее юридическая принадлежность. Офен (Буда), лежащий в венгерских владениях Османской империи, сопровождается пометой «в венгерской земле турский город», а лежащий уже в Сербии Белград в одном месте назван «турским», а в другом «венгерским».

Название «Нидерланды» переводчики Посольского приказа могли применять и к испанским владениям, и к Голландским штатам (например, в пояснениях к названиям «Нимвеген» и «Гага»). Однако, когда речь шла об испанских владениях, перед словом «Недерлянды» всегда шло указание, что они «гишпанские». Среди голландских городов точно удалось определить Лейден, Утрехт, Маастрихт и Гарлем. Два пер-

вых локализованы переводчиками правильно. Маастрихт назван французским, поскольку до подписания Нимвегенского мира его занимали французские войска. Рядом с названием «Гарлем» переводчик поставил помету: «в цесарской земле». Ошибочно был определен как голландский г. Аlost, находившийся в испанских Нидерландах.

Удалось также идентифицировать десять населенных пунктов на юге Франции и в испанских Нидерландах — районах, где шли боевые действия между голландцами, испанцами и французами. Шесть из них были правильно помечены переводчиками в соответствии с тем, кто эти территории в данный момент занимал. Ошибки были допущены в отношении Перона, Валенсьена и Камбре, которые переводчик определил как лежащие «в Брабанской земле». Все три города расположены к югу от Брабанта. В отношении Люксембурга переводчик написал, что город «бывал цесарский и французы взяли его обманом». Из других французских городов удалось идентифицировать еще шесть, пять из них были прокомментированы правильно. Трудности у переводчиков возникли с Каннами. Их, в зависимости от содержания статей, называли то французскими, то итальянскими.

В Италии переводчикам Посольского приказа лучше всего были известны Рим и Венеция. К Папской области они совершенно правильно отнесли Болонью (два упоминания). Принадлежащую Венеции Верону они поместили как итальянский город, не упоминая ее владельца. Зато Далмация в пометах названа «виницейский» и «тою землею владеют половиною турки, половиною веницияне». Неаполь, центр испанских владений в Италии, помечен четырежды — как итальянский, «шпанский», «шпанский во Италии» и «во Италии короля гишпанского».

Под «Маландией» и «Маландом», которые переводчик поместил в Италии, нужно понимать принадлежащий Испании Милан. Монферрат, владения Мантуанского герцога, обозначен просто как итальянский. Ливорно, владения великих герцогов Тосканских, объяснялось один раз как «итальянской», другой — «флорентийского князя» (в первой половине XV в. Медичи, правители Флоренции, подчинили себе Тоскану и в 1569 г. стали великими герцогами Тосканскими, к ним неоднократно посылались посольства из Москвы,¹²⁰ эти посольства проезжали через Ливорно¹²¹), а третий — как турецкий город. Турин, сто-

¹²⁰ Обзор посольских книг из фондов — коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV—начало XVIII в.) / Сост. Рогожин Н. М. М., 1990. С. 114.

¹²¹ *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. М., 1896. Ч. 2. С. 246, 271.

лица Савойи, дважды упоминался как итальянский, а один раз переводчик отметил, что город находится «на французских рубежах».

На страницах курантов нашли отражение и топонимы стран Пиренейского полуострова. В самой Испании, кроме Мадрида, который помечали как «гишпанский» или «стольной город гишпанский», переводчики правильно отметили Аликанте, а испанскую Малагу поместили в Италии. Еще хуже обстояли дела с Португалией. В одной из корреспонденций переводчик, опираясь на контекст статьи, назвал «Португилию» «вольное княжество под французским королем». Лиссабон один раз был определен как португальский, другой — как испанский.

Не слишком хорошо известной в Москве оказалась Швейцария. Сама страна справедливо получила у переводчиков Посольского приказа определение «вольной речи посполитой», а Женева была помещена в Италии. Возможно, переводчик перепутал ее с Генуей.

Топография отделенной от Европы Ла-Маншем Англии в курантах представлена очень плохо. Тем не менее, переводчик правильно поместил шотландский Эдинбург.

В связи с комментированием географических названий курантов хочется сказать несколько слов о характере политико-географических познаний специалистов Посольского приказа. Его можно определить как переходный от опытного, эмпирического, к собственно научно-профессиональному. Ошибки в комментировании свидетельствуют об отсутствии у переводчиков базовых географических знаний. В Посольском приказе не была отлажена система проверки работы переводчиков. В результате название, получившее правильное определение в одних курантах, в другом случае могло быть идентифицировано ошибочно. Несмотря на наличие справочного материала, посольские переводчики при составлении комментариев во многом ориентировались на содержание газетных статей. Это иногда приводило к серьезным ошибкам.

После того, как переводчики заканчивали свою работу с курантами, черновики переходили в руки подьячих Донского поветья. В поветье работали «средние» и «молодые» подьячие М. Максимов, И. Нехорошей, Г. Степанов, А. Васильев.¹²² Общая подведомственность «донских дел» и курантов сохранялась, скорее всего, до ликвидации Посольского приказа.

Подьячие Донского поветья готовили «подносные» экземпляры курантов для царя и бояр. В царствование Федора Алексеевича, за исключением периода весны—осени 1681 г., чистовики курантов переписы-

¹²² Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 52, 53, 167.

вались в двух экземплярах. Анализ почерков чистовиков курантов за март—май 1677 г. показал, что корреспонденции в пять листов и меньше обычно переписывал один человек. Более крупные тексты всегда разделялись между несколькими переписчиками. Это было обусловлено требованиями скорости обработки информации. Одновременная работа нескольких переписчиков была возможна благодаря умению подъячих Посольского приказа писать тексты «в лист»¹²³ и наличию нумерации на листах большинства черновиков. Такая методика работы свидетельствует о том, что переписка курантов «начисто» не могла занимать много времени. Вряд ли она существенно задерживала передачу курантов царю и в Думу.

Около трети курантов за март—май 1677 г. переписано одним почерком. Еще два человека переписывали хотя бы один раз целые корреспонденции и регулярно участвовали вместе с коллегами в обработке больших по объему текстов. Владелец четвертого почерка постоянно привлекался к работе над крупными корреспонденциями. Таким образом, подавляющая часть курантов за весну 1677 г. была переписана четырьмя писцами, что не превышает штат повытья Д. Симоновского.

Информации о том, кто, кроме перечисленных лиц, работал с курантами, немного. С готовыми переводами к царю или кому-нибудь из бояр посылались подъячие П. Деревнин, Л. Паюсов, И. Торопов, М. Волков, В. Юдин, Ф. Протопопов и дьяк В. Бобинин. Никто из них не входил в повытье Д. Симоновского. Очевидно, Симоновский руководил только технической обработкой курантов. Общим руководством занимался непосредственно руководящий приказом дьяк. Так, Ларион Иванов лично зачитывал куранты царю и возвращал их в Посольский приказ, решал финансовые, кадровые проблемы почтовой службы и даже вопрос о закрытии виленской почты (иногда с участием В. Бобинина, Е. Украинцева и П. Долгово).¹²⁴ Таким образом, если исключить перевод и техническую обработку курантов, всеми связанными с ними вопросами занимался глава аппарата Посольского приказа.

По крайней мере один из «подносных» чистовых экземпляров использованных курантов возвращался в Посольский приказ (возможно,

¹²³ Демидова Н. Ф. Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 105.

¹²⁴ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 44–59; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 12; 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 112; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 1–11, 26, 27, 148, 297; Белокуров С. А. О Посольском приказе. С. 53.

что возвращались оба варианта, но один из них использовали как черновики, а затем выбрасывали). Случаи, когда возвращались оба чистовика, до 1681 г. очень редки. Один зафиксирован в 1676 г., один — в 1677 г. и три — в 1678 г. До конца 1680 г. включение дубликатов и черновиков в беловые столбцы почти не практиковалось (очевидно, чтобы не затруднять поиск информации).

Какой же из двух «подносных» экземпляров включали в свитки с курантами? В приписях к курантам от 25 сентября 1680 г. прямо говорится, что в Посольском приказе остался экземпляр, предназначенный для царя. Однако в помете на другом переводе (5 сентября 1678 г.) сообщается, что «к великому государю таков перевод послан в поход». Значит, в данном случае в приказе остался экземпляр, предназначавшийся для Боярской Думы. Таким образом, в свиток мог быть подклеен любой из экземпляров.

Что же происходило с курантами после того, как они покидали Донское поветье, и до того момента, когда их возвращали обратно на хранение? На этот вопрос дают возможность ответить пометы на оборотных сторонах курантов. Такие пометы стали регулярно появляться на курантах с начала правления Федора Алексеевича. Краткая стандартная формула таких помет выглядит следующим образом: «(год) года (месяц) в (число) день великому государю известно и бояром чтено». Точнее смысл этой приписки позволяют понять ее более пространственные редакции. После фразы «бояром чтено» иногда упоминается место чтения — как правило «в Передней» (зафиксировано по одному случаю «в Золотой» и «в Столовой»), то есть, судя по месту зачитания, текст читался Боярской думе. Фраза «государю известно» так же имеет расшифровки — «великому государю чтено в комноте», «великому государю в комнате чтено, при комнатных боярах, чол думной дьяк Ларион Иванов».¹²⁵ Значит, один экземпляр предназначался для доклада царю или царю с Ближней думой, а другой — для Боярской Думы. Вероятнее всего, что куранты, так же как и другие документы, зачитывали думные дьяки, которые были докладчиками и выполняли секретарские обязанности на заседаниях Думы.¹²⁶ Находившийся в Москве шотландский полковник П. Менезиус описал одно из заседаний Думы (июль 1676 г.), на котором зачитывались куранты. В этот день обзоры иностранной прессы читал вслух А. С. Матвеев — глава Посольского приказа, фаво-

¹²⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 1, 6.

¹²⁶ Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа. М., 2001. С. 83, 84.

рит Алексея Михайловича, чье политическое влияние после воцарения Федора Алексеевича быстро падало. Среди прочего, в курантах сообщалось об опале великого канцлера Дании. Неожиданно царь стал упрекать Матвеева в тех же преступлениях, что совершил датский канцлер. Вскоре после этого заседания Матвеев был отправлен в ссылку.¹²⁷

Сразу надо оговориться, что отсутствие пометы об использовании на обороте курантов не говорит о том, что включенная в них информация не была востребована вообще. Например, на обороте курантов 7 января 1681 г. и письма кенигсбергского почтмейстера В. Штурма 8 января 1681 г. к московскому почтмейстеру А. Виниусу (оба документа сохранились в двух экземплярах и сообщали о «моровом поветрии» в Польше) помет об их зачитании царю или боярам не было.¹²⁸ Тем не менее, ссылка на них имеется в указе, устанавливающем на польской границе карантин.¹²⁹ Вероятно, что наиболее важные сведения могли докладываться царю даже в тех случаях, когда со всем комплектом переводов иностранных газет в целом Федор Алексеевич не знакомился.

Анализ помет позволяет определить, какая часть курантов зачитывалась царю и боярам. В 1676 и 1677 гг. было зачитано 70% курантов. В среднем на месяц приходилось 5,6 докладов,¹³⁰ то есть чаще, чем раз в неделю. Причем из зачитанных курантов 74% текстов докладывалось государю и в Боярской думе, 24% — одному государю и только 2% — одним боярам. Столь серьезный интерес к международным событиям связан с борьбой за Чигирин, которая требовала напряжения всех государственных ресурсов. Необходимость привлекать к решению серьезнейшей проблемы верхушку господствующего сословия привела к тому, что не только царь, но и бояре знакомились с курантами регулярно.

Сохранившиеся за 1678 и 1679 гг. куранты приходили уже после сдачи Чигирина. Процент курантов с пометами об их зачитании упал не очень значительно (до 58,1%), т. к. война еще шла и беспокойство вызывала серьезное. Зато кардинально изменилось соотношение между информацией, докладываемой всему правительству, и данными, сообщенными царю и его ближайшему окружению. Из зачитанных текстов

¹²⁷ Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 242.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 167, 177–181.

¹²⁹ ПСЗ-1. Т. 2. № 858. С. 294.

¹³⁰ Хотя доклады, конечно же, зачитывались полностью, число докладов дается с дробями. При малых числах, с которыми мы имеем дело, округление до целого числа существенно снизило бы точность.

Думе сообщили 41,5% курантов, а царю 58,5%. Это свидетельствует о том, что после решительного отказа от борьбы за Чигирин ведение внешнеполитических вопросов сосредоточилось в руках Федора Алексеевича и его ближайшего окружения. В этот период переводы иностранных газет зачитывались в среднем 4,6 раза в месяц.

В 1680 и начале 1681 г. процент переводов газет, доводившихся до сведения правительства, вновь незначительно упал (до 52,9%). Однако из-за того, что куранты поступали теперь менее регулярно, за месяц докладывалось в среднем только 2,5 перевода, то есть почти в 2 раза меньше, чем за предыдущий период. То, что из доложенных статей 60% выслушали совместно государь и бояре, а только 40% зачитанных курантов государь выслушал один или с ближними боярами, свидетельствует о резком снижении личной заинтересованности Федора Алексеевича в информации иностранных газет. Столь серьезное снижение интереса царя к внешнеполитическим проблемам связано с несколькими причинами. Во-первых, это отказ от активной внешней политики (в это время усиленными темпами идет строительство Изюмской засечной черты).¹³¹ Во-вторых, Федор Алексеевич теперь основное внимание уделял внутреннему реформированию государства. Именно в сентябре 1680 г. зафиксирован описанный ниже случай, когда служащие Посольского приказа забыли послать куранты царю, а потом, скрывая оплошность, сфальсифицировали дату их доставки.

Из пришедших в октябре 1681—марте 1682 гг. курантов доложено было 68%. Теперь доклады курантов делались в среднем 2,83 раза за месяц. То есть, несмотря на ликвидацию виленской почты, куранты стали сообщаться несколько чаще. Соотношение между составленными и доложенными курантами в конце 1681—начале 1682 г. стало почти таким же, как в 1676—1677 гг. — 70,59% курантов в этот период были зачитаны государю и боярам, 11,76% — одним боярам и только 17,65% — одному государю. Теперь государь знакомится с курантами без Боярской Думы редко. Характерно, что в этот период в иностранных газетах появляются хвалебные статьи о реформах Федора Алексеевича. Куранты вновь оказались востребованы, но уже не только как источник информации о европейских событиях, но и как средство пропаганды проводимых царем Федором реформ.

Для понимания роли курантов большое значение имеет вопрос о том, в какие сроки поступившая через иностранные газеты в Посоль-

¹³¹ Богданов А. П. В тени великого Петра. М., 1998. С. 166–167.

ский приказ информация доходила до сведения правительства. Максимально оперативно это делалось в ноябре 1677 г., во время активных боевых действий на Украине, — тогда из семи составленных сводок курантов шесть было зачитано на следующий день после прихода и одна — через день. Однако такая оперативность была исключением. Средние сроки были несколько больше. Сроки, в которые информация доходила до царя и бояр, в марте — мае 1677 г. определяются по пометам на 17 корреспонденциях. В день прихода почты или на следующий день докладывалось около 30% сообщений, 58,3% — в течение недели, остальные 11,7% — позднее. Дата доклада курантов определялась, очевидно, двумя факторами — работой почты и потребностью правительства во внешнеполитической информации. Зависимости докладов от дня недели не зафиксировано.

Ряд помет позволяет утверждать, что во время отсутствия царя в Москве один из комплектов курантов передавался главе оставленной в столице «в цареве место» боярской комиссии. Сохранились челобитная 15 сентября 1676 г. Я. Н. Одоевского «с товарищи», в которой Яков Никитич спрашивал Федора Алексеевича о том, как поступить с присланными с посольских станов курантами (раньше курантами занимался попавший в опалу А. С. Матвеев).¹³² Вопрос о курантах Одоевскому пришлось решать потому, что 10 сентября 1676 г. царь Федор отправился «в поход» в Коломенское, а Одоевский был «оставлен» в Москве во главе правительственной комиссии.¹³³ Следующий раз о работе с курантами Я. Н. Одоевского упоминается в приписи к курантам от 25 сентября 1680 г. В документе после газетного текста следует помета: «Таковы ж отнес к боярину ко князю Якову Никитичу Одоевскому дьяк Василий Бобинин, а назад их не принашивал, а сии вклеены впред для ведома, для того, что к великому государю в Троецкий поход не посланы». Ниже идет запись: «И таковы куранты посланы к великому государю в поход октября в 3 день с Рижскою почтою, что сентября присланы и отписка прислана такова». Далее идет: «Государю... холопи твои Янко Одоевский со товарищи челом бьет. Сентября государь в 25 день присланы в Посольской приказ через Рижскую почту вестовые немецкие письма». Далее говорится об их переводе и посылке государю. Однако во втором тексте между строк подписано: «а число в них поставлено 30-м числом», при этом «сентябрь» исправлен на «2 октября».

¹³² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 12.

¹³³ Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. Стб. 1–2.

В челобитной «25 сентября» исправлено на «30 сентября» и добавлено, что в Посольский приказ газеты принесены 2 октября. Затем текст курантов от 25 сентября дословно переписан и подклеен в столбец с датой 30 сентября. После всех этих манипуляций перед челобитной вписано: «да и к думному (дьяку Л. Т. Голосову (?). — С. Ш.) посланы куранты ж октября 2 числа писанные».¹³⁴

Очевидно, что куранты были переданы из Посольского приказа Я. Н. Одоевскому, который должен был отослать их к царю. Однако Яков Никитич забыл это сделать. Дело в том, что согласно записи Дворцовых разрядов от 9 августа 1680 г. председатель замещавшей царя московской правительственной комиссии отпросился у государя в отпуск в деревню, оставив текущие государственные дела на боярина князя А. А. Голицына.¹³⁵ Чтобы скрыть упущение авторитетного, но перегруженного работой боярина, дата доставки газет была сфальсифицирована приказными служащими.

В курантах за 5 сентября 1678 г. отмечено, что «187 года сентября в 5 день к великому государю таков перевод послан в поход и боярам князю Юрию Петровичу Трубецкому со товарищи чтено».¹³⁶ Дворцовые же разряды сообщают, что Федор Алексеевич «187 году сентября в 3 числе... изволил идти для моления в Воскресенской монастырь, что на Истре, да в Звенигород, в Савин монастырь Сторожевского... А на Москве, по его государеву указу, оставлены бояре князь Юрей Петрович Трубецкой...».¹³⁷ Таким образом, и в этом случае куранты оказались в руках главы оставленной в столице «в царево место» боярской комиссии.

Одна из наиболее сложных проблем изучения курантов состоит в том, что фиксируя значительный интерес к этому источнику информации со стороны русского правительства, мы крайне редко сталкиваемся с материалами, которые позволяют на конкретных примерах проследить практическое использование информации курантов. Одним из редких исключений является посольская книга с материалами об отправке осенью 1676 г. к польскому королю Яну III гонца Прокофия Возницына с сообщением о занятии русскими войсками Чигирина.

Среди документов дипломатической миссии имеется копия курантов за 6 апреля 1676 г., в которых, среди прочего, рассказывается о раз-

¹³⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 23–30.

¹³⁵ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 84.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 137 об.

¹³⁷ Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 62, 63.

громе турецкими войсками польских местечек, занятии турками Язловца и Бучача, а также, что «королевское величество сеи же недели для договоров¹³⁸ с турки посылает своих комиссар...». В посольской книге сообщается: «На том вестовом переводе помета думного дьяка Лариона Иванова такова: „1676-го октября в 6 день великому государю известно и бояром чтено, и указал великий государь и бояре приговорили послать х королевскому величеству полскому гонца, чиня ведомость против желания ево, как объявил посланник ево Александр Чихровской, о промыслу и о взятии ис под ига турецкого салтана Петра Дорошенка с стороны его царского величества ратными людьми, и чтоб чинить ведомость, какое у него ныне поведение с неприятели с турецким салтаном и с крымским ханом“». ¹³⁹

Занятие русскими войсками Чигирина, по договорам принадлежавшего Польше, было крайне болезненным для польской стороны. Польша могла потребовать от России, своего союзника в войне против татар и турок, передачи Чигирина под свою власть. Это, в свою очередь, вызвало бы возмущение украинского казачества, которое в то время, в своем большинстве, выступало на стороне России. Русское правительство оттягивало момент обсуждения с польскими властями вопроса о Чигирине. Сообщения иностранной прессы о поражении Польши и начале сепаратных переговоров с Османской империей позволяли оставить столицу правобережных гетманов в руках России, не особенно осложняя отношения с Польшей.

Сохранилось одно упоминание о том, что политические новости из Европы официально распространялись внутри России. В 1677 г. голландско-датский флот под командованием адмирала Тромпа нанес поражение шведским военно-морским силам. Русские войска в это время вели ожесточенные сражения с турками и татарами, а отношения со Швецией были крайне натянутыми. В Москве так обрадовались поражению шведов, которое гарантировало России спокойствие на северо-западной границе, что Виниусу было поручено перевести данное известие на русский язык и разослать воеводам в пограничные города.¹⁴⁰

¹³⁸ В источнике ошибочно «тоговоров».

¹³⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 181. 1676 г. Л. 6 об.—10 об. Благодарю П. В. Седова, любезно сообщившего информацию об этой сводке курантов.

¹⁴⁰ *Фабрициус А. К.* Почта и народное хозяйство в России XVII столетия. СПб., 1864. С. 64.

2.3. Куранты времени правления царевны Софьи Алексеевны

После смерти Федора Алексеевича система составления и хранения курантов некоторое время оставалась неизменной. Она сохраняла стабильность даже во время Московского восстания 1682 г. Документы периода «Хованщины» хранятся в составе четырех дел. Современное распределение материалов по архивным единицам хранения не соответствует тому порядку, в котором они отложились в составе столбцов XVII в. При разборке столпов архивисты XVIII—начала XIX вв., ориентируясь на январский год по летоисчислению от Рождества Христова, поместили куранты из столпов 7190 г. (от сотворения мира) в два разных дела.¹⁴¹ Куранты из столпов 7191 г. (от сотворения мира) также хранятся в двух разных делах.¹⁴² В этих единицах хранения сосредоточен основной массив документов. Две сводки курантов оказались в составе отдельных единиц хранения. Это куранты за 7 мая 1682 г. (переводческий черновик)¹⁴³ и чистовая сводка за 12 сентября 1682 г.¹⁴⁴

Рассмотрим степень сохранности курантов, составленных непосредственно в период восстания — с мая по ноябрь 1682 г. Теоретическое количество обзоров иностранной прессы, которые должны были составляться в Посольском приказе, определяется графиком работы почты. В рассматриваемый период работала лишь рижская почтовая линия, которая должна была доставлять иностранные газеты один раз в неделю. Судя по приведенным выше данным о работе почты, в среднем число ежемесячно составляемых обзоров должно было равняться четырем. Реальное количество сохранившихся до нашего времени комплектов курантов отражено в Таблице № 10.

Таблица № 10

Составление курантов в мае—ноябре 1682 г.

месяц	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь
Кол-во сводок	5	3	4	нет	2	3	4

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5.

¹⁴² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5; 1683 г. Ед. хр. 5.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 114. 1682 г.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 6. Куранты 12 сентября 1682 г. опубликованы в «Летописи занятий Археографической комиссии». Издатели указали, что «современный список писем столбцом на шести листах хранится между „Приказных дел“ МГАМИД». См.: ЛЗАК за 1865—1866 гг. СПб., 1868. Вып. 4. Раздел II. С. 56—59.

Видим, что до наших дней сохранился 21 комплект курантов за время восстания 1682 г. Теоретически за эти месяцы должно было отложиться 28 обзоров. Таким образом, утеряно (или не составлено) приблизительно 25% обзоров. Рассмотрим обстоятельства, которые могли повлиять на сохранность документов. Из сводок за май 1682 г. (15–17 мая — дни, когда стрельцы чинили расправу над членами правительства Нарышкиных) первоначально в основном комплексе документов отсутствовали два обзора, составленные накануне восстания (за 7 и 14 мая). Один из них позднее был возвращен (об этом см. ниже), а другой (с похвалой убитому стрельцами А. С. Матвееву) сохранился только в виде черновика, отдельно от основного комплекса курантов.

С 13 по 29 июля царское семейство находилось за пределами столицы. Оно отправилось в Троице-Сергиев монастырь. На это время приходится появление двух выпусков курантов. В «курантельный» столп попал второй экземпляр «подносных» курантов за 14 июля с пометой «посыланы к великим государем в троицкой объезд и бояром чтены».¹⁴⁵ Другая сводка (за 28 июля) в чистовом варианте в Посольский приказ не вернулась. Сотрудники приказа вышли из положения, включив в столбец черновик.¹⁴⁶ Таким образом, кратковременный отъезд двора из Москвы не повлиял на составление и сохранность курантов.

Существенные утраты приходятся на август и сентябрь 1682 г. Это время длительного «похода» государей. Он начался 20 августа. До 18 сентября, когда государи остановились в Троице-Сергиевом монастыре, двор почти постоянно передвигался.¹⁴⁷ 3 ноября правительство вернулось в Москву.¹⁴⁸ Не сохранились сводки, которые были составлены непосредственно перед началом «похода» (и, скорее всего, были взяты в «поход»), а также на те куранты, которые появились во время пребывания двора вне Москвы. При этом одна из двух сохранившихся сводок за сентябрь оказалась вне основного комплекса курантов.

Рассмотрим возможные причины отсутствия отдельных выпусков курантов за время царского «похода» августа—ноября 1682 г. Следует сразу отказаться от предположения, что после отъезда правительства из Москвы перестала работать та часть аппарата Посольского приказа, которая занималась составлением курантов. Если бы служащие разбе-

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 207.

¹⁴⁶ Там же. Л. 215.

¹⁴⁷ Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. М., 1976. С. 79–99.

¹⁴⁸ Там же. С. 224.

жались еще в августе, то возобновление практики составления обзоров иностранной прессы можно было бы ожидать лишь в ноябре, после возвращения правительства в Москву. Между тем, за сентябрь и октябрь сохранилось пять сводок курантов.

Можно предположить, что правительство потеряло связь со столицей, и что стрельцы не пускали в царский «поход» посыльных с документами. Источники показывают, что такая «блокада» действовала лишь относительно короткий промежуток времени. Судя по письмам, которые разрядный дьяк П. Ф. Оловянников с 3 августа по 6 сентября посылал из Москвы думному дьяку Ф. Л. Шакловитому, находившемуся в отъезде вместе с царским двором, по крайней мере, до начала сентября, в «походе» постоянно получали информацию и документы из приказов.¹⁴⁹ Наиболее поздние из сентябрьских курантов датируются 12 числом.¹⁵⁰ Свободный оборот документов между приказами и правительством пресекся только после того, как в столице стало известно о казни Хованских. В записях Разрядного приказа 20 августа—3 октября говорится, что «сентября в 18-м числе <...> в царствующем граде Москве от смутных слов князя Ивана меншова Хованского надворные пехоты во всех полках учинилось великое смятение и страхование <...> И в Кремле, и в Китае, и в Белом городе по воротам и по Земляному городу учинили многолюдные караулы со всяким ружьем. И всяких чинов людей, которые ездят от них, в. г., ис походу к Москве и с Москвы к ним, в. г., в поход, имают и сажают за караулы, а никуды их не пропускают».¹⁵¹

Судя по царской грамоте из Троице-Сергиева монастыря патриарху Иоакиму в Москву с указанием об объявлении восставшим условий прощения, эта ситуация сохранилась по крайней мере до 28 сентября. Среди выдвинутых правительством требований видим: «и всяких чинов людей с Москвы и к Москве пропускали без задержанья. А которые люди ездили из нашего в. г. похода к Москве и с Москвы в наш в. г. поход и на караулах переиманы и сидят ныне у них в полках на съезжих избах и в розных местах за караулы, и тех бы людей из-за караулов свободили всех по тому же, не мешкав».¹⁵² Стрельцы приняли правительственный ультиматум. Точное время возобновления переписки источники не зафиксировали. В любом случае сводка курантов от 4 октября

¹⁴⁹ Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. С. 73–79.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 6.

¹⁵¹ Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. С. 90, 91.

¹⁵² Там же. С. 169.

попала в «поход» и уже на следующий день была доложена «великим государем». ¹⁵³ Между сохранившимися сводками 12 сентября и 4 октября мог появиться лишь один комплект курантов. Из этого видно, что бурные политические события весны—осени 1682 г. на составление курантов особенно не повлияли.

Вероятнее всего, отсутствие части сводок объясняется неразберихой «походного» делопроизводства. Эту ситуацию нельзя назвать экстраординарной. Как отмечено выше, в период правления Федора Алексеевича длительные «походы» также отмечены беспорядком в курантах. ¹⁵⁴ Возможно, некоторые из взятых в «поход» курантов или потерялись, или были возвращены не на свое место. Косвенно это предположение подтверждается тем, что документы, относящиеся к «троицкому» периоду «похода», когда правительство находилось на одном месте, сохранились несколько лучше, чем куранты, которые были составлены в дни постоянного передвижения двора по подмосковным селам и монастырям. Следует учитывать и возможность того, что документы за август, которые были верхними в стопле 7190 г., просто оторвались от столпа или оказались уничтоженными сыростью.

Крайне интересны сведения о том, кому куранты зачитывались в период Московского восстания 1682 г. Эти сведения содержат пометы об использовании документов на курантах, составленных в период восстания. Число докладов отражено в Таблице № 11.

Таблица № 11

Доклады курантов за май—ноябрь 1682 г.

месяц	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь
число докладов	2	3	3	не сохранилось докладов	1	3	4

Фактическое число докладов в августе и сентябре могло быть большим. Точные подсчеты невозможно провести из-за неполной сохранности документов. Мы видим, что в период восстания правительство постоянно знакомилось с обзорами международной прессы. Майские

¹⁵³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 235, 235 об.

¹⁵⁴ Шамин С. М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 132.

доклады датируются 21 и 27 числами, т. е. ближайшими днями после кровавых событий в Кремле.

В последние годы в историографии появилась тенденция рассматривать период восстания 1682 г. как время дезорганизации работы приказанного аппарата. В новейших работах исследователей можно встретить утверждения, что восстание на несколько месяцев парализовало центральную власть,¹⁵⁵ или что осенью 1682 г., когда столица оказалась под контролем восставших, «московские приказы опустели», а «приказной аппарат остается парализованным».¹⁵⁶ Приведенные выше данные по составлению и использованию курантов позволяют скорректировать эти представления. Безусловно, восстание не могло не сказаться на работе правительства. Восставшие убили несколько приказных,¹⁵⁷ а «Судной и Холопей приказы разорили, вынесши, всякия письма изодрали».¹⁵⁸ Однако те структуры государственного управления и приказные служащие, которые не вызывали раздражения у восставших, продолжали работать: приходила почта, переводчики составляли обзоры иностранной прессы, а подьячие изготовляли «подносные» экземпляры курантов. «Смута» 1682 г. продемонстрировала прочность приказной системы, показавшей свою жизнеспособность еще в эпоху «Смуты» начала XVII столетия.¹⁵⁹ Правительство, даже находясь вне Москвы (за исключением краткого периода стрелецкой «блокады»), держало в своих руках нити государственного управления и следило за развитием политических событий в Европе. То, что интерес к курантам сохранялся даже в дни острейшего внутреннего кризиса, вполне объяснимо. Восстание резко ослабило позицию России в системе международных отношений. Оперативные сведения о том, что происходит в Европе, позволяли правительству заранее отследить возможное появление внешней угрозы.

Сами стрельцы также понимали важность нормального функционирования Посольского приказа. Об этом свидетельствует помета на курантах от 14 мая 1682 г. Она гласит: «мая в 30 день принес в приказ

¹⁵⁵ Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001. С. 92.

¹⁵⁶ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 13, 55.

¹⁵⁷ Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. 1672–1689. М., 1875. С. 46.

¹⁵⁸ Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. С. 278.

¹⁵⁹ Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.

дьяк с. п. (сокращение подлинника, буквы «с» и «п» помещены в кар-туш, вероятно, это сокращение Стрелецкого приказа. — С. III.) при боярине да при думном (то есть при В. В. Голицыне и Е. И. Украинцеве. — С. III.), в обедни».¹⁶⁰ Это значит, что сводка каким-то образом оказалась вне приказного архива, а потом была в присутствии начальства возвращена в Посольский приказ. Как это случилось?

Можно предположить, что события развивались следующим образом. На момент начала восстания (15 мая) сводка от 14 мая, вероятнее всего, находилась у руководившего Посольским приказом думного дьяка Л. И. Иванова. Известно, что в период правления Федора Алексеевича именно он докладывал содержание курантов царю.¹⁶¹ Скорее всего, данная функция сохранялась за Ивановым и при новом правительстве. А. С. Матвеев после своего возвращения в Москву также мог затребовать себе свежий обзор иностранной прессы. Иванов и Матвеев оказались в числе первых жертв восставших. Документы попали в руки стрельцов. Восставшие ознакомились с курантами, поняли, что это дипломатическая документация, и вернули их через дьяка Стрелецкого приказа в Посольский приказ (хотя и с задержкой более двух недель). Столь бережное отношение к документам, вероятно, связано с тем, что стрельцы, разгромив Холопий и Судной приказы, стремились подчеркнуть, что они не погромщики и бунтовщики, а борцы с «изменой» и верные слуги государей.

Содержание помет на оборотах курантов позволяет точнее представить, как происходило установление регентства царевны Софьи. Долгое время считалось, что Софья стала полноправной правительницей уже в мае 1682 г. Основанием для этого служила «разрядная запись» о регентстве царевны Софьи. А. П. Богданов показал, что эта запись была составлена Сильвестром Медведевым не ранее середины 1686 г., когда возникла необходимость создать правовую основу для регентства.¹⁶² Богданов реконструирует порядок формального установления регентства следующим образом: имя Софьи начало появляться в правительственных внутренних документах осенью 1682 г. и употреблялось все чаще в бумагах учреждений, которыми руководил В. В. Голицын.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 129.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 6 об.

¹⁶² Богданов А. П. 1) К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ИИИСССР. М., 1987. С. 127, 128; 2) Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 246, 287.

К лету 1683 г. ее влияние упрочилось; царевну признали правительницей придворные панегиристы. И только заключение Вечного мира 1686 г., закрепившего за Россией восточную часть Украины, настолько подняло авторитет Софьи, что позволило ей добиться официального признания своей власти: отныне имя царевны включалось в царский титул после имен Ивана и Петра.¹⁶³ Пометы на курантах позволяют увидеть, как имя Софьи появилось в документах Посольского приказа и как постепенно устоялась используемая титулатура.

Таблица № 12

Пометы на курантах, составленных между 2 ноября и 17 декабря 1682 г.¹⁶⁴

Дата составления курантов	Дата использования курантов	Содержание пометы
02.11.	(дата не указана, но судя по пребыванию двора в Алексеевском — 02.11.)	великим государем известно и бояром чтено в селе Алексеевском, в передней
9.11.	10.11.	великим государем и государыне царевне известно и бояром чтено в комнате
15.11.	16.11.	великим государем и благородной государыне царевне известно и бояром чтено в комнате

¹⁶³ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 277. С интерпретацией взглядов Богданова на установление регентства возникло недоразумение. А. С. Лавров пишет: «А. П. Богданов впервые обратился к архивному подлиннику. Исследователь отметил, что документ был составлен не единовременно, а, по крайней мере, в два этапа. Согласно А. П. Богданову, источником „последней части второй (поздней) редакции акта“ была записная книга Разрядного приказа, использованная в „Созерцании кратком...“ Сильвестра Медведева. А. П. Богданов связывает появление тех источников с событиями лета 1686 г. Тем не менее, несмотря на эти источниковедческие разработки, историк утверждает, что 29 мая Софья Алексеевна все-таки получила „формальное право на власть“» (Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны... С. 73). Между тем у Богданова читаем: «Необходимо, однако, проверить предположение, что получив 29 мая формальное право на власть, Софья Алексеевна не успела его реализовать». Далее Богданов анализирует это гипотетическое предположение и отвергает его (Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92...». С. 128 и далее). Таким образом, Лавров по недоразумению приписывает Богданову не реально высказанное мнение, а прямо противоположный взгляд на событие.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 264–333.

Дата составления курантов	Дата использования курантов	Содержание пометы
23.11.	29.11.	великим государем и бояром чтено
01.12.	02.12.	великим государем и сестре их государской благородной государыне царевне известно и бояром чтено в комнате
07.12.	11.12.	великим государем и сестре их государской благородной государыне царевне известно и бояром чтено
11.12.	12.12.	великим государем и сестре их царской благородной государыне царевне известно и бояром чтено
17.12.	18.12.	великим государем и сестре их великой государыне благородной государыне царевне известно и бояром чтено

Таблица показывает, что впервые Софья упоминается в помете 10 ноября на первом же обзоре, составленном после возвращения правительства в Москву из «похода» (3 ноября). Это явно было новшеством, поскольку от пометы к помете формуляр менялся. Лишь в начале следующего 1683 г. формуляр записи установился. Теперь на курантах отмечали: «великим государем и сестре их великой государыне благородной царевне известно и бояром чтено».¹⁶⁵ Позднее он незначительно менялся. К примеру, начиная с курантов от 22 января 1685 г. определение «благородная» заменено на «благоверная»¹⁶⁶.

До осени 1682 г. во всех известных на сегодняшний день документах имя царицы Натальи обычно следовало перед царевной Софьей. После успешного «утишения» стрелецких волнений царевна стала оттеснять свою мачеху на задний план. Обострение отношений между ними отметил в письме от 28 ноября 1682 г. датский посланник Гильдебранд фон Горн.¹⁶⁷ Появление имени царевны в пометах на приказных документах отражает возросшее влияние Софьи.

Пометы позволяют определить, как куранты использовались в период правления царевны Софии. В пометах на обороте курантов этого времени представлено три элемента: 1 — сообщение о том, что они

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 1 об., 117 об. и др.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1685 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 43 об.

¹⁶⁷ Богданов А. П. 1) Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вводная статья и комментарии // ВИ. 1986. № 3. С. 89; 2) К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92...». С. 128.

«известны» великим государям; 2 — их сестре Софье; 3 — «чтены» боярам. Данные о зачитании курантов в рассматриваемый период сведены в таблицу.

Таблица № 15

Зачтение курантов^{168*}

	всего	за- чтено	%	гцб	% (от за- читенных)	гб	% (от за- читенных)	гц	% (от за- читенных)	г	% (от за- читенных)
1683	33	32	97	23	72	9	28				
1684	34	19	56	15	79	3	16	1	5		
1685	28	17	61	15	88			2	12		
1686	50	31	62	24	77			6	19	1	3
1687	39	13	33	7	54	3	23	1	8	2	15
1688	50	34	68	26	76	4	12	3	9	1	3

* Сокращения: гцб — куранты, сообщенные государям, царевне и боярам; гб — куранты, сообщенные государям и боярам; гц — куранты, сообщенные государям и царевне; г — куранты, сообщенные государям.

Первый элемент помет в период правления Федора Алексеевича обозначал, что куранты зачитывались в его покоях в присутствии «комнатных» бояр. Вряд ли уже в первые года регентства куранты реально зачитывали лично Иоанну или Петру. По замечанию шведского резидента в Москве Христофора фон Кохена, В. В. Голицын начал докладывать Петру важнейшие дела только с декабря 1687 г.¹⁶⁹ Можно предположить, что за пометой скрывался не имеющий конкретного содержания титульный формуляр, или что с курантами знакомился кто-то, кого считали законным представителем малолетних царей. В пользу «формулярности» упоминания царей соправителей говорит тот факт, что за весь период регентства нет ни одной пометы, в которой они не названы (причем всегда во множественном числе). Однако другие данные позволяют утверждать, что, по крайней мере в последние годы регентства, ситуация была более сложной. Во-первых, куранты от 4 июля 1687 г.

¹⁶⁸ При составлении таблицы использовались только сводки с хорошо сохранившимся заглавием. Следует также учитывать, что за период правления царевны Софьи сохранилось большое число вторых экземпляров чистовиков, на которых не делалось помет об использовании. В случае, если первый чистовик с пометой пропал, а на его место помещен 2-й экземпляр, то статистика по числу зачитанных курантов может искажаться.

¹⁶⁹ Висковатов К. А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23. № 9. С. 124, 125.

сохранились в трех чистовых экземплярах.¹⁷⁰ Это значит, что в отличие от предыдущего царствования, в Кремле имелись не два (царь и Дума), а три центра выработки внешнеполитических решений, которые по статусу могли претендовать на чистовые куранты. Во-вторых, за 1686–1688 гг. имеются отдельные пометы, в которых не упоминается никто, кроме государей. Сказать что-либо точное о смысловом содержании этих помет на современном этапе исследования невозможно.

Более-менее ясно обстоит дело с упоминаниями царевны Софьи. Отдельные пометы, в которых царевна не названа (даже в конце регентства) позволяют утверждать, что мы имеем дело не с формулярной записью. Царевна действительно регулярно знакомилась с информацией о политических событиях в Европе.

Вопрос о том, что подразумевалось под словами «бояром чтено», в царствование Федора Алексеевича решался однозначно. Речь шла о зачитании курантов на заседаниях Боярской Думы. Вряд ли царевна Софья радикально поменяла устоявшуюся систему. Тем не менее, в ряде случаев в пометах явно подразумевается не вся Боярская Дума, а именно ближняя Дума. Однозначно это можно сказать о шести случаях, когда из расширения пометы узнаем, что зачитание курантов боярам происходило в комнате.¹⁷¹

В расширениях других помет говорится, что зачитание курантов боярам происходило в «их государском походе в селе Коломенском».¹⁷² Одна из таких помет, где среди слушателей обзоров иностранной прессы упомянуты государи, царевна Софья и бояре, стоит на курантах от 28 августа 1688 г.¹⁷³ В конце августа в Коломенское на празднование именин царицы Натальи Кирилловны действительно приезжали оба царя и царевна Софья.¹⁷⁴ Однако неизвестно, как на практике происходило ознакомление с курантами съехавшихся в подмосковную резиденцию властей. О том, что ситуация была неоднозначной, свидетельствуют записи на двух списках курантов 22 января 1688 г. Один из них был «сообщен» государям, царевне и боярам 25 января, а второй только го-

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 337–373.

¹⁷¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 117 об., 218 об., 384 об., 470 об., 479 об.; Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 239 об.

¹⁷² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 211 об., 220 об.; 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 2. Л. 526 об.; Ч. 3. Л. 30.

¹⁷³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 3. Л. 30.

¹⁷⁴ Богословский М. М. Петр Великий. Материалы для библиографии. М., 2005. Т. 1. С. 61.

сударям и боярам (без царевны) 31 января.¹⁷⁵ Очевидно, что речь идет не об одних и тех же боярах. Таким образом, пометы о зачтении курантов боярам в разных случаях могут подразумевать как Думу в целом, так и бояр, входивших в окружение одного из царей. Вопрос о том, как именно надо истолковывать пометы на курантах в каждом конкретном случае, остается открытым.

Рассмотрим более подробно вопрос о том, как осуществлялась доставка иностранной прессы в Россию в период регентства царевны Софьи. К началу 1683 г. скорость доставки иностранной прессы по территории России существенно снизилась. Вероятнее всего, здесь сказалась общая дезорганизация государственного аппарата и ослабление власти во время восстания. Во всяком случае, когда весной 1683 г. на работу рижской почты обратил внимание канцлер В. В. Голицын, она опаздывала на 4–5 дней. Только жесткие меры, принятые в 1684 г. (в соответствии с указом 3 июня 1684 г. задерживавших почту ямщиков били батогами), позволили восстановить ее нормальную работу, хотя «старыми», образцовыми сроками в Посольском приказе считали уже не 8–10, как это был в 1670-х гг., а 10–12 дней,¹⁷⁶ ставших обычными с начала 1680-х гг.

Начиная с 27 мая 1683 г. возобновляется действовавшее при царе Алексее Михайловиче правило разделять подзаголовками переводы из «цесарских» и «галанских» газет.¹⁷⁷ Такие подзаголовки позволяли не только составить общую картину происходивших в Европе событий, но и сравнить взгляды немецких и голландских газетчиков. Подзаголовки проставлялись во всех сводках. Когда кроме «цесарских», «галанских» курантов в один из обзоров включили перевод латиноязычной газеты, «латинские» куранты также были выделены специальным подзаголовком.¹⁷⁸ Можно предположить, что это нововведение было связано с В. В. Голицыным.

Летом 1683 г. Голицын попытался возобновить работу виленской почты. Почтмейстер А. А. Виниус выступил против этого предложения. В конце челобитной, где Андрей Андреевич приводил доводы против открытия почты, он фактически ставил ультиматум: «И впредь о Виленской почте и Рижской у меня ль быть по прежнему в отпуске и

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 98 об., 103 об.

¹⁷⁶ СГГид. М., 1828. Ч. 4. С. 486, 487; *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 1. С. 163; Т. 2. С. 59–62, 91.

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 269–289.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 156.

приеме? И впредь зарубежным почтмайстерам деньги посылать ли? И о том чтоб мне учинен был великих государей указ». ¹⁷⁹

Жесткая позиция Виниуса отдалила восстановление почтовой линии до Вильно на два года. Однако внешнеполитическая активность правительства Софьи постепенно возрастала. Возобновление виленской почтовой линии в 1685 г. ¹⁸⁰ стало предтечей заключения Вечного мира с Польшей и Крымских походов Голицына. Теперь газеты, как и в начале правления Федора Алексеевича, доставлялись через две почтовые линии — рижскую и виленскую.

Таблица № 14

Составление курантов в 1686 г. ¹⁸¹

1686	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль
из газет, пришедших через рижскую почту	5		4	5	5	2	3
из газет, пришедших через виленскую почту		4	3	2	4	4	4

Бросается в глаза неровность в доставке иностранных газет. В январе их привозили только через Ригу, а в феврале — только через Вильно. В феврале прессу привозили четыре раза, а в мае целых девять. Уже с начала 1687 г. мы видим возврат к прежней практике доставки газет только через рижскую почту.

Таблица № 15

Составление курантов в 1687 г. ¹⁸²

1687	февраль	март	апрель	май	июнь	июль
из газет, пришедших через рижскую почту	4	3	2	2	1	4
из газет, пришедших через виленскую почту		1 (польское письмо)				

В. В. Голицын настолько интересовался курантами, что отдельные экземпляры обзоров иностранной прессы в 1689 г. посылали к нему

¹⁷⁹ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 70.

¹⁸⁰ Там же. Т. 2. С. 81.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7.

¹⁸² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6.

в Крымский поход.¹⁸³ Однако «всесильный» канцлер не смог заставить Виниуса доставлять иностранную прессу в Посольский приказ так же регулярно, как в начале правления Федора Алексеевича, когда почтмейстер только получил почту в свои руки.

Несколько слов нужно сказать о времени, в течение которого составленные куранты докладывались членам русского правительства. В период регентства царевны Софьи время зачтения курантов более-менее регулярно указывалось в 1683 и 1688 гг. В 1683 г. в день прихода почты или на следующий день докладывалось около 37% сообщений, 59% — в течение недели, остальные 7% — позднее, а в 1688 г. соответственно 33%, 54% и 13%. Как видим, хронологическое распределение дат зачтения в 1683 и 1688 гг. было примерно одинаковым и близким к тому, что наблюдалось в годы правления царя Федора Алексеевича.

2.4. Куранты времени правления Петра Великого и создание газеты «Ведомости»

После свержения царевны Софьи Алексеевны в системе составления курантов на первых порах практически ничего не изменилось. Периодичность появления обзоров иностранной прессы определялась графиком работы рижской почты. В сентябре 1689—июне 1690 г. в среднем куранты составлялись 3,5 раза в месяц. Из приведенной ниже таблицы видно, что наименьшее число сводок составлено в ноябре и апреле, когда почта плохо работала из-за весенней и осенней распутицы.

Таблица № 16

Составление курантов в сентябре 1689—июне 1690 гг.¹⁸⁴

	сент.	окт.	нояб.	дек.	янов.	февр.	март	апр.	май	июнь
число комплектов	5	4	1	5	3	4	3	2	4	4

Из составленных в сентябре 1689—июне 1690 г. комплектов 91% имеет пометы о зачтении. Столь полное использование курантов было достигнуто за счет того, что теперь иногда в один день зачитывали содержание сразу нескольких сводок. В 1689 г. 11 октября читали обзоры от 30 сентября и 7 октября, а 30 октября — от 21 и 28 октября.¹⁸⁵ В пер-

¹⁸³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ед. хр. 1732. Л. 2.

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10; 1690 г. Ед. хр. 10.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 186 об., 203 об., 231 об., 244 об.

вой половине 1690 г. «спарены» были куранты 19 и 26 мая (доклад состоялся 28 мая), а 24 марта зачитали сразу четыре комплекта — от 16, 24 февраля, 3 и 24 марта.¹⁸⁶

Из зачитанных материалов 66% было «великим государем известно и бояром чтено», а 34% «великим государем известно». Надо полагать, что под «великими государями» подразумевался именно Петр, поскольку в одном случае было указано место зачитания — петровская резиденция Преображенское. Множественное число в пометах сохранилось как дань уважения к старшему из двух царей соправителей.

Петр I явно стремился добросовестно выполнять обязанности правителя. Объем информации, который ему пришлось осваивать, оказался для юного царя непомерным. Выход был найден. Из обширных обзоров прессы в Посольском приказе для царя стали делать краткие выписки, которые уступали по объему самим курантам (в некоторых случаях значительно). Данный тип документов выявила и исследовала Е. И. Кобзарева.¹⁸⁷ Наиболее ранний из обнаруженных на сегодняшний момент экземпляров выписок датируется 1690 г. Составляли их следующим образом: на полях сводки курантов от 23 июня часть статей пометили крестиком, а выделенные микротексты переписали не сокращая на отдельных листах. Если исходная сводка составляла семнадцать листов, то ее краткий вариант — всего три листа. Редакторская работа с содержанием известий была минимальной. Так во фразе курантов «Наши ж ратные люди переняли на пути некоторую грамоту» слово «наши» было заменено на «цесарские», что облегчило понимание текста. Разделение сообщений из «цесарских» и «галанских» газет в выписках сохранили, хотя при таком незначительном объеме материала подзаголовки уже не имели особого смысла.¹⁸⁸

Оценить новую практику как «плохую» или «хорошую» невозможно. С одной стороны, она сокращала внешнеполитический кругозор царя, а с другой — позволяла ему оставаться в курсе основных внешнеполитических событий, несмотря на массу других интересов. Когда выписки из курантов стали составлять регулярно, сказать очень сложно из-за плохого состояния документов за вторую половину 1690 и первую половину 1691 г. Выписки вообще сохранились гораздо хуже, чем сами куранты. Они отправлялись вслед за царем в его многочисленные «по-

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 100 об., 116 об., 128 об., 163 об., 302 об., 318 об.

¹⁸⁷ Кобзарева Е. И. Известия... С. 98, 109 и др.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Л. 389–408.

ходы», а это часто приводило к их утере. Не позднее, чем с осени 1691 г. практика составления выписок стала обычной. Изготавливались они более небрежно, чем обычные куранты. При анализе формуляров заглавий выписок из курантов за конец марта—начало мая 1692 г. выяснилось, что ни в одном из девяти комплектов сохранившихся выписок формуляр заглавия не повторяется полностью.¹⁸⁹ Для 1670-х—1680 гг. такую небрежность в работе с документами просто невозможно представить.

«Выписки с курантов» также могли называться просто «курантами». 3 ноября 1698 г. Петр I писал к Виниусу из Воронежа: «Письмо твое, купно с курантами, принел и за ведомость благодарствую».¹⁹⁰ Между тем к царю в Воронеж посылали именно выписки из курантов. Об этом свидетельствует следующий факт. На одном из комплектов «переводов курантов» 1698 г. имеется помета «207-го декабря в 7 день чтено, и о чом доведетца выписав послать к великому государю на Воронеж».¹⁹¹ Кстати, опираясь на переписку, можно предположить, что Виниус (по крайней мере в отдельных случаях) не только пересылал, но и составлял выписки.¹⁹² Особенно показательно письмо Виниуса к Петру I от 15 октября 1697 г., в котором почтмейстер прямо писал о том, какие именно вести он выбрал для сообщения царю: «С прешедшею, господине, почтою к Вашему господству означил есм точию в курантах ведомости победы великой, юже цесарское войско над бусурманы одержали...».¹⁹³

В заглавии выписок из курантов так же, как и в самих курантах, в качестве даты их составления упоминали день присылки в Посольский приказ иностранных газет. Однако еще Е. И. Кобзарева отметила частые случаи несовпадения на один день дат указанных в заглавиях курантов и в выписках из курантов.¹⁹⁴ Это значит, что составители курантов, как и в прежние годы, при задержке в обработке пришедших по почте иностранных газет обманывали начальство. Свою нерасторопность они скрывали, ставя на документах более позднюю дату прихода почты.

Появление выписок снизило информативность помет о зачитании курантов, которые приобрели теперь формулярный характер. Служащие

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. 1692 г. Ед. хр. 60. Л. 1—20.

¹⁹⁰ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. С. 269.

¹⁹¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 2. Л. 167 об.

¹⁹² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 269, 498, 640, 653, 750, 751, 654, 655.

¹⁹³ Там же. С. 653.

¹⁹⁴ Кобзарева Е. И. Известия... С. 105, 229.

Посольского приказа могли дублировать сведения о состоявшемся докладе на самих курантах и на выписках из них. Особенно странно подобное дублирование записей выглядит в тех случаях, когда речь идет о периодах дальних поездок царя. К примеру, на курантах 21 февраля 1692 г. стоит обычная помета о зачитании царям и боярам. Традиционно такие записи ставились в тех случаях, когда царь находился в Москве. На выписках из этих курантов читаем: «200-го марта в 12 прислано ис Переславля Залеского, великим государем известно, и бояром чтено».¹⁹⁵ В прежние годы в такой ситуации ставилась помета об отправке курантов «в поход», т. к. вряд ли находившиеся в Москве подьячие точно знали, использовался ли документ на самом деле, ведь пометы об этом на пересланных из Переславля Залесского курантах нет. Скорее всего, для сотрудников приказа было важно, что этот документ отработан. Они не стремились отразить, кто именно, царь или бояре, был ознакомлен с самими курантами, а кто с выписками из них. Всегда ли Петр знакомился только с выписками, и зачитывали ли боярам только полные сводки, точно сказать невозможно.

Со временем структура выписок менялась. Исходные статьи стали редактировать. Иногда правка была очень существенной. Как пример редактирования приведем сообщение из Москвы от 13 марта 1692 г.¹⁹⁶

Куранты 13 марта 1692 г.	Выписки из курантов 13 марта 1692 г.
С Москвы генваря в 15 день. Здесь так великая стужа, что о таковой памяти нет. Птиц по 30 и по 40 сверху падают, а людей уже от того 500 человек померло. Его царское величество царь Петр Алексеевич пошел в Астрахань и учиня тамо всякие надобные к войне надлежащие вещи скоро назад будет. По всей Москве крепко радеют о воинском вооружении, а куда, и будет ли на татар крепкое наступление, того не ведомо. Еще радеют дабы честно встретить посла персического. И указано всякому боярину с 15 дворов дать по человеку и на Москве поставить и проводить того посла с великим войском на полской рубеж.	С Москвы генваря в 15 день. Великая здесь стужа стоит, так что птицы на полете умирают. А царское величество великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец изволил итти в Астрахань и вскоре паки здесь будет. Многая здесь готовность воинская чинится, и будет ли наступление на татар, неведомо. А ко встрече персического посла великая готовность чинится.

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 113 об., 115 об.

¹⁹⁶ Там же. Л. 156, 157, 168–170.

Исходный текст перевода сократился больше, чем на 30%. Составитель выписок убрал информацию о смерти от мороза 500 людей, ложные сведения о том, что царь ездил в Астрахань, заботясь о «войне належащих вещах» (на самом деле Петр просто смотрел на персидское посольство) и о пышных почестях персидскому послу. «Недостающая» же, по мнению составителя выписок, информация была добавлена — титул Петра «царское величество царь Петр Алексеевич» теперь выглядел: «царское величество великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец». В исправленном виде «публикация иностранной газеты» явно была более приятной для читателя — Петра I.

Составители выписок начали не только редактировать материал, но и систематизировать его: отказались от деления известий по печатным источникам — «цесарским» и «галанским» газетам, а вместо этого стали вводить смысловые рубрики. Впервые такое распределение материала отмечено в выписках от 28 марта 1692 г. Известия были разделены на турецкие, польские, цесарские, французские, английские и голландские.¹⁹⁷ Каждый из разделов отражал политическую ситуацию, которая сложилась в данном регионе. Порядок тем определялся степенью влияния описываемых событий на формирование собственной внешней политики России. В дальнейшем рубрикация известий в выписках стала нормой. Число рубрик и их порядок зависели от содержания новостей. Такая обработка известий существенно облегчала их восприятие.

Отказ от разделения газет на «цесарские» и «галанские» в выписках из курантов привел к тому, что известия из голландской прессы стали все реже включать и в сами куранты. Из 17 комплектов курантов, составленных в сентябре—декабре 1694 г., только три содержали статьи из голландской периодической печати. После 18 ноября 1695 г. материалы голландских газет вообще пропадают из составленных в Посольском приказе курантов.¹⁹⁸ Вероятно, с какого-то момента их перестали выписывать. Из отложившихся в архиве Посольского приказа голландских газет нет ни одной за 1699 и 1700 гг.¹⁹⁹ Регулярно поступавшие в Москву в 1690-х гг. польские газеты²⁰⁰ также практически не включа-

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 2. 1692 г. Ед. хр. 60. Л. 1–3.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 300.

¹⁹⁹ *Maier I. Niederländische zeitungten («Couranten») des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau. S. 191–218.*

²⁰⁰ В Посольском приказе, к примеру, хранились экземпляры «Краковских ведомостей» за 1686, 1688, 1690–1699 гг. РГАДА. Ф. 155. Оп. 1.

лись в обзоры прессы. Исключением была сводка от 8 ноября 1691 г., в которой после переводов из «цесарских» и «галанских» газет имеется еще один подзаголовок «Да в полских печатных ж курантах, каковы прислал Иван Волков ноября в 14 день ведомости ж».²⁰¹ И. М. Волков в это время был дипломатическим представителем (резидентом) России в Варшаве.²⁰² Таким образом, данная газета не была закуплена Виниусом, а попала в Посольский приказ по дипломатическим каналам. Создается впечатление, что в ситуации, когда Петру I хватало кратких подборок новостей из немецкой прессы, сотрудники Посольского приказа просто не хотели утруждать себя дополнительной работой, выполнения которой высшее начальство не требовало.

На рубеже XVII и XVIII вв. находящиеся за рубежом российские дипломаты все чаще занимались сбором материалов из европейской печати. Хотя в источниках эти документы обычно именуются курантами, они могли существенно отличаться от составляемых в Посольском приказе обзоров иностранной прессы по механизму составления и порядку использования. Значительный объем документов присылал русский резидент в Польше А. В. Никитин.²⁰³ Находившийся с 1696 г. в Вене русский посланник К. Н. Нефимов собирал и отправлял в Москву газетные публикации и неперIODические информационные издания, посвященные действиям русской армии под Азовом.²⁰⁴ Позднее отсюда же посылал печатные газеты и рукописные вестовые материалы переводчик Адам Стиль.²⁰⁵ Во время Великого посольства его участники регулярно знакомились с публикациями европейских газет (куранты, составленные переводчиками, работавшими в составе Великого посольства, исследовал А. Г. Гуськов).²⁰⁶

Как пример использования иностранной прессы в период работы Великого посольства приведем случай, когда газетные публикации были привлечены для давления на шведских дипломатов, поддерживавших в борьбе за польский престол французского претендента де Конти. Впервые о том, что русские дипломаты проявляли внимание к газет-

²⁰¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 212.

²⁰² РГАДА. Ф. 79. Ед. хр. 238. Ч. 1.

²⁰³ Гуськов А. Г. Великое Посольство Петра I... С. 339–342.

²⁰⁴ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1864. Т. 7. Стб. 1194–1202, 1240.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13.

²⁰⁶ Гуськов А. Г. Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. С. 27–44.

ным публикациям о де Конти, мы узнаем из письма Ф. А. Головина к Петру I из Гааги (от 12 октября 1697 г., царь получил это послание 13 октября). Головин сообщает: «О состоянии князя де-Контия, выписав ис курантов, послал с сим писмом к милости твоей, государю, а болши того ведомостей о поляках нет».²⁰⁷

Действия де Конти обеспокоили и австрийских дипломатов. Утверждение французского претендента на польском троне грозило превращением Польши из союзника Австрии в ее противника. Из Вены к участникам Великого посольства пришло письмо от А. Стиля. Он сообщал, что претендент на польский трон де Конти высадился с войсками под Гданьском, а французский король подкупает шведов, чтобы они напали на польского короля с севера, а с востока «привести тщится» татар и турок. Вместе с письмом Стиль прислал и подтверждающие его «вестовые куранты».²⁰⁸

Тот факт, что Стиль прислал вместе со своим письмом газеты, вряд ли можно считать случайностью. Ссылка на новости из газет была в то время весьма распространенной уловкой дипломатов, которые не желали раскрывать реальные источники своей информации. Именно так и поступил официально возглавлявший русское посольство Франц Лефорт, который написал в Швецию к «свейскому ближнему человеку» Бенкту Оксенстерну о «польском деле». Российский дипломат предупреждал своего шведского коллегу, что «французские вредительства» будет «не к добру всему христианству». Причину своего беспокойства Лефорт объяснял именно появлением соответствующих публикаций в прессе: «так и ныне зло сумневают меня от многих стран заходящие ведомости, а имянно уже и на весь свет авизы печатные гласят, что посол французской граф Деафо всякими мерами трудится, дабы двор королевского величества свейского на Деконтиеву сторону привести».²⁰⁹ Ссылок на письмо из Вены от Стиля мы в этом послании Лефорта не находим.

Впрочем, вскоре русские дипломаты и сами столкнулись с подобным приемом. Весной 1698 г. Петр I укорял амстердамских «бурмистров» Николая Витсена «с товарищи», что в то время, когда он вел с ними переговоры, голландцы не сообщили о намерении цесаря при посредничестве Англии мириться с султаном, и о том, что Голландия

²⁰⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 660–661.

²⁰⁸ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. Стб. 1058, 1059.

²⁰⁹ Там же. Стб. 1068, 1069.

также склоняет цесаря к миру. В ответ русский монарх услышал, будто бы «бурмистры» сами узнали о переговорах из газет. Петр назвал этот ответ отговоркой, но доказательств неискренности со стороны голландских партнеров российские дипломаты не имели.²¹⁰

В период отсутствия царя в России куранты составлялись и зачитывались на заседаниях Боярской думы с прежней регулярностью (в среднем за апрель 1697—июль 1698 они появлялись 3,6 раза в месяц). До 20 декабря 1697 г.²¹¹ выписки из составленных в Москве курантов пересылали участникам Великого посольства.

По возвращении из Великого посольства Петр I продолжал интересоваться публикациями европейских газет. Составляемые для него «выписки» зачастую теряли вид приказного документа со сколько-нибудь выраженным формуляром и становились обычным письмом с новостями. Так, 15 ноября 1698 г. Виниус вместо традиционных курантов или выписок из них пишет Петру I письмо с изложением вестей, которые «с обыклою почтою дошли вчерашнего числа». Политические новости изложены без дат и без разбивки на статьи. Это была не простая переписка, а именно изложение печатных материалов, о чем свидетельствует фраза Виниуса: «тут же напечатано о усмирении здешних бунтовщиков». К письму была сделана приписка: «При сем и подлинные, государь, куранты послать дерзнул».²¹²

В преддверии войны со Швецией вновь был заключен договор о доставке газет через Вильно (не позднее 29 февраля 1700 г.).²¹³ Последние куранты, составленные на основе пришедших через Ригу газет, датируются 28 июля 1700 г.²¹⁴ В качестве еще одного новшества отметим начало широкого использования не только печатных, но и рукописных газет. Впервые они добавлены к сводке материалов из печатных газет 15 марта 1700 г.,²¹⁵ после чего такие дополнения стали нормой. В нескольких случаях вслед за переводом статей из немецких газет помещены переводы сообщений польской прессы — печатной и рукописной.²¹⁶

²¹⁰ Там же. Стб. 1291, 1292

²¹¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Л. 709.

²¹² Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 750, 751.

²¹³ Документа не сохранилось, однако о заключении такого договора свидетельствует сам факт присылки газет. РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8. Л. 139.

²¹⁴ Там же. Л. 18.

²¹⁵ Там же. Л. 39.

²¹⁶ Там же. Л. 55 об., 56, 75, 76 об., 153.

Начавшаяся в 1700 г. Северная война не могла не повлиять на составление курантов. От августа 1700 г. сохранились сведения о беспрецедентном случае — Виниус отправил иностранные газеты к начальству без перевода. Об этом мы узнаем из письма к Петру I (26 августа 1700 г., царь в это время находился в Твери) от Ф. А. Головина, который сам в этот момент пребывал «от Торшку в 10 верстах». Головин писал: «А куранты, государь, прислал ко мне Виниус не переведенные, и когда переведут, немедленно к тебе, государь, пошлю на особой почте».²¹⁷

Боевые действия прервали доставку иностранных газет через Ригу. В настоящее время вообще не обнаружено курантов за первые месяцы войны (сентябрь—декабрь 1700 г.). Возможно, в ситуации подготовки осады Нарвы и последующего поражения русских войск они какое-то время не составлялись, а приходившие в Москву газеты Виниус пересылал без перевода. Наиболее ранняя сводка 1701 г. датируется 12 января.²¹⁸ Периодичность составления курантов, как можно судить по хорошо сохранившимся документам за июнь—сентябрь 1701 г., осталась примерно такой же, как и до войны — около четырех (или немного меньше) сводок за месяц. По-прежнему активно использовалась рукописная пресса. Из пятнадцати комплектов, сохранившихся за август—декабрь 1701 г., рукописные газеты оказались в девяти.²¹⁹

Встает вопрос о том, кто именно и как знакомился с курантами на рубеже XVII и XVIII столетий. Наиболее поздняя из помет, сообщающих, что куранты были «великому государю известны и боярам чтены», стоит на сводке от 31 июля 1700 г. Доклад состоялся 1 августа,²²⁰ незадолго до начала войны. В последующие годы зачитание курантов на заседаниях Боярской Думы прекратилось (по крайней мере, сведений об этом нет), поскольку сама Дума перестала функционировать в прежнем режиме.

Представляется, что основным «читателем» курантов с 1700 г. стал глава Посольского приказа Ф. А. Головин. Об этом свидетельствует тот факт, что на чистовиках курантов встречаются записи, сделанные его рукой, а на чистых листах — черновики его писем. Кроме того, в современных архивных комплексах с курантами 1700–1703 гг. соседствуют письма, адресованные Головину.²²¹ Таким образом, по сравнению с пред-

²¹⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 826, 827.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1701 г. Ед. хр. 14. Ч. 2. Л. 147.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1701 г. Ед. хр. 14, 15; Оп. 2. Ед. хр. 81. 1701 г.

²²⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 8. Л. 75.

²²¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1701 г. Ед. хр. 14, 15; 1702 г. Ед. хр. 9; 1703 г. Ед. хр. 8. За помощь в идентификации почерка Ф. А. Головина благодарю Т. А. Лаптеву.

шествующим периодом «статус» курантов существенно снизился. Теперь с ними знакомились не все русское правительство во главе с царем, а только руководитель внешнеполитического ведомства.

Мог ли сам Головин постоянно уделять курантам много внимания? По нашему мнению — нет. Глава дипломатического ведомства был обременен огромным числом других обязанностей. Кроме того, он, так же как и Петр I, часто отсутствовал в Москве. Иногда не Головин передавал известия курантов Петру I, а наоборот, царь знакомил главу своего внешнеполитического ведомства с новостями европейской прессы.²²²

С 1700 г. российское правительство вновь стало регулярно получать материалы голландской прессы. Это произошло благодаря появлению в Гааге постоянного дипломатического представителя А. А. Матвеева. То, что Матвеев составлял куранты сам, не пользуясь услугами переводчика, было новым явлением в русской дипломатической практике. Куранты Матвеева сохранились лишь частично. О них мы знаем благодаря книге, в которую Матвеев копировал отправляемые в Москву отчеты с начала 1700 по октябрь 1702 г. Эта книга общим объемом в 186 л. не имеет нумерации листов, озаглавлена «208-го (1700) генваря в 25 де(нь) записная книга всяким ведомостем что и каких известий с приезде своем в Гравенгагу сего ж генваря в 22 день ближней околничей и наместник Ярославской Андрей Артемонович Матвеев писал к великому государю к Москве тайно своею рукою и то все записано в сей книге имянно впрд для ведома ево ж рукою».

Первоначально Матвеев включал известия газет непосредственно в свои письма. Начиная с 11 октября 1700 г. он стал составлять куранты отдельно, а в письмах лишь указывал, что таковые посланы вместе с письмом.²²³ Эти куранты передавались царю. В письме Ф. А. Головина к Петру I от 31 марта 1701 г., где сообщается о том, что с заморской почтой из Амстердама от Матвеева пришли письма, читаем: «При том же, государь, посланы и куранты, присланные ко мне от Артемоновича».²²⁴ Известные сегодня куранты Матвеева относятся к маю—июлю и ноябрю—декабрю 1702 г.²²⁵ Обзоры составлялись еженедельно. Для своих переводов Матвеев выработал особый формуляр, близкий к формуля-

²²² К примеру, Петр ссылался на «курантные ведомости» в письме Ф. А. Головину от 23 февраля 1706 г., в котором рассказывал о разгроме польского короля Августа. Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1900. Т. 4. С. 97.

²²³ РНБ, F.IV.492.

²²⁴ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 4. С. 1242.

²²⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9; Ф. 381. Ед. хр. 953. Л. 35.

рам переводов Посольского приказа: «Перевод с печатных галанских повседневных курантов, каковы объявились в Гаге по отпуске прошлой почты на сей неделе сего мая от 22-го по 29 нынешняго 1702 году». В разных письмах этот формуляр варьировался лишь незначительно. Однако в двух случаях отличия оказались существенными: «Перевод с повседневных галанских печатных газетов, каковы объявились в Гаге по отпуске к Москве прошлой почты мимошедшаго июля с 31-го сего августа по 7 день нынешняго 1702-го году»; «Перевод с ведомости дневной из цесарского обозу на боевом месте писана при Луцаре августа от 14-го до 19-го чисел по новому стилю 1702 го году какова объявилася в Гаге напечатана на подтверждение цесарской победы над французы. Прислана из Италии к цесарскому посланнику графу Гусу по старому колендарю августа в 31 день нынешняго 1702 году» (курсив наш. — С. III).²²⁶ Таким образом, в одном комплексе обзоров иностранной прессы вместе с традиционно употреблявшимся словом «куранты» оказались наименования «газеты» и «ведомости», которые в течение первой половины XVIII в. вытеснили из обращения слово «куранты» и конкурировали между собой до начала XIX в., когда слово «газета» окончательно одержало победу.

В апреле 1707 г. по рекомендации А. А. Матвеева в Амстердаме был назначен российским консулом голландский купец Яган ван ден Бург (Фанденбург), который с сентября 1708 г. снабжал русское дипломатическое ведомство голландскими газетами.²²⁷ Позднее то же самое делал находившийся в Голландии Б. И. Куракин.²²⁸ Таким образом, мы видим, что работа с местной прессой переходит в руки находящихся за границей российских дипломатов.

Хотя начало Северной войны резко усилило интерес российского правительства к европейской политике и, в частности, к западной прессе, это не привело к восстановлению прежней системы составления обширных сводок иностранной прессы. Присылаемые в Москву по разным каналам известия зарубежных газет не обобщались и не объединялись в один комплекс — систематизировать их материалы и представить в виде единого документа в разумные сроки было невозможно. Кроме того, царь постоянно передвигался по стране и за ее пределами. Пересылка вслед за ним больших объемов документов не имела смысла.

²²⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1, 40, 68.

²²⁷ Копанев Н. А. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 255.

²²⁸ Письма и бумаги Петра Великого. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 363.

Поскольку Петр I постоянно испытывал дефицит времени, они все равно не могли быть полностью использованы. Составление обзоров иностранной прессы в том виде, который они имели в 1680-х–1690-х гг., утратило смысл.

Петр I нашел курантам новое применение, соответствовавшее наиболее актуальным потребностям государства. 15 декабря 1702 г. он издал указ, в соответствии с которым начала выходить первая русская газета «Ведомости»: «1702 года декабря в 15 день Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России Самодержец указал по именному своему великаго Государя указу: куранты, по нашему ведомости, которые присылаются из разных государств и городов в Государственный Посольский и в иные приказы, из тех приказов присылать те ведомости в приказ Книг печатнаго дела, а как те ведомости присланы будут и еще на печатном дворе печатать и те печатные ведомости, что останется за подносом — продавать в мир по надлежащей цене. Дьяки Матвей Власов Великаго Государя указ сказали и в книгу приказал записать боярин И. А. Мусин-Пушкин».²²⁹ На следующий день вышел новый указ, в котором уточнялся порядок передачи материалов для публикации из одного органа государственного управления в другой. Он гласил: «Великий Государь указал: по ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежат для объявления Московскаго и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов, в которых приказах, о чем ныне какая есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ, без мотчания, а из Монастырскаго приказа те ведомости отсылать на печатной двор. И о том во все приказы из Монастырскаго приказа послать памяти».²³⁰

Благодаря указам 1702 г. практика составления обзоров прессы для царя и бояр превратилась в подбор статей для «Ведомостей» — не нужный для публикации в «Ведомостях» материал постепенно перестали переводить. Генетическая связь между курантами и «Ведомостями» никоим образом не позволяет отождествить их. Они имели разное функциональное назначение. Куранты были источником внешнеполитических сведений для правительства, а «Ведомости» — средством государственной пропаганды. Печатная газета позволяла более широко доводить до сведения образованных россиян известия об успехах в борьбе со Швецией. Это было крайне важно после недавнего разгрома русской армии под Нарвой. Не случайно первым из сохранившихся

²²⁹ Харлампович К. В. «Ведомости Московского государства»... С. 7.

²³⁰ ПСЗ-I. Т. 4. С. 201.

до наших дней «вестовых» изданий, вышедших после указа 15 декабря 1702 г., был «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году» (опубликован 27 декабря 1702 г.).²³¹

Таким образом, генезис российской прессы существенно отличался от того, что было нормой для большинства европейских стран. Первая русская газета возникла не в результате частной инициативы для удовлетворения существовавших уже потребностей общества, а как инструмент государственной пропаганды. Как отметила И. Майер, аналогичная ситуация наблюдалась в Польше сорока годами ранее: появившаяся здесь в 1661 г. газета была создана под влиянием королевского двора для обеспечения идеологической поддержки запланированных королем реформ. Редактировал первую польскую печатную газету королевский секретарь. После того, как королевская партия потерпела поражение, газета закрылась. Изготавливавшему ее печатнику пришлось бежать от кредиторов.²³²

Россия имела другую структуру власти, что обеспечило «Ведомостям» долгую жизнь. Банкротство этого издания было невозможно, поскольку создавалось оно государственными служащими и печаталось в государственной типографии. Однако у данной системы имелись и свои недостатки. Во-первых, то, что власти хотели довести до рядовых читателей через газету, далеко не всегда было этим читателям интересно. Во-вторых, непосредственные изготовители «Ведомостей» не имели личной заинтересованности в том, чтобы газета продавалась. Если бы коммерческий издатель выпустил газету с давно устаревшими и неинтересными «новостями», его ожидал бы финансовый крах. Между тем историк В. А. Погорелов, составивший описание архива «Ведомостей» за 1702–1727 гг., отложившегося в библиотеке Московской синодальной типографии, отметил целый ряд значительных задержек при подготовке «Ведомостей». От небрежности госслужащих, отвечавших за публикацию газеты, страдала как периодичность издания, так и интерес к нему. Если изначально тираж составлял 1–2 тысячи экземпляров, то со временем он упал. В отдельных случаях выходило до 30 экземпляров.²³³ Личный интерес к «Ведомостям» со стороны Петра I и его сек-

²³¹ Кузьмин А. И. Военная тема в литературе петровского времени // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 168.

²³² В-К VI (ч. 2). С. 30, 31.

²³³ Библиотека Московской Синодальной типографии. Секция I: Рукописи. Т. 4. М., 1903.

ретаря А. В. Макарова лишь ненадолго подстегивал активность издателей «Ведомостей». О том, как обстояло дело с выпуском первой русской газеты через несколько месяцев после смерти Петра I, говорит «именной» указ Екатерины I, объявленный Сенатом 8 апреля 1725 г.: «В прошедших летах, когда здравствовал высокославной и вечнодостойной памяти его императорское Величество, а именно: перед походом Персидским, в Правительствующий Сенат из Кабинета предложено было, дабы о всех знатных делах, принадлежащих к ведению народному, публичным, кроме секретных ведомостей, сообщали в типографию для печатания в курантах из всех коллегий и Канцелярий: и по тому тогда и сообщали из многих мест, а ныне то сообщение, неведомо для чего, опущено; того для ея величество государыня императрица указала, дабы помянутыя ведомости по прежнему сообщались в типографию для печати в народное ведение».²³⁴

Сохранившиеся к настоящему времени источники позволяют утверждать, что после начала издания «Ведомостей» составление обзоров иностранной прессы для нужд дипломатического ведомства прекратилось. Это не значит, что европейская печать выпала из поля зрения российского правительства. И сам Петр I и его сподвижники постоянно интересовались западной прессой. В записной книжке Петра I за 1702 и 1703 гг. мы находим две интересных записи: «Что явилось в латинских курантах о французском посланнике, что живет на Москве?» и «Что какая ревность уросла меж цесарским и французским по латинским курантом?».²³⁵ В изданных на сегодняшний день «Письмах и бумагах Петра Великого» (1705–1713 гг.) упоминания материалов европейской прессы встречаются регулярно.²³⁶

Из переписки царя видим, что он ощущал негативные последствия разрушения системы доставки и обработки иностранной прессы. 13 августа 1713 г. Петр I писал ревельскому коменданту В. Н. Зотову: «Також что в курантах или партикулярных писмах в городе имеете новыя ведомости о действиях в Померании, пришлите, понеже за дальностию к нам так чрез Питербурх скоро прислать нельзя».²³⁷ Зотов отправлял

²³⁴ ПСЗ. Т. 7. С. 445.

²³⁵ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1889. Т. 2. С. 315, 316.

²³⁶ Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 932; Т. 4. С. 97, 1137; СПб., 1912. Т. 6. С. 506, 512; М., 1951. Т. 8. Вып. 2. С. 751, 754; М., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 473; М., 1952. Т. 9. Вып. 2. С. 1311; М., 1956. Т. 10. С. 85, 765; М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 509; М., 1964. Т. 11. Вып. 2. С. 101; М., 1975. Т. 12. Вып. 1. С. 56, 911; М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 94, 102, 258, 356, 357; Т. 13. Вып. 2. С. 363, 403, 419, 494.

²³⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 13. Вып. 1. С. 94.

пришедшие в Ревель немецкие газеты к Петру 17 и 27 августа²³⁸ (во втором случае газеты были направлены на имя А. В. Макарова). Очевидно, именно Макаров занимался сбором прессы для государя, поскольку 8 декабря 1713 г. посол Б. И. Куракин писал Макарову из Голландии: «По указу царского величества газета по вся почты присылать буду в пакете под вашим именем».²³⁹ Сколь регулярными были такие переписки и как долго они продолжались — сказать сложно. Характерно, что Петр I, желая получать иностранную прессу, обращался напрямую к тем госслужащим, которые имели доступ к европейским газетам, а не действовал через Посольский приказ или Посольскую канцелярию.

Небольшой комплекс обзоров иностранной прессы был составлен в 1716–1718 гг.²⁴⁰ Он содержал публикации о пребывании в Европе царевича Алексея Петровича, бежавшего из России от отцовского гнева. Эта подборка включает 35 сообщений из амстердамских и гарлемских газет. Скорее всего, она была составлена по материалам, присланным из Нидерландов находящимся там русским резидентом. С одной стороны, обращает на себя внимание крайне узкий круг привлеченной для отбора информации прессы. В этом проявился явный регресс по сравнению с курантами конца XVII в. С другой стороны, в подборке статей об Алексее Петровиче для каждой статьи точно указаны выходные данные газеты. Такая же практика с 1720 г. периодически применялась при подготовке черновиков для «Ведомостей» переводчиком Коллегии иностранных дел Б. Волковым (в самой газете эти сведения не воспроизводились). В XVII столетии составители курантов (в лучшем случае) ограничивались разделением иностранных оригиналов на немецкие и голландские издания.

Окончание Северной войны позволило возобновить в полном объеме нарушенные боевыми действиями почтовые связи. Перенесение столицы в Петербург существенно сократило расстояние от мест выпуска европейских газет. Кроме того, в мирной обстановке российское дипломатическое ведомство могло уделять больше внимания политической ситуации в Европе в целом. С 1724 г. среди документов из архива Кол-

²³⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 13. Вып. 2. С. 403, 419.

²³⁹ Там же. С. 363.

²⁴⁰ Документы по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденные Г. В. Есиповым. № XV. Выписки из иностранных курантов // ЧОИДР 1861. Кн. 3. С. 206–213; ОПИ ГИМ. Ф. 450. Ед. хр. 155/а. «Документы следственного дела царевича Алексея Петровича». Л. 174–176 об. В деле хранятся копии курантов, выполненные во 2-й пол. XIX в.

легии иностранных дел вновь появляются обзоры иностранной прессы, которые явно шире «Ведомостей».²⁴¹ Называли эти материалы «выписками из курантов» (были и другие варианты). При этом подборки статей для «Ведомостей» составлялись и дальше, но отдельно от обзоров. Никаких помет, связанных с подготовкой газеты «Ведомости», на новых «выписках из курантов» нет. Эти «выписки из курантов» очень похожи на куранты XVII в. Однако удалось проследить и вновь появившиеся особенности. Теперь о каждом переводе сообщалось не просто, «цесарский» он или «галанский», а указывались выходные данные конкретной газеты. В печатных «Ведомостях» и курантах XVII в. такой информации не приводилось. Содержание отобранных из иностранных газет статей и пометы на полях позволяют предположить, что русских читателей обзоров иностранной прессы 1720-х–1730-х гг. интересовало, в большей мере, не что и где произошло (об этом основную информацию сообщали дипломаты), а что и где о происходящих событиях пишут в газетах. Иными словами, функция курантов по сравнению с XVII столетием несколько поменялась. Теперь обзоры иностранной прессы составлялись не столько за тем, чтобы узнать о происходящих событиях, сколько для того, чтобы своевременно реагировать на публикации, так или иначе затрагивающие интересы России. Таким образом, окончание эпохи глобальных перемен и нормализация отношений с соседями привели к восстановлению традиционной системы составления обзоров иностранной прессы на новом качественном уровне.

²⁴¹ АВП РИ. Ф. 11. Оп. 11/1. 1724 г. Ед. хр. 54, 55.

Глава 3

«РУССКИЕ» ИЗВЕСТИЯ КУРАНТОВ И БОРЬБА С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НЕГАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ О РОССИИ

В течение XVII в., особенно второй его половины, количество публикаций о России в европейской прессе постоянно росло. Этот процесс не имел линейного характера. В мирные годы интерес снижался. В периоды, когда русское государство вело активные боевые действия (или сосредотачивало войска на границах), число статей возрастало. Так, начало осады русской армией Смоленска в декабре 1632 г. привело к тому, что в немецкой прессе количество публикаций о России возросло с 36 в 1632 г. до 103 в 1633 г., а начало следующей войны с Речью Посполитой дало прирост публикаций в немецких газетах с 39 в 1653 г. до 144 в 1654 г. Поход В. В. Голицына на Крым в 1687 г. стал причиной появления в немецкоязычных изданиях рекордного числа публикаций. До нашего времени за этот год сохранилось 1112 статей о России.¹

Интерес Москвы к публикациям о России был обусловлен не только тщеславием (хотя и этот фактор тоже играл свою роль). Русское правительство стремилось развивать контакты с европейскими странами, а от того, как в Европе оценивают Россию, зависел успех или неудача российских посольств. Кроме того, российское правительство активно занималось привлечением на русскую службу иностранцев — военных, медиков, рудознатцев, кораблестроителей, художников и др. Негативные публикации о России сказывались на стоимости найма европейских специалистов. Известия о различных российских неурядицах негативно влияли и на торговлю.

¹ *Welke M.* Russland in der deutschen Publicistik des XVII Jahrhunderts (1613–1689) // *Forschungen zur Osteuropäische Geschichte*. Berlin, 1976. Bd. 23. S. 253–254.

Проанализировать все «русские» сообщения курантов сложно из-за большого объема материалов. Кроме того, новые сведения по истории России содержит лишь часть этих сообщений. Остальные имеют историческую ценность в качестве свидетельства заинтересованности читателей европейской прессы в новостях из России. Особенное внимание в данной главе уделяется тем публикациям, которые вызвали негативную реакцию у российского правительства, рассматриваются способы борьбы с распространением негативных сведений и формирования позитивного информационного фона. В современном мире эта деятельность называется «пиаром» (public relations).

Стремление влиять на иностранную прессу было присуще не только России. Европейские политики быстро оценили по достоинству власть прессы и пользовались ею для воздействия на общественное мнение. Стоило это довольно дорого, особенно в периоды обострения европейских конфликтов. Например, в 1674 г. главе французского внешнеполитического ведомства де Помпонну из Германии писали, что «не найдется ни одного человека, который даже за 10000 экю захотел бы напечатать в пользу Франции десять строк на каком бы то ни было языке».²

3.1. Известия о России в иностранной прессе первой половины XVII в. и курантах времени правления царя Алексея Михайловича

Известия о России стали появляться в европейских информационных изданиях еще в XVI столетии. В это время в Европе не существовало газет в нашем понимании этого слова. Их роль играли так называемые «летучие листы» (Flugschriften) или «новые вести» (neue Zeitungen). Эти издания представляли собой листы или небольшие тетрадки (обычно около восьми страниц). Выходили они не регулярно, а в связи с какими-то сенсационными, представлявшими интерес для большого числа людей событиями. Как правило, это были войны.

В XV в. войны между Москвой и ее европейским соседом — польско-литовским государством — велись за православные земли, некогда бывшие частью Киевской Руси. Эти пограничные московско-литовские столкновения мало интересовали жителей Европы. Однако начало быстрого продвижения русской армии вглубь территории Литвы и взятие Смоленска беспокоило европейцев. Именно в связи с этим событием

² Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991. С. 104.

в 1514–1515 гг. появляются первые посвященные России европейские «летучие листки» и брошюры.³

С 1558 г. объектом внимания издателей «летучих листков» стала Ливонская война. Судьба Ливонии с ее немецкоязычным населением волновала общественность немецких государств Европы. В «летучих листках» писали об огромном войске «москвитов», жестокости русских солдат, широкомасштабной депортации местных жителей вглубь России. Несколькими годами позднее немецкая пресса коснулась и внутрироссийских дел. «Правдивая и новая газета о величайших врагах христианства москвитях» с ужасом писала о зверствах опричников Ивана Грозного. Десятилетие спустя, к радости и успокоению немцев, издатели стали сообщать новости об успешных походах польского короля Стефана Батория в глубь России.⁴

Публикации имели массовый характер и оказали влияние на немецкую литературу. В России же откликов на них не зафиксировано. Учитывая интенсивные торговые и дипломатические контакты и наличие в России отдельных переводов из европейских информационных изданий (на другие темы), трудно предположить, что в Москве об этих публикациях не слышали. Генрих фон Штаден, живший в России в 1564–1576 гг. и служивший в опрочине Ивана Грозного, писал в своем сочинении: «Но только — чтобы это мое описание не переписывалось и не стало общеизвестным. Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях, и все это делается в глубокой тайне: наверное, у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах через купцов».⁵ Публикации на «русские» темы могли попасть в Россию и другим путем. Так Стефан Баторий переслал в Россию изданную на латинском языке «Хронику» служившего в Польше итальянца Александра Гваньини. В этом сочинении рассказывалось о терроре Ивана Грозного. Очевидно, польский король просто не мог отказать себе в удовольствии лишний раз уязвить противника. Впоследствии описанием жестокостей Ивана IV Грозного в «Хронике» воспользовался в своих произведениях Андрей Курбский.⁶ Скорее все-

³ Гольдберг А. Л. История России в иностранных изданиях XVI–XVII веков // История СССР. 1982. № 2. С. 111.

⁴ Лобанов Н. А. Образ России в германском обществе XVI–XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 135–152.

⁵ Штаден Г. Записки. М., 2002. С. 14. За эту цитату благодарю Д. В. Лисейцева.

⁶ Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 207.

го, находились и другие желающие «порадовать» Ивана Грозного подобным образом.

Позднее начавшееся в России Смутное время давало поводы лишь для появления за рубежом негативных материалов. Первой положительной публикацией после Смутного времени можно назвать карту России Г. Геритца, картографа голландской Ост-Индской компании (1613, 1614 гг.).⁷ Хотя это была карта, а не периодика, на нее следует обратить внимание, поскольку на ее примере видны механизмы, при помощи которых в европейской прессе могли появиться «хорошие» известия о России. Карта была составлена еще повелением Бориса Годунова, однако из печати вышла уже с посвящением царю Михаилу Федоровичу. В ее издании принял участие И. Масса, ставший в мае 1614 г. торговым агентом Нидерландов в России, а также русские дипломаты С. Ушаков и С. Заборовский, прибывшие в Гаагу в 1614 г. Карта 1614 г. была дополнена сведениями о России и описанием титула Михаила Федоровича. Такое проявление международного признания было очень важно для еще не утвердившейся у власти династии Романовых. Карта стала свидетельством стабильности возродившейся России. Таким образом, одним из эффективных средств формирования положительного облика Российского государства в Европе было сотрудничество с торговыми партнерами, чей бизнес зависел от хорошего отношения со стороны русских властей. Позднее голландские купцы и дипломаты неоднократно способствовали распространению в Европе положительных сведений о России.

В европейскую прессу попали какие-то материалы о пребывании при имперском дворе русского гонца Ивана Фомина (1614–1617 гг.). Во время посольства Фомин поссорился с австрийским дипломатом Эразмом Гейделем, который незадолго до того участвовал в качестве посредника в неудачных русско-польских переговорах 1615 г. Сущность конфликта между Фоминым и Гейделем не совсем понятна. Вернувшийся в Москву летом 1617 г. Фомин доложил в своем статейном списке о произошедшем. По словам русского дипломата, ему было сказано: «Как он, Иван, приедет к тебе, великому государю, и ему быти от тебя, великого государя, в великой опале и в смертной казни, потому что он, Иван, перед цесарем говорил, и ему тово говорить не велено, а затеял то он собою. И то у них в книгах печатано и в мир пущено, и ту он, Иван, книгу из Заморья взял с собою, а оставлена та ныне книга

⁷ Копанев Н. А. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого... С. 243.

у Архангельского города...».⁸ В данном случае речь шла, конечно же, не о книге, а о газете или о каком-то неперIODическом информационном издании. Вряд ли можно сомневаться в том, что эта публикация была доставлена из Архангельска в Посольский приказ и переведена на русский язык. В более позднее время известия европейской прессы о русских посольствах переводились часто. С началом регулярного составления курантов у российского правительства появилась возможность по публикациям европейской прессы отслеживать передвижение своих дипломатов и узнавать о том впечатлении, которое они производили за границей.

Самое раннее из зафиксированных на настоящий момент упоминаний о России в русском переводе иностранного информационного издания относится к началу 1622 г. В «печатном листе» говорилось о том, что по наущению шведов «московские» Польше «мир отказали»⁹ (в 1621–1622 гг. в России обсуждалась возможность начала войны против Польши, до боевых действий так и не дошло).¹⁰ Это сообщение еще раз показывает, что внимание европейских читателей в первую очередь привлекали войны (реальные или предполагаемые) России с ее соседями.

Случалось, что публикуемые в европейских газетах новости о России создавали для русских дипломатов серьезные проблемы. К примеру, в то время, когда русские послы пытались договориться о браке между датским королевичем Вальдемаром и дочерью царя Михаила Федоровича Ириной (дело о сватовстве тянулось с 1640 г., в январе 1644 г. Вальдемар прибыл в качестве жениха в Москву, где переговоры продолжались без особого результата до самой смерти Михаила Федоровича), в Дании писали и «печатали в различных ведомостях, что государь велел сломать те хоромы, в которых иноземцы сходились и съезжались для богомолья». Об этом сообщил по возвращении в Москву из Дании

⁸ РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1614 г. Ед. хр. 2. Л. 209. Благодаря за эти сведения Д. В. Лисейцева.

⁹ В-К I. С. 70. Как любезно указала И. Майер, оригинал этой газеты — *Wöchentliche Zeitung auß mehrerley örther*, No 1622/8 (Z9 в Бременском институте). В оригинале под заглавием «*Auß Preßlaw vom 25. Januario*» написано: «*Auß Pohlen hat man/ daß der Krieg mit den Schweden/ gewiß angesehen wird/ hingegen solle der Moßcowiter auß antrieb deß Schweden dem Polen den Frieden auffgekündigt haben*».

¹⁰ Кобзарева Е. И. Смута. Иностранные интервенции и их последствия (конец XVI—первая половина XVII в.) // История внешней политики России. Конец XV—XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 222–224.

П. Марселис.¹¹ Известия газет были правдивыми: в 1643 г. иностранцам запретили покупать дома и строить церкви в Кремле и Белом городе, а также снесли три протестантские церкви.¹² Все это, конечно, не способствовало успеху задуманного Михаилом Федоровичем мероприятия.

Хотя негативные публикации о России, без сомнения, вызывали раздражение русских властей, сведений о российской реакции на такие статьи в первой половине XVII столетия не встречаются. Лишь в 1650 г. отправленные в Варшаву боярин Гаврила Пушкин, окольничий Степан Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев впервые настояли на публичном сожжении страниц из нескольких польских книг, задевавших престиж России. Подданным польского короля запрещалось хранить эти книги у себя дома.¹³ Печатание книг «на его царского величества и всего Московскаго государства безчестье» было запрещено «под истратою (потерей. — С. Ш.) тех же книг и всей маестности (имущества. — С. Ш.) своей».¹⁴ Разумеется, под запрет попадали не только собственно книги, но и информационные издания. На эти уступки польская сторона пошла, опасаясь того, что Россия поддержит восстание украинских казаков против польского гнета. Однако все равно несколько лет спустя война началась.

Начало войны с Польшей (1654 г.) способствовало резкому увеличению числа публикаций о России. Сообщения о военных действиях регулярно включались в куранты. На первом этапе войны они, как правило, радовали русское правительство. Однако постепенно военные неудачи стали повторяться все чаще. После разгрома армии В. Б. Шереметева под Чудновым (1660 г.) в Польше появилось значительное число публикаций об этом событии. Поляки всячески превозносили свою победу и распространяли новости о ней в Европе. Летом 1660 г. англичанин Иван Гебдон, посланный в звании резидента в Голландию и Англию, находясь в Амстердаме, узнал о распространении польских известий про поражение русской армии под Чудновым. 30 декабря 1660 г. из Амстердама Гебдон «з большим, плачевным мыслом» писал Ордину-Нащокину, что «неприятели государя нашего розславили здесь и

¹¹ Цветаев Дм. Из истории иностранных исповеданий... С. 70.

¹² Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004. С. 65.

¹³ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1990. Кн. V. Т. 10. История России с древнейших времен. С. 536–542.

¹⁴ ПСЗ-1. Т. 1. С. 241. См. также: Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 57.

в ыных землях, будто великого государя царя нашего войска, которое было у боярина и воеводы, у Василья Борисовича Шереметева... все побиты и разорены, и тотаре многих в полон взяли». Резидент жаловался, что у него нет никакой информации по этому поводу и просил прислать правдивые известия для борьбы с распространением распускаемых поляками слухов. Это сообщение резидент предлагал «напечатать, и в миру ведомо учинить». Прислал Гебдон и образцы порочащих Россию публикаций.

В ответ ему был дан указ: «как к тебе ся наша грамота придет, а ависы печатные в немецких государствах и в ыных городех о побое боярина нашего и воеводы Василья Борисовича Шереметева с товарищи и наших, великого государя, ратных людей их полков учнут выходить, и ты б те ависы покупал и после тех ависов велел напечатать ависы другие по образцовому писму, каково к тебе послано под сею нашею, великого государя, грамотою». Составленное русскими дипломатами для распространения за рубежом «образцовое письмо» полностью опубликовал И. Я. Гурлянд.¹⁵ Аналогичное «образцовое письмо» было отправлено любекскому купцу Ягану фон Горну, регулярно выполнявшему различные поручения русского правительства,¹⁶ чтобы Горн напечатал «образцовое письмо» на немецком языке и разослал по окрестным государствам.¹⁷ Семью годами позднее Горн уже сам предлагал публиковать положительные материалы о России на постоянной основе, в качестве дополнения к шпионским услугам. Об этом мы узнаем из письма Горна, которое он отправил из Любека А. Л. Ордину-Нащокину 3 сентября 1667 г.¹⁸

¹⁵ Гурлянд И. Я. Иван Гебдон. Коммиссариус и резидент. С. 22, 23, 60, 61, 63, 65.

¹⁶ В частности, он помог русским властям захватить Тимофея Анкудинова, выдававшего себя за сына царя Василия Шуйского и скрывавшегося в разных европейских странах.

¹⁷ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. VI. Т. 11. С. 90.

¹⁸ Письмо переведено в Москве 17 октября 1667 г. Горн писал: «А наперед сего я в розные времяна к его царскому величеству чрез князь Юрья Ивановича доносил, что мочно мне чрез ведомых правдивых друзей и чрез гонцов, что чинитца в немецкой земле и в Полше, в Свее, в Датцкой, во Французской, в Аглинской, в Галанской и во всей Еуропе доносить, и о том, от его царского величества отповеди мне не было. И я об том сомневаюсь, что те мои письма до его царского величества не донесены или ни во что поставлены, а ныне я об том вашему высочеству объявляю и указу ожидать стану, что ваше высочество о том разсудит, что в том деле немалое належит его царскому величеству и великим думным его чрез такие ведомые пересылки, а я об том буду ведомо чинить искать таких добрых людей, и хотя от того и станет и чрез то мочно много доброго видеть. Как некоторой князь в немецкой земле, который далеко к его царскому величеству не применен, на год

Распоряжение русского правительства о публикации опровержения польских известий было выполнено. В описании архива Посольского приказа в составе посвященного положению дел на Украине вестового столпа упомянут «перевод с курантов» из Любека о «вероломстве корунных гетманов Потоцкого и Любомирского, как они за своею присягою боярина Василия Борисовича Шереметева отдали в Крым 169 (1660) году».¹⁹ В архиве приказа Тайных дел хранился «Перевод в тетратех, в полдесть, с полской печатной книги», в которой опубликовали сведения, «что с Москвы послано для чюжеземцов, и о боярине Василье Борисовиче Шереметеве. Как над ним и над ратными людьми невзгода учинилась в 169-м году июля в 10 день». «Печатная книга» содержала и другие новости о положении дел в Москве, Польше и немецких землях. Вряд ли стоит сомневаться, что это было какое-то вестовое издание. Его привез в Киев из Польши киевский полковник Василей Дворецкий, а из Киева издание переслали в Москву.²⁰

Победа под Чудновым долгое время была предметом особой гордости поляков. В Польше даже печатались прославляющие это событие стихи. В Посольском же приказе продолжали следить за подобными публикациями и после заключения мира. К примеру, этим занимался находившийся в Польше в 1673–1677 гг. В. Тяпкин. Польская сторона всячески препятствовала подобной деятельности русского дипломата. Доходило до перехвата его корреспонденции в Москву.²¹ Русские дипломаты использовали такие материалы как средство давления на польских партнеров во время дипломатических переговоров. В 1684 г. во время работы Андрусовской комиссии, которая в очередной раз пыталась согласовать условия заключения Вечного мира между Россией и Польшей, русские послы должны были в качестве одной из причин задержки передачи польской стороне Киева (что Россия обязалась сде-

от него за такие пересылки и вести исходит по 20 000 и по 30 000 ефимков, а здесь за 3000 или за 4000 то учинить. И изволь ваше высочество, как высокоразумной и смышленой, о том ко мне ведомо учинить, годно ль то будет его царскому величеству, что его царского величества порубежных государей и иных народов о послех и о договорах, о боех и о получиях счастья и об ыных всяких вестях, которые к его царского величества Росинскому государству к болшой чести доидет, доносить буду. Так ж об чем ко мне отписано будет, и я печатать и в неделных вестях ведомо чинить буду, и его царского величества сила во всей Еуропе славна будет. Писан в Любеке 3 сентября 1667 г.». См.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 36–38.

¹⁹ Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. С. 197.

²⁰ РИБ. Т. 21. Дела Тайного приказа. Кн. 1. Стб. 5.

²¹ Попов А. Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854. С. 175, 182.

лать по условиям Андрусовского перемирия 1667 г.) называть оскорбление чести российских государей. Это, по мнению русской стороны, выразилось в публикации стихов о поражении под Чудновым:

«Песнь первая или победа над Шереметевым
 Слава Богу маскаль жиоголовый
 Тяжкими брызгает на ногах оковы,
 А что недавно Полше путами грозили,
 Самиж себя в неволю тяжку посадили,
 Слили кровью своею чудновское поле,
 Многие в вечной плачут побранны в неволе...»²²

С начала 1660-х гг. мы регулярно встречаем сведения о том, что русские дипломаты следили за публикациями о России в западной прессе. Например, весной 1664 г. А. Л. Ордин-Нащокин должен был отправиться на съезд с польскими войсками для переговоров о прекращении войны. Перед отъездом он подал государю записку, в которой обращал внимание царя на враждебные действия Швеции. «Шведы..., — писал русский дипломат — составляют злые вести, в Стокгольме печатают и во весь свет рассылают, унижая Московское государство. При мне грек Кирьяк привез эти вести... и вот польские сенаторы начали быть горды и не сходительны в мирных статьях, стали колоть нам глаза этим шведским сочинением, будто правда, что в Великой России страшное бессилие и разорение; по шведским же рассыльным вестям король (польский. — С. III.) и в Украину пошел, услыхав, что все московские войска высланы против башкирцев».²³

В Посольском приказе следили не только за публикацией конкретной информации о России, но и отслеживали случаи неправильного титулования российских государей в газетных статьях. Регулярное «понижение» титула Алексея Михайловича, которого голландские газетчики именовали «великим князем», а не царем, в 1666 г. чуть не привело к дипломатическому конфликту. Однако торговавшие в России голландские купцы, крайне не заинтересованные в обострении российско-голландских отношений, предложили решить эту проблему частным порядком с издателями.²⁴

²² Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 181, 221.

²³ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. Т. 11. С. 156–157.

²⁴ Копанев Н. А. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого... С. 254; Maier I. Zeventiende-eeuwse Nederlandse couranten vertaald voor de tsaar // Tijdschrift voor Mediageschiedenis. 12. 2009. P. 27–49; РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1666 г. Ед. хр. 2.

Одну из больших тематических групп в курантах времени правления Алексея Михайловича составили известия о восстании Степана Разина²⁵ (более 30 сообщений).²⁶ Хотя в западной прессе появлялись весьма различные, в том числе и объективные публикации, в ряде статей успехи восставших сильно преувеличивались. В некоторых статьях о Разине писали, как о независимом властителе. Особенно неприятными для русских властей были рассказы о «политической изоляции» России и ее «фактическом распаде». Они были чреваты особенно серьезными имиджевыми потерями и существенно ослабляли позиции русских дипломатов на международных переговорах. Приведем наиболее яркие примеры из курантов 1671 г.: «Из Варшавы генваря 31-го числа. Из Москвы ведомость, что смущение тамо еще настояло и будто Разин Астрахань и Казань взял. Да к тому иных мест с 50, а с ним де з 200 000 человек, и будто тамо приехал посланник свеиской для договору, имянуя его царем Астраханским. Также будто шах персицкой в то смущение примешивается некоторых ради разнств о Хвалимском море»;²⁷ «Из Вильна февраля 26-г числа. Здесь подлинно ведомо, что из Московского государства великие послы х королевскому величеству отпущены, которым велено просити помощи против Стенки Разина. А за то хотят они поляком отдать Смоленск со всею Украинаю. А Стенка Разин хочет своих послов х королю отпустить, чтоб он Москве помощи не давал. И за то обнадеживают он коруну польскую, что хочет все им отдать, что у них Москва побрала»;²⁸ «Из Прус марта 3-го числа. Из Вильна объявляют, что они ожидают посланника своего с Москвы, а с ним ожидают ведомости, уступят ли они Смоленска, Быхова, Киева или воевать хотят. Из Риги пишут в последних грамотах, что царь самой большой пушечной наряд из Смоленска взять велел, и потому знатно, что Стенка Разин предвоитин²⁹ поляку и шведу».³⁰ Эти «новости» были ложью. Ха-

²⁵ Раздел, посвященный курантам, о восстании Степана Разина, составлен на основе совместного с И. Майер доклада «„Бунты“ в курантах марта—начала июля 1671 г.», подготовленного для конференции «Premodern Revolts in their Transnational Representation» (Bielefeld, 26–27 июня 2009 г.).

²⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 6 об.–7, 9 об., 14, 20 об.–21, 23, 24–26, 30 об., 40 об.–41, 49 об.–50, 51–51 об., 55 об.–58 об., 70–70 об., 88, 101–101 об., 102 об., 103, 113–113 об., 118–118 об., 122 об., 128, 134, 158 об., 166.

²⁷ Там же. Л. 6 об.–7.

²⁸ Там же. Л. 24 об.–25.

²⁹ Так в тексте.

³⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 25–25 об.

рактально, что наиболее неприятные для русских властей материалы распространялись из Польши и прибалтийских владений Швеции.

Некоторые из «новостей» в реальности оказываются памфлетами или, скорее, пасквилями антироссийского содержания. В первую очередь, это относится к «ультиматуму Степана Разина»: «Из Висмаря марта 27-го числа. Из Риги объявляют, будто некоторым полкам конного строя указано из Свеи прибыти в Ригу, но не ведомо, к какому намерению, царскому ли величеству на помощь или удовольствие которое воспринять хотят. А про войска царского величества в письмах твердят, будто все побиты, а бунтовщик послал царскому величеству 6 статей. Буде поволит ево царское величество те статьи содержать, для того чтоб ему бунтовщику впредь не наступать, се есть: 1. чтоб он, великий государь, имяновал его быть царем Астраханским и Казанским, 2. чтоб старому патриарху быти на Москве по прежнему, 3. чтоб дать ему бунтовщику 20 миллионов золота, 4. чтоб десять князей выдать ему, 5. чтоб образ его написав воздвигнуть, 6. чтоб ежегод ему давать дань».³¹

В последнем тексте невозможно видеть информационное сообщение уже потому, что сам факт подобных переговоров отсутствовал. Об этом позднее русские дипломаты сообщали своим шведским коллегам: «А чтоб вор Стенка Разин искал случая присылки к царскому величеству и просил о статьях вышеписанных, и того отнюдь не бывало ж».³²

³¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 56–57. Любопытно, что «ультиматум Степана Разина» был впервые проанализирован не в научном исследовании, а в романе известного советского писателя С. П. Злобина «Степан Разин» (1951 г.). Роман много раз переиздавался, а в наше время его текст широко представлен в Интернете. Интересующий нас документ использован в главе «Конец великого канцлера», где рассказывается о падении Ордина-Нащокина и возвышении Матвеева. Автор не сомневается, что это иностранное сочинение, и предположение о целях его составления вкладывает в уста Матвеева: «Умыслом пишут — чтобы унижить нашего государя и всю державу. Страху хотят нагнать на торговых людей иных государств, чтобы, страшась разорения и грабежу, не ездили к русскому торгу, а самим бы приехать и цены свои давать, какие хотят положить». От его же лица романист озвучивает предложение требовать от шведской стороны наказания издателей. О такой реакции на публикацию «ультиматума Степана Разина» писатель знал из опубликованных в его время исторических исследований. В уста Нащокина Злобин вкладывает альтернативное предложение: «повели, государь, составить такие куранты, в коих бы писано было о прекращении мятежу и как Стенька, вор и мятежник, казнен на плахе...». В 1951 г. романист не мог знать, что сообщения о разгроме войск Разина (об этом ниже) действительно посылались из Москвы в европейские газеты. Текст романа цитируется по сайту [http:// www.erlib.com](http://www.erlib.com)

³² Попов А. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 82.

Текст следует расценивать как сочинение агитационного характера, сходное по функциональному назначению с подложными антитурецкими «грамотами султана».³³ На вопрос о том, где это сочинение было составлено, можно ответить с большой долей уверенности. Агитационные послания Степана Разина и его сподвижников хорошо изучены. В них Разин всегда выступает как сторонник царя или его сына Алексея Алексеевича (покойного к тому времени). Лидер восстания якобы исполняет их повеление — истребляет бояр и других «злых исказителей» царской воли.³⁴ Такое отношение к верховной власти получило в историографии название «наивного монархизма». Оно было свойственно всем народным движениям эпохи Средневековья. Таким образом, мы не можем видеть в «ультиматуме Степана Разина» произведение российского автора. Европейские же газеты указывают нам источник его распространения — город Рига в шведской Прибалтике. Судя по всему, «ультиматум Степана Разина» распространялся именно отсюда.

Почему же в европейской прессе появлялись ложные публикации, рассказывающие о слабости России? А. Л. Гольдберг, А. Г. Маньков и С. Я. Марлинский предполагали, что «дело не обходилось без определенного и преднамеренного искажения сведений о положении в России и нагнетания ужасов с целью создания за рубежом общественного мнения, подготовленного на случай вмешательства европейских государств во внутренние дела России».³⁵ С этой точкой зрения согласиться нельзя. Каких-либо фактов, свидетельствующих о подготовке правительств Польши или Швеции, — европейских соседей России — к вторжению на ее территорию в начале 1670-х гг. не зафиксировано. Да и вряд ли европейское общественное мнение нужно было готовить к походу на Россию. Русских в Европе не воспринимали как «своих» и к такой войне отнеслись бы совершенно спокойно безо всякой идеологической подготовки.

Причину появления подобных публикаций следует искать в другом. В 1650-х—1660-х гг. Россия вела войны с Польшей и Швецией. Жители Польши и шведской Прибалтики опасались своего восточного соседа. Это было благоприятной почвой для фабрикации антироссийских сообщений. Кроме того, известия о бедственном положении России оттал-

³³ Об этих образцах пропагандистской литературы кратко рассказано в Главе 1. Подробно см.: *Waugh D. C. The Great...*

³⁴ Буганов В. И. Разин и Разинцы. М., 1995. С. 12–45 и далее.

³⁵ Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследование. С. 88.

кивали от торговли с ней предпринимателей из Голландии, Англии и Гамбурга, что автоматически давало преимущество их польским и прибалтийским коллегам.

Русское правительство болезненно реагировало на такие публикации. 14 июня 1670 г. П. Марселис писал кенигсбергскому почтмейстеру о неких «засорных вестях», опубликованных в 44 номере кенигсбергской газеты за 1670 г. Марселис советовал издателю газеты сохранить для своего оправдания то письмо, из которого эти известия взяты, поскольку царь Алексей Михайлович был этим «ложным и засорным» сообщением «вельми разгневлен» и собирается отправлять курфюрсту Бранденбургскому «некое послание», поскольку такого «терпеть не изволит».³⁶ К сожалению, указанный номер кенигсбергской газеты не сохранился, не удалось найти и русского перевода данной публикации. Однако, скорее всего, речь в статье шла именно о Степане Разине (другой столь болезненной для русского правительства темы в это время просто не было).

В конце 1670 г. находящийся на службе у Алексея Михайловича иноземец фон Стаден получил от русского правительства поручение домогаться от шведской стороны наказания «газетырей», печатавших непристойные речи о нем, государе, о бывшем патриархе Никоне и о Стеньке Разине. В качестве примера такой публикации русские дипломаты приводили напечатанный в «рижских газетах» 19 ноября 1670 г. текст о том, «что бывший московский патриарх, великое число войска собрав, хочет итти войною на царского величества московского для того, что царь обезчестив, от патриаршеского чина безо всякой вины отставил его, не разсудя, что он, патриарх, премудрый и ученой человек, и во всем лучше самого царя досужее; а вина его отставления есть, что он поволит лютеранской, кальвинской, также и католицкой веры людем в русские церкви ходить, что прежде сего у предков их за некое нехристианское действо держали; что из русских же краев также сия ведомость приходит, что царское величество ищет с Стенькою Разиным мириться, к чему Разин склонен только на условиях: 1) чтоб государь российский почитал его царем Казанским и Астраханским; 2) дать ему из казны царской на его войско 20 бочек золота; 3) выдать в руки ему, Стеньке, осемь человек ближних государевых бояр, коих он за прегрешения казнить намерен; 4) чтоб Никон патриарх, находящийся ныне у него, паки свой сан получил».³⁷ Очевидно, что это вариант приведен-

³⁶ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 30.

³⁷ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4. С. 190–191.

ного выше в сообщении из Висмара от 27 марта «ультиматума Степана Разина», который пришел туда как раз через Ригу.

29 декабря 1672 г. в Москве в Посольском приказе на переговорах со шведским посланником А. Эбершилльтом его упрекали в том, что «королевского величества подданным, которые печатные дворы держат и куранты печатают и пишут, затевая ложно и многое не против достоинства великого государя нашего, его царского величества, печатают же и пишут». Эбершилльту предоставили выписки из подобных публикаций. На это шведский дипломат отвечал, что публикации вышли в Кенигсберге.³⁸

Другие варианты «ультиматума Степана Разина» были напечатаны в франкфуртских «Relationis historicae semestralis autumnalis Continuation...» (1671 г.) и французской «La Gazette» (эти два издания в Москве не выписывали).³⁹ Тема рижских публикаций о Разине поднималась русскими дипломатами еще много лет спустя. В 1676 г. во время русско-шведских переговоров на реке Меузице шведским дипломатам вновь было поставлено на вид, что во время восстания Степана Разина в Риге и в других шведских городах печатались «авизы», в которых унижалось достоинство царя: «и такие-то полные лжи куранты распространялись по всей Европе».⁴⁰ Последний раз этот упрек прозвучал на русско-шведских переговорах в 1684 г.⁴¹ К этому времени восстание Степана Разина стало уже историей. Упоминание о нем было не живой обидой, а средством давления на партнеров по переговорам.

Вероятнее всего, российское правительство не только протестовало против подобных публикаций по дипломатическим каналам, но и передавало в европейскую печать собственную информацию о положении дел. Сделать такое предположение заставляет перевод статьи, озаглавленный «Перевод з галанских курантов. Из Москвы генваря в 26 день»,⁴² в котором подробно со множеством точных деталей рассказывается о разгроме Степана Разина. Статья охватывает целый месяц боевых действий под Симбирском (с 4 сентября по 3 октября). Составитель корреспонденции знает не только о том, что над Разиным одержана по-

³⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3. С. 285, 286.

³⁹ Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. С. 125, 137.

⁴⁰ Форстен Г. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1899. № 11. С. 321.

⁴¹ Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах... С. 270.

⁴² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 40 об.–41.

беда, но и что И. Б. Милославский награжден за эту победу. Скорее всего, статья представляет собой официальное сообщение российских властей, переданное по каким-то каналам в голландскую газету.

Данное сообщение было отправлено из Москвы примерно через три месяца после описываемого сражения, когда «новость», мягко говоря, устарела. Если же предположить, что перед нами не сообщение о текущих событиях, а опровержение ложных сообщений о победах Разина, то такая задержка уже не кажется странной. Из текста сообщения видна и цель, с которой оно создавалось. В последней строке его автор утверждает: «купечество к тому государству паки имать простиратися», т. е. купцы вновь могут вести свою торговлю. Отправка такой публикации в голландскую газету в конце января, когда торгующие с Москвой купцы решали, идти ли им в текущем году в Архангельск, вполне своевременна.

«Положительные» публикации о России также использовались российскими властями во время дипломатических переговоров. Зимой 1671/72 г. в России пребывало польское посольство, одной из целей которого было добиться от России военной помощи против напавших на Польшу казаков П. Дорошенко, а также турок и татар. Российское правительство, стремясь оставить за собой максимально широкое поле для маневра, было готово дать лишь минимальные обещания. На прямой вопрос «по обязательствам союза какую помощь окажет царское величество королевскому?», было отвечено «царское величество не перестанет помогать королю калмыцкими, ногайскими и донскими войсками». Предвидя возмущение поляков по поводу столь незначительной помощи, русские дипломаты указали, что «Пишут уже теперь и в печатных курантах, что турский султан очень печалится: все христианские государи заключили союз и хотят на него войною наступать. В курантах же пишут, что турский султан послал было войска свои на Черное море, но как услыхал, что русские войска на Черное море против него идти хотят, то велел все свои войска возвратить».⁴³

Таким образом, мы видим, что начиная с 1660-х гг. российские власти в постоянном режиме отслеживали случаи появления публикаций о России в западной прессе. На появление негативных материалов реагировали разными способами. Во-первых, в европейские газеты передавались собственные материалы. Во-вторых, русское правительство пыталось влиять на политику издателей газет по дипломатическим каналам или через частные контакты с иностранными почтмейстерами и

⁴³ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. Т. II. С. 391, 392.

купцами. Судя по материалам курантов о восстании Степана Разина, эффективность предпринимаемых мер была крайне низкой. Скорее всего, это связано с тем, что публикация положительных материалов о России за рубежом не приобрела еще характера регулярной и постоянно финансируемой деятельности.

3.2. Известия о России в курантах времени правления царя Федора Алексеевича

Основная часть известий курантов по «русской» тематике за годы правления царя Федора Алексеевича⁴⁴ посвящена войне, которую Россия вела с Османской империей и Крымом. В эту войну Россия вступила в 1672 г., выполняя союзнические обязательства перед Польшей, которая подверглась нападению турок. В 1676 г. Польша заключила сепаратный мир, и Россия была вынуждена вести войну без союзников. «Именной» указ Федора Алексеевича о мире с крымским ханом и турецким султаном объявили с Постельного крыльца Кремлевского дворца 3 мая 1681 г.⁴⁵

«Военные» известия курантов 1676–1681 гг. включают сообщения о переходе Чигирина (столицы заднепровских гетманов) под контроль России, обращении сыновей гетмана П. Д. Дорошенко к турецкому султану с просьбой выволить их отца из Москвы, сборе русских и турецких войск, назначении турками нового гетмана Украины — Ю. Б. Хмельницкого и сопротивлении, которое Хмельницкому оказывали украинцы по обе стороны Днепра. Писали об осадах Чигирина турецкими войсками, борьбе казаков с турками на Черном море, потерях турок и дипломатических переговорах, предшествовавших заключению мира. Всего в сохранившихся курантах отмечено более двухсот сообщений, так или иначе связанных с войной между Россией и Османской империей (правда, большинство из них очень краткие и зачастую дублируются).⁴⁶

Целый ряд статей был посвящен русско-шведскому дипломатическому конфликту второй половины 1670-х гг. Его причины становятся

⁴⁴ В этом разделе использованы документы РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8; 1677 г. Ед. хр. 7; 1678 г. Ед. хр. 4; 1679 г. Ед. хр. 5; 1680 г. Ед. хр. 4; 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5.

⁴⁵ ПСЗ-1. Т. 2. № 854, 863. С. 290–292, 304–306.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Шамин С. М.* Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676–1682 гг.) // *Европейское измерение политической истории*. М., 2002. С. 40–64; *Шамин С.* Доба Руїни. Європейська преса про Україну // *Діалог*. № 3. 2002. С. 126–130.

понятными лишь на фоне отношений между европейскими государствами. В это время в Европе существовало несколько очагов военных действий. Людовик XIV перекраивал карту Европы в пользу Франции. Его противниками были слабеющие испанские и австрийские Габсбурги, а также Голландия. Другой конфликт пылал на севере Германии. Там противостояли друг другу союзная Франции Швеция, которая стремилась сделать Балтику своим внутренним морем, и коалиция Дании, Голландии, Священной Римской империи и курфюршества Бранденбургского. Тяжелая борьба шла с переменным успехом.

Россия по просьбе Голландии, Дании и Священной Римской империи угрожала Швеции войной и даже сосредотачивала войска у шведских границ. Целью этих действий было принудить Швецию к выходу из союза с французским королем и заключению мира. Предполагалось, что это ослабит позицию Франции и заставит ее отказаться от завоевательной политики. Российские дипломаты надеялись, что если в Европе будет установлен всеобщий мир, то появится возможность заключить союз между христианскими государями против Османской империи. Ввиду нарастающей османской угрозы такая коалиция была крайне важна для России.

Первое из сохранившихся в курантах сообщений о русско-шведском конфликте было отправлено шведами через Ригу с посольских станов (на р. Меузице)⁴⁷ 25 августа 1676 г. Шведские дипломаты писали, что московские послы настойчиво требуют возвращения Карельской и Ижорской земель. Представители Швеции просили четыре недели срока, чтобы написать королю в Стокгольм, поскольку им не было разрешено делать территориальные уступки. «Для прессы» же они заявляли: «Однако ж надеемся, что впредь лучшее увидим, для того, что русский народ, когда учнут крепкие чинить пыхи, скоро потом сдаются».⁴⁸ Очевидно, шведские дипломаты догадывались о демонстрационном характере выступления России.

Кроме того, шведы опубликовали весьма несправедливые, по их мнению, претензии русских, и свои ответы на них: «Просят Ижорскую землю, Ругодив и Карельскую землю во удовлетворение сих статей: Первая, будто некоторой ученик или студент в Цесарской земле прения чинил, русская вера правая или нет. И будто того студента, в укор русскому народу и во осуждение, шведы в городе Колывани пастором учи-

⁴⁷ Обзор посольских книг из фондов — коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV — начало XVIII в.). С. 135.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 38–44.

нили. Вторая, будто шведы в листе своем к королю польскому царя и великого князя именovali точию великим князем. И то де дело, кроме крови, ничем иным успокоить невозможно. И наши комиссары на первую статью ответ учинили, что во всех академиях или училищах обычай о всяких делах прения чинить. А буде им до того пастора какое дело, и они б предложили явную жалобу... По розыску тому пастору учиница... наказание. На вторую статью наши послы ответ чинили, что... подлинные цесарские... и бранденбургские листы, в которых царское величество именован тою же титлою. И в латинском языке тое титлу инако писать невозможно». В конце послания содержался весьма нелицеприятный упрек лично Федору Алексеевичу: «Сверх того, когда царское... писали при восшествии на престол... или царь не по своей воле правит?». ⁴⁹

Из сообщения хорошо видно, как русские дипломаты использовали при переговорах информацию, которая могла быть представлена как «оскорбительная». Фактически шведскую сторону шантажировали под надуманными предлогами. Тон шведских послов сильно изменился во второй половине сентября, когда были набраны войска в Лифляндии, переправлены силы из Сконе и ожидалось подкрепление из Финляндии. Шведы требовали от своих московских коллег четкого ответа, желают ли они воевать. В октябре появились известия о смотрах шведских войск на границе с Россией. В качестве устрашения сообщалось, что шведского рейтара, который хотел дезертировать «к московским», разорвали лошаадьми. Уже в последние дни октября в материалах, отправленных шведами в газеты с посольских съездов, писали, что скоро с Москвой будет заключен мир, а войска отправятся в Сконе. Но мир так и не был заключен. В газетах же появилось зловещее для России сообщение из Гамбурга, что на шедшем в Стокгольм и захваченном судне нашли письма в Польшу со шведскими предложениями о союзе. ⁵⁰

Из других «российских» публикаций иностранной прессы интересен комплекс сообщений, которые появились в рижской газете (сводка курантов датирована 6 декабря 1676 г.). ⁵¹ К сожалению, выписки из риж-

⁴⁹ Там же. Л. 64–74. Документ имеет плохую сохранность.

⁵⁰ Там же. Л. 45–49, 82–90, 97–107, 114–118.

⁵¹ Там же. Л. 119–126, 140а. Листы в составе этого дела перепутаны. Не исключено, что текст относится к другой дате. Подлинники рижских газет известны начиная с 1681 г. См.: *Симонов В. И.* Коллекция немецких газет XVII в. в ЦГАДА. С. 58, 59. Тем не менее, в русских источниках упоминания о «рижской газете» появляются с 1671 г. Насколько эти упоминания точны в настоящее время сказать сложно.

ской газеты сохранились не полностью. Имеется только одно заглавие статьи «Из Москвы ноября 8 по старому», хотя наверняка статей было несколько. Состав переведенных сведений был следующим: 1) в России принимают датского посланника Фридриха фон Габеля, который хочет быть резидентом; 2) «Гости, или торговых дел начальные люди, бьют челом царскому величеству великим челобитием, чтоб иноземцов торговых людей из московского государства выслать, и чтоб англичане, голландцы и амбурцы далее Архангельского города не приезжали, а греки приезжали б только до Путивля, а кизилбаши до Астрахани. А чают здесь, что то свое намерение получают совершенно, и то дело зело иноземцам будет тягостно»;⁵² 3) царские войска на Украине распущены; 4) приехал датский посланник (имеется в виду тот же Габель⁵³), однако ожидают, что ему скоро «будет отпуск» (то есть, что его отправят назад), поскольку он свои дела изложил в письме боярину Ю. А. Долгорукову до своего официального приема, что в России считается серьезным преступлением. Его стерегут на посольском дворе и никого к нему не пускают; 5) мир между поляками и турками вызвал в Москве большие опасения.

Близкий вариант этих сообщений (возможно, материалы были взяты из другой газеты) сохранился в фонде РГАДА по связям с Данией. Дело относится к январю 1678 г. В нем эти сообщения фигурируют уже в качестве доказательства по обвинению в шпионаже, которое Габель выдвинул против неофициально представлявшего шведские интересы нарвского купца Христофора Кохена. Данное обвинение связано с борьбой, которую при московском дворе вели между собой представители Швеции и Дании. Габель писал: «Е. ц. в-во обнадежен быти может, что никогда на Москве такого лазутчика не бывало, которой таково обстоятельно и поспешно е. ц. в-ва дела проведати мог, и Московскому царству чрез свои пересылки и льстивое лукавство толикие škody учинил, нежели сей Кок. А естли попустит е. ц. в-во ему волность, житие свое да-

⁵² Наступление на торговые привилегии иностранцев было связано с усилением при дворе Федора Алексеевича влияния во внешнеторговых делах царских гостей, таких как В. Шорин, Ф. Юрьев, А. Кириллов и других, видевших в голландцах угрозу русской торговле. В последующие годы конфликт обострялся. В 1678 г. голландцам и гамбургцам было отказано в проезжих грамотах во внутренние области страны. Запрет был снят в мае 1679 г. См.: Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVI–XVII вв. М., 1966. С. 65–67.

⁵³ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. 1. С. 232, 233.

лее на Москве подождать, и оное болши шкоды от него одного имети будет, нежели как оное ж пятидесят явным послом и посланником свейским, турецким и татарским на Москве пребывати поволит... А для ведомости известно буди, что он, Христофор Кок, изо всех грамоток, которые он пишет, имеет у себя подлинные списки, в книге записаны, но те тайные спискам своим из грамоток книги у себя в дому своем он не держ[ит], но инде в сохранении утаивает...». Царю Федору Алексеевичу эту информацию доложили 18 января 1678 г. Было принято решение выслать Кохена из России.⁵⁴ Однако в Москву Кохен вернулся уже скоро в качестве официального лица — сначала шведского торгового комиссара, а потом посланника. Из этого события мы видим, что русское правительство расценивало несанкционированное распространение сведений о государственных делах России как серьезный проступок. Позднее, когда после свержения царевны Софьи из Москвы были изгнаны присланные цесарем иезуиты, среди условий, на которых русская сторона обещала принять новых католических священников, было такое: «также бы и чрез почты как вестовых, так и затейных никаких писем в иные государства отнюдь не писали и не посылали».⁵⁵ С другой стороны, различные письма регулярно отправлялись иностранцами домой по почте. В ситуации, когда не существовало фиксированных правил о том, что можно писать за рубеж и что нельзя, обвинение в шпионстве можно было предъявить любому, кто не ограничивался в переписке личными делами.

Из сообщений на другие темы довольно часто встречаются известия о передвижении по Европе русских дипломатов и о торговле.⁵⁶ Среди сообщений о торговых делах наиболее интересно известие из Москвы от 25 марта 1681 г. В нем, среди прочего, говорилось: «Прошлой недели пришла от короля французского к нашему царю грамотка с сим объявлением, что желает он королевского проезду через здешнюю землю для провозу шелков, которые французские купцы у армян сторговали. И чтоб приготовить потребные суды ко употреблению на Хвалынское море. Дабы его царское величество вольное учинение веры им, фран-

⁵⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 1. Л. 488 об.—491. За предоставленную информацию и цитату благодарю Е. И. Кобзареву.

⁵⁵ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. VII. Т. 13–14. С. 462–463.

⁵⁶ Подробнее о «российских» сообщениях курантов этого периода см.: Шамин С. М. Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. Гл. 3.

кузским купцам, которые тогда в здешней земле будут, милостливо позволил. О сих статьях 20 человек гостей или торгового дела советников различные собеседования имели. Но и по се время ничего совершенного на то не говорили. Токмо слышно, что первая статья, про платеж уставных пошлин, едва ли не позволена будет». К сожалению, мы не знаем автора этой публикации, для которого Федор Алексеевич был «нашим царем». В любом случае он принадлежал к придворной среде, поскольку ему были известны и содержание грамоты Людовика XIV, и ход ее обсуждения. Это вовсе не обозначает, что кто-то из думных людей непосредственно выступал в роли корреспондента. Скорее всего, статья дошла через чье-то посредничество.⁵⁷

Чрезвычайно интересен рассказ 1679 г. о шествии Федора Алексеевича на моление в Троице-Сергиев монастырь. О том, как проходила эта церемония, в Посольском приказе хорошо знали, поэтому познавательной функции текст нести не мог. Приведем его полностью: «С Москвы сентября в 15 день. В прошлой неделе царское величество с чрезвычайным изрядством и величеством учинил шествие свое в Троецкой монастырь для справления годового своего благоговенства сим подобием:

Прежде шли рота земских людей, дорогу очищая, неся под рамами своими метлы. За ними шли конные сотни оберегательного полку — строем, в драгих платьях. За ними последовали со сто подводных лошадей на мале бываемых, в чрезвычайном богатом вышитом наряде, нося на передних ногах запястья и подле седел долгие мечи, по правой стороне в серебряных золоченых ножнах с бирюзами и иными драгими камнями украшенных, а вели всякую лошадь по два человека в благолепном одеянии. Все сии лошади шли с таким великодушеством, будто зная на себе такой бесценной наряд. После тех лошадей шла его царского величества карета, аже была вельми изрядно и гербами его царского величества драгою резьбою позолоченною украшена. Оную ж карету везли благолепные великие серые возники, и имея на главах струсовые перья, пороюще. За каретою последовали многие великие господа. Их же, за множеством, в мимошествии счесть невозможно. Все в драгом одеянии долгом и в шапках жемчугом богато нанизанных. Которые господа преизрядное великодушество древних римлян подобне оказа-

⁵⁷ Шамин С. М. Экономические сведения о Западной Европе, поступавшие в Посольский приказ через куранты (1676–1681 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв.: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 119–122.

ли, имея пред лицом своим в великом почтении лице его царское величество, грядущего на храбром преизрядном аргмаке, алмазами, златом и иными драгими нарядами велми сияющим. А для приключимого зренья всех сих вещей указал его царское величество недалеко от замка построить два места и покрыть их зелеными сукнами, из которых едино отвели господам великим польским послам, а другое высокомочных штатов резиденту, доброшляхетному господину Ягану Вилиму фон Келлеру, каноннику утрехтскому. Польские господа послы при себе имели разных господ своего народу, а помянутой галанской резидент при себе имел многих галанцов, в настоящее время на Москве пребывающих. Царское величество чрез искусного человека преждедеченных служителей велел спросить о здоровье, по обычаю почитая их начальнейших государей, и пожаловал после преизрядными дынями и рыбными ествы». ⁵⁸

Содержащаяся в этом сообщении информация распадается на три блока (подсчеты велись по знакам) — описания коней (31%), участвующей в процессии русской знати и государя (33%), зрителей-иностранцев (36%). Последняя треть позволяет нам сделать некоторые выводы об авторстве рассматриваемой статьи. Дело в том, что среди русских участников церемонии персонально упомянут один царь, а из иностранцев — польские послы (совокупно, неполным титулом) и голландский резидент Келлер (полным именем и со всеми титулами), что позволяет атрибутировать текст лично ему, — дипломату с хорошим пером, многократно выполнявшему деликатные поручения русского правительства, в том числе по публикации на Западе «независимых и объективных» сведений о России. ⁵⁹ Лстыть самолюбию «диких москвитов», уподобляя их античным героям, было не внове хитрому голландцу. 23 января 1678 г. Келлер поздравлял Федора Алексеевича с победой над турками (в прошедшем 1677 г. русские и украинские войска в Чигирине успешно выдержали осаду турецкой армии). В своей речи Келлер сравнил российского самодержца с Александром Македонским и Титом Веспасианом. В том же году эта речь была издана в Гааге. ⁶⁰

⁵⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 276–278.

⁵⁹ Белов М. И. Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 374–382; Богданов А. П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57–84.

⁶⁰ Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. С. 74.

Можно сделать некоторые выводы о целях составления описания шествия Федора Алексеевича в Троице-Сергиев монастырь. Оно откровенно восхваляет Россию, сравнивает «великодушество» русских вельмож с аналогичным качеством у древних римлян. Особое внимание уделяется красоте царских лошадей и даже «храбрости» государева аргамака, который вряд ли имел возможность выказать сие достойное качество во время церемонии. Этот текст — лесть, которая была направлена на установление более теплых отношений между ее автором и адресатом. «Лошадиная» часть текста указывает нам адресата лести. Им был царь Федор Алексеевич, любовь которого к лошадям была широко известна. Еще в 1676 г. Федор Алексеевич выменял у посла Генеральных штатов Нидерландов Кунрада фан Кленка белого голландского жеребца.⁶¹ Впрочем, восхищение царскими конями могло быть и искренним. Так, чех Бернгард Таннер, побывавший в Москве в составе польского посольства в 1678 г., восхищался государевым выездом в своем сочинении, которое было опубликовано лишь в 1689 г. В то время не только Федора, но и его сестры не было у власти.⁶²

Старания Келлера увенчались успехом — лесть была услышана. Это видно при сравнении записей о «походах» Федора Алексеевича в Троицу в Дворцовых разрядах 1679 и 1680 гг. Основную часть разрядного текста о царском шествии 1679 г. в разряде 1679 г. занимает перечень его участников.⁶³ Представления о самой церемонии практически не дано. Зато в следующем году церемония расписана во всех подробностях. Описаны порядок шествия, одеяния участников, царская карета и т. д. Некоторые моменты кажутся просто заимствованными из прошлогоднего сообщения курантов. Указано, что Федор Алексеевич ехал на «турском аргамаке», а «в то время, по его Великого государя указу, его государское шествие смотрели Полского Яна короля послы Костянтин Томицкий да Юрий Довмант. А для того смотру устроено было им место меж церкви пресвятые Богородицы Казанские и Земского двора».⁶⁴ Не исключено, что образцом для описания шествия в Дворцовом разряде 1680 г. послужил аналогичный текст курантов 1679 г. Составленное Келлером описание церемонии в Москве явно оценили на самом высоком уровне.

⁶¹ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 40.

⁶² Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. И. Ивакин // ЧОИДР. 1891. Кн. 3. Отд. III. С. I–IX, I–202.

⁶³ Дворцовые разряды. Т. 4. Стб. 105–113.

⁶⁴ Там же. Стб. 179–182.

Начиная с января 1681 г. в иностранных газетах (судя по компиляциям курантов) началась публикация целой серии сообщений о том, как Федор Алексеевич управляет Россией. Появление этих публикаций связано с тем, что к осени 1681 г. проводимые царем реформы вплотную затронули столь болезненные для «верхов» темы, как генеральное межевание, включение Государева двора в единую систему чинов государства, резкое расширение числа епархий. Здесь царь Федор и его сподвижники столкнулись с существенным сопротивлением.⁶⁵ Вероятно, в этих условиях приближенным царя и пришла мысль «организовать» в европейской прессе ряд положительных публикаций о деятельности Федора Алексеевича.

Первое сообщение «рекламного характера» пришло в Москву с рижской почтой 3 февраля 1682 г. и было переведено, но не доложено царю и Думе. Сообщение от 8 декабря из Москвы гласило: «Здесь речь носится, что царское величество полские и свейские рубежи намерен сам особою своею досмотрить, и поход ево государской чаем к тем рубежам вскоре»⁶⁶ (в реальности царский поход к границам не состоялся). Аналогичные сведения мы находим в письме Келлера от 8 ноября 1681 г. Он сообщал на родину: «Говорят о поездке, которую его царское величество намеревается совершить, с целью проинспектировать все приграничные места, расположенные на рубежах со Швецией и Польшей, но пока вполне определенного по этому поводу еще нет».⁶⁷ Не исключено, что основой для статьи было именно письмо Келлера — при публикации в газете издатели просто «осовременили» его, заменив ноябрь на декабрь.

3 марта 1682 г. в курантах неожиданно появилось сообщение виленской почты (она к этому времени была закрыта, но отдельные сообщения, очевидно, передавались из Вильно через гонцов) с почти точно повторяющимися сообщениями от 9 и 10 января из Яворова (где квартировал в то время польский король): «С Москвы пишут, что царское величество во все свои государства и уезды объехал, а особно крепостей осматривал, а нынешней зимы намерен быть в Смоленск». «Царь осматривал крепости своей земли, а пришед оттуда намерен идти к свейским и польским рубежам, а наипаче к Смоленску». Это уже было «великому государю известно и бояром чтено».⁶⁸ В Яворове «ново-

⁶⁵ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 77–107, 151–159, 199–210, 232–237.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 27–28.

⁶⁷ Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. С. 439.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 52–52 об., 34.

сти» о планируемом (и также не состоявшемся!) осмотре Федором Алексеевичем приграничных крепостей мог сообщить датский посланник Гильдебрандт фон Горн, который в это время ехал из Москвы через Смоленск и Польшу на родину.⁶⁹ Чуть позже, проезжая через Гданьск (12 февраля 1682 г.), Горн дал восторженный развернутый отзыв о реформах Федора Алексеевича, напечатанный в газете с датой 20 февраля. Данное сообщение, полученное в Москве через рижскую почту 10 марта, уже на следующий день было «великому государю известно, и бояром чтено в передней».⁷⁰ Приведем его целиком:

«Второго на десять дня февраля, на Москве бывшей датцкой посланной здесь проехал, которой не возмог довольно возхвалить великое радение и бдение его царского величества, не токмо во укреплении силы его царского величества, но и ко общей прибыли и безопаству подданным его. Яко торговлю и чиновные постановления исправил, но еще и в воинских делах из разумительнейших и знатнейших генералов начальство постановил, которые не токмо о нужном содержании и исправлении рот, но и о всех делах, которые силою отправляются, ежедневно радуют. Начальнейший у них князь Василей Васильевич Голицын, господин великого разума и преизрядного искусства. При сем его ж царское величество разсмотря несметной убыток от пожаров, которые ежегодно в стольном городе Москве и ыных городех чинятца, милостиво указал всякому волно построить каменным строением, и ис казны своей государской имать кирпич и платить в 10 лет. И сего ради в кратком времени Москва в великом пременении будет. Его же царскому величеству меж иными слава будет, что Москва при его государской державе стала каменная, которая прежде была деревяная».

⁶⁹ *Форстен Г. В.* Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. 1904. № 11. С. 67–84; *Богданов А. П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. С. 78–91. Впервые Горн посетил Россию в 1676–1678 гг. в качестве секретаря посольства Габеля, изучил русский язык и в 1681 г. выполнял в Москве самостоятельную миссию, секретная часть которой сводилась также, как и ранее, к задаче втянуть Россию в войну со Швецией. На прощальной аудиенции в декабре 1681 г. ему от имени государя были пожалованы 12 книг «в память о царе и для практики в русском языке». См.: *Возгрин В. Е.* 1) Документы Датского государственного архива по истории России в годы Северной войны // Советские архивы. 1973. № 5; 2) Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения института истории СССР: Археографический сборник. Л., 1982. С. 152–157.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 62–74 (куранты за 10 марта, доложенные 11 марта), 62 об. (помета), 65–67 (текст сообщения).

Сообщение «бывшего датцкого посланного» имеет два слоя информации. Первый соответствует панегирику, дошедшему до нас на парсуне царя Федора работы Богдана Салтанова, законченной после смерти государя и помещенной над его гробницей в Архангельском соборе.⁷¹ Газетное сообщение, как и панегирик, восхваляет «великое радение и бдение его царского величества» в укреплении силы государства, к «общей прибыли» и безопасности подданных, усовершенствовании «чиновных

⁷¹ Ср.: «... Федор Алексеевич... по отце своем... Алексее Михайловиче... восприя скипетродержавство царства Российскаго от рождения своего в 15 лето, бе от... Бога... одаренный постоянством царским, незыблемым благоговейством христианским истинным, бодростию в службе божией, долготерпением и милосердием дивным, и в разноту реши мощно, яко сей бе престол мудрости, совета сокровище, царских и гражданских уставав охранение и укрепление, прениям решение, царству Росийскому утверждение, сокращеннее же реку, то ему любезно бяше, что мать нашу, Православную церковь увеселяше, мир, тишину и великое народа благополучие умножаше, и во всем его царском житии не обретаешся таковое время, в нем же бы ему всему православию памяти достойного и церкви полезного дела не соделати, к тому же неприятелем Росийскаго царства бе страшен, в победах счастья, народу любезен, сей от многолетних окрестных браней царству Росийскому мир достохвальный содела, из тьмы магометанства и идолопоклонства множество не нуждою, но христианским благочестивым промыслом во свет православныя веры приведе, православных христиан, иже бяху махометаном подданы, многия села и деревни от их подданства освободил, и из бусурманскаго плена много лет тамо страждущих многое число православных христиан искупи, многия церкви Божия пречудне всяким благолепием украсив, о научении свободных мудростей российскаго народа присно помышляше, и монастырь Спасский, иже во граде Китае, на то учение наменив, и чудную и весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту, со всяким опасным веры охранением, на то учение написа, дома каменные на пребывание убогим и нищих с довольным пропитанием содела и оны упокаяше, многия тысячи, царских многолетних доходов народу отдаде. и впредь дани облегчи, богоненавистныя, враждотворныя и междоусобныя в местничествах брани прекрати, царский свой дом, и град Кремль, и Китай-город преизрядно обнови, многоубыточня народу одежды перемени, и иная многая достохвальная и памяти достойная соделав, и на все полезная, и народу благопотребная вся предуготовляше вся пречудне со всяким христианским душеспасительным ко исходу души своея предуготовлением жизнь свою сконча, царствова же сей благочестивейший и милосердый царь 6 лет, и месяца 2, и дней 28, преставяшея от временнаго царствия во присносущее и вечное блаженство, всего народа с жалостным рыданием и со многоизлиянием слезным в лето 7190 (1682) месяца априлия в 27 день, 13 часа дня в 1 четверти». См.: О генеральном местоположении всей царской фамилии в московском Архангельском соборе // ДРВ. Изд. 2. Ч. XI. СПб., 1789. С. 229–231. Текст многократно переиздавался (Тромонин К. Царь Федор Алексеевич. М., 1836; Снегирев И. М. Архангельский собор в московском Кремле. М., 1865. С. 28–31 и др.).

постановлений», армии и обороны страны в целом. Оба текста сходно хвалят широкое каменное строительство, развернутое Федором при помощи казенных субсидий,⁷² о котором в 1687 г. восторженно отзывался Г. А. Шлейссингер⁷³ и позже вспоминал В. Н. Татишев.⁷⁴ Таким образом, можно не сомневаться, что панегирик в основной своей части был готов при дворе еще до кончины государя.

Второй слой информации Горна указывает круг, в котором датский посланник обрел панегирик Федору. Вряд ли можно сомневаться в том, что информатором был активно расхваливаемый датчанином «господином великого разума и преизрядного искусства» В. В. Голицын. Именно он возглавлял комиссию «Великих ратных и земских дел», о деятельности которой столь похвально отзывался Горн. Если прежде в историо-

⁷² См. государев указ от 23 октября 1681 г.: ПСЗ-I. Т. 2. № 892. С. 356. Царь указал «на полатном строенье ныне и впредь деревянного хоромного строения отнюдь никому не делать ни которыми делы... Указал великий государь делать каменное строение, а на то строенье пожаловал великий государь, велел вам дать кирпичу из приказа Большаго дворца по указной цене, по полтора рубли за тысячу, в долг, а деньги в свою государеву казну взять на вас погодно в десять лет».

⁷³ Царь Федор, писал Георг Адам Шлейссингер, «был весьма достойным князем. Он добился того, что в город было завезено большое количество камня. Те, кто хотел жить в городе, обязаны были строить себе новые каменные дома, а деревянные сносить... Тем, у кого не было средств на строительство, можно было рассрочить платежи на 10 лет... Однако после смерти упомянутого высокодостоинного князя это полезное дело умерло вместе с другими полезными распоряжениями». См.: *Лантева Л. П.* Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века (Г. А. Шлейссингер. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича) // ВИ. 1970. № 1. С. 107.

⁷⁴ «В Москве хотелось ему прилежно каменное строение умножить. И для того приказал объявить, чтобы припасы брали из казны, а деньги за них платили в десять лет, по которому (указу) многие брали и строились. При нем над кирпичными мастерами был для особого надзора Каменный приказ учрежден и положена была мера и образцы, как (кирпич) выжигать. Не меньше надзирали и за мятьем глины, но дабы кто от своей работы не отперся — велено на десятом кирпиче каждому мастеру или обжигальщику свой знак класть. Камень белый также положен был только трех размеров, мельче которых продавать и возить было запрещено, только если бы кто специально по потребности мельче привезти заказал. Для чего учрежден был особый Каменный приказ, и для производства того камня дано было довольно число денег, на которые бы, изготовя довольно припасов, по вышеписанному для строительства в долг раздавать. Но как в прочем, так и сем добром порядке за недостатком верности и лакомством временщиков припасы в долг разобрали, а денег ни с кого не собрали, ибо многим по заступничеству их государь деньги пожаловал и взыскивать не велел. И так то (строительство) вскоре разорилось». (*Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М.; Л., 1966. Т. 7. С. 172–183).

графии лишь высказывалось предположение, что Голицын активно участвовал во внешнеполитических переговорах, в частности с Данией, еще при жизни Федора,⁷⁵ то сообщение курантов от 10 марта 1682 г. это доказывает.

17 апреля, за 10 дней до смерти уже заболевшего государя, рижская почта принесла еще одно сообщение на интересующую нас тему. Озаглавлено оно было «С Москвы февраля в 17 день»⁷⁶ и посвящалось новому российскому учреждению: «воинской думе» под началом князя Голицына. Это развернутое сообщение также заслуживает полного воспроизведения:

«Знатные полоняники, яко старой генерал Шереметев и молодой Ромодановской приехали, и царского величества за их великое и нужное терпение великою денежною казною да сверх того, нарочитым годовым жалованьем пожалованы, понеж генерал Шереметев, человек великого искусства, и будучи в полону волность имел с турскими владетели при хане пребывающими и с ыными жителями в розговорах пребывать и от того тамошних стран поведению великое искусство получил. И доносит его царскому величеству всякие способы и предложения, от чего учинилось в воинских и в гражданских делах великое пременение. Понеже учинена воинская дума, которой преж сего не бывало, и сидят как московские, так и иноземские начальные люди. А началом в той думе князь Василей Васильевич Голицын. И приговорено начальным людям, которые к войне неспособны, отказать, а которые потребны — тех паче пожаловать и держать. Старым и раненым, которые служить не смогут, давать годовое прокормление до смерти их. А приказным людям, канцлером, секретарем, писарем давать годовое ж денежное и хлебное жалованье, а посулов бы им не брать ни каким подобием и заказать под смертной казнию, А в малых уездных городех имеют быть избранны воеводами честные и богатые и разумные жители, чтоб судили и розправляли в правду безо всякого лакомства, понеже от прежних воевод тех городов жители разорены учинились».

Скорее всего, «московским источником» и для этого сообщения был также Голицын. Дело в том, что восхваляемый в первой части текста

⁷⁵ Богданов А. П. 1) Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 179–228; 2) Канцлер и генералиссимус Василий Голицын // Перекрестки эпох. Социокультурное время: Сборник трудов. М., 1997. С. 257–288.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 104–112 (куранты за 17 апреля), 104–105 (текст сообщения).

В. Б. Шереметев только что вернулся из крымского плена, где находился после поражения под Чудновым (1660 г.). 80-летний боярин, никогда не исключавшийся из боярского списка, занял свое старое место в Думе. Он пользовался авторитетом, но не был инициатором задуманных до его приезда военных преобразований армии и государственного управления, как это ему приписала иностранная газета (очевидно, на основании сообщения Голицына). Авторитет Шереметева необходим был относительно молодому еще Голицыну (ему на тот момент еще не исполнилось и 40 лет), комиссия которого, по положению о ней,⁷⁷ должна была обосновать новый этап военных реформ опытом прошедших войн.

Ссылка на «способы и предложения» Шереметева как «человека великого искусства», который в бытность в плену изучил военное дело турок и иных «тамошних стран», действительно была хорошим оправданием «великого пременения» «в воинских и в гражданских делах». Известия о выкупе томившихся в Крыму русских пленных поступали в иностранные газеты и раньше,⁷⁸ однако весной 1682 г. куранты впервые используют авторитет престарелого Шереметева при решении насущных вопросов внутренней жизни страны. Оригиналом для этой статьи послужило письмо, которое посылал из Москвы 17 января 1682 г. все тот же Келлер. В курантах мы не обнаруживаем лишь окончания письма, где говорилось о высылке из Москвы тех купцов, которые живут здесь, не занимаясь торговлей.⁷⁹ Очевидно, речь шла о тех, кто на манер фон Кохена совмещал торговлю с неофициальной дипломатией.

Как видно из приведенных выше материалов, в царствование Федора Алексеевича в иностранную прессу из Москвы неоднократно попадали корреспонденции о внутренней политике России, отражающие точку зрения русского правительства. Вряд ли эти сообщения были предназначены только для иностранного читателя. Скорее всего, инициаторы публикаций изначально планировали включение этих материалов в русские тексты курантов.

Можно сделать и предварительные выводы о том, как эти сообщения попадали в европейскую прессу. В годы правления Федора Алек-

⁷⁷ ПСЗ-1. Т. 2. № 899. С. 366; АИ. СПб., 1842. Т. 5. № 83. С. 133–134. См.: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 346–355; и др.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 33, 50.

⁷⁹ Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). С. 124, 125. Благодарю И. Майер за помощь в сличении русского и голландского текстов.

сеевича, в отличие от предшествующего царствования, не отмечено случаев, когда публикации о России специально распространяли за границей русские дипломаты или нанятые для этой цели иностранцы. Возможно, что это связано с отсутствием острых тем, которые потребовали бы столь экстраординарных действий (таких как, к примеру, поражение под Чудновым). Желаемые сведения попадали в иностранные газеты от русских вельмож через приезжавших в Россию иностранцев, которые стремились таким путем улучшить отношения с русским правительством. В первую очередь это касается европейских дипломатов. Среди них, как минимум, двое — Габель (Дания) и Келлер (Голландия) — передавали в европейские газеты нужную для русского правительства информацию. Характерно, что это были представители тех стран, которым Россия помогла в борьбе со Швецией, послав в начале правления Федора Алексеевича войска к шведской границе.

Несмотря на то, что из Москвы в западную прессу приходило все больше различных материалов, вовлеченность России в информационный обмен не стоит преувеличивать. Это хорошо видно из того, как освещались в Европе конфликты, в которых участвовала Россия. Судя по материалам курантов, в 1676–1681 гг. доля приходивших из России известий о ходе военных действий против Османской империи составляла всего 10,5%. В основном об этой войне европейские газеты сообщали по польским источникам. О дипломатическом противостоянии Москвы и Стокгольма в Европе писали, как правило, по материалам из Швеции. Непосредственно из России в прессу попало только 14,3% статей на эту тему.⁸⁰

3.3. Известия о России в курантах времени правления царевны Софьи Алексеевны

После смерти царя Федора Алексеевича количество известий о России в курантах продолжало увеличиваться. Некоторые из сообщений явно имели официальное происхождение. Они рассказывали о планах российского правительства и решениях, принимаемых на заседаниях Боярской Думы. Такая информация не могла быть доступна случайным людям. К сожалению, вплоть до создания системы постоянных дипло-

⁸⁰ Шамин С. М. Иностранная пресса и интеграция России... С. 61–62. Подсчеты проводились по материалам курантов, однако при обращении к самим газетам цифры вряд ли будут отличаться принципиально.

матических представительств в Европе в петровское время мы практически не имеем сведений о том, как конкретно эти известия попадали в западную прессу. Надежным источником информации по данному вопросу лишь позднее станут отчеты российских дипломатов о проделанной работе и потраченных средствах. Для периода регентства царевны можно лишь предположить, что какая-то часть информации исходила от руководившего Посольским приказом В. В. Голицына, которого часто упоминали иностранные газеты.

Известия курантов рассматриваемого периода открываются любопытнейшим комплексом сообщений о восстании в Москве 1682 г. Две статьи относятся ко времени недолгого периода правления Нарышкиных. Обе они вошли в куранты 14 июля 1682 г. Из Амстердама 15 июня сообщили о смерти Федора Алексеевича. Другое известие было более подробным: «С Москвы мая в 22 день. У нас ныне большая печаль, занеже его царское величество преселился от сего земнаго царствия в небесное царство, а на ево место учинился наследником и престол восприял брат его царского величества меньшей десяти лет, в котором чают великого благоразумия, а мати его государыни, которая велми целомудра и богобоязна при нем же пребывает».⁸¹ Данная статья, вероятнее всего, датирована по григорианскому календарю. По принятому в России юлианскому календарю, это 12 мая. Более поздняя датировка исключена, поскольку 22 мая Москва уже находилась в руках восставших стрельцов. Сообщение имеет вид официального известия. Его автор подчеркивает особый статус Н. К. Нарышкиной и представляет «велми целомудру и богобоязну» вдовую царицу как регента при малолетнем сыне. Сходное сообщение имеется среди записей Разрядного приказа за 27 апреля — 25 октября 1682 г.: «А в то время в тех местех при нем, в. г., изволила быть мати его государева благоверная г. ц. и в. к. Наталия Кирилловна».⁸² Мысль о том, что после воцарения Петра I власть фактически перешла к Наталье Кирилловне, была высказана еще С. М. Соловьевым: «правление государством, по известному обычаю, против которого никто не спорил, переходило к матери его, царице Наталье».⁸³

Между тем, в своей недавней работе А. С. Лавров высказал мнение, что «согласно древнерусской традиции, на время несовершеннолетия наследника престола управление государством передавалось в руки регентского совета из наиболее знатных и доверенных бояр. Зачаток по-

⁸¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 208, 209.

⁸² Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. С. 257.

⁸³ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. С. 254, 255.

добного совета без труда можно увидеть в боярской комиссии, ведавшей Москву при князьях Хованских. После ее роспуска последний законный преемник власти был устранен».⁸⁴ Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что роль представителя малолетнего Петра I выполняла его мать, а не гипотетический «регентский совет из наиболее знатных и доверенных бояр».⁸⁵

Майские события в Москве должны были отразиться в курантах за август месяц. К сожалению, эти сводки не сохранились или еще не найдены. В обзор от 4 сентября входит сразу две статьи с новостями о противостоянии между стрельцами и холопами, относящиеся уже к лету 1682 г. 13 июля из Москвы сообщали: «Несогласие междо стрельцами и боярскими людьми и до ныне пребывает. И вседневно новые смятения и убийение приключаются. После Троицына дни нощию били в набат и слышно было четыре стрельбы, которыми не токмо весь град, но и посады смутились. А после того ведомость учинилась, что стрельцы, как услышали на себя скоп боярских людей, на них пошли и розогнав их многих порубили. Которым способом те люди боярские уж успокоились, и возвратились к прежним бояром своим, и хотят у них жить по прежнему, как верным рабом подобает». Данное известие, скорее всего, описывает «всполох», произошедший в ночь с 4 на 5 июня, когда появились слухи, будто боярские люди порубили солдат Бутырского полка.⁸⁶ В той же статье имеются и другие сведения о положении дел в России: «Царское величество указали отпуск объявляющие грамоты о представлении брата своего и о начатии государствования своего к друзьям своим и союзникам. Немецким полковником указано итти в полки на службу против хищающих башкирцов при Казани и Астрахани, чтоб их привести к послушанию. Те ж начальные люди скоро будут у государственной руки».

Назначение «в полковоя воеводы против башкирцов» 25 мая было «сказано» боярину Петру Васильевичу Меньшому Шереметеву.⁸⁷ Однако в смертном приговоре И. А. и А. И. Хованским говорится: «Да тебе же,

⁸⁴ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны... С. 77, 78.

⁸⁵ Видеть же в роли регентского совета (или его зачатка) боярские комиссии, оставленные на время государева «похода» управлять Москвой, не представляется возможным. Подобные комиссии были нужны для оперативного решения второстепенных дел, не требующих обязательного вмешательства царя. Они назначались и при вполне дееспособных государях.

⁸⁶ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 204.

⁸⁷ Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. С. 19.

князь Ивану, по их в. г. указу велено было послати на Низ для обороны казанских мест от калмыков и изменников башкирцев пехотные полки, и ты их в те места по многим их в. г. указом не отпустил, и учинился в том их царскому указу непослушен и противен. А ныне в тех местах от тех воинских людей чинится разорение великое».⁸⁸ Известие о предполагавшейся посылке «немецких полковников» в других источниках не встречается.

Сообщение из Львова (от 31 июля) отразило не столько реальные факты, сколько слухи о московских событиях, которые ходили на окраинных территориях России: «От границ московских к нам пишут, что царь Иван /в подлинном так/ с стрельцами на некоторой горе окопался, где он со 180 дворов боярских вырубить, их же животы разграбить велел. Донские казаки стоят за 7 верст от столицы. Также объявляют, что чернь совокупилася и хотят с стрельцами учинить брань, которым случаем горящей огонь ноивящей становится».⁸⁹ Известие интересно тем, что позволяет узнать, как воспринимали московские события в провинции. Очевидец московских событий 15–17 мая, Генрих Бутенант, писал: «все три дня, пока продолжался этот бунт, стрельцы действовали от имени царя Ивана Алексеевича, хотя никого ни о чем не спрашивали, и делали все, что хотели».⁹⁰ Судя по процитированной статье из Львова, декларативные заявления стрельцов уже в середине лета 1682 г. превратились в не имеющие ничего общего с действительностью слухи о том, что виновником убийств 15–17 мая был сам Иван Алексеевич.

Остальные сообщения курантов 1682 г. можно разделить на три тематические группы: сообщения о передвижении российских послов по Европе; о волнениях на западных окраинах России; об усмирении восстания в Москве. Эти известия удобнее рассмотреть в соответствии с хронологией самих событий, а не дат публикации в газетах или включения в сводки курантов.

Из Копенгагена 12 ноября 1682 г. (сводка курантов 30.12.1682) писали: «Недавно московской посол, бывшей у двора свеиского, сюда приехал, имея при себе людей 17 человек. Ему ж вчера после полудня повелели по обыкновенному чину быть на приезде, а в предложении своем

⁸⁸ Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. С. 132.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 225, 226. Здесь и ниже в цитатах косыми чертами выделены пометы на полях курантов.

⁹⁰ *Погодин М. П.* Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. 1672–1689. С. 48.

объявил, яко по преставлению брата своего государя настоящее его царское величество в мирном обладательстве пребывает, о своей же доброй склонности к здешнему государству чрез него, посла, велел обнадеежить».⁹¹

Все «приграничные» сообщения европейских газет имеют польское происхождение. О происходящем у западных границ России в Польше знали гораздо лучше, чем о московских делах. Из Гамбурга 15 сентября 1682 г. (сводка курантов 18.10.1682) сообщали: «К нам пишут из Львова, что королевского величества польского купно ж с королевою тамо ожидают из Яворова, а московский посланник по се время на приезде не бывал. К нам же от московских границ ведомость приходит, что многие пахотные мужики да воевода черниговской связаны, взяты суть. Об них же чают, что худой к ним поступок учинен будет. Там же иная смута учинилась, в которой человек с пятьсот побито суть. Калмыки собрались и хотя к ним послали уговаривать, однако ж тем никакая польза не последовала, и пребывают все в великом смятении, токмо во Украине все тихо».⁹² Подобное же известие было отправлено из Львова 10 ноября (сводка от 12.01.1683): «Великое смятение на Москве не токмо и до ныне пребывает, но и сверх того вновь являются х кроволитию еще причины, понеж стрельцы в Смоленске востали на воевод, постановляя против их зговор противной, а бояря случаются у царей, иже указ послали к 8000 человеком недалеко от свеиских границ стоящим, чтоб шли в Смоленск. Но они тому указу послушны быть не хотели, глаголя, что не намерены де они имети брань с своею братьею, о чем обои цари велми страждут и бояр призывают, чтоб сие злополучение предварили и злобное наругание у стрелцов прекратили, чесо ради у них опасаются, чтоб оттоле вновь страшное кровопролитие не последовало, если то настоящее несогласие не усмирится».⁹³

Из других источников известно, что в Смоленске, где располагалось четыре стрелецких полка, переформированных из солдатских, стрельцы в июле 1682 г. написали челобитную с жалобами на притеснения и убытки от своих полковников и послали ее через воеводу в Москву. Они отставили старых полковников и пятидесятников и выбрали из числа стрельцов новых. В Москву выехало несколько их представителей, но челобитная все не рассматривалась. В конце концов, правительство, направлявшееся в это время во второй «поход» в Воздвиженское, де-

⁹¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 342.

⁹² Там же. Л. 260, 261.

⁹³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 17.

монстративно пожаловало одного из смоленских полковников — Мельгунова — в стольники. Посланная из Москвы 5 сентября грамота о присылке смоленских полковников для расследования запоздала — последовали казни 17 сентября и капитуляция восставших.⁹⁴ О том, что правительство пыталось подавить выступление в Смоленске при помощи военной силы и столкнулось с отказом служилых людей выполнить это распоряжение, в других источниках не говорится ничего. К сожалению, в курантах не указано, какие именно из войск, расположенных «недалече от свеиских границ», правительство попыталось задействовать при подавлении выступления в Смоленске. Сведения курантов о волнениях в Чернигове уникальны.

Поступление подобных известий за рубеж плохо сказывалось на имидже России. В конце концов, чтобы пресечь распространение негативных слухов российское правительство закрыло границу с Польшей. Об этом извещали «Из Польши» 28 декабря 1682 г. (сводка 2.02.1683): «Здесь мы получили новые вести с Москвы, что тамо великую осторожность чинят при польских границах, никого же, хотя кто верный торговый человек московский в дальные города не отпускают».⁹⁵ Известия о закрытии границ в конце 1682 г. в других источниках не обнаружено. Однако причины таких действий вполне понятны. Проникновение за рубеж слухов о тяжелом положении дел в Москве могло спровоцировать внешнюю агрессию. О том же, какие слухи ходят в Европе, русское правительство видело по курантам.

Последний период Московского восстания в немецких и голландских газетах отразился довольно подробно. Сообщение из Львова от 22 ноября (сводка 5.01.1683) позволяет сделать вывод, что хотя открытого разрыва отношений между Хованским и покинувшим Москву правительством так и не состоялось, о фактическом двоевластии знали не только в России, но и за рубежом: «Ведомость к нам приходит с Москвы о наивящем смятении не как прежде бывало, понеже господин Хованской, получив себе первоначальство у служителей и многолюдство приставающих угодников, дерзает владением преодолети великих государей таким мнением, яко царем подобает во всем на него уповати».⁹⁶

Следующее известие относится ко времени стрелецкого возмущения, последовавшего непосредственно после казни Хованского (сводка 30.12.1682). «Из Амстердама декабря в 2 день. В грамотках из Риги нам

⁹⁴ Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. С. 337.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 55.

⁹⁶ Там же. Л. 8.

объявляют, что тамо приехал некоторой свейской посланник с Москвы с вестью, что царское величество указали смертью казнить господина Хованского, первоначального у надворной пехоты, купно ж и с сыном ево, кроме большего сына иже ушел, о чем ратные люди только восприняли озлобление, что их царское величество осадили в их полатах. Но оное обретая случай оттоле уйти в поле, в некоторой монастырь. И те бунтовщики и противляющиеся пошли за ними, чтоб известь их. Но от того времени никакие вестовщики или гонцы оттоле сюда не бывали и доныне не ведомо, чем та смута прекратилась».⁹⁷

Сводка курантов от 2 февраля включала два сообщения о том, что происходило в Москве сразу после возвращения правительства в Москву: «От Элбы реки декабря в 8 день. Ныне к нам пришли грамотки с Москвы ноября 14-го числа писанные со объявлением, что тамо бывшее смятение усмирилось, понеже их царское величество изволил принять остерегания ради разных чинов дворян московских и городовых. И шли с ними от Троицы з 20 000 человек к Москве, где во измене бывшие стрельцы их царскому величеству с повиновением покорялись. Из них же в тот час 6000 человек сосланы, а достальным тож вскоре быти в сылках. Меж тем их царского величества дворяне вседневно ходят с саблями и с обухами при государских полатах, и во всяких случаях готовы суть к брани»;⁹⁸ «Из Ругодива декабря в 1 день. С Москву к нам ведомость приходит, что стрельцы ныне приходят к чувствованию и об учиненном смятении велми сетуют, понеж из них многих побивают междособною распрою, и доводом многим же по указу царского величества смертная казнь учинена, тако ж и старому Хованскому, яко начальнику бывшего смятения достойная мзда получена есть, яко ж и сыну его меньшому, иже как отца ево казнили, к стрельцам прибегал, глава отсечена есть, которым способом ныне то страшное смятение по милостивому их царского величества рассмотрению паки усмирят-ся и успокаивается».⁹⁹

Наиболее позднее сообщение о стрелецких волнениях включено в сводку от 17 марта 1683 г. Оно любопытно тем, что содержит версию, в соответствии с которой князья Хованские выступают виновниками всех событий 1682 г.: «Из Варшавы генваря в 29 день. Нам с Москвы получились сие последующие вести, что бывшая измена ныне час от часа от некоторых стрельцов открывается, которые всю вину полага-

⁹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 360–361.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 56, 57.

⁹⁹ Там же. Л. 57, 58.

ют на старого и молодого Хованских. Иже оба прикреплены тем же стрельцы прикрачены суть — сице лишением глав своих и завоетчиков. Ныне же паки покаряютца царем своим. А Хованскому явно пред всем народом глава отсечена и протчим в мятеже ево угодником наказание и смертная казнь учинена».¹⁰⁰ Данная версия впервые появляется в царской окружной грамоте к ратным людям с указанием о немедленном их приезде для подавления восстания в Москве (не ранее 6, не позднее 10 сентября 1682 г.),¹⁰¹ но в указ о казни Хованских внесена не была. Активно она распространялась в первые месяцы после казни Хованских. Позднее правительство отказалось от этого обвинения.¹⁰²

Подводя итоги сделанного выше обзора известий о московском восстании 1682 г. следует отметить, что в целом европейская пресса существенно преувеличивала реально происходившее в Московском государстве «смещение». Причина этого вполне понятна. Большая часть попавших в европейскую прессу сообщений об этом событии основана на циркулировавших в России слухах, которые отличалась обилием неточностей, преувеличений и вымысла. Для борьбы с распространением этих слухов 21 мая 1683 г. был издан специальный указ, грозивший смертной казнью тем, кто говорил «похвальные и иные многие непристойные слова» про «мимошедшее смутное время» и распространял «тому ж делу приличные письма».¹⁰³ В отличие от времени восстания Степана Разина, в 1682 г. фактов целенаправленного распространения в европейской прессе материалов, порочащих Россию, не отмечено. Очевидно, это связано с тем, что русское государство уже 15 лет не воевало со своими западными соседями и уровень неприязни к «москови-там» несколько снизился.

Известия о России периода регентства царевны Софьи в курантах встречаются часто. Они могут быть темой отдельного исследования. Здесь мы остановимся лишь на некоторых наиболее важных и интересных темах.

Особое внимание европейская пресса уделяла вопросу о том, будет ли Россия участвовать в войне против Турции или нет. С этой точки зрения любопытно одно из венецианских сообщений, в котором, в связи с русско-турецким мирным договором, писали, что «царское ж величе-

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 131.

¹⁰¹ Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. С. 113

¹⁰² Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны... С. 116–117.

¹⁰³ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. С. 477, 478.

ство такого договора ради велел послу своему голову отсечь и изготовляет войска, чтоб те места паки отыскать». Данная «новость» абсолютно недостоверна, однако она все же была включена в куранты, которые зачитывались на заседании Боярской Думы 10 января 1683 г. Против этих слов на полях помещена помета «зри».¹⁰⁴ Подобные пометы на полях курантов встречаются лишь в исключительных случаях. Возможно, что неизвестный нам автор пометы хотел показать свое отношение к заключенному миру.

В курантах нашли отражение известия о приезде в Москву в 1684 г. царского посольства во главе с Себастьяном Блюмберком (Блюмбергом) и Иоганном Христофором Жировским. Основная задача данного посольства состояла в том, чтобы вовлечь Россию в борьбу с Турцией. В Посольском приказе перевели брошюру, озаглавленную «Речь, какова царское великое посольство чрез господина барона фон Блюменберха мая в 28 де у его царского (в тексте слово повторено дважды) величества в латинском языке отправилась, которая для тцания на немецкой язык переведена напечатана 1684 году». Среди прочего австрийский дипломат говорил — «Лев (Турция. — *С. Ш.*) ныне раздроблен: лев осужден орлу (России. — *С. Ш.*) на пищу. Салтанов меч починает тупиться. Верьте и подлинно чайте, что нынешней салтан подобен старой бабе, которая не умеет шить, но плакати».¹⁰⁵

Факт повторного перевода речи, содержание которой было уже известно слушателям курантов (ведь она произносилась именно перед теми людьми, для которых предназначались куранты!), кажется странным только на первый взгляд. Во-первых, сама публикация данного документа в европейской прессе была важна для русского правительства, как показатель значимости страны на международной арене. Во-вторых, вполне возможно, что руководивший посольским приказом В. В. Голицын, считавший необходимым возобновить войну с Турцией, был заинтересован в том, чтобы призывы к возобновлению военных действий лишний раз прозвучали на заседании Боярской Думы. Попала в куранты и статья о впечатлениях Блюмберга от «московских» переговоров, отчет о которых он отправил в Вену вскоре после того, как покинул пределы России. Австрийский дипломат сообщал, что он доволен хорошим приемом в Москве, где его «обнадежили» скорым выступлением против турок. «Меж тем его, Блюмберка, ожидают у здешняго двора, иже привезет преизрядного мало бываемаго сокола с Москвы, которого

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 7.

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 3–5. Л. 299–309.

князь Васильевич, первый служитель у московского двора, послал к цесаревичу к арцуху Иосифу... Сии двои посланники у их царского величества прошением своим получили, чтоб езувитом позволили костел построить в пребывателном царствующем граде Москве». ¹⁰⁶

Два других известия на «русско-турецкую» тему попали в европейские газеты непосредственно из Москвы. Они имеют вид официального сообщения. В голландских газетах писали: «С Москвы сентября в 24 день. Часто здесь сидение бывает о воинском деле и поговаривают о учинении союза с цесарем и с полским королем и всчать воину с турским салтаном, понеже ныне союзники те и речь посполитая венецкая ныне крепко на турков наступают. И многие наши поговаривают, чтоб нынешнее благополучное время не пропустить, а совокупитца с ним. Но для того, что великие государи наши их царские величество во всем к миру склонны, и многие наши ныне о начинании войны не приговаривают. Однако ж чаем, что на будущую весну к тому склонны будут потому, что ныне уж указали всем начальным людям, чтоб были в готовности и собрать пред весною полки свои. И во все города отослать указали многие хлебные запасы. Их царское величество по обыкновению в некоторой монастырь ходили молебствовать, а за ними был первоначальнейший князь Васильевич». ¹⁰⁷ Близкой по содержанию была и публикация из немецкой прессы: «С Москвы сентября в 26 день. Обои царские величества пошли в различные монастыри для молебствования по обыкновению, а за ними пошел первоначальной князь Василь Васильевич. Здесь же несколько дней крепкое сидение и дума была так о государственных, как о воинских делах и как бы в нынешних опасных случених поступать, а особливо о сем предлаганном деле зело думано, аще ли при нынешних с Оттоманскою Портою постановлениях не лутчи б было мир нарушить, явную войну против ее всчать, зане так Римское, как Полское государства и венецияне тое воюют. А многие были в думе начальные, которые желали, чтоб нынешней случаи не пропустить. Но и оне ж обои царские величества зело миролюбны суть. И того ради к тому делу склониться не изволили. И тако ж для того, что Оттоманская Порта здешнему государству дружелюбно обещает во всем, в чем возможно будет удоволствование. Однако ж понеже всем полковником и начальником указано полки свои в готовности иметь в полном числе, то может быть, что на весну иная мысль будет». ¹⁰⁸

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 3–5. Л. 517.

¹⁰⁷ Там же. Л. 671.

¹⁰⁸ Там же. Л. 702, 703.

В этих публикациях В. В. Голицын выдвигается на первое место, а европейским партнерам России сообщается, что вступление русского государства в войну вполне возможно, но вовсе не обязательно. Такая позиция позволяла добиться при переговорах о вступлении России в войну наибольших уступок. Практически одновременное появление этих «новостей» в газетах разных стран не оставляет сомнений, что известия распространялись преднамеренно.

Сообщение 1686 г. из Москвы о заключении «Вечного мира» с Польшей и о вступлении России в войну против Турции интересно тем, что имеет несколько «слоев» информации. Во-первых, в нем сообщалось о фактическом разрыве отношений с Крымом и Османской империей. Во-вторых, европейских читателей извещали о новом, официальном статусе царевны Софьи в качестве соправительницы юных царей. В-третьих, вновь подчеркивался особый статус В. В. Голицына: «С Москвы июля в 3 день. Царское величество нынешние недели полномочных своих послов отпустили к полскому королю для подтверждения миру, и оттуды им ехать к цесарскому величеству. Прошлой недели паки к Москве приехал татарской посланник и объявил ханским именем, буде царское величество мир с полским королем разрушат и они не токмо жалованья, что им дают по вся годы впредь не будут спрашивать, но против всех их государских неприятелей стояти будут. Однако ж великие государи указали того посланника за караул посадить до дальняго времени. Великие государи указали впред в челобитных и в грамотах и во всяких писмах в приказах писати в титуле имя великие государыни царевны Софии Алексеевны. Здесь великое приготовление чинитца воисками к будущей весне, и великое собрание будет ратным людем итти в Крым. Господам бояром, которые были в договорех с полскими послы, дано многое их государское жалование, меж которыми ближнему боярину князю Василью Васильевичю Голицыну дано 200 дворов крестьян в вотчину сверх того многие запаны и иные дары.¹⁰⁹

В конце 1686 г. из Москвы уже писали о подготовке войск: «С Москвы декабря в 9 день. Великие государи их царское величество оба на Москве и пребывают временем в государственном собрании. Пред несколькими днями первому нальному (так в тексте, вероятно описка, „генеральному“. — С. Ш.) служителю сказано честь государственного генерала и быть ему у князя Васильевича Голицына, и с ним в последних числах февраля месяца генеральной смотр учинить царским войскам не далеко от Кореча. И верно что тех войск в собрании будет 300 000 че-

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 8. Л. 18–20.

людей, с которыми войском после совершения счастливых мирных договоров с польским королем в Крым итить и татарскую орду навещать будет».¹¹⁰ Объемное сообщение о подготовке русских войск относится к началу весны 1687 г. «С Москвы марта в 27 день. Февраля 27-го числа боярин князь Василей Васильевич Галицын канцлер и полный гетман всего государства поднялся, и с ним многие боярские дети и дворовые люди стольники и всего чину служилые люди, которого войска с ним пошло 70 000 человек. И смотрел их царское величество Петр Алексеевич и указал всякому полку перед собою стрелять. А конница во изрядном наряде и платье и оружие была, и после всего смотру на прощании указал его царское величество из всех пушек вдруг выстрелить, меж которыми две новые розорвало и дву человек пушкарей убило. У боярина князь Василья Васильевича Голицына, яко зело у искусного воина указано быть в товарищах боярину Алексею Семеновичу (Шеину. — С. III.), которой преже сего был под Смоленском. С Москвы же и из всех Московских городов и уездов велено итти четвертому человеку в войско, а которой тому указу будет противен, и того не токмо животов лишать, но и кнутом наказанье чинить и в Сибирь посылать. Того ради молодые и старые люди охотою и не охотою для множества войска идут. Тешин /так на печатном подлинном/ неискусной человек от нынешняго воинского походу откупился, дал 6000 рублей, на которого место пожалован князь Володимер Дмитриевич Долгорукой храбрый полководец. У князя Василья Васильевича генерал и полковник Агей Алексеевич Шепелев, а с ним 70 000 розных чинов воинских людей, храбрый ковалер, которой прежде сего под Чигирином был и многих турков побил, а во всем войску обретаеця у пушек. И указано на крымских рубежах смотреть чинить и несколько сот стругов с хлебным и с воинским запасы под Киев посланы, а оттоле указано их проводить далее Днепром. Рыцарство смоленское и некоторых полковников, которые непрестанно были у Голицына, дарил собольими шубами и крепко приказал старшинам, чтоб они в тех шубах на службу шли, токмо междо ними немногие обретаютца к воинскому делу потребны. Некоторой начальной человек сам из уст господина Голицына слышел, что идут ныне Крым разорять и бусурмана искоренять. И турки дороги у нас в Крым не отнимут и услышат христианскую силу».¹¹¹

Уже в начале 1687 г. сообщалось о новой дипломатической акции: «С Москвы генваря в 31 день. Великой полномочной посол князь Яков

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 20, 21.

¹¹¹ Там же. Л. 292–295.

Долгорукой с Москвы отпущен ко французскому королю. И указано ему возвестить против турок и татар». ¹¹² Надеялись ли в Москве привлечь Францию к участию в антитурецком союзе? Скорее всего, нет. Несмотря на то, что в Посольском приказе десятилетиями собирали известия о столкновениях французского флота с турецкими пиратами на Средиземном море, «турецкие» симпатии Франции были хорошо известны русским дипломатам, об этом неоднократно сообщалось и в курантах. Так что направление посольства во Францию следует рассматривать скорее как «рекламное» мероприятие.

С начала лета 1687 г. сообщения, присланные из Москвы в европейские газеты, представляют собой своеобразную хронику боевых действий русских войск. Они подробно рассмотрены в работе А. П. Богданова. ¹¹³ Отметим лишь еще одно «военное» сообщение из Москвы, в котором опровергается обвинение Польши в том, что Россия уклоняется от военных действий: «С Москвы марта в 16 день. По доношению жалобы от польского посланника на учиненном договоре, что с московские стороны туркам и татаром никакая препона не учинилась на отпор им, чтоб не прошли в Польшу, такой ему ответ дан, что невозможно было путешествие препинати, понеже от жестокие зимы все реки и переправы замерзли, и им везде путь был свободен. А ко удовольству коруны польской ныне постановлено наивящее войско с Москвы послать к татарским границам и построить крепость на реке Самаре». ¹¹⁴

Поход на Крым 1687 г. был неудачным, однако правительство царевны Софьи предпринимало усилия для того, чтобы в иностранной прессе появлялись положительные публикации о России. В донесении шведского посланника Христофора Кохена от 23 сентября 1687 г. ливонскому генерал-губернатору сообщалось, что «здесь озабочены изданием за границей, на немецком и голландском языках, хвалебного описания похода, в котором будут изложены подробно причины безуспешного возвращения многочисленного царского войска». ¹¹⁵ Составленное в России «Истинное и верное сказание» о походе на Крым было переведено в Амстердаме «на латинский, цесарский, французский языки. И взяв себе, в Галанской земле пребывающие послы и резиденты: цесарской, гишпанской, французской, аглинской, свейской, датской, полской и венетской, — послали к своим государям, и тем случаем разосланы во

¹¹² Там же. Л. 170.

¹¹³ Богданов А. П. От летописания к исследованию. С. 391–399.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 504.

¹¹⁵ Висковатов К. А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. № 9. С. 122.

всю Европу».¹¹⁶ В том же году по указу царевны Софьи русский почтмейстер А. А. Виниус договорился с бургомистром Амстердама Н. Витсеном об издании ее гравированного портрета.¹¹⁷ Можно предположить, что «Истинное и верное сказание» было издано таким же способом.

Походу на Крым 1689 г. посвящено большое число статей курантов, однако война не исчерпывала содержание известий российского происхождения. 11 сообщений было посвящено торговле с Россией. В основном, это известия о приходе в Архангельск голландских и гамбургских судов.¹¹⁸ При этом в сообщениях дважды упоминался торговый дом Келдерманов. Не исключено, что некоторые статьи о русской торговле попадали в европейскую прессу именно через представителей этого коммерческого предприятия. И торговавший в России Томас Келдерман, и его отец Андреас неоднократно оказывали русскому правительству услуги на дипломатическом поприще.¹¹⁹ Дважды встречаем известия о шведских проектах, которые должны были облегчить транзитную торговлю через Россию с Ираном. В куранты 30 мая 1687 г. включено сообщение, отправленное из Ирана почти годом ранее: «Из Испагани июля в 10 день. Прошлого году швейскому послу, которой уже два года здесь медлился и о постановлении торговли с Персидою чрез Москву и Хвалынское море договор предлагал и искал, чтоб швейским торговым людям в некотором пристанище того ж Хвалынского моря постановить факторство или торговой промысел и построить тамо карабли европейским подобием, которыми удобнее мочно было ездить по морю не как теми, которые по се время обыкновенны были. Для того, что те суды яко неключимые скоро потонут. А дерево ко устроению тем кораблям угодные хотели они высеч из наших лесов. От шаха такой ответ учинен есть, что он шах имеет в государстве своем два моря, которые едино нарицаетца Ормус или море Персицкое, а другое называетца Баку или Хвалынское море. Его ж шаховы предки припустили христианских промышленников к первому морю, сие к Ормусу, еже силою они овладели, а к другому морю шах отнюдь не намерен их допускати или в нем

¹¹⁶ Богданов А. П. От летописания к исследованию. С. 394.

¹¹⁷ Копанев Н. А. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого. С. 245.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Л. 658; 1685 г. Ед. хр. 7. Л. 39; 1686 г. Ед. хр. 7. Л. 60, 94, 109; 1687 г. Ед. хр. 6. Л. 11, 473, 474; 1688 г. Ед. хр. 9. Л. 504; 1688 г. Ед. хр. 9. Л. 11, 391, 392.

¹¹⁹ СГГиД. Ч. 4. С. 490–492.

таво то ради промыслу их имети».¹²⁰ В 1688 г. появилось сообщение на эту тему из Стокгольма: «Из Стекольна августа в 7 день. Дано в намерении и предлагании было чтоб путь водяным с Москвы во Псков озером употреблять и реками из озера на Юрьев Ливонской, а оттоле к Фелину, а от Фелина к Пернаву проехать, чтоб прямо возможно было судами русскими в Пернаву приезжать. А что по се время то войны ради не исправлено, ныне для русской и персидской торговли то совершить послано 500 человек для очищения рек пути тому».¹²¹

Приходили известия об отправке русских войск на китайскую границу «допрашивания ради, для чего они на рубеже разорили город» (1686 г.)¹²² и даже о погоде в Москве и Новгороде (1687 г.): «С Москвы июня 16 день. От большого снегу, которой выпал, многое разорение от великих вод в реках учинилось, и многие села и монастыри и деревни от водного потопления разорены стали. А наипаче в великом Новгороде от того потопления городовым стенам и иному зданию починилось разорение, и того ради тогда почты в пути своем были замедлены».¹²³

Не обошли европейские газеты своим вниманием и свержение царевны Софьи (1689 г.): «С Москвы ноября в 26 день. Ведомо чинят к нам чрез Ригу, что смятение на Москве вовсе утишилось, а царь Петр Алексеевич самодержец совершенное владительство восприял обще з братом своим царем Иваном Алексеевичем, а царевна пошла в монастырь и тамо до скончания живота жить обещалась во иноческом чину и покаяние богу приносить, а владеющий царь Петр Алексеевич намерен во всем своем государском дворе премену учинить и уже старых начальников изволил отставить, а вместо них учинил новых. А при дворе своем уж никакова француза не имеет, и впред не изволяет имети, из государства Росииского всех указал выслать. Подлинно говорят, что на будущую весну паки великое войско на турок, и того ради мало тамо о миру с оттоманскою Портою слышно».¹²⁴ Из Львова писали и о том, что оказавшийся в это время в Москве украинский гетман Мазепа поддерживал сторонников Петра: «...а из-за Днепра ведомости к нам пришли, что гетман Мазепа со всею своею старшиною с Москвы к себе возвратился, и от великого государя царя и великого князя Петра Алек-

¹²⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. 320–322.

¹²¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 3. Л. 74.

¹²² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 5.

¹²³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 388, 390.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 332, 333.

сеевича всяя Великия и Малыя и Белья Росии самодержца зело милостиво принят. И старые казацкие волности и приволи достал, того ради он великий государь у того народа в великом почитании, и к его государственной службе всегда обещались ставиться готовы. К ссылке Голицына тот Мазепа бутто много спомогал, понеже в прошлом году многие обиды от него принужден был терпети».¹²⁵ Это сообщение помогает понять причины особого доверия Петра I к Мазепе в последующие годы.

Пожалуй, самое любопытное сообщение о свержении царевны Софьи пришло также из Львова (от 10 ноября): «...Его королевское величество с Москвы октября со 12 числа подлинную ведомость и письма имел, что некоторые бояре казнены смертью, а Голицын со всем домом своим послан в дикие поля в ссылку, а иные хотят, что и Софья убита, а сыновья Софьины и имена их из всех книг выхерены и на вечное житие в монастырь посланы».¹²⁶ Первая часть сообщения о казнях и ссылке Голицына вполне достоверна. Вряд ли можно сомневаться и в том, что среди сторонников Петра были люди, желавшие смерти Софьи. Та же часть статьи, которая говорит о «сыновьях Софьиных», на первый взгляд кажется совершенным вымыслом. Существует ли хотя бы теоретическая возможность появления детей у царевны? Однозначных и достоверных сведений о характере ее личных взаимоотношений с мужчинами из ближайшего окружения не сохранилось. Авторы последних биографических работ, хотя и расходятся во мнениях, принципиально не отрицают присутствия интимных отношений в жизни царевны в период регентства.¹²⁷ При этом дочь Алексея Михайловича вряд ли кто-то специально учил методам контрацепции. Если же учесть продолжительность периода регентства, то появление детей выглядит вполне естественным. Встает вопрос, почему, если данный факт имел место, мы не встречаем упоминаний о нем в других источниках? Единственным объяснением может быть то, что в распространении этой информации не были заинтересованы ни сторонники царевны, чей образ непорочной девы оказался бы безнадежно испорчен, ни ее противники, для которых наличие у Софьи детей мужского пола (пусть и незаконных) представляло потенциальную угрозу.

Конечно, было бы ошибкой, основываясь на одном маргинальном источнике рассматривать наличие детей у Софьи как доказанный факт.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 297, 298.

¹²⁶ Там же. Л. 280.

¹²⁷ Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 281; Хьюз Л. Царевна Софья. С. 74–78.

Сообщение курантов может быть только отправной точкой для исследования вопроса. Гораздо более перспективной, на мой взгляд, является другая интерпретация статьи. Выше уже говорилось, что информация о детях царевны Софьи попала в газеты через Львов. Наблюдения над курантами 1670–1680-х гг. показали, что львовские известия о России чаще всего связаны со слухами, циркулирующими на Украине. Вполне вероятно, что подобные «новости» появились после свержения правительства регентства в казачьей среде, весьма склонной к выдвижению самозванцев. В любом случае, вне зависимости от интерпретации, сам факт появления слухов о детях царевны Софьи представляет значительный интерес.

3.4. Известия о России в курантах времени правления Петра Великого

Известия курантов о России петровского времени отличаются разнообразием. В них включали статьи о погоде,¹²⁸ торговле иностранных купцов (в петровское время сообщения на эту тему обычно попадали в куранты в тех случаях, когда торговле что-то угрожало — в 1692 г. и 1695 г. писали о французском пирате Яне Барте,¹²⁹ а также о пожаре, на-

¹²⁸ Два сообщения 1692 г.: «С Москвы генваря в 15 день. Здесь так великая стужа, что о таковой памяти нет. Птиц по 30 и по 40 сверху падают, а людей уже от того 500 человек померло» (Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 157); «С Москвы генваря в 11 день. Ныне у нас настал такой страшный мороз, яко никогда при человеческой памяти не бывало. И низ падают не токмо множество птиц из облак замерзлых, но и по дорогам болши пятисот человек от хлада погибли» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 183).

¹²⁹ «Из Амстрадама ноября в 24 день. ...Прошлой субботы пришел московской караван с опасным своим кораблем под владением капитана Бекмана щастливо в пристанище Тесель, а сказывают, что остерег его небольшой свейской карабль от Ян Барта французского разбойника» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 568); «Из Амстрадама декабря в 14 день. ...Между тем здесь ради карабельного каравана, которого мы из Московского государстве дождаем, не в малом опасении есмы потому, что к нам ведомости ни какой не было, которым путем тот недавно из Дуннкерка вышедшей капитан Барт пошел, которой нам великой страх сотворил»; «Из Амстрадама декабря в 22 день. Ныне караван карабельной из Московского государства в целости пришел» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 826). В 1696 новое известие об этом пирате стало основанием для указа, требующего от должностных лиц на Северной Двине остерегаться пиратов (*Waugh D. C. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes...* P. 71).

несшем вред архангельской торговле),¹³⁰ и даже о русских старообрядцах.¹³¹ Однако в большей степени европейцев, как и прежде, интересовали военные дела.

После свержения правительства Софьи вопрос об участии России в войне против Турции и Крыма был временно снят с повестки дня. Тем не менее, в прессе постоянно появлялись статьи, авторы которых выражали уверенность в том, что Россия продолжит войну. Уже в начале 1691 г. из Москвы в газеты приходили новости о новом походе русских войск на Крым уже под предводительством самого Петра I: «С Москвы февраля в 2 день. Их царское величество указали не токмо всем войскам к походу готовым быть, но и везде запасные дворы построить к походу на татар войною».¹³² О том же писали и из Вены.¹³³ Очевидно, восемнадцатилетний Петр, у которого к этому времени уже родился наследник (в свое время статьи об этом так же включались в куранта),¹³⁴ чувствовал себя достаточно взрослым. Он желал сделать то, что не смог Голицын. Хотя в итоге план нового похода на Крым реализован не был, в 1692–1694 гг. известия о том, что в России вооружаются, появлялись регулярно.

В начале октября 1691 г. Петр занимался «воинскими потехами». Их описания появлялись в курантах: «Из Варшавы декабря в 10 день. С Москвы нам подтверждают о потехах воинских великого государя

¹³⁰ «С Москвы октября в 4 день. Печальная ведомость получена, что у города Архангельского в 17 день великим ветром, а в 20 день чрез пожар всякие товары ж пенька, юфть, кожи и прочие при том иноземные товары на 50 000 рублей потеряно. И згорели в том числе 5000 берковцов карабельной пеньки было, а что ветром на водех...» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 319).

¹³¹ В поле зрения европейцев попали те из старообрядцев, которые покинули территорию России. Одни оказались на территории Ирана. О них сообщалось в большой корреспонденции на «персидские» темы из курантов 1692 г.: «...Известно учинилось, что 600 козацких фамилии /знатно донские/ для некоторых обид от патриарха им учиненных, предались к шавкалу выше персического Дербени города стоящие» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. 36–38). Другие перешли на службу турецкому султану и оказались в осажденном войсками Петра I Азове. Про эту группу писали в 1695 г. в корреспонденции из Львова: «Из Украины подлинная ведомость получена у коронного великого господина гетмана, что Москва уже под Азовом с 40 000 человек потеряли, а однако ж города не взяли. А филиппиане /раскольники/, которые с турками в городе обретаются, мужественной отпор чинят...» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. 385).

¹³² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 6–7.

¹³³ Там же. Л. 7–8.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 346.

царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя Росии самодержца на поле, которые чинены для радости рождения ево государского сына, великого государя царевича и великого князя Алексея Петровича, со многим веселием и учреждением. И воинские обыкlosti в такой были осторожности, что за вины иным чинено наказание. А бояря и стольники многие и дьяки были в одеждах немецких, а купецкие люди тут были со всяким съестным запасом».¹³⁵

В 1692 г. наиболее заметной «российской» новостью был приезд в Москву персидского посла Усейн хан-бека. О посольстве рассказывалось в целой серии корреспонденций. Наиболее ранние сообщения о нем появились в январе: «Ожидают к Москве великое посольство персидское, и о встрече того посольства царское величество, чтоб честно принять, великое радение чинят...»,¹³⁶ «...указано всякому боярину с 15 дворов дать по человеку, и на Москве поставить и проводить того посла с великим войском на польской рубеж»,¹³⁷ «...А сказывают, что те послы по отпуске с Москвы к цесарскому двору путешествие свое управляти будут при провождении ратных людей до самых границ».¹³⁸

Любопытный Петр специально ездил навстречу персидским послам, чтобы посмотреть на привезенных ему в подарок льва и львицу,¹³⁹ однако в сообщениях из Москвы эта поездка получила гораздо более солидное обоснование: «Его царское величество царь Петр Алексеевич пошел в Астрахань и, учиня тамо всякие надобные к войне надлежащие вещи, скоро назад будет».¹⁴⁰

Описание въезда персидского посольства в российскую столицу было отправлено из Москвы в европейскую прессу 26 апреля: «Замедление посла в пути было за войною бухарскою, а в Астрахань Chesно принят и хотел оттуды к Москве быть к Рождеству, но помешало ему то, что жена ево, которую он на дороге купил, родила. И для того несколько недель жил в Казани. А приехав в Москву для изготовления встречи стоял немалое время. А въезд того посла был в Москву марта 11-го числа. А встречали ево великое число вооруженных бояр. А полки конные и

¹³⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 319.

¹³⁶ В этой же статье говорится, что «Их царское величество посланников х королям и князем евангелицким, дабы чрез них всяким их дружелюбием обнадеежны были» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 126).

¹³⁷ Там же. Л. 157.

¹³⁸ Там же. Л. 168.

¹³⁹ Богословский М. М. Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. С. 126.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 157.

пешие стояли по обе стороны дороги 20 человек, да на той же встрече, оприч бояр, некоторые люди были в латах и 1300 человек царских слугителей. Также ведены 6 лошадей в драгоценном наряде серебряными чепями. А как посол из кореты своею, которая зеленым сукном обита, вышел, то посажен в сани и во весь въезд свои пил табак. А людей с ним было 60 человек и два льва, да 2 клетки птичьи. И был тот ево въезд от полудня за 2 часа до полуночи, а привез с собою в дарех драгоценные подарки, а на приезде не был, токмо к тому готовится».¹⁴¹

Известия об отправлении из России в 1692 г. посольства в другую экзотическую для Европы страну — Китай, попало в куранты только в 1693 г.: «Из Берлина декабря в 30 день. Немецкой торговой человек на Москве обретающейся именем Елизарей Избрант (имеется в виду голландский купец Эверт Избрант Идес. — *С. Ш.*) своими добрыми поступками такую милость тамошнего великого государя царя к себе получил, что от его царского величества послом в Китай послан, и имеет он при себе с 500 человек, между которыми многие музыканты, живописцы и иные рукодельные люди обретаются, из которых многие для учения и для видения того государства поехали, и писал он, посол, з дороги, что уже с 70 миль от Москвы обретается».¹⁴²

Уже в конце 1692 г. в куранты включили новые известия о деятельности Петра. В декабре из Варшавы сообщали: «С Москвы пишут в достоверных грамотах, что великий государь царь Петр Алексеевич всея великия и малыя и белыя Росии самодержец из Переславля о Семене дни паки к Москве пришел, и намерен был в блиско лежащих преображенских полях паки потехи воинские учинить. Но понеже прошлого году на той потехе у многих честных людей руки и ноги переломаны, так ж и князь Долгорукой¹⁴³ со многими простыми людьми убит, и ныне многие люди по своих сродниках о том плачут. И для того, а особливо того ради, что его государская мать государыня царица зело скорбна есть, та потеха отставлена».¹⁴⁴

В корреспонденции из Москвы, отправленной в том же декабре, говорилось уже о новых планах Петра: «Великие государи цари обретаются ныне оба на Москве. Царь Иоанн Алексеевич пребывает всегда

¹⁴¹ Там же. Л. 54–58.

¹⁴² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 47, 48.

¹⁴³ Имеется в виду стольник И. Д. Долгорукий, скончавшийся от ран после «потешных» сражений октября 1691 г. См.: Богословский М. М. Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. С. 116.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 1.

здесь, а царь Петр Алексеевич ходит времяем в поход. И намерен он ныне в Переславль итить, а как снегу довольно выпадет, то к городу Архангельскому поидет. И зело склонен цесарского языка¹⁴⁵ учиться, а науку того языка приемлет от господина Виниуса, управителя московской почты. Меж тем ни о каком намерении против Крыму и о продолжении войны с татары ничего не слышать».¹⁴⁶ Встает вопрос, не сами Виниус сообщил об этом в газету? Такое предположение кажется весьма вероятным. Во-первых, рассылкой новостей занимались европейские почтмейстеры. Это было частью их профессиональной деятельности. Во-вторых, среди хранившихся у Виниуса книг была «Книга писменная, цесарского языка, с Москвы в Галандию и в Англию о всяких ведомостях».¹⁴⁷ Вполне вероятно, что это копия книга с сообщениями, которые Виниус направлял за рубеж.

Совершенно неожиданные сообщения стали приходить в голландские газеты в 1694 г. В августе из Амстердама писали: «...Последние же грамотки от города Архангельского нам объявляют, что его царское величество у Архангельского города еще ожидает пришествия карabelьщика Вламинга, чтоб карабелем его исправить малое путешествие к Колскому острову. А дохтур его царского величества на пути к монастырю Святого Николая умре. А меж тем к Архангельскому городу пришли один карабль с красным питьем из французские земли да другой карабль из свейского города Бремена».¹⁴⁸ Эта, начальная часть сообщения, вполне соответствовала истине. Упомянутый в ней доктор — умерший 31 мая 1694 г. Захарий фан дер Гульст, а Фламинг — капитан

¹⁴⁵ Обычно в литературе упоминают о том, что Виниус учил Петра I голландскому языку, однако почтмейстер знал не только голландский, но и немецкий язык. См.: *Юркин И. Н.* Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. С. 207–209, 444.

¹⁴⁶ В этой же статье говорится о приезде из Вены ксендзов, на присутствии которых в Москве настаивал цесарь: «От цесаря Римского посланные ксензы с провожатым своим в прошлом году цесарского при дворе здешнем бывшего посланника господина Курца с пасынком были несколько недель в Смоленску задержаны, но третьего дня приехали сюда и поставлены по обыкновению на посольском дворе и подавать было им прошлого четвертка великим государем царям цесарские грамоты. Но ни в тот день ни в субботу, хотя было того совершенно чаяли, не учинилось, но однако вскоре оное в Посольском приказе учинено будет, а остановились те ксензы на гостине в том капелле /часовне/ которая тамо по цесарскому велению построена» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 76).

¹⁴⁷ *Юркин И. Н.* «От первопрестольного града Москвы...»: А. А. Виниус в Москве и Подмоскowie. С. 109.

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1694 г. Ед. хр. 11. Л. 8–10.

Ян Флам, командовавший кораблем, приобретенным по заказу Петра I в Голландии.¹⁴⁹

Из второй же части мы узнаем, что закупка богатейшего по своей отделке корабля привела к тому, что за границей распространились слухи, будто бы сам царь собирается на нем совершить путешествие в Европу: «Нам же возвещают из пристанища Гелженера, что там весь караван галанской торговой числом 350 караблей еще тамо медлят, ожидая доброй погоды. И чают, аще бог дает здоровья, кончае завтра оттоле поидет. Меж тем тамо же пришел король дацкои со всем двором и з галанским резидентом. И велел приготовить всякие преизрядные и торжественные принадлежности к преславному приему царского его величества потребные. Около же города Кронбурха (крепость в Дании. — *С. III.*) все тамошние жители, и которые на караблях тамо пришли, с великою радостью его царского величества пришествия ожидают, чтоб учинить достойным встречением, пушечною стрельбою и всяким благопочитаемым почествованием достаточное удовольствие. Всем же чужеземным тамо пребывающим карабельщиком к различным народом причтенным, накрепко указано, чтоб они в таком случае службу свою и должность всяким возможным радением усердне показали, и что не оставляя, еже к тому желаемо и потребно быти видится».¹⁵⁰ Был ли этот слух спровоцирован какими-то случайными высказываниями Петра? Или царь действительно предполагал такую возможность? Подтолкнули ли его газетные статьи к заграничной поездке в составе Великого посольства? Ответить на этот вопрос в настоящий момент невозможно, однако мы видим, что мысль о том, что Петр I может посетить Европу, «вitala в воздухе» уже в 1694 г. Отнестись к этим материалам со всей серьезностью заставляет слишком уж высокий ранг тех, кто ожидал приезда государя. Ведь русского царя безрезультатно встречали не только голландский посол, но и сам король Дании.

Начиная с 1695 г., в связи с началом Азовских походов, характер сообщений курантов о России существенно меняется. Основное внимание теперь уделялось именно войне с Турцией. Эти статьи не только включали в куранты, но и помещали в выписки из курантов, которые отправлялись по почте в лагерь русских войск под Азовом лично Петру I.¹⁵¹ Из этого можно сделать вывод, что царь испытывал большой интерес

¹⁴⁹ Богословский М. М. Петр Великий. Материалы для библиографии. Т. 1. С. 171, 176, 177.

¹⁵⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1694 г. Ед. хр. 11. Л. 8–10.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7.

к европейским публикациям о собственной деятельности. Ряд корреспонденций в европейские газеты отправляли непосредственно из Москвы. Они имели характер официальных сообщений. Некоторые из них были очень подробными. Сначала писали о намерении русской армии идти под Азов: «С Москвы февраля в 20 день. Царское величество Петр Алексеевич намерен кои час воды вскроются город Азов на Дону реке недалеко от Черного моря стоящей итти осадить. А генерал Лафорт первый, а генерал Гордон второй, а один русский (имеется в виду Автоном Михайлович Головин. — С. III.) трети. Аф(тоном. — С. III.) Михайлович генерал владети и правити имеют обоз. Войско гетманское и белгородское итти имеют к Перекопи. Пушек будет с обозом 80 да верховых 150. Царское величество хочет все огнем и мечем разорить. И того ради чают, что татаровя в нынешнем году никаких людей в Венгерскую землю послать (утрата в тексте. — С. III.) а довольно трудов им будет, свою землю оберегать».¹⁵²

Позднее сообщали об отправке войск к Азову.¹⁵³ Корреспонденция от 2 августа подробно описывает ход боевых действий.¹⁵⁴ Однако в 1695 г. военные действия России оказались столь же неудачными, как и у ее европейских союзников, а ее имидж слабого государства, неспособного, несмотря на многочисленность войск, успешно противостоять турецкой армии, в очередной раз подтвердился и упрочился. Успешный штурм Азова, который русские войска провели в 1696 г., оказался для участников объединившей противников Турции Священной Лиги приятным сюрпризом, случившимся как нельзя более кстати.

Известия европейских газет о борьбе за Азов попадали в Россию и через донесения русских дипломатов. Находившийся в Вене русский посланник Козьма Никитич Нефимов собирал и отправлял в Москву газетные публикации и неперIODические информационные издания. 20 сентября 1696 г. он послал в Посольский приказ выпущенные в Вене «куранты»,¹⁵⁵ где говорилось о взятии Азова.¹⁵⁶

25 сентября 1696 г. Нефимову была передана пришедшая по почте из Италии из города Фентизы от кавалера Карлуса Синибалда «печатная тетрадка» со стихами, прославляющими взятие Азова русскими

¹⁵² Там же. Л. 234, 235.

¹⁵³ Там же. Ч. 3. Л. 25.

¹⁵⁴ Там же. Л. 129–132.

¹⁵⁵ Газеты или, что менее вероятно, неперIODические информационные издания.

¹⁵⁶ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1864. Т. 7. Стб. 1194–1202, 1240.

войсками. В отчете, направленном в Москву, Нефимов указал, что «виришей напечатано в тетрадке на трех листах 11 статей». К тетради была приложена записка автора «облегату» царского величества в Вене, где говорилось, что победа под Азовом «удивлением наполнила всю Европу, а особенно целую Италию».¹⁵⁷ В Польше так же, как и в Италии, появились вирши о Москве, «притушившей скифский полумесяц» (татар и турок в восточноевропейской литературе того времени иногда связывали со скифами античного времени. — *С. III.*).¹⁵⁸ В свою очередь, сотрудники Посольского приказа специально сообщали известия о ходе осады Азова иноземцам, живущим в Архангельске. «Вести» отправлял подьячий М. И. Родостамов.¹⁵⁹ Вряд ли он действовал по собственной инициативе, без распоряжения руководства приказа.

На следующий год тема победы над турками неоднократно появлялась в приветствиях, которыми в Европе встречали Великое посольство. Несмотря на то, что царь находился среди русских дипломатов инкогнито, о его присутствии было хорошо известно. В связи с этим встречи и проводы русских дипломатов проходили особенно торжественно. Стихотворные приветствия посольства, где центральными сюжетами были борьба с Турцией и «азовская» тема, часто становились элементом церемонии. Особо значимыми эти поэтические произведения делал тот факт, что они публиковались на отдельных «листах» и, следовательно, предназначались для широкого распространения. Русское правительство, судя по всему, очень ценило подобные издания и специально собирало их. В составленном в XVIII в. описании дел Посольского приказа назван «Сундук з делами его имп[ераторского] вел[ичества] великих и полномочных послов, бывших в посольстве в европейских государствах». Среди других дел в нем хранились «Печатные листы на латинском и немецком языке к похвале его императорскому величеству, каковы сообщены послом его величества господам Лефорту, Головину, Возницыну, бывшим в посольстве в европейских государствах».¹⁶⁰

¹⁵⁷ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1867. Т. 8. Стб. 298, 299.

¹⁵⁸ Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 316.

¹⁵⁹ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. СПб., 1908. С. 535.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 180. Канцелярия МГАМИД. Оп. 13. Д. 1. Л. 157 об.–158.

Два стихотворных сочинения были напечатаны в столице Курляндии Митаве. Первое из них (приветствие на немецком языке) принадлежало перу «цесарского венчанного стихотворца и правителя школы Митавской» Христиана Борнмана. Один экземпляр этого «листа» был отправлен по почте в Москву, переведен и уже 5 мая зачитан на заседании Боярской Думы.¹⁶¹ По возвращении Великого посольства в Москву появился новый перевод сочинения Христиана Борнмана,¹⁶² довольно близкий первому. Имеется и третий перевод. Уже в конце XIX в. он находился в частной коллекции историка и собирателя древних рукописей И. А. Шляпкина.¹⁶³ Качество этого перевода гораздо ниже, чем предыдущих. Текст был переписан на столбцах, что соответствует нормам приказного делопроизводства и дает основания связывать его появление с деятельностью государственного аппарата. Последний перевод имеет для русской культуры наибольшее значение, так как — насколько можно судить на данном этапе исследования — именно он вошел в русскую книжную традицию.¹⁶⁴

Другое поэтическое произведение принадлежит перу «миссионариуса» Митавского иезуитского общества. Опубликовано сочинение в Митаве в 1697 г. издателем Георгием Радецким в типографии Аулици. Это единственный из рассматриваемых панегириков, для которого обнаружен печатный оригинал (на латинском языке).¹⁶⁵ Известный сегодня перевод появился уже после возвращения Великого посольства в Россию.¹⁶⁶

Сочинения Христиана Борнмана и «миссионариуса» Митавского иезуитского общества были зачитаны членам Великого посольства 15 апреля 1697 г., когда послов посетил с визитом канцлер курляндского князя. Стихи во время парадного обеда декламировали слуги канцлера. Кроме рассмотренных сочинений, митавские иезуиты подготовили еще один «печатный лист» на греческом языке. Это было одновременно проявление учености и конфессиональной толерантности. К сожалению, издание на греческом языке и его русский перевод не сохранились или пока не найдены. О них лишь упоминается в документах посоль-

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 222–225.

¹⁶² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 195–199.

¹⁶³ Шляпкин И. А. Библиографические разыскания в русских и зарубежных библиотеках... С. 7–9.

¹⁶⁴ Уо Д. К. История одной книги... С. 94, 102, 271.

¹⁶⁵ АВП РИ. Ф. 11. Оп. 11/2. 1697 г. Ед. хр. 2. Л. 2, 2а.

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 184–194.

ства. За свои старания иезуиты получили в качестве подарка 12 золотых.¹⁶⁷

21 апреля из Митавы в Кенигсберг для подготовки встречи посольства было отправлено «35 человек Преображенского полка начальных людей, урядников и солдат». Они должны были подготовить все необходимое к появлению там Великого посольства. Среди всего прочего им были даны с собой «печатные листы с похвалою, которые выдали езуиты».¹⁶⁸ Прусские дипломаты хорошо поняли этот намек. 12 июня 1697 г. во время торжественных проводов русских послов из Кенигсберга в дальнейшее путешествие «при небольшой столовой музыке» было зачитано написанное на немецком языке стихотворение Георгия Раддеуса, «курфистра брандебургского у певчих мастера».¹⁶⁹ Текст сочинения был опубликован: «В Королевцу (Кенигсберге. — С. III.) печатано у Реиснериских наследников». Автор приветствия желал России «выкоренить» турок и татар: «И все за благо надобное изобретаете, чтоб разорить государство турецкое. Турок и татарин заслужили, чтоб выкоренены были от христианского жилища. И земли турок и татарин, которые с силою ищет честь божию разорить, а христиан с пустоша снести, чтобы есте в памяти не были».¹⁷⁰

Панегирики, появившиеся после победы Петра I под Азовом, отражают очень теплое и дружественное отношение их авторов к России и самому государю. В нем видят не схизматика, а христианина. Русский царь выступает не только азиатским правителем, но и европейским монархом, которого можно сравнить и с солнцем, и с Александром Великим. В перспективе поэтам виделось еще большее сближение с Россией и признание за Петром I императорского титула, а также равенства с императором Священной Римской империи. Особое значение данных панегириков состоит в том, что это были не оплаченные публикации, какие неоднократно появлялись в печати в последующие годы, а стихи, созданные по собственному желанию их авторов. Причина проявленной в них доброжелательности очевидна — страх европейцев перед во-

¹⁶⁷ Богословский М. М., Петр I. Материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 36, 37.

¹⁶⁸ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 338.

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 155. Иностранные ведомости (куранты) и газеты. Оп. 1. 1698 г. Д. 17. Ч. 1. Л. 200–202. Другой вариант перевода этого сочинения М. М. Богословский обнаружил в РГАДА среди Прусских дел (РГАДА. Ф. 74. Сношения России с Пруссией. 1697 г. № 1. Л. 117–118, 119–120) и опубликовал. См.: Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2. С. 86–88.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Ед. хр. 17. Ч. 1. Л. 201.

енной экспансией Турции, могущественнейшего из государств исламского мира, и надежда на помощь России в борьбе с османами.¹⁷¹

В то время, когда Петр в составе Великого посольства путешествовал по Европе, в Москве продолжали составлять куранты. При этом сложилась курьезная ситуация, когда бояре узнавали из обзоров европейской прессы не только о новостях европейской политики, но и о передвижении собственного государя. Куранты давали более оперативные известия о передвижении посольства по европейским странам, чем письма самих русских послов. Об этом мы узнаем из писем А. А. Виниуса Петру I от 10 сентября и 29 октября 1697 г.¹⁷² О том же пишут Петру 12 ноября 1697 г. Ф. Ю. Ромодановский и А. М. Головин: «А у нас уже Бахуса забыли. А ваша слава никак же может забвенна быть, есть ваша слава чрез многие куранты к нам ведома бывает; никогда не хотите забыть и нашего природнаго Ивашку, не так что Бахуса, и в том вы велми утвердились в таких радостях, нас забыли, многие почты к нам не писывали».¹⁷³ В одном случае участники посольства вынуждены были сами дать в прессу публикацию на «российскую» тему. Это случилось, когда один из вновь нанятых иноземных «специалистов» сбежал, прихватив казенные ценности. Его пытались разыскать, дав объявление в печати:¹⁷⁴ «Того ж числа (27 марта 1698 г. — С. III.)

¹⁷¹ Публикация стихотворений: *Шамин С. М.* К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.)... С. 377–391.

¹⁷² Письмо А. А. Виниуса к Петру I от 10 сентября 1697 г. «Честнейшее ваше господское писание было из Шпаренберха июля 31 дня, против которого благодарное соответствование с прошлою почтою сотворил еси. А после того толко о шествии господ послов ведомость из курантов приемлем». Письмо А. А. Виниуса к Петру I от 29 октября 1697 г. «Мой господине милостивый, буди здрав на лета многа. Аще уже 2 почты сряду от господства вашего писма вашего приятии не сподобихомся, однако ж рассуждаем тому причина отъезду господ послов в Гагу, которые, слышим из курант, с великими чинами при стечении безчисленного народа зело честно приняты и от многих послов посещение себе восприяли. Дивной то небывалой случай, якобы неким смотрением Божиим те его царского величества послы пришли в Гагу в самые часы как мир между ими всеми совершился, якобы по толиких великих браней того прелютаго огня приезда послов сих ожидал и приездом их самым миром кончился. Еще же из курант здесь уведомление, что сентября около 20 числа превеликие были бури, пред которыми за день или 2 ваше господство, быв на море, в Амстрадам возвратились здорово, а разбиение караблям учинилось многое». Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 640, 654, 655.

¹⁷³ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 659.

¹⁷⁴ *Бакланова Н. А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приходе-расходным книгам посольства) // *Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 57.*

по приказу великих и полномочных послов дано иноземцу амстрадамскому курантарю, которой в Амстрадаме печатает куранты, Симону Шгейгуту от печатания курантов, чтоб он напечатал о побеге вора и изменника жидовина Якушка Яковлева, чтоб его с сносными животами поймать, а кто поймает — тому дастся 20 рублей. И за то курантово печатанье дано 2 ефимка. Да жидовскому рабиновому клику пол-ефимка, чтоб он в жидовских синагогах о поимке того вора во время жидовского сонмища прокликал». ¹⁷⁵ Данное сообщение было опубликовано, а потом переведено обратно на русский язык вместе с другими газетными сообщениями. В нем говорилось, что из дома, где размещались участники русского посольства, «ушел жидовин имянуемой Яков Якобсен возрастом 20 лет, родом ис Полши, городу Ярославля. Собою средней, черн волосом, немного кудреват, черноглаз, смуглолиц, говорит по-еврейски, цесарски, и галански, и по-полски. Унес с собою 36 золотых пуговиц с алмазами и 11 пуговиц жемчюгами и рубинами усаженных, и которой человек того жидовина или те вещи объявити может, тот 100 гулденов в воздаяние получитьи имеет». Сведения следовало сообщать Яну Тессингу, голландскому издателю, тесно работавшему с Россией. ¹⁷⁶

Особое внимание европейской прессы Россия привлекла после начала войны со Швецией. В этот конфликт были вовлечены ведущие государства севера Европы, и пресса с большим вниманием следила за его развитием. В одном случае царь, неожиданно для себя и против своей воли, стал «автором» газетной публикации — одно из его собственноручных писем польскому королю появилось в печати. Об этом рассказывает письмо Г. Ф. Долгорукого к Петру I из Варшавы от 10 ноября 1700 г. Долгорукий писал: «Да я ш доносил, что которое письмо было писано с капитаном Ашкаву а начатии Свейской войны рукою вашею, и с того писма явился сипсак в курантах (т. е. газетах. — *С. III.*), власно како то самое было писано. И король о том сомневатца, каким то образом сталась, для таго, что все секреты, которые между вами, в руках аднаго министра Паткуля; в впредь такая писма обещал иметь при себе, а наипаче, которые писаны вашею рукою». ¹⁷⁷

Если боевые действия против Османской империи в европейских газетах оценивались однозначно положительно, то после начала Северной войны появилось значительное число публикаций прошведской ориентации, направленных против России.

¹⁷⁵ Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006. С. 446.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 12. Л. 230.

¹⁷⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 839.

17 мая 1703 г. в Москву пришло адресованное Петру I письмо любекского купца Адама Бранда, поставлявшего в Россию оружие. Предприниматель писал: «Вашему царскому величеству покорно извещаю, яко в прошлом году обрел здесь различные неотвечаемые писма против вашего царского величества от шведов печатаны и продать отданы. И о том я бурмистру жаловался. На то бурмистр всем книгопродавцам дал заказ, никаких книг против Вашего царского величества писанных отнюдь не продавать, не держать. И то по се время держится. Надеюсь, ваше царское величество негодовати не будет. Аз во сим хотел должное мое послушание обдержать. И пока господь бог жизнь мою продлит и мне Ваше царского величества дела вручено и приказано будет, то почтуса вашему царскому величеству верно и похвально служить. Аще бы ведал, яко ваше царское величество изволяешь о том победы свои против шведов в курантах напечатать, то бы я всегда велел поставить во авизах. А без вашего царского величества милостиваго изволения яко учинить не посмел. И о том вашего царского величества милостивого указу ожидать».¹⁷⁸

В послании Бранда было озвучено два способа возможной борьбы с антироссийской пропагандой — публикация положительных статей и запрет на публикацию материалов, направленных против России. В случае с Любеком добиться запрета на антироссийские публикации оказалось просто, поскольку в этом был заинтересован местный купец, получавший крупные доходы от торговли с Россией. «Положительная пресса» уже требовала затрат на оплату услуг газетчиков. С этой проблемой столкнулся во время своего пребывания в Гааге в качестве дипломатического представителя России А. А. Матвеев. После разгрома русской армии под Нарвой шведы стали распространять известия об этом событии в разных странах, в том числе и в Голландии. О том, как это происходило, Матвеев сообщает в своем письме от 20 декабря 1700 г.: «Какое письмо напечатать велели в Амстердаме о нынешней, будто, победе шведов над войски вашими, крича и продавая по улицам, все разглашая на весь свет. Поймав его подлинное, на верное свидетельство явной их к вам любви, послал при сем письме. А не переведено для того, что объявлено в нем все то ж, как и у свейского посла в писме явилось, и печати предано то все с его с ходотайству. И с курантов их перевод послан при сем же моем письме. С господином Витценом нарочно видевся, говорил я, чтобы возбранить таким письмам, которые без жадных верных ведомо-

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1703 г. Ед. хр. 8. Л. 13.

стей по разсеяннным слухам от шведов пронесены здесь, о чем хотел тот час с великим заказом написать в Амстердам к бургамистром. А что чинитца сказал, не от дозволения статов, но яко вольной народ. И говорил, чтоб того писма к Вам не посылать, а слухам тем истинным быть не чаем». ¹⁷⁹

Позднее Матвеев официально обратился к голландскому правительству с требованием, чтобы оно не разрешало принимать от шведского посла «мемориалов, противных достоинству монарха русского», и запретило подкупленным шведами журналистам печатать «неистовые хулы на особу царя». ¹⁸⁰ Однако поражение русской армии под Нарвой оставалось фактом. Впечатление от шведских публикаций Матвееву удалось скорректировать, издав присланные из Москвы мемориалы, но вскоре шведский посол Лиlienрот напечатал свои замечания на этот документ. ¹⁸¹

За публикацию своих материалов Матвееву приходилось платить. В его приходно-расходной книге за 1699–1715 гг. отмечен целый ряд выплат газетчикам за публикацию известий о России. В октябре 1702 г. «дано две пары из последнего сорока соболей гагским курантистом за новизны побед московских над шведами и иных славных дел, что внесены были от них в газеты народныя». Год спустя «дана в подарок курантиру, которой всякия навины из Москвы вносил в народныя газеты, великаго государя высокаго имени к славе, пара средняго сорока соболей». Зимой и весной 1707 г. гагские газетчики получили деньги «за реляции, которые в Голландии были печатаны о разных благополучных россииских викториях войск над шведами под Калишем и в других местах», а также «за реляции о баталии, бывшей в Курляндии». Предприимчивые журналисты умудрились получить плату даже за публикацию известия о победе русских войск под Полтавой (1709 г.), которая, безусловно, была сама по себе сенсацией, вызвавшей острый интерес читающей публики. ¹⁸²

Любопытно, что в публикациях, оплачиваемых Матвеевым, упоминается и о его собственной деятельности. Так, в 1702 г. в курантах, в числе присланных Матвеевым сообщений, появилось сразу две почти идентичные статьи (по-видимому, в двух разных голландских газетах):

¹⁷⁹ РНБ. F.IV.492.

¹⁸⁰ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. VIII. Т. 15. С. 43.

¹⁸¹ Там же. С. 43–44.

¹⁸² Копанев Н. А. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого. С. 254, 255; РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1700 г. Ед. хр. 5. Л. 2–2 об., 6–6 об., 9, 12, 13 об.

«Ис курантов Амстрадамских из Гравенгаги июня в 11 день. Понеже вчера именины царя московского были, сего ради московской посол короля прусского под трубным и литаврным звуком подчивал, и для почтения его караул из свойцарского полку там поставлен был. Из гарлемских курантов оттуды ж и того ж числа. Понеже вчера его царского величества московского именины были, сего ради его посол, господин околничий, его королевское величество прусское его эксцеленцию или светлость графа Виртенберга, яко оберкамергера со иными господами министрами потчевал под трубными и литаврными звонами. При сем караул от свайцарского полка перед двором его был поставлен».¹⁸³ Матвеев, работая над положительным имиджем России, не забывал и лишний раз напомнить начальству о себе.

Г. Волков, занимавший в 1711 г. должность секретаря русского посольства при французском дворе, столкнулся с тем, что издатель одной из французских газет не желал печатать «добрые ведомости» о России. Чтобы решить эту проблему Волков предлагал его «чем-нибудь приласкать, дабы хотя принимал добрые об нас ведомости и в печать посылал».¹⁸⁴ Встает вопрос, как часто размещаемые в иностранной прессе материалы о России оплачивались? Ответить на него на данном этапе исследования сложно. Можно лишь отметить сам факт, что русские дипломаты регулярно публиковали сведения о России в иностранной прессе. Так, осенью 1708 г. В. Л. Долгоруков, русский посол при датском дворе, опубликовал в местной прессе известия о победе русской армии в сражении при Лесной. В письме главе дипломатического ведомства России Г. И. Головкину от 30 октября Долгоруков сообщал о своих планах: «здесь напечатав разошлю по разным местам, чтоб везде та славная виктория разгласилась...», а 18 декабря 1708 г. он отчитался о проделанной работе: «оную победу напечатать велел я в куранты и разослали всюду...».¹⁸⁵ В 1710 г. Головкин отправлял Г. Ф. Долгорукову, представлявшему русские интересы в Варшаве, текст с известием о подтверждении тридцатилетнего мира с Турцией и о том, что султан собирается выслать Карла XII с территории Османской империи. Этот текст посол должен был «королевскому величеству Августу и сенаторем полским и протчим кому... объявить, також и в газеты напечатать», что и было исполнено.¹⁸⁶ Б. И. Куракин в Лондоне публиковал материа-

¹⁸³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 32 об.

¹⁸⁴ В-К I. С. 6.

¹⁸⁵ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 2. С. 751, 755.

¹⁸⁶ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 10. С. 510, 511.

лы в местных газетах. Он писал Головкину: «А что приналежит до газет о собрании сенаторей и прочего, то отдал напечатать».¹⁸⁷ Можно предположить, что публикация положительных материалов о России в иностранной прессе стала одной из служебных обязанностей находящихся за рубежом русских дипломатов.

О совсем уж необычном способе бороться со шведской агитацией писал Петру I в письме от 14 апреля 1712 г. Я. В. Брюс (российский государственный деятель и ученый, автор знаменитого «Брюсова календаря»). Он сообщил, что в Нюрнберге появился шведский золотой с надписью из Псалтыри на латинском языке: «Господь моим защитителем стал быти». Монета была, предположительно, отчеканена в Бендерах, где в это время находился после разгрома под Полтавой шведский король Карл XII. Один из немецких ученых «кабалистикою изчислял, пророчествуя сему году королю шведцкому щасливу быти». Об этом «открытии» писали в газетах. В ответ на это географ Гоман (И. Б. Гоман, нюрнбергский картограф, позднее по заказу Петра издал карту «Камчадалии»), которого Брюс «единого изобрел зело склонного» к Петру I, произвел собственные каббалистические расчеты. По ним на основании той же надписи выходило, что удача в текущем году будет сопутствовать русскому царю. Расчеты были оформлены в виде двух виршей на латыни. Эти вирши Брюс переслал Петру I.¹⁸⁸ Так борьба между Россией и Швецией продолжилась на ниве каббалистики.

Русское правительство последовательно добивалось запрещения на публикацию оскорбительных для Петра I и России материалов. Такие запреты были введены в Пруссии и Саксонии.¹⁸⁹ Того же добивались от властей Гамбурга.¹⁹⁰

Подлежащими уничтожению «пашквилями» могли быть не только периодические информационные издания, но и книги. В 1698 г. в Москве побывало посольство императора Леопольда I во главе с И. Х. Гварриентом. В конце 1700—начале 1701 г. секретарь посольства И. Г. Корб издал его дневник. Вскоре после выхода в свет записки Корба были переведены на русский язык в Посольском приказе. Хотя в этой книге имеются и положительные отзывы о России и Петре I, в целом издание восприняли в Москве как оскорбление для России. По настоянию рус-

¹⁸⁷ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11. Вып. 1. С. 509.

¹⁸⁸ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 12. Вып. 1. С. 374.

¹⁸⁹ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VIII. Т. 15. С. 82.

¹⁹⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 3. С. 350, 351.

ских дипломатов, И. Х. Гвариент был отстранен от назначения послом в Россию, а нераспроданную часть тиража книги уничтожили.¹⁹¹

В петровское время впервые была предпринята попытка комплексно формировать положительный образ России. В 1702 г. служивший Петру I лифляндский дворянин Иоганн Паткуль пригласил на русскую службу барона Генриха Гюйссена (немца по национальности). Гюйссен имел юридическое образование. Он получил докторскую степень в Страсбурге. По договору, который Гюйссен заключил с русским правительством в 1702 г., он обязался 1) вербовать для русской службы иностранных специалистов (офицеров, инженеров, художников и т. д.); 2) переводить, печатать и распространять царские сообщения для устройства военной части в России; 3) склонять голландских, германских и других стран ученых, чтобы они посвящали царю или членам его семейства, или, наконец, царским министрам замечательные из своих произведений, преимущественно касающиеся истории, политики и механики; также, чтобы эти ученые писали статьи к прославлению России; 4) войти в переговоры с почтмейстерами разных государств о рассылке русских писем, причем иметь в виду отправление почты через Польшу и Австрию. Благодаря тому, что Гюйссен оставил подробные записки о своей жизни, мы знаем, что в реальности сфера деятельности ученого иностранца оказалась гораздо обширнее и разнообразнее, чем это было предусмотрено контрактом.

Остановимся подробнее на контактах Гюйссена с издателями европейских журналов. В 1705 г. в Лейпциге Гюйссен убедил Рабенера, редактора журнала «Europäische Fama», писать в своем журнале хвалебные статьи о России. При этом в издании стали помещаться портреты Петра, а также русских генералов и министров. О самом царе журнал писал в таком стиле: «Его царское величество пребывал некоторое время в своих наследственных владениях, не оставаясь однако на одном месте, но являясь то там, то здесь, смотря как требуют того дела в провинциях. Таков характер сего, истинно милостивого отца страны: подобно солнцу, не останавливается он ни утром ни вечером, но непрерывно перемещает место пребывания свое. Таким образом, должны почитать себя в высшей степени счастливыми те страны, владельцы которых, по примеру солнца, не пребывают на одном месте, но то тех, то иных подданных веселят своим присутствием и доставляют ту пользу, что узнают потребности страны и не слушают разных пустяков

¹⁹¹ Шокарев С. Записки современников Петра Великого об эпохе преобразования // Рождение империи. М., 1997. С. 417.

от неблагонамеренных министров. Надобно до сих пор оплакивать, что Людовик Баварский подал такой пример своим наследникам, что немецкому императору приходится не столько ездить по своим владениям, сколько мирно сидеть в наследственной земле. Молва о бывшем в Москве большом возмущении и последовавших затем жестоких казнях совершенно несправедлива». Гюйссену удалось установить хорошие контакты и с издателем журнала «Welt und Staats Spiegel», выходявшего с 1709 г. В первом же выпуске этого издания, рядом с известием о Полтавской битве, читаем: «При этом мы не будем говорить об основателе Московского государства, напомним только, что Россия начала пользоваться большим спокойствием с 1613 г., т. е. со времени вступления на престол Федоровской фамилии, которая по матери происходит от Васильевича Великого. Сего государя ослабил тираном один бесталанный историк, так как он не мог различить завоевателя от тирана. Но из всех членов этой фамилии справедливо считается знаменитейшим ныне царствующий государь Петр Алексеевич, одаренный огромными умственными способностями. Он не только сам своею собственною высокою особою посетил знатнейшие европейские государства (чего до него ни один из царей не делал), но и положил основание к будущему просвещению и преуспеянию страны, для кои цели и призваны многие способные иноземцы».¹⁹² Как видим, Гюйссен работал с европейской прессой весьма успешно.

Фактически, после начала Северной войны между Россией и Швецией развернулась еще и война информационная. Далеко не всегда в ней выигрывали шведы. Забота о «положительной прессе» стала для русского правительства нормой, повседневной деятельностью русских дипломатов и агентов. Во сколько это обходилось российской казне, сказать сложно. Расходы шли по самым разным каналам, и в любом случае они были значительными. Именно объем вложенных средств и затраченных усилий определили больший успех на этом поприще, по сравнению с тем, что мы наблюдали в предшествующие десятилетия. Следует отметить и то, что теперь русские дипломаты все чаще работали непосредственно с издателями, а не с посредниками.

Насколько оправданным оказалось такое расходование средств? Этот вопрос можно решать лишь в контексте более общей проблемы — была ли оправдана война со Швецией? Стоил ли Петербург с прибалтийскими провинциями потраченных на их приобретение усилий? Не

¹⁹² Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 64–107.

лучше ли было употребить эти средства на борьбу с Турцией, Крымом, усиление российского влияния на православных землях юга Европы? Такие споры ведутся уже на протяжении столетий. Здесь же лишь уместно напомнить о петровских достижениях последних лет XVII в., когда после взятия Азова Россия показала себя сильным и открытым Европе государством, успешно выступающим совместно с европейскими странами против турецкой экспансии. В те годы хвалебные публикации о России появлялись в Европе без затрат со стороны русских властей. Специально оплачивать услуги издателей не требовалось.

Глава 4

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРОПЕЙЦЕВ И ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЗЕРКАЛЕ КУРАНТОВ

Куранты составлялись в Посольском приказе с четкой практической целью — предоставить русскому правительству информацию о политической ситуации в Европе. В то же время регулярное знакомство с публикациями иностранной прессы формировало у царя и членов Боярской Думы представление о повседневной жизни европейцев и европейской культуре в широком понимании этого слова. Можно выделить целый ряд тем, при освещении которых «культурная» составляющая проявлялась особенно часто.

В самих курантах подобного деления материала не было. Оно противоречило принятым в XVII столетии нормам делопроизводства и было чуждо образу мышления людей того времени. Однако в современном научном исследовании данный подход оправдан, поскольку дает возможность выделить и проанализировать те сферы европейской повседневности, о которых узнавала через куранты русская знать. Следует сразу отметить, что предложенный здесь перечень не является исчерпывающим. При желании его можно существенно расширить. Основу раздела составляют известия курантов времени правления Федора Алексеевича.¹ Материалы других периодов приводятся в качестве дополнения.

4.1. Эпидемии

Эпидемии были одним из самых страшных природных катаклизмов Европы эпохи Средневековья и Нового времени. Они возникали вне-

¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8; 1677 г. Ед. хр. 7; 1678 г. Ед. хр. 4; 1679 г. Ед. хр. 5; 1680 г. Ед. хр. 4; 1681 г. Ед. хр. 5; 1682 г. Ед. хр. 5.

запно и в короткие сроки уносили жизни множества людей. Если в Европе XVII столетия массовые заболевания со смертельным исходом были обычным явлением, то Россия долгое время не знала крупных эпидемий общегосударственного масштаба.² Этому способствовали большие расстояния, незначительная плотность населения и существенно менее активные экономические связи. В 1654 г. началась война с Речью Посполитой. Русские войска двинулись на запад. В результате уже осенью 1654 г. свирепствовавшее в разных европейских странах моровое поветрие распространилось на Россию. В Москве и других городах началась катастрофичная по своим масштабам эпидемия.³

В XVII столетии наиболее эффективным способом борьбы с эпидемиями были карантинные мероприятия. Однако для введения карантина было необходимо получать информацию о надвигающейся опасности раньше, чем болезнь успела проникнуть на территорию государства. Регулярное составление обзоров иностранной прессы оказалось для борьбы с эпидемическими заболеваниями очень полезным.

«Эпидемические» сообщения курантов имеют две составляющих. В первую очередь, это информация об опасном бедствии. Однако в ряде случаев известия о «моровых поветриях» содержали не только фактические сведения, но и интерпретацию события, объяснение его причин. Тогда помещенные в курантах публикации превращались в источник распространения мировоззренческих взглядов.

Начиная с 1660-х гг. российское правительство успешно отслеживало по курантам появление очагов заразы в соседних странах и у традиционных торговых партнеров. Англичанин Самуэль Коллинс, врач Алексея Михайловича, сообщал в своих записках о думном дворянине А. Л. Ордине-Нащокине: «Когда его просили о впуске английских товаров, он показал лондонский отчет о смертности, по которому (хотя очень немногие) умерли от чумы. „Несмотря на это, — сказал он, — как нам знать, не вывезены ли товары из зараженных домов? А довольно искры, чтобы зажечь целый мешок с углями...“».⁴ Следует отметить,

² Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма доктора Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 171.

³ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. V. Т. 9–10. С. 606–608.

⁴ Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича // Утверждение династии. М., 1997. С. 220–221.

что в своем сочинении английский врач, мягко говоря, лукавил. Лондонская чума 1665 г., о которой идет речь в его записках, была ужасным бедствием. Она получила название «Великой» и нашла отражение в литературе (от Д. Дефо до А. С. Пушкина), кинематографе, музейных экспозициях. Из Англии заболевание распространилось в другие европейские страны. России же удалось избежать этого бедствия. Благодаря курантам в распоряжении Нащокина был не только лондонский отчет о смертности, но и значительное число других публикаций, позволяющих отслеживать вспышки заболевания в разных регионах Европы.⁵

От времени правления царя Федора Алексеевича до наших дней сохранилось 49 сообщений об эпидемических заболеваниях. Куранты приносили сообщения о моровых поветриях каждый год. В 1676 и 1677 гг. о массовых заболеваниях упомянуто только по одному разу. В 1678 г. поступило уже девять таких корреспонденций, однако восемь из них относились к владениям Османской империи. В Москве, как, пожалуй, почти во всей Европе, эти сведения воспринимали скорее с оптимизмом: бедствие снижало боеспособность армии султана и в какой-то степени умеряло военный пыл Оттоманской Порты. В следующем году чума немного отступила, о ней упомянуто всего трижды, но уже к концу 1680 г. она распространилась практически по всей Европе. Только северная часть континента и Московское государство избежали общей участи. На следующий год русское правительство, чтобы защитить страну от заразы, закрыло границу с Польшей.⁶ Сведения курантов были решающим фактором для определения времени введения карантина.

Правительство царевны Софьи использовало куранты для предотвращения эпидемий так же, как и его предшественники. В 1684 г. по известиям курантов вновь был введен карантин на западной границе. В деле об установлении карантина сначала приводятся известия курантов за ноябрь 1683—январь 1684 г. о «моровом поветрии» в разных городах Европы, а потом сообщается, что 10 января 1684 г. «по указу великих государей боярин кн. В. В. Голицын с товарищи, слушав сего переводу с вестовых писем, приказал послать государевы грамоты», по которым карантинный режим был установлен во Пскове, Киеве, Новгороде и Смоленске.⁷ Таким образом, опираясь на материалы курантов, россий-

⁵ РГАДА. Ф. 155. 1664 г. Ед. хр. 2. Л. 47–67; 1666 г. Ед. хр. 11. Л. 30–34, 56–59, 60–66, 80–85, 325, 324, 323, 322, 321, 320, 319.

⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 167, 177–181; ПСЗ-I. Т. 2. № 858. С. 294.

⁷ Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 90, 112–114.

ские власти на протяжении второй половины XVII в. вводили карантин трижды.

Обратимся к «культурной» составляющей статей об эпидемиях. Большая часть «эпидемических» известий времени правления Федора Алексеевича просто сообщает факт, в некоторых случаях кратко описывает его, упоминает об усилении или ослаблении бедствия (81,6% сообщений). Оценки явления в этих текстах мы не находим. В пяти случаях упоминается о карантинных мерах: изоляции больных и окуливании писем. Здесь видно отношение к эпидемическим заболеваниям как к разным, передающимся от больного человека к здоровому при контакте. Однако такой взгляд на причины распространения болезней был далеко не единственным. Об этом свидетельствует сообщение из Цвикав⁸ от 12 сентября 1680 г.: «Здесь у нас дал Бог все здоровы, однако ж отсель в 20 верстах в Гайгере городке много людей померло и мрут. А причина тому мору — могильщик, которой пойман и повешен на вервах, чтоб ему до земли не достать. И в роспросе добровольно, безо всякие пытки сказал, что тому мору причина он. Так, взяв он живую беременную женщину, разрезал ей чрево и, выняв младенца, отрезал ему голову, а у женщины вырезал язык сквозь шею. И младенческую голову и язык повесил в трубе для того, дабы столько множество людей померло, сколько из той главы и языка капель крови выйдет. Да он же делал порох и сыпал по улицам, — и которые люди через тот порох переходили, те помирали, а которых умерших людей он хоронил, — и тех всех клал вниц, для того, дабы мор не престал. Яко то дело теми умершими так положенными подлинно объявилось. Он еще, зделав три ветви, поставил одну к Найберку, другую к Цвеницу, третью к Калтерле городам, чтоб в тех городах мор же был. И ис тех ветвей одна, которая поставлена была к Найберку, стала зелена, а последние две засохли, и против тех засохших ветвей люди в городех умирали, а что против зеленой, — там мору не было. А еще о больших таких мерских делех хотят ево пытать, и что объявится, — о том слышно будет впредь».⁹ Однако и колдовство не исчерпывало в курантах спектр причин, вызывающих эпидемии. Трижды в различных статьях распространение или прекращение болезни связывали с «волей Божьей» или «Божьим гневом», т. е. болезнь рассматривалась как проявление воли Бога, который желал образумить закосневших в грехах людей.

⁸ Возможно, современный Цвикау (нем. Zwickau) — город земельного подчинения на востоке Германии, в земле Саксония.

⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 53, 54.

Чтобы глубже понять отношение человека XVII века к моровым поветриям, необходимо рассмотреть окружение, в котором сообщения об эпидемиях выступают в газетных статьях. В 18,3% текстов говорится о том, что мор сопровождают необычные и страшные явления: видения (2), чудеса (1), обретение пророчества (1), нашествие мышей (2) и змей (1), землетрясение (1), комета (1), мятеж (1).

Вот примеры наиболее ярких из подобных текстов.

В августе 1680 года из Дрездена писали, что «ныне у нас время тяжкое зело, потому что со всех сторон приближается зло. И много людей, как в городе, так и за городом, и во многих деревнях и селах скорою смертью умирают. Однако же меньше в городе, нежели за городом. А июня от 27 числа августа по 8 число здесь померло девятьсот тридцать человек. Прошлого году никто не чаял, что от Вены зло к нам перейдет. И знатно, что господь Бог больше нас наказать хочет, потому что здесь у мещанина нашего у малого отрочати объявилась кровь, которая по снятии паки объявилась. Так же и с трех разрезанных хлебов кровь также текла. И те хлебы тотчас к духовным на ратушу отнесли. У нас же объявились великие гады и жалят людей, от которых многие люди умирают. А на черешневых листьях объявились страшные ужи с отверстыми устами, властно яко живые написаны. А лекари разные, которые людей от моровой болезни лечили, померли».¹⁰

Двумя месяцами позже оттуда же сообщали: «Прошлые недели умерло 300 человек, а ныне дал Бог умаляется. И велми опасаемся, как моровое поветрие зимою задержится, а весною паки распростирается. Понеже неизреченное множество мышей объявилось, и на поле весь хлеб перепортили. От нас же недалеко в городе Хемнице недавно на западе на полудне (юго-западе. — *С. Ш.*) видели два страшных войска на воздухе. И билися трижды. А то видели многие верные люди и клятвою подтвердили».¹¹

В 1680 г. сообщали из Либска (Лейпциг): «В нашем городе прошлой недели 210 человек мертвых схоронили. И знатно на нас гнев Божий, что нечистый дух на кирхе святого Петра в самом верху кажется, и на двоеколенной телеге на белой лошади два человека старые возят мертвого человека. И того у нас люди велми опасаются».¹² В другой корреспонденции из Лейпцига сообщается, что постигшее город несчастье уже было предсказано в пророчестве, и что оно лишь первое из долгой

¹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 17, 18.

¹¹ Там же. Л. 100.

¹² Там же. Л. 111.

череды ужасных бедствий. «Прошлой недели умерло в новом и старом месте 186 человек, а другой недели 130 человек. Среди них 4 мастера, 2 лекаря, и у одного из лекарей в доме 7 человек. И так уж во всех улицах поветрие вкралось. Причем в неких прошедших днях у начального мастера именем Селнекере, которой уж сто лет умре, меж писем его нашли такое написание пророка, три главы сими словесы: „Кто в 1680 году моровым поветрием, в 1681 от голода, а 1682 в войне от пролития крови не умрет, а в 1683 году здоров и жив будет, даже до 1688 году великие чудеса увидит со страstem, еже учинится в тех временах. А буде когда мир в те времена не учинится, то истинно великие чудеса будут“». ¹³ Это пророчество перекликается с другими подобными сочинениями, в которых пророки предрекают конец света. ¹⁴

Статьи курантов показывают, что мор не воспринимался как изолированное явление. Зло (природного и антропогенного происхождения) обрушивалось со всех сторон, причем сегодняшние бедствия были предсказаны и являлись лишь предвестием еще более страшных несчастий. На примере эпидемий мы видим, что одно и то же природно-социальное явление рассматривается авторами статей в трех планах: естественно-практическом — от болезни защищаются карантинном; магическом — в ней обвиняют колдуна; религиозном — начало или прекращение бедствия зависит от Бога. Эти три мировоззренческие системы, казалось бы, противоречат друг другу. Однако на страницах курантов, а значит и в реальной жизни, они вполне уживаются.

Это же явление видим в прогностических письмах доктора Энгельгардта царю Алексею Михайловичу, где ученый объяснял чуму и Божьим гневом, и природными условиями. Он без всякого смущения смешивал идеи чумы как Божьей кары с чисто медицинской постановкой проблемы о возможности ее предотвращения. В частности, Энгельгардт связывал надежду избежать эпидемии с покаянием и полезным русским обычаем обильного употребления лука и хрена. ¹⁵

Тексты курантов не содержат русской оценки приведенных известий. Однако отношение к эпидемии как к проявлению Божьего гнева свойственно для всей христианской культуры. Введение же карантинных, традиционное для России, не оставляет сомнений в том, что вера в Божью кару и здесь не мешала вполне практическому восприятию

¹³ Там же. Л. 60, 61.

¹⁴ Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»... С. 221–248.

¹⁵ Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма доктора Энгельгардта... С. 151–204.

проблемы. Таким образом, «эпидемические» статьи западной прессы органично вписывались в картину мира русских людей рассматриваемого периода.

4.2. Природные явления и их оценка в курантах¹⁶

От эпидемий, которые связаны как с природой, так и с жизнью общества, перейдем к чисто природным явлениям. Отсутствие в сознании подавляющей части европейцев XVII столетия четкой границы между реальностью и чудесным миром ставит перед исследователем сложную проблему: как правило, оказывается невозможным разделить научно-практическую и религиозно-мистическую составляющие в оценках природных катаклизмов, получивших отражение на страницах курантов, тем более, что научный анализ этих явлений в курантах, за небольшим исключением, представлен астрологией. Поэтому материал в данном разделе систематизирован по типу природных явлений, а не по тому, каких взглядов придерживались авторы публикаций.

Из описания природных явлений за период правления Федора Алексеевича чаще всего (32 раза) встречаются известия о появлении комет или метеоритов. Писали и читали также о землетрясениях (18). Вызывали интерес сообщения о погодных явлениях (особенно тех, которые могли повлиять на урожай): наводнениях (7), бурях (6), молниях (6), засухах (5), сильных холодах (4), необычно теплой погоде в зимнее время (2), наблюдении гало вокруг солнца (1), а также появлении необычных зверей или массовом размножении вредных и опасных животных (11).

Рассмотрим сообщения о небесных телах. Используемая в газетах терминология не всегда позволяет определить, с каким именно природным объектом мы имеем дело. Чаще всего в источнике употребляется слово «комета», однако под ним информаторы имели в виду не только настоящие кометы, но в ряде случаев и обычные метеориты. Писали также о «звезде», «хвостатой звезде», «огненном ядре», упавшем с неба. Последние понятия, судя по описаниям, скорее всего тоже обозначали метеориты. Смешение терминов в данном случае не имеет особого значения, поскольку нас интересует не сами по себе астрономические факты, а отношение к ним людей.

¹⁶ Данный раздел основан на статье: Богданов А. П., Шамин С. М. Природные явления в царствование Федора Алексеевича и человеческое сознание (по газетной информации Посольского приказа) // Историческая экология и историческая демография. М., 2003. С. 239–255.

Появление сообщений о кометах на страницах курантов хронологически не равномерно. До 1680 г. переведено только два таких известия, зато на ноябрь—декабрь этого года приходится 56% всех новостей такого рода. Это объясняется появлением в конце 1680 г. на европейском небе настоящей кометы. Происшествие произвело на людей очень сильное впечатление, повлекшее за собой множество новых наблюдений и ложных видений. В следующем, 1681 г., пришло 21,8% известий о небесных телах, а в первые три месяца 1682 — 15,6%. Из такого распределения «вестей» очевидно, что очень многие из публикаций явились вымыслом (целенаправленным или плодом искреннего заблуждения — не важно). Только в 46% случаев корреспонденты ограничились простым упоминанием или кратким описанием явления. В 25% текстов оно названо страшным, 31,25 % авторов расценили появление небесных тел как предзнаменование. Среди бедствий, которыми грозила комета, упоминались война (3), мор (2), смерть высокопоставленного лица (1), бури (1), «пременение веры» (1).

В сообщении конца 1680 г. из Рима комету рассматривали как предзнаменование чьей-то смерти.¹⁷ Из Амстердама 20 января 1682 г. писали: «Здесь некоторые люди сказывают, что явился им некоторый мудрец и прорекал о бывшей прошлого году комете, что она явилась на страшное время, к войне приключимое, и к долговременному непогодию, и к страшному ветру сухим и морским путем. И по нынешним непогодам, как великие бури уж больше двух месяцев на земли и на море есть, — то ево прорекание признаем истиною. Однако ж о согласии той кометы с толкованием объявлено у математиков в письмах небесных планет».¹⁸

Наиболее полную информацию о том, как люди в конце XVII в. объясняли появление кометы, дает перевод специально посвященного этой теме иллюстрированного летучего листка под названием «Начертание и описание являющиеся в нынешнем еще текущем 1680 году в месяцах ноябре и декабре предолгие и страшные кометы». В ней появление кометы однозначно трактуется как Божье предостережение: «Егда мы комету или с хвостом звезду выдаем, — и нам по достоинству подобает припомнить, что господь Бог творец неба и земли тогда оканчивает наказательную свою лозу, подлинно намеряя не покающегося миру наказать. Однако же многие в злодействе своем так ожесточились, что они такие Божие знаки ни во что не ставят, их же случение, происхож-

¹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 241.

¹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 43, 44.

дение, померклость и предзнаменования ни во что не почитают, и буде вновь ничего на небе не явится, и они ни о чем не пекутся, токмо смотрят на нынешние суеты и новины земные. Но тем подобает подати прощение, не как иным, иже малое попечение имеют о небесном жилище души своея, и глаза свои того ради ни единожды горе не подвизают. Сии подобны свиньям, иже копают землю, ищучи желоди, не взирая, отколе они ниспадают». Пишет автор и о карах, которые предвещает грозное небесное явление — войне и моровом поветрии. Влияние человека на природные процессы оценивается очень высоко: «Божие презрение и человеческое безумие исправляют вселенную» — утверждает он.¹⁹

В связи с появлением кометы 1680 г. на русский язык перевели еще два небольших сочинения по данной тематике. Они не имели отношения к курантам. Одно рассказывало о комете 1577 г. Его автором был Самуэль Дамбровский. Второе произведение, математика Станислава Невеского, посвящено непосредственно комете 1680 г. Изучавший эти тексты С. И. Николаев отметил, что и научное сочинение Невеского, и религиозно-нравственное Дамбровского одинаково связывали появление кометы с предстоящими несчастиями.²⁰

Так же, как при сообщениях о моровой язве, авторы статей про кометы часто сопровождали свои новости рассказами о других стихийных бедствиях, видениях, чудесах и пророчествах. В конце 1680 г. из Рима писали, что «вновь являющаяся комета от звездознатцов велми злополучною толкуется, а наипаче, что недавно у некоторого честного служителя курица снесла яйцо, на котором помянутая комета тем подобием велми естественно изображена была. И видели то яйцо многие искусные люди с великим удивлением. А весь мир о том небывалом деле в великом страхе пребывает».²¹ Около месяца спустя корреспонденты сообщали из Кельна: «Кроме знаемой кометы, еже ныне невидима стала, в сей области объявились удивительные птицы с ягненка величиной, весом в 30 и 40 фунтов. О чем сетуют и страшного последствия опасаются, понеже преж сего в начале бывшей войны такие птицы видимы были. Еще сказывают о двух иных кометах, которые показались на полуночи».²²

¹⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 199–204.

²⁰ Николаев С. И. Кометы в переводной литературе XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 684–688.

²¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 267.

²² Там же. Л. 194.

Не менее страшное известие доставили из Венеции: «В Египетское земле из-за наступления моря потонули Астрация, Тенексе, Петсия, Ляриза, Мигине, Тализен и Тюрбет. Перед этим в небе целый день была видна комета, а солнце почасту померкало».²³ Из Западной Померании извещали о чуде, сопровождавшем появление кометы: «Здесь в некоторой деревне пахотные люди веры достойные вчера с вечеру против северного западу видели светлую звезду, подобную утренней или вечерней звезде, за которою на небе три корабли шли, исправляя свое течение на восток. А средней корабль больше двух. И имели те корабли различные свои щеглы и знамена. И против всякого корабля подобно солнцу было при светлом облаке, а что сие знаменует, и про то единому Богу ведомо».²⁴ Были случаи, когда власти предпринимали попытки отвести страшные последствия появления кометы. «Из Вены декабря в 25 день. В сих днях паки здесь от пятого часу вечера до 8 часа ночи комету видели с престрашным великим хвостом яко метла, о которой искуснейшие математики и звездознатцы подтверждают, что от Создания мира никогда о такой страшной машине слышно не было. Чего ради вчера всякие потехи и иные радостные игранья явной вытрубкою закали (запретили объявлением через глашатая с трубачем. — *С. Ш.*), чтоб впредь от них береглись под смертною казнью».²⁵

Любопытно, что сообщения о комете 1680 г. появлялись даже осенью 1682 г. — более полутора лет спустя после того, как небесное тело действительно появлялось в небе. К этому времени власть в России перешла уже в руки царевны Софьи. «Вести» были как «пророческого», так и «научного» характера. В «Перевод с печатных цесарских и галанских вестовых курантов, каковы присланы чрез рижскую почту в нынешнем во 191-м (1682) году октября в 4 день» (на них имелась помета: «191 года октября в 5 день великим государем известно») сообщалось: «Из Бреслава /цесарской/ города сентября в 3 день. Зде вновь видима комета по западе солнца, меж осмым и девятым часом, которая спешным шествием проходит востоком и полунощью к западу. Сохрани господи, чтоб не была гонцом объявления спешного нашествия турских ратных людей, понеже уже и слышно, что татары великими силами чрез Польшу по указу салтана турецкого в Шлонско итти имеют». Чуть ниже в другой статье писали: «Ис Колштена /дацкой/ сентября в 1 день. Прошлого понедельника подлинно и явственно видели звезду с хобо-

²³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 46.

²⁴ Там же. Л. 215, 216.

²⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 190.

том ю же называют комету, она же показуется широтою на 54 града /град почитается мерою по 75 верст/ и на 33 минуты часовых, а длиною протянется на 43 градуса и на 58 минут. Она же восходит по обычаю при вечери в 9 часу в 10-ом градусе над нашим горизонтом [в том небесном крае под которым живем]²⁶ из северного востоку, а сходила в половине 12-го часа, и погода после часа с три паки появилась. Хобот у нее видитца исполнити 10 градусов и течением своим на сутки проходит 5 градусов».²⁷

В целом следует отметить, что у европейцев конца XVII в. восприятие и оценка астрономических объектов были очень похожи на отношение к эпидемическим заболеваниям. Сведений об отношении русских читателей к публикациям курантов на эту тему не сохранилось. Зато данных о том, как в России оценивали описываемые в них природные явления, имеется много.²⁸ Остановимся подробнее на свидетельствах второй половины XVII столетия. В первую очередь необходимо коснуться вопроса о том, как русские люди относились к астрологии. Эта проблема глубоко разработана в трудах Р. А. Симонова. Само понятие «астрология» появилось в русской книжности уже в XI в. Однако это были не астрологические сведения, а сведения «об астрологии». По ним читатель лишь мог составить общее представление о том, чем занимаются астрологи, и сделать вывод, что эти занятия противны православной вере. Так на Руси утверждался православный взгляд на астрологию. В конце первой четверти XVI в. появились осуждающие астрологию сочинения Максима Грека и монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея. Занимающиеся астрологией были осуждены в 1551 г. Стоглавым собором.²⁹ Позднее один из вождей старообрядчества, протопоп Аввакум, «обличая антихристову сущность» никониан, «уличал» их в занятии астрологией.³⁰

Церковь последовательно относилась к астрологии подчеркнуто негативно. Отношение же государства к «звездознатцам» оказалось не столь однозначным. Причина этого заключалась в появлении у русских

²⁶ Квадратные скобки в рукописи.

²⁷ РГАДА. Ф. 155. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 235–242.

²⁸ См.: Хромов О. Р. Астрономия и астрология в Древней Руси. Материалы к библиографии // Естественнаонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 290–307.

²⁹ Симонов Р. А. Русская астрологическая книжность (XI—первая четверть XVIII века). М., 1998. С. 9–45.

³⁰ Аввакум. «Книга бесед» // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. М., 1989. С. 420.

царей (начиная с Василия III) придворных врачей из Европы. Знание астрологии было обязательным для медиков того времени. Оно позволяло «определить» наиболее подходящее время для пуска крови у больного или приема лекарств. Осуждение астрологии как богопротивного занятия вошло в конфликт с практической заботой о здравии государей. Кроме того, для некоторых из русских правителей оказалось слишком сильным искушение для собственной и (или) государственной надобности заглянуть в будущее. Еще Андрей Курбский обвинял в таких попытках Ивана Грозного.³¹ В учебной и популярной литературе обращение Ивана Грозного к услугам «гадавших по звездам»³² представляется как исключительный факт, связанный с особенностями его характера. Но в реальной жизни этот случай не был уникальным.

Царь Алексей Михайлович, судя по всему, не сомневался, что астрологические исследования пригодны для практических нужд. Следуя советам своего врача Самуила Коллинса, он позволял на основе рекомендаций медицинской астрологии пускать себе кровь.³³ Живший в Москве в 1670–1673 гг. курляндец Яков Рейтенфельс писал, что не так давно еще «московиты» не имели ни малейшего представления об астрологах и математиках, «теперь, впрочем, и те и другие не только терпимы, но даже по приказанию царя ежегодно составляют на московском наречии подробные календари с предсказаниями и распространяют их в народе посредством печатания». В других источниках сведений о печати астрологических календарей в годы правления Алексея Михайловича нет. Однако даже такая ошибка свидетельствует о лояльности государственной власти к астрологии. Алексей Михайлович был настолько увлечен звездным небом, что в начале 1670-х гг. он, через руководившего Посольским приказом А. С. Матвеева, попросил датского резидента доставить ему телескоп.³⁴

Особенно же остро вопрос об астрологии встал после того, как в конце декабря 1664 г. в небе над Европой появилась комета. Была она видна и в российских пределах. Описание кометы неоднократно встречалось в курантах. В 1665 г. в Посольском приказе была переведена отложившаяся в архиве среди курантов астрологическая брошюра,

³¹ Курбский А. Третье послание Курбского Ивану Грозному // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 117.

³² Юрганов А. Л., Кацва Л. А. История России XVI–XVIII вв. М., 1997. С. 56.

³³ Богданов А. П. О рассуждении Самуила Коллинса // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 204–208.

³⁴ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века... С. 135.

в которой, кроме прочего, сообщалось, что «две звезды, которые и на Москве явныя были и их астрономы объявили, что первая не на московской и не на финской край знаменовала, а другая знаменует в Москве и в Финлянтех и в Курляндии быть дорогове в торгах, и торги будут худы, и между чернью будет голод».³⁵ Вряд ли это сообщение могло остаться незамеченным. Выше уже говорилось, что по велению государя Алексея Михайловича в 1664 и 1665 гг. доктором Андреасом Энгельгардтом были составлены прогностические письма, в которых рассматривалось влияние появлявшейся в небе кометы на возможное распространение эпидемии. Сочинение Энгельгардта было знакомо не только Алексею Михайловичу. По крайней мере, известнейший публицист и поэт конца XVII в. Сильвестр Медведев в «Созерцании кратком лет 7190, 91 и 92...» утверждает, что стрелецкое восстание 1682 г. было предсказано Энгельгардтом в письме Алексею Михайловичу 1665 г.³⁶

О том, как в России оценивали комету 1664 г., мы знаем благодаря сообщениям приезжавшего в описываемое время в Москву голландского дипломата Н. Витсена. В своем дневнике 15 января 1665 г. он записал: «Когда комета начала терять свой блеск, митрополит в Новгороде наговорил своим соотечественникам-землякам, что это значит мир между ними и Польшей». Месяц спустя, 15 февраля, Витсен отметил: «царь расспрашивал своих докторов, как толковать недавно появившиеся кометы, и я узнал, какой странный и сомнительный ответ они дали» (судя по всему, речь идет о прогностических письмах Энгельгардта. — *С. III*). Чуть позднее это неназванное «ошибочное» толкование голландский дипломат слышал при посещении дьяка А. С. Кириллова. Из дневника Витсена мы узнаем также, что укрепить свое влияние, толкуя смысл появившейся кометы, пытался Паисий, митрополит Газский. В беседе с Витсеном «он показал нам стихотворение, сочиненное им на греческом языке по случаю рождения Семена Алексеевича; оно касалось святого Семена, который в Персии был убит тиранами, и еще о комете, которая показалась на небе. Русские считают это предзнаменованием счастья, и на это явление он удачно намекнул: „Мы вынуждены льстить великим мира, — повторил он, — хотя я знаю, что эти вестники являются вестниками не добра, а зла“».³⁷ Из полных скепсиса высказываний ученого голландца можно понять, что сам-то он точно знал, что

³⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1666 г. Ед. хр. 11. Л. 9.

³⁶ Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. С. 69, 185.

³⁷ Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. С. 84, 117, 151, 161.

предзнаменовала посетившая Землю космическая гостья. К сожалению, в дневнике своих взглядов на проблему он не отразил.

Из сведений Витсена наиболее интересно, на мой взгляд, известие о том, что комету толковали не только придворные доктора, но и новгородский митрополит. На первый взгляд, это противоречит общему негативному отношению Церкви к астрологии. Кажущееся противоречие разрешается благодаря небольшому эпизоду, случившемуся через несколько лет после появления кометы во время суда над патриархом Никоном, который подробно рассмотрен в трудах С. М. Соловьева. В тот момент был поднят вопрос о талантах Никона, позволявших ему предвидеть будущее. Царь обратился к участвовавшим в суде над Никоном патриархам: «Допросите его, как он это узнал на избрании своем»? Никон на этот вопрос не отвечал ничего. Тут Иларион рязанский воспользовался случаем, что б упомянуть о других пророчествах Никона. «Он говорил, — начал Иларион, — что видел звезду метлою и от того будет Московскому государству погибель: пусть скажет, от какого духа он это уведал»? Никон: «И в прежнем законе такие знамения бывали, на Москве это и сбудется; господь пророчествовал на горе Элеонской о разорении Иерусалима за четыреста лет».³⁸ Таким образом, в толковании небесных явлений духовенством и астрологами имелось очень важное различие. Нечестивые «астрологийщики» (придворные медики) толковали их на основе астрологических книг, а благочестивые церковные иерархи обращались к текстам священного писания.

Следует уточнить, что хотя Алексей Михайлович пользовался астрологическими знаниями своих медиков, это не означало, что и любой его подданный мог безнаказанно обращаться к звездам. Так, по доносу уже находившегося в опале бывшего патриарха Никона был взят монах Иоиль. У него «...нашли книги: одна книга латинская; одна по-латыни и по-польски; книга печатная счету звездарского, печатана в Вильне в 1586 году; книга письменная с марта месяца во весь год лунам и дням, и планитам, и рождениям человеческим в месяцах и в звездах...».³⁹ Можно привести и другие примеры, когда обращение к астрологии влекло за собой преследование со стороны властей.

Отношение русских людей к комете 1680 г. также широко отражено в различных источниках. Так Евфимий Чудовский описывает ее в своих стихах:

³⁸ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. Т. 11. С. 253.

³⁹ Там же. С. 263.

Комета егда в небе видима бывает,
 Никое благо быти на земле являет,
 Токмо гнев Божий и казнь людем возвещает.
 Место пророка сие есть показание,
 Зовущего грешники на показание,
 Да отвратит Бог свое негодование...⁴⁰

Как видим, явление небесного тела оказалось предвестием грозных событий. В других стихах появление кометы оказалось предзнаменованием смерти Федора Алексеевича:

Который в летах 21 цветы смертно паде,
 В цветнем месяце цвет свой небу даде.
 День той 27 комете принесе,
 Росийским царем во гроб тяжко потрясе.⁴¹

Другое мнение о том, что же предвещала комета, представлено в летописце, который составил кто-то из московских приказных людей: «Лета 7189-го году на Московском государстве бысть знамение велие: на небеси явися против самой Москвы на зимней запад звезда. Величиною она как прочии звезды, светлостию ж тех звезд светлее, хост у нее велик, стояще хвостом на московское государство. И от самой же звезды той как пышет. И поиде от звезды хвост узок и от часу нача распространяться в ширину, яко на поприще. Люди же вси, видя такое знамение, дивяся и недоумевахуся: „Что будет“? Мудрые же люди о той звезде растолковаху, что та звезда на Московское царство стоит хвостом не к доброму делу. Так и учинилась. О той звезде толкуется: как она стоит головою над которым государством, и в том государстве подает Бог вся благая и тишину и никаторого мятежу в том государстве не живет, а на кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и межусобныя брани и войны великие меж ими. Тако же и сбыться в Московском государстве от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое, бояр поубивали и невежеством своим в царские и царицыны и в царевнины хоромы ходили бояр обыскивали».⁴² Таким образом, хотя авторы текстов связывают с кометой 1680 г. разные несчастья, общее мнение о предзнаме-

⁴⁰ Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 313–314.

⁴¹ Панченко А. М. Стихотворная русская культура XVII в. Л., 1973. С. 115.

⁴² Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 448.

нуемом однозначно негативное. В целом русские оценки комет близки к тому, что мы видим в курантах.

Нельзя обойти вниманием и случай борьбы с астрологическими известиями во время восстания в Москве 1682 г. В «курантельном» столпе, кроме собственно курантов, оказалась датированная 6 октября 1682 г. память по указу государей почтмейстеру А. Виниусу (через его руки проходила присылавшаяся из-за рубежа пресса) о запрете распространения астрологических календарей: «Лета 7191-го (1682) октября в 6 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев память дьяку Андрею Виниусу. Как тебе ся память придет, а чрез почту из-за моря буде учнут к тебе и к иноземцом к начальным и к торговым людем присылать календари печатные на будущей год, и ты б те присланные календари присылал в Посольской приказ, и велел подавать боярину князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи, а все иноземские календари отнюдь не отдавал и в дому у себя держать и переводить им отнюдь никому не велел и сам бы ты календарей не переводил и никому не давал же. В том бы тебе держать осторожность великую, чтоб ни у кого в домех подлинных календарей и с них переводов не было, а буде у которых людей с календарей переводы объявятца, и тем людем, так же хто те календари переводил, быть от великих государей в смертной казни». Ниже запись: «Такова память послана ис Троицкого монастыря за приписью дьяка Семена Протопопова. Послан к Москве с Ываном Богдановым».⁴³ Появление данного указа объясняется тем, что незадолго перед рассматриваемыми событиями в календаре астронома Фогта появилось утверждение, что «Москва также не уйдет от определенного ей несчастья».⁴⁴

Мы видим, что указ грозит смертной казнью за распространение астрологических календарей. Однако запрещенную литературу следовало не уничтожать, а отправлять в Троице-Сергиев монастырь, где в то время укрылись от восставших стрельцов царевна Софья с обоими государями, и где находилось русское правительство во главе с боярином князем В. В. Голицыным. Очевидно, содержание астрологического календаря стало известно восставшим и использовалось ими как идеологическое оружие. Таким образом, правительство боролось не с астрологией, а с распространением астрологических материалов среди про-

⁴³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 243.

⁴⁴ Шамин С. М. Европейская астрология и русское правительство в XVII столетии // Естественнаучная книжность в культуре Руси. М., 2005. С. 80–81.

стых москвичей. Можно констатировать, что, несмотря на осуждение астрологии православной церковью, во второй половине XVII в. представители русской политической элиты интересовались астрологией, а также пользовались услугами медицинской астрологии и прогностическими астрологическими сочинениями. На практике запрет на астрологию был обязателен только для народа, а не для власти.

Еще одним грозным природным явлением, нашедшим отражение на страницах курантов, были землетрясения. Сообщения о них в царствование Федора Алексеевича приходили почти каждый год, однако 70,6% известий относятся к последним месяцам 1680–1681 гг. В это время толчки были зафиксированы в Китае, на Малаге и Крите, в Константинополе и других турецких землях, в Венеции, Польше, во владениях австрийских Габсбургов и даже в Шотландии. Землетрясения, как эпидемии и кометы, в сообщениях появляются в грозном сопровождении. Им сопутствуют другие природные катаклизмы (3), видения (2) и пожары (1). Например, в Шотландии землетрясение сопровождалось появлением на небе необычных образов. Автор связал с этим явлением и случившийся позже лондонский пожар: «В городе Думбуре Шкодские земли близь четверти часа великое учинилось земли трясение и затмение в небе, так что друг друга видеть никто не мог. И тем учинилось великое разорение и шкоды. И объявились в то ж время на небе великие лики и образы. После того, спустя недели с две, учинился в Лондоне великой пожар, которым многие дворы и люди погибли».⁴⁵

В статье о землетрясении оценочное суждение встретилось всего один раз. Бедствие было воспринято с особым страхом, поскольку произошло в религиозный праздник. «Из Селоника города турецкого в Морейской земле⁴⁶ нам ведомо чинитца, что тамо учинилось страшное трясение земли, которым многие дома и изряднейшие первоначальные мечети обрушились. И двадцать пять турецких попов со многими другими людьми погибли, от чего великий страх напал на весь народ, не токмо, что многие люди погибли, но что сие учинилось на торжество Магометова».⁴⁷ Переведенные в Посольском приказе известия о землетрясениях касались даже тех территорий, которые не интересовали российское внешнеполитическое ведомство. К примеру, знание о подземных толчках на Малаге или в Шотландии не могло принести никакой практической пользы русскому правительству.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 281.

⁴⁶ В данном случае топоним используется не как название Морейского полуострова, а более широко, в понятии «Греция».

⁴⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 234, 235.

Еще одной категорией попавших на страницы курантов явлений природы были погодные катаклизмы — засухи, сильные холода, бури, наводнения, гром, молнии, наблюдение гало вокруг солнца. Около 80% этих известий информируют о событиях, не давая возможности установить причину, по которой это событие привлекло внимание авторов газетных статей. Внимание к ним русского правительства объясняется вполне земными причинами. Наблюдения за экономическим положением политических противников и партнеров помогали московским дипломатам правильно оценить военный потенциал тех или иных государств. Некоторые из этих сообщений представляли для России экономический интерес. Известия о засухе или большом урожае, а также о бурях в северных морях имели непосредственное отношение к русской торговле.

Три статьи, повествующие о громе и молниях, однозначно можно отнести к разряду «чудес». Из Ланцкрона сообщали, что после того, как датские войска взяли этот город у шведов, была буря, и в церкви убило молнией человека, а на часах изменились цифры. Автор статьи посчитал это событие предзнаменованием.⁴⁸ В Эльзасе гром и молния сопровождались видениями: «В прошлой вторник во втором или третьем часу дня был здесь такой страшный гром и молния, что чаяли некоторые, взорвался французский подкоп, потом издалека слышать было шум ратных, и литавр, и барабанов, а как то французы слышали, — чаяли, что некоторые многих труб цесарские войска на них идут и мятежом побежали к городу своему Бризаху, в котором бегу они слышали великий вопль младенцев и вскоре потом некоторой глас громко вопиющий: горе, горе, горе, — за которым огненное ядро с небес рассыпалось, а что то знамение являет — Богу одному известно».⁴⁹ В третьем случае, ударившая в турецкий военный лагерь молния была расценена современниками как Божье наказание за грехи государя: «В турских таборах толико страшной перун и молние учились, что пятьсот человек и два паши до смерти убило. Отколе великий страх на прочих напал, воплем объявляющих, что Магомет их наказует худого владения ради государя своего».⁵⁰ В этом случае событие оценивается не самостоятельно, а в качестве своеобразного «средства диалога» между Богом и человеком. Таким образом, мы видим, что у людей конца XVII в., будь то шведы, немцы, французы или турки, модели восприятия таких несхожих при-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 15.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 77.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 173.

родных явлений как мор, комета, землетрясение и молния, были очень близки между собой.

Иная группа рассматриваемых нами явлений состоит из текстов об опасных или вредных животных. Четырежды писали о необычайном размножении мышей. Два из этих сообщений мы упоминали в связи с описанием эпидемий, еще два приходится на время максимального распространения морового поветрия в 1680–1681 гг. Европейские жители, не зная достоверно о роли мышей в переносе инфекции, замечали связь между вспышками мора и размножением грызунов. Эмпирически обнаруженная связь явлений была «встроена» в господствующую систему восприятия мира. Пожирающие хлеб мыши и чума рассматривались как разновидности «Божьего бича». В другой «эпидемической» статье мышей прекрасно заменили змеи, которые к распространению паразы никакого отношения не имели.

Во многих случаях появление необычных зверей рассматривалось как знамение. Из Кёльна в мае 1677 г. пришла информация: «Сего утра дошла к нам по се время бывшая сумнительною, ныне ж истинною заведетельствованная скорбная весть. Неподалеку от сего города в неких местах объявились некоторые странные звери, подобием псов великих. А уши у них ослиные, по спине полоса черная. И те звери на путех уже больше двадцати человек поели. И сказывают, что ни к какому зверю, ни к скоту, кроме человека, не прикасаются. И только у человека прогрызя горло отходят. И ныне теми дорогами никто проходить не смеет. Наипаче не ведаем, что приход тех странных зверей значит, потому что о таких зверях отнюдь памятухов нет и ни в старых хрониках не обретаются».⁵¹

Другое подобное знамение было отмечено в Венгрии. Там «при турецких границах семьсот великих и страшных волков случилось, а разделясь на разные полки, яко нарочно пошли все купно на турецкую землю и учинили там людем и скоту великие шкоды. Еже турки почитают, яко злополучное время предзнаменует».⁵² С нашествием неведомой фауны иногда пытались бороться при помощи богослужений. «Понеже здесь являются на море многие чудеса, которые рыбу из моря едят, и для того арцыбискуп наш послал господина Караунола, чтобы те чудеса проклинать».⁵³

Однако статьи о внезапно появившихся животных далеко не всегда имели сверхъестественную окраску. Один раз куранты сообщали о на-

⁵¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 108.

⁵² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 11.

⁵³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 214.

шествии саранчи. В другой статье писали о нашествии бешеных волков и собак. В куранты попала даже «научная» корреспонденция о необычном горохе. В феврале 1682 г. из Касселя пришло известие: «При моем письме посылаю страшное чудо, сиречь горох, иже над Мейном рекою рос. На котором увидишь значок лазоревой круглой, и как его снимешь, то под ним обрящешь с шестью крылами червячка. И того червочка осмотри через перспективное стекло, которого увидишь яко страшного зверя. От которого гороху весь скот и все люди, которые его ели, скорою смертию умирали. И для того достойно в великое чудо поставить».⁵⁴ Отнестись к данному сообщению как к простому курьезу не позволяет тот факт, что на описываемое время приходится расцвет научной деятельности Антони ван Левенгука, галантерейщика из голландского Делфта, который, используя свой досуг для шлифования оптических стекол, сделал огромное число научных открытий (в том числе — микробов). Петр I в 1698 г. во время Великого посольства встречался с Левенгуком и осматривал его «перспективные стекла». Как видим, интерес к подобным диковинам был свойственен и старшим русским современникам Петра Великого.

Большая группа статей курантов сообщает о появлении необычных существ или уродцев. Из Гасконской земли писали, что «там во ужас многим родился младенец о семи головах».⁵⁵ Другая корреспонденция гласила: «В здешнем городе женщина ходила 25 лет беременна, померла, и после ее смерти в шестой день дохторы брюхо у ней вспороли и нашли детище с великою бородой».⁵⁶ Из Англии: «В нашей земле в городе Икугаме недавно родила женщина прежде времени рождения за 15 недель двух девочек. И одна из них родилась о двух главах, двух шеях и двух спинах. И для смотра послано то чудо к королю в Виндзор город».⁵⁷ И еще одно сообщение: «Ныне родилось здесь от карабельщиковы жены чудо, которое имело великую главу, подобную псу, со страшными очами и притом великие под челюстями жабы имея, язык толстый, изо рту висящий, а позади главы на теле родимое знамя кругло подобно гранату, а у рук на пальцах ногти львовые, а ног нет. Прочи ж телесные части как у иных человек».⁵⁸ Мы видим, что у одних авторов появление уродца вызывало ужас, а для других было своеобразной ди-

⁵⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 9.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 99.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 139.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 44.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 181, 182.

ковиной. В России мы сталкиваемся с весьма похожим отношением к уродцам. Еще во времена Древней Руси их появление рассматривали как предзнаменование. Этот взгляд отражен уже в «Повести временных лет». ⁵⁹ С другими взглядами сталкиваемся в указе Петра I о сохранении таких «раритетов» (1718 г.): «Понеже известно есть, что как в человеческой породе, так в зверской и птичьей случается, что рождаются монстра, т. е. уроды, которые всегда во всех государствах собираются для диковинки, чего для перед несколькими летами уже указ сказан, чтоб такие приносили, обещая платить за оные, которых несколько уже и принесено, а именно: два младенца, каждый о двух головах, два, которые срослись телами. Однако ж в таком великом государстве может более быть, но таят невежды, чая, что такие уроды рождаются от действия диявольского, чему быть невозможно, ибо един творец вся твари бог, а не диявол, которому ни над каким созданием власти нет; но от повреждения внутреннего, также от страха и мнения матерного во время бремени, как тому есть многие примеры: чего испужается мать, такие знаки на дитяти бывают; так же когда ушибется или больна будет, и проч.». ⁶⁰

Присутствовали на страницах курантов и другие человекообразные существа. Так, «некоторые приезжие люди с Варяжского моря видели в море бородатого морского мужика с рыбьим хвостом». ⁶¹ В этом же ряду «чудесных созданий» оказались представители какого-то из северных народов, занесенные течением и ветрами к немецким берегам. «Про того малого мужика, про которого преж сего в курантах писали. И ныне его видели нашего города все жители, что он ходил у нас во многие дворы безопасно, и что ему давали денег, и он не брал, а говорил много. А говорят у нас, что он говорил по еврейскому. И многие чают, что от больших бурь и туч на многие места от моря потоп будет потому, что в старые времена такие малые мужики выхаживали из моря. А из Голштенские земли нам объявляют про того мужичка, что его видели под городом Рейнсборхом и дали ему есть. И он ныне ничего мясного не ест, только рыбу угревину, а его речи никто не знает. А таких мужиков пятеро ходят по городам, которые стоят на берегу моря, и все жители тех городов вельми опасаются от потопа морского». ⁶² Как видно,

⁵⁹ Шайкин А. А. «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 105.

⁶⁰ ПСЗ-1. Т. 5. № 3159. Цит. по: Богданов К. Петр I о медицине: игра природы, порядок правления // Петр Великий. М., 2007. С. 185.

⁶¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 5.

⁶² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1678 г. Ед. хр. 4. Л. 282–284.

сообщения об уродах и необычных существах могли сопровождаться попытками интерпретировать их появление как предзнаменование будущих событий. Однако интерес к подобным диковинам можно интерпретировать и как культурное явление эпохи барокко.

В куранты включены также сообщения о целебных источниках. «После объявления преж сего от рва города показавшихся вод, еще 6 колодезей обрели, из которых разными болезнями люди исцеляются, сиреч камчужною, водяною, каменною, и раны, и всякие коросты, и оспы, и иными, которые уже свидетельствовали. А стоят те колодези в степи в трех верстах от Баглера города. И меж ними один такой, что серебро позлащает». ⁶³ Последнее сообщение можно было бы отнести к области медицинских сведений, если бы не его окончание, явно тяготеющее к миру чудес.

4.3. Чудеса на полях сражений

Куранты времени правления Федора Алексеевича содержат целую серию известий о чудесах, связанных с военными действиями (19 известий). По своей форме это пророчества, толкования различных явлений и происшествий, а также видения (звуковые или визуальные), в которых отразились конкретные события.

В Северной Европе, где в период правления царя Федора Алексеевича шла борьба между шведами и датско-австро-бранденбургской коалицией, местные жители наблюдали «небесные битвы». Из австрийского Люциха сообщали: «Третьего дня видели многие после полудня на небе великие войска, а шли те войска от севера на полдень». ⁶⁴ В Копенгагене «сей прошлой ночи многие люди видели на небе черное некоторое явление, а которые видели, и те сего ж числа с присягою речи свои подтвердили. То есть видели они: на небе сходились биться ратных людей два полка великих, и по многой битве западной полк восточного преодолел, которой вскоре потом исчез, точною от того полка остался один человек на белом коне сидящий, который корону в западе созидал». ⁶⁵

В Фальском курфюршестве ⁶⁶ в Граценах «в прошлом вторнике в полудни при изрядном светлом погодии недалеко от села Спренгина

⁶³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 67, 68.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 166.

⁶⁵ Там же. Л. 135.

⁶⁶ Вероятно, имеется в виду Пфальц.

услышали великий шум на небе, будто два крепких войска меж собою сошлись боем, и стреляло из мушкетов и ис пушек, имея при себе 70 человек литаврщиков, и было того часа с 4 и паки успокоилось, а те люди, которые слышали, вопрошены суть от начальников того города, и допросные их речи отосланы к курфирской светлости Фалскому. О Боже, умиლოსердись над нами». ⁶⁷

Еще два видения отмечено в датском городе Эксинбурхе: «Прошлой ночи в 4 или 5 часу видели такое видение над Зунтом, яко небо разтворилось и два розные каравана промеж себя сошлись боем, и было таково светло, как и днем, также видели и в Кроннебурхе караульщики, а сего вечера часу в 7 на воздухе видели четвероугольной облак, ис которого вышло великое стадо птиц, и промеж себя сходилась боем. И по многой битве упали на землю и обратились конницею, и начали паки стравливаться, и друг друга поняли, а посреди их явились две лошади белые. И напоследок одна часть конницы пошла к лесу, а как другая за ней погналась, тогда объявился огонь изрядной... всадник на черной лошади и обучал ее в коло. Иже видение видели многие люди, а что прознамует, то Бог весть». ⁶⁸

Иногда предрекающие беду знамения относились к конкретному городу. Один человек над шведским городом Мальмё «видел на воздухе город подобен Малмё городу, и после того объявилось войско и приступи к тому городу, зажгли. И было де того видения два часа, а как город весь сгорел, и то видение все невидимо стало, а в то время небо так чисто было, что возможно каменья считать в городе и всякое рукоделие. И жители того города зело в великом страхе пребывали, чтоб тот огонь в город не спал». ⁶⁹

А над городом Христианстатом «над обозом свейским видение было, что облака розделились и множество гранатных ядер оттоле на низ пали, и в то же время на воздухе трижды стреляно, будто ис пушек. И для того у короля свейского и в иных местах сполох великий учинился, а в городе Христианстате ис пушек стреляли, потому что им виделось в городе, будто несколько в красных епанчах немецких к городу приближаются, а сие видение многие веры достойные люди видя, подлинно нам объявили». ⁷⁰

Другая группа видений записана в районах, где шло наступление французов. Боевые действия велись для устрашения населения особен-

⁶⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 284.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 134–135.

⁶⁹ Там же. Л. 41.

⁷⁰ Там же. Л. 117–118.

но жестоко. Видения на небе здесь были менее яркими, чем на севере Европы. Из города Ата в испанских Нидерландах писали, что «ночью вокруг города на небе великие и страшные огни видели, от которых люди от сильного страхования в болезнь впали».⁷¹ Зато тут оказались исключительно яркими знамения звукового характера. О громе и воплях, отпугнувших французов от Брейзаха, мы писали выше.⁷² Вопли в полях, не обратившие, правда, в бегство французов, отмечены были и на фландрском фронте близ города Маастрихта.⁷³

Потусторонние силы в приведенных корреспонденциях как бы наполняют окружающий людей мир. В следующих двух эпизодах проявления пантеистического мировоззрения видны еще более ярко: «В цесарской земле французы разорили некоторый город, и из того города вывезли все колокола, оприч одного большого, которой за тяжестью с собою взять не могли. И придумали тот колокол растопить, и как под него дрова и уголье подложили и зажгли, выступила на том колоколе кровь, и французы то видя устрешились, и начальной их человек взял плат свой, обтер в той крови — послал х королю своему для показания такого чуда».⁷⁴

«Французы стены взятого нашего города Ганева совершенно разоряют и подкопами те хотят опровергнуть, чтоб тот город во время цесарских ратей наступления учинить без обороны, наипаче же в своей злобе не пощадили самую ветхую кирху, которая была о трех службах и освящена была Святою Живоначальной Троицей. И как туге кирху начали ломать, те французы услышали внезапно великий вопль и стон младенец, и о том зело ужаснулись и начатое дело покинули».⁷⁵

Позднее, в 1681–1682 гг., когда венгерское восстание стало перерастать в войну между Священной Римской империей и Османской империей, появился третий «очаг» видений на территории Цесарской земли. В Венгрии появляются страшные волки.⁷⁶ «Из города Гановера объявляют нам, что у них подлинно ночным временем видели многие чудеса на небе, междо которыми явны были многие турецкие сабли, и отсеченные головы, и чюдные воинские прапоры».⁷⁷ Из Вены в курантах появ-

⁷¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 34.

⁷² Там же. Л. 32.

⁷³ Там же. Л. 5.

⁷⁴ Там же. Л. 28.

⁷⁵ Там же. Л. 3.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 11.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 198.

вилось сообщение: «К нам же пишут из Венгерской земли, что тамо на воздухе показались сабля да литаврщик. О их же предзнамении Богу ведомо».⁷⁸ Как видно, данные чудеса тоже имеют местный колорит. Заканчивая описания «военных» чудес, следует добавить, что их появление связано не только с ведущимися, но и с ожидаемыми боевыми действиями.⁷⁹ Турки действительно появились под Веной в 1683 г. и были лишь чудом отбиты объединенными польскими и цесарскими войсками.

«Военные чудеса» из разных частей Европы имеют между собой отличия, что, вероятно, связано с различными метеорологическими условиями и культурными традициями. Однако все они возникли в районах боевых действий, где население с ужасом ожидало бедствий, которые не могло предотвратить. Здесь мы имеем дело не с рациональной или религиозной мыслью, а с эмоциональным переживанием ужаса, в которое втягивалось небо, земля, стены кирпичи, колокол... В этом смысле видения, связанные с войной, очень близки к видениям во время моровой язвы. Эти чудеса связаны с народной религиозностью. Они существенно отличаются от чудес церковных, связанных с официальной религиозной практикой, о чем пойдет речь ниже.

4.4. Религиозная жизнь Европы

В Европе XVII столетия религиозная жизнь и политика тесно переплетались между собой. Особенно ярко это видно на примере совместной борьбы христианских государств против исламской экспансии. В рассматриваемый период эта проблема стояла особенно остро, поскольку Османская империя поглощала все новые территории, население которых исповедовало христианство. Организацией антиосманских коалиций в Европе традиционно занимались римские первосвященники. Эту политику (с большей или меньшей активностью) последовательно проводили все папы, находившиеся на ватиканском престоле в 1660-х–1690-х гг.⁸⁰

Внимание русского правительства к проблеме противостояния исламской агрессии усиливалось по мере того, как перед российскими властями все ярче вырисовывалась перспектива скорого военного столкно-

⁷⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 248, 249.

⁷⁹ Там же. Л. 51.

⁸⁰ Александр VII, Климент IX, Климент X, Иннокентий XI, Александр VIII, Иннокентий XII.

вения с Османской империей. Еще в 1653 г. константинопольский патриарх Афанасий Пателар в своем «Слове понуждаемом» призывал царя Алексея Михайловича к походу на Царьград. Греки надеялись на избавление от османского владычества при помощи российских войск. В 1655 г. иерусалимский архимандрит Макарий писал Алексею Михайловичу, что в Царьграде боятся прихода под городские стены казачьих стругов и войск русского государя. В окружении константинопольского патриарха Паисия царя Алексея Михайловича называли «новым императором Константином», царем-освободителем.⁸¹ Хотя, как показало позднейшее развитие событий, подобные надежды были слишком оптимистичными, владения Османской империи на Балканах и в Средиземноморском регионе стали зоной постоянного внимания русского правительства.

Публикуемые в Европейской прессе статьи часто рассматривали борьбу с Османской империей именно как общехристианское дело. Так, в курантах от 5 октября 1660 г. помещено сообщение из Венеции: «Севодни турская катарга, на которой сто семьдесят крестьянских невольников привезено, а невольников всех подрят отпустили. Под Риме-нем наши на пять босарманских караблеи ударилися, два карабля розбили, а три взяли. А на тех караблях больши четырех сот крестьян освободили. А турецкие люди пятьдесят чолнов рыбаловных, на которых было блиско трех сот человек, поимали. Папезские, флоренские и малтеские караблеи с французским и с нашим корованом соединилися, и впрям до острова Кандии пошли и хотят... город Кандию выручить. А казаки недавно тритцать четыре карабля турецких сожгли и часть города Гамота. А жители мореиския больши тритцати тысяч человек против турка повстали».⁸² Таким образом, в этом сообщении восставшие в Морее православные греки и нападающие на турок в Черном море казаки предстают союзниками папы, венецианцев, французов, флорентийцев и мальтийцев. При освобождении оказавшихся в руках турок пленников венецианцы действительно относились к православным как к «своим». Известия о подобных случаях также попадали в куранты. В одном из венецианских сообщений 1670 г. писали о том, что веници-

⁸¹ Чеснокова Н. П. Русский царь — Новый Константин // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе. Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа. М., 2004. С. 107–111; Ченцова В. Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658: Документы. М., 2004. С. 4, 18, 19.

⁸² РГАДА. Ф. 96. 1660 г. Ед. хр. 2. Л. 470, 471.

анские карабли отбили у турок большое число находившихся в плену греков и «московского народа».⁸³

Роль римских первосвященников в организации антиосманских коалиций христианских государств показана во многих статьях курантов. В качестве примера можно привести сводку от 27 мая 1669 г., где рассказывалось, что папа Римский послал войска на помощь Венеции, а также просил о подмоге Испанию и Францию.⁸⁴ Подобные сообщения появлялись вплоть до самого окончания Кандийской войны.

В первой половине 1670-х гг. основным объектом османской агрессии стала Польша. Это напрямую затрагивало интересы России, которая по Андрусовскому договору 1667 г. обязалась помогать Речи Посполитой в случае нападения турок или татар. В куранты от 17 марта 1671 г. включили информацию о том, как папа Римский пытался организовать поддержку Польше со стороны других европейских государств: «Из Варшавы февраля 20-го числа. Папы Римского посол был на приезде у королевского величества и поднес грамоту от Папы Римского, также и словесно объявил, что подобает опасатца венгерской и польской земле от неприятства турецкого. Того ж ради Папа Римской желает, чтоб коруне Польской и цесарю Римскому меж собою союз учинит и совокуясь ружьем против турецкой силы стоять. И после того тот посол был у королевы и подал ей грамоту Папы Римского».⁸⁵ Позднее на эту тему были переведены сообщения из Рима,⁸⁶ Вены⁸⁷ и даже

⁸³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1670 г. Ед. хр. 8. Л. 155–156.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1667 г. Ед. хр. 10. Л. 300.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 15–15 об.

⁸⁶ «Из Рима февраля 21-го числа. Сказывают что Папа назначил господина Нерли, ныне послом пребывающего при дворе короля Польского, итти ему преизвычайнымъ послом к цесарю и к прочим князем цесарского государства, чтоб тех уговаривать во единомысленный союз против общего христианского врага, то есть турка, и то дело соверша, велено ему итти к королю французскому» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 44).

⁸⁷ «Из Вены марта в 25 день. Преизвычайной папешкой посол господин кардинал Мерли в прошлой среде сюды приехал и в цесарской корете к его цесарскому величеству на двор приезжал. А слышно, что главнейшая статья его посольства есть о том, занеже папешское святительство слышит о великих воинских сборех салтана турецкого против христиан. И его папешское святительство о христианах имея непрестанное отеческое попечение такую причиную принужден есть ко всем христианским государем послати ради оног неприятельского страха своих послов, и тех всяким мерами остерегати. Той ради вины его святительство посла своего во первых к его цесарскому величеству яко выслав, прочих христианских potentатов присылает и отеческою любовью его просит, дабы он поболением о толиких

окружное послание папы «ко всем католикам, иже суть под властью его христиане».⁸⁸

Еще больший интерес к деятельности папы по организации общеевропейского антиосманского союза появился в России в период правления Федора Алексеевича, когда в куранты было включено 29 статей на эту тему.⁸⁹ Возникновение подобного союза было крайне важно для России, которая после поражения Польши в 1676 г. вела войну с Османской империей в одиночку. Все переводимые в курантах статьи свидетельствовали о том, что занимавший в то время ватиканский престол папа Иннокентий XI был не религиозным фанатиком, а трезвым прагматиком, понимавшим всю серьезность турецкой угрозы. Куранты показывают, что папа последовательно добивался установления мира в Европе и объединения ее сил против Османской империи, причем его политическая активность не ограничивалась католическим миром. Он вел переговоры с Персией,⁹⁰ финансировал верных польскому королю казаков.⁹¹ Безусловно, сообщения иностранной прессы об этой деятельности папы не могли не вызывать положительного отклика в России. В данном контексте становится более понятным обозначившееся уже в период правления царевны Софии уменьшение неприязни к католикам. В итоге после заключения в 1686 г. «Вечного мира» с Польшей, Россия присоединилась к антиосманскому союзу европейских государств. Теперь усилия пап по поддержанию этого союза имели большое значение для успешных боевых действий русских войск. Мы видим подобные известия в курантах вплоть до самого конца XVII столетия.⁹² Вне всякого сомнения, регулярный перевод подобных новостей способствовал смягчению отношения к католикам в среде российской политической элиты.

многих тысяч христиан изволил попещися и против общего неприятеля христианского имени салтана турецкого сотворил бы со иными христианскими потентаты оборонный союз, дабы тем совокупленным крепким союзом силе онаго супостата дать отпор и нашествие его на христианские земли остановить. Тому ж папешскому послу указано, отправя посольство свое от цесаря итти к полскому королю и о том же говорить» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 72 об., 73 об.).

⁸⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 7. Л. 32–33.

⁸⁹ Шамин С. М. Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности... С. 100–166.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 187.

⁹¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 86.

⁹² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 30; 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 479–480; 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 262–263; 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 550–551; 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 397 и др.

Другим важным узлом религиозно-политических противоречий было противостояние между католиками и протестантами. Еще в первой половине XVII в., когда практики регулярного составления обзоров иностранной прессы не существовало, в Россию попадало значительное число публикаций европейских газет о тридцатилетней войне 1618–1648 гг. Хотя Вестфальский мир (1648 г.) положил конец масштабным религиозным войнам в Европе, противостояние между протестантами и католиками сохранялось. В число тем, вызывавших постоянный интерес в Москве, входили известия о борьбе сторонников англиканской церкви с католиками в Англии.⁹³ Постоянно тлевший конфликт закончился только с изгнанием значительной части католиков после свержения династии Стюартов (1688 г.). Наиболее позднее из сообщений подобного рода было переведено уже в начале следующего 1689 г. Из Амстердама писали, что в Лондоне «чернь 80 000 человек собрався, все костелы католициские разломали и все, что у них было деревянное строение, на площадь выносили и сожгли».⁹⁴

Особой сложностью отличались межконфессиональные отношения в Венгрии. Здесь восставшие против владычества Габсбургов венгры добивались полного изгнания католического духовенства. Цесарь Леопольд I, правивший Священной Римской империей с 1658 по 1705 г., то подумывал о том, чтобы умиротворить венгров, передав им доходы католической церкви, то получал от духовенства военную помощь для борьбы с повстанцами.⁹⁵ Духовенство же выступало в качестве посредника при попытках восставших начать переговоры о мире.⁹⁶ Давление на протестантскую церковь в Венгрии начиналось всякий раз, когда венский двор упрочивал свое политическое положение. В очередной раз это случилось после того, как в 1683 г. турки были разбиты и отброшены от Вены: 25 декабря 1685 г. из цесарской столицы писали, что «крепко промышляют католики, чтоб разорить кирхи реформатов».⁹⁷

Помещали в курантах и «новости» о преследовании протестантов в Польше. 16 января 1682 г. из Варшавы писали, что в Люблинском уезде закрыты лютеранские кирхи, что привело протестантов «в великую ярость».⁹⁸ Десятилетие спустя (в 1692 г.) в Польше даже ставился во-

⁹³ Шамин С. М. Куранты времени правления Федора Алексеевича. К проблеме заинтересованности... С. 133, 134, 142, 155, 156.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 56.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 22, 147, 148.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 190.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1685 г. Ед. хр. 7. Л. 58, 59.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 53.

прос о полном изгнании протестантов: «Из Варшавы марта в 21 день. Бискуп Познанской крепко радуется, чтоб люторов и калвинов ис Польши выгнать, несмотря на заступление великих господ кардинала и арцыбискупа Радеевского и великого корунного маршалка князя Любомирского и иных, чтоб их не изганять. Однако ж он то дело на трибунал в Петреков отослал, чтоб о том вершение учинить. Но ему ис трибуналу в том отказано, и чтоб он от того дела отстал, для того, что резидент польской из галанской земли пишет: „Естьли поляки люторов и калвинов выгонят, то галанцы всех римской веры католиков изо всей галанской земли выгонят ж“». ⁹⁹ В том же 1692 г. в курантах писали, что княгиня Радзивилла, вышедшая в 1688 г. вторым браком за принца Пфальц-нейбургского, перешла в католичество. ¹⁰⁰ Это, казалось бы, незначительное в контексте общеевропейской политической ситуации событие не случайно привлекло внимание европейской прессы и составителей курантов. Людвика Каролина Радзивилла была крупной белорусской меценаткой. Она покровительствовала протестантам и православным. Без ее поддержки положение обеих конфессий в Великом княжестве Литовском стало бы значительно более тяжелым. Следует отметить, что известия о религиозной жизни пограничного с Россией Великого княжества Литовского особенно интересовали русское правительство. В 1695 г. в куранты вошла целая серия корреспонденций о конфликте между виленским епископом и литовским гетманом Сапегой. В противостояние была втянута виленская шляхта, поддерживавшая Сапегу, а также выступившие на стороне епископа польские иезуиты, послы французского короля и папы Римского. Польскому королю пришлось приложить большие усилия для того, чтобы помирить епископа и гетмана. ¹⁰¹

Большое внимание составители курантов уделяли деятельности Людовика XIV, стремившегося полностью искоренить протестантизм в подвластных ему землях. С 1679 по 1685 г. во Франции было принято 85 постановлений, дискриминирующих протестантов. ¹⁰² В начале 1681 г. в Посольском приказе переводили статьи о том, что французский король изгнал из своей страны всех гугенотов, а чуть позднее — о предоставлении французским беженцам-протестантам политического убежища и налоговых льгот в Голландии. ¹⁰³

⁹⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 184, 185, 186.

¹⁰⁰ Там же. Л. 90, 94.

¹⁰¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 28, 29, 32, 136, 137, 197, 198, 247, 248.

¹⁰² Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. С. 176.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 205; 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 78, 188.

В самом начале 1682 г. по указу Людовика XIV в Страсбурге всех детей моложе 12 лет принудили перейти в католичество.¹⁰⁴ В это время из Гамбурга писали, что «через надежных людей объявлено», что между цесарем, королями французским, испанским и курфюрстом Бранденбургским заключен союз, чтобы искоренить «лютерских и кальвинских причетников».¹⁰⁵ Однако эти опасения протестантов оказались беспочвенными. Политика Людовика XIV встретила сопротивление как протестантских, так и католических правителей. В 1685 г. в куранты попало сообщение из Берлина, что здесь «некоторые евангелицкие князи люторского закона постановили союз против французов».¹⁰⁶ В более поздней статье из Берлина позиция бранденбургского курфюрста была выражена еще более четко: «Господин Дерабно, французской резидент ежедневно докучает курфистрскому пресветлейшеству о совершении союза с королем французским. Токмо курфистр о том отказал, и зело печален о варварских действиях, которое чинитца кальвином от французского короля. Сверх того, приказал курфистр поставить караул у французского резидента, чтоб католики к нему не збирались».¹⁰⁷

Какое-то время действия французского короля поддерживали в Риме, о чем свидетельствовала корреспонденция из Парижа от 12 декабря 1685 г., которую на заседании Боярской думы зачитывали 3 января 1686 г.: «К нам из Риму пишут, что Папа преизрядной и драгой образ к почитанию короля нашего на вечное поминовение о привращении реформатов или калвинские веры причетников х католицкой вере... в Риме поставить хочет».¹⁰⁸ Однако эта поддержка скоро иссякла из-за возобновления французской экспансии в немецких землях. Между тем, возмущение по поводу насилия над гугенотами высказывалось все чаще. Как и прежде, против притеснения протестантов выступали в Голландии: «Из Амстрадама декабря в 18 день. Пишут нам из Нантиса¹⁰⁹ города французского, что французы галанского сенатора тамо сущаго посла насильством принудили к пременению веры своей. И сверх того пишут, что страшно дело делаетца над людьми веры нашей реформацкой во французской земле».¹¹⁰ В Голландии предпринимали ответные дей-

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 25.

¹⁰⁵ Там же. Л. 60.

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1685 г. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 264, 274.

¹⁰⁷ Там же. Л. 543

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 30.

¹⁰⁹ Нант на западе Франции.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 51, 58.

ствия против католиков: «Из Гаги декабря в 31 день. Статы генералы советовали и приказали, чтоб католицикие веры ксендзы и езуиты и мирские люди из государства их вышли в 3 месяца. И начало тому учинили в городе Ротордаме, из которого всех католиков выслали и костелы их замкнули».¹¹¹ Гугеноты нашли убежище не только в Голландии, но и в Дании: «Из Копенгагена генваря в 6 день. Королевское величество дацкой милостиво постановил отвесть порожные дворы в городах Ротшпиле, Кеге и в иных реформатом из французской земли тамо прибегающим безо мзды в наследие с великими вольностями»,¹¹² а также в католической Венеции: «Из Венеции февраля в 6 день ... приехали к нам 50 человек из французской земли выгнанные веры ради — начальные люди, которые просятца, дабы им поволено служить речи нашей посполитой, обещаясь верностью против неприятеля креста святого кровь свою проливать. И они скоро проважены будут в войско».¹¹³ В том же 1686 г. в куранты попал и протестантский памфлет «Список з грамоты, какову писал владетель темности ко французскому синклиту о новопретворенной вере», в котором царь тьмы благодарит французского короля за гонения на протестантов.¹¹⁴

Однако, несмотря на общеевропейское неодобрение, преследование протестантов продолжилось. Известия об этом поступали и в следующем 1687 г.: «Ис Парижа марта в 14 день. К нам пишут из французского города Марсилия при море стоящего, что тамо многих людей мужсково и женсково полу сажают в карабля и посылают их по указу королевскому в Западную Индею для того, что они веру свою кальвинскую покинуть не хотят и предатися х католицкой вере, о чем во французской земли везде по городам и уездам, где такие для своеи веры изгнанные люди живут, великое рыдание и сетование приключается».¹¹⁵ Значительный объем подобных сведений включался в куранты и на протяжении последующего десятилетия.¹¹⁶

Можно предположить, что известия курантов, из которых русское правительство на протяжении многих лет узнавало о бедственном положении изгнанных из Франции гугенотов, способствовали выработке

¹¹¹ Там же. Л. 62, 63.

¹¹² Там же. Л. 215, 225.

¹¹³ Там же. Л. 239, 242, 243.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 338–341.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 203.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 2. Л. 394; 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 354, 551, 578, 584; 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 49, 74–81, 147, 353.

русской позиции по данному вопросу. В 1689 г. некоторые из гугенотов, бежавших от преследований Людовика XIV, нашли приют в России. Они получили право при желании принять русское подданство.¹¹⁷ Протестантских беженцев в Москве приняли по просьбе приехавшего в конце 1688 г. в Россию прусского дипломата Ягана Рейера Чаплича, которого поддержал голландский резидент Келлер.¹¹⁸

Две статьи 1685 г. были посвящены обращению в католичество несториан. Однако переводчик ошибочно перевел название несторианской церкви — «Церковь востока» и посчитал, что речь идет о богослужении «греческого», т. е. православного обряда. Судьба несторианского епископа, приехавшего в Рим для принятия католичества, была незавидной. 28 августа 1685 г. о нем писали из Венеции: «Пред несколькими днями епископ Месопотамский, приехав к нам, сказал, что он путь свой имеет к Папе Римскому для приему католицизма веры».¹¹⁹ О дальнейшем развитии событий сообщалось уже из Рима 27 октября того же года: «Месопотамский епископ в великом страховании обретається, понеж ему уготовлено жестокое наказание для того, что он греческое действо во время литургии употреблял. Его ж дело отдано сыщиком. Да междо его рухлядью чувствовали злосрадие. Ему ж причитают чародейство».¹²⁰ Информацию о том, кто именно из несторианских епископов ездил в Рим в 1685 г. и чем закончилась его миссия, найти не удалось.

Особенно остро вопрос межконфессиональных отношений вставал во время масштабных боевых действий, связанных с изменением государственных границ. Так после окончания Кандийской войны (1645–1669 гг.) резко ухудшилось положение христиан в захваченной турками Кандии. Первоначально приходившие оттуда известия внушали некоторую надежду на благоприятное для христиан развитие событий. В начале июня 1669 г. в корреспонденциях из Венеции писали, что турки разрешают христианам сохранять свою веру и позволили остаться здесь православному епископу.¹²¹ Когда распространились слухи, будто бы после захвата Кандии вспыхнул конфликт между султаном и великим визирем, в одной из газет даже написали, что визирь принял католичество, хочет сам владеть Кандией и войти в союз с Венецией против

¹¹⁷ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века... С. 103.

¹¹⁸ Цветаев Дм. Из истории иностранных исповеданий... С. 236.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1685 г. Ед. хр. 7. Л. 253, 255.

¹²⁰ Там же. Л. 525.

¹²¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1670 г. Ед. хр. 8. Л. 156.

Османской империи.¹²² Данное сообщение не соответствовало истине. Более точная информация стала появляться в июле 1669 г., когда визирь издал указ не пускать христиан в крепость. Кроме того, он разорил все христианские церкви, кроме одного православного храма, который епископу удалось сохранить, заплатив выкуп.¹²³

Вновь межконфессиональные отношения осложнились в годы войны Священной лиги против Османской империи (1683–1699 гг.). Турецкое правительство после начала боевых действий усилило давление на католиков, находящихся на территории Османской империи. В одном из венских сообщений говорилось, что «францисканский мних приехал из Боснии и рассказывает, что турки от всякого мниха спрашивают ныне по 100 ефимков и чтоб больше трех литургий в год не служил».¹²⁴ Православное духовенство, воспользовавшись ситуацией, попыталось ослабить позиции католиков на Святой земле, что также отмечалось в корреспонденции из Вены: «Греческой Патриарх Иеросалимской смотря по нынешним делам домогался у салтана турецкого, дабы ему отданы были монастыри, которыми владеют католики во Вифлиеме несколько сот лет. И за то обещал великую денежную казну. Но то спорил посол французской. И для того комисару из святыя земли велено быть во Андрианополе. Туда ж и посол со всем двором поехал».¹²⁵

Государства Священной лиги старались распространить на захваченных у турок землях католицизм. В этом отношении показательны сообщения из занятого цесарскими войсками города Печ (его немецкое название Fünfkirchen перевели на русский язык как «город Пяти костелов»). Город был многонациональным и многоконфессиональным. В нем имелась крупная община унитаристов — христианского течения арианского толка, возникшего в ходе реформации. В сентябре 1687 г. из Вены писали о судьбе этой общины: «Меж тем игумен Игнатий Раданай венгрин родом учинился епископом в городе Пяти костелов и пришел сюда, чтоб учинить благодарение цесарю за получение того чина. Он же с собою привел прежняго того города епископа арианского, иже намерен купно ж со 30-ю тысячею арияны тамо живущими принять католицкую веру чрез новое крещение, понеже их арианское крещение непристойно почитается. И хотя тот арианской епискуп охотне хотел креститься от кардинала, и чтоб цесарь был ему восприемником,

¹²² Там же. Л. 80, 82.

¹²³ Там же. Л. 167.

¹²⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 246, 250, 252.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 231.

однако ж его цесарское величество для вящего укрепления потребно разсудил, чтоб сему торжествованию в крещении толиких тысяч еретиков бысть исполнену в городе Пяти костелов чрез вышеупомянутого епискупа Радонаи. Его ж цесарское величество намерен тех новокрещенных пожаловать. И посланы для того многие духовных чинов люди отсель из Венгерской земли яко посланники в Славонью, Босню и Рассу для призывания протчих еретиков». ¹²⁶

Отправленные в Венгрию миссионеры не ограничились обращением ариан. Весной 1690 г. из Вены сообщали уже об обращении в католичество мусульман и православных: «Нам же вестно чинят из крепости Пяти костелов, что там 264 человека турков крестились, и что 3 греческих епископа проповедали закон католические веры со обещанием, что еще их радением многие тысячи крестьян греческие веры в подданство цесарского величества приведены будут». ¹²⁷ Известия о переходе в католичество мусульман в Венгрии приходили также из Венеции: «Из Диосега венгерского города пишут, что 15 человек турков к ним приехали и добровольно крестились». ¹²⁸

Российское правительство получало жалобы на обращение к католичество православных, живших на территориях, отвоеванных цесарскими войсками у турок и по другим каналам. Так в 1688 г. в Россию приезжал архимандрит афонского Павлова монастыря Исайя с жалобами от цареградского патриарха и православного духовенства. Он сообщал, что в захваченных цесарскими и венецианскими войсками в Венгерском королевстве и в Морее землях «учали превращать и принуждать к унее, а иные обращать на костелы, а когда им римляном пощастить впредь... под свою власть православнохристианские земли ис под ига турецкого достанут или и Царьград возмут, то они православные христиане все вышепомянутые земли в пущую погибель, нежели под турком придути вера, святая православногреческая вся погибнет искоренитца, понеже римляне святые монастыри и церкви обратят на костелы, а иные принудят в проклятую унию, и горшая им будет беда последняя нежели первая». ¹²⁹

Исайя жаловался, что в Седмиградской земле (Трансильвании), которую он проезжал по дороге в Москву, «множество есть и блгочестивой греческой веры людей, которым уж от папежан учало быть в вере при-

¹²⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 3. Л. 151–153.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 284, 285.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 239, 248.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1688 (7196) г. Ед. хр. 16. Л. 92, 93.

нуждение, и приезжал из Вены римской бискуп и все православные церкви в той Седмиградцкой земле переписал и попам сказал, чтоб все были с римскою црковью в соединении, а естли которые волею не похотят, тех будут мучить, а народ принуждать цесарским указом, и в той де Седмиградцкой земле от такова христианом к унее принуждения есть великая печаль и вздыхание». ¹³⁰ По дороге из Москвы домой Исайя был арестован в Вене. Его выпустили из заключения только после специального обращения российских властей. ¹³¹

В 1687 г. после начала русско-турецкой войны из Константинополя сообщали, что турецкие власти заставили константинопольского патриарха писать в Москву с просьбой прекратить войну против Османской империи, и что иначе казнят всех христиан, живущих на территории Османской империи, однако «услыша про то народ тамо живущей христианской к патриарху прислали выборных людей своих и велели ему указать, дабы он той грамоты к великим государем не посылал, а буде отпустит без их ведомости, тогда они ево казнить хотят, дабы великие государи против той грамоты намерения своего, которое имеют против турков, не отвратить». ¹³²

Включали в куранты и отдельные публикации о мирных контактах европейских христиан разных конфессий с представителями других религий. В 1682 г. из Лондона сообщали: «Посол короля Мороцкого прислал у его королевского величества нарочитого числа учителей о богословии. Да чтоб поволил из их королевства столько ж ученых людей приехать к себе, дабы они между собою разговоры имели о вере. А буде аглинские их преодолечат, и тогда впредь в их королевстве вера употреблена аглинская». ¹³³ Близкое по характеру сообщение пришло в 1695 г. из Лиссабона: «Сын арапского короля острова Бисава, которой желание отца своево к восприятию христианской веры гишпанскому королю предлагал и просил, дабы духовных в тот остров для обращения жителей к христианской вере послать...». ¹³⁴

В 1680-х–1690 х. гг. в Посольском приказе с большим интересом следили за усилиями французских иезуитов по христианизации азиат-

¹³⁰ Там же. Л. 99.

¹³¹ Чеснокова Н. П. Жалованная грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича 1683 г. афонскому Павловскому Георгиевскому монастырю из собрания Российского государственного архива древних актов // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. С. 473.

¹³² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1687 г. Ед. хр. 6. Ч. 1. Л. 422.

¹³³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 106, 107.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 11, 21.

ского соседа России — Китая. В 1681 г. куранты зафиксировали отправку из Парижа в Китай иезуитской миссии в составе 12 человек. Был отмечен и тот факт, что французский король дал им на дорогу значительную сумму в 6 тыс. золотых червонцев.¹³⁵ В 1689 г. уже сообщалось, что они построили в Пекине много церквей.¹³⁶ Позднее доходила информация о проезде в Китай новых миссионерских групп¹³⁷ и даже о том, что «царь китайский со всем двором своим да купно ж со осми лутчими государствами своими христианское благочестие принял» (1694 г.).¹³⁸ Российское правительство направляло в Китай православных священнослужителей. В 1698 г. в ответ на сообщение А. Виниуса о том, что в Пекине построена русская церковь и многие китайцы крестились, царь Петр I отвечал: «То дело зело изрядно. Только для бога, поступайте в том опасно и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу, также и езуитов, которые уже там от многих времен гнездо свое имеют; к чему там надобны попы не так ученые, как разумные и подкладные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не произошло в злейшее падение, как учинилось в Епании (имеется в виду изгнание христиан из Японии. — *С. III.*)».¹³⁹

Регулярно попадали в обзоры иностранной прессы известия о евреях. Куранты ярко отразили общий негативный характер европейских газетных публикаций на эту тему. В них включались новости об изгнании евреев из Рима,¹⁴⁰ Константинополя,¹⁴¹ введении для евреев в Константинополе комендантского часа «унятия ради бунту»,¹⁴² преследовании их в Венгрии,¹⁴³ ужесточении их положения в Польше,¹⁴⁴ казнях евреев за изготовление фальшивых денег¹⁴⁵ и контрабанду.¹⁴⁶ Могли появляться небольшие глумливые сообщения: «3 мили от Франкфорта одного жида жена свинью родила».¹⁴⁷ Лишь изредка в курантах появля-

¹³⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 102, 103.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 284–385.

¹³⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 47, 51.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1694 г. Ед. хр. 11. Л. 1, 8.

¹³⁹ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. С. 579.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 112.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 87.

¹⁴² БАН. 32.14.12. (1687 г.). Л. 54.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 76; 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 355; 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1–2. Л. 202, 203; 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 198.

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 117.

¹⁴⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 92.

¹⁴⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 133.

¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 3.

лись нейтральные сообщения на «еврейские» темы. В 1684 г. цесарским войскам удалось при помощи евреев отбить у турок Будин: «Будин город и замок августа 8 числа в христианские руки достался, и в том пособство учинили жида. И прибегли два жида в обоз цесарской, того ж 8 числа в ночи, чтоб спастися от убийства и сказали, что турки накрепко меж себя уговорились, хотя великая нужда у них, однако ж христианом не поддадутца. И так сие слыша, арцух Лоторинской тот час велел крепко ис пушек в город стрелять и приступ чинить. И хотя турки накрепко отпор чинили, однако ж бог благословил оружия наши и взятии приступом город и замок Будин под свое владение. И жидов всех на волю выпустили...».¹⁴⁸ Второе сообщение связано с крещением 28 евреев в Стокгольме в 1681 г. (при этом восприемниками новообращенных были король и королева). Статьи с последним известием переводили дважды,¹⁴⁹ возможно, в связи с тем, что русское правительство также сталкивалось с проблемой интеграции евреев в русское общество и поощряло их переход в православие.¹⁵⁰

Отдельная тема, которая постоянно интересовала русское правительство — деятельность иезуитов (выше уже говорилось о переводе статей, посвященных их активной миссионерской деятельности в Китае). В России к этому ордену, занимавшемуся прозелитизмом в православных землях, относились с гораздо большей неприязнью, чем к другому католическому духовенству.¹⁵¹ Куранты подтверждали общее представление русских властей об иезуитах, как об организации, которая обеспечивала реализацию политических интересов Рима. Одно из сообщений курантов 1671 г. свидетельствовало, что их рвение не всегда одобряли даже сами папы: «Из Рима мая в 9 день. В прошлую неделю езуиты Папе Римскому докладывали своего чина о 40 человеках, которых называли мучениками и поднесли ему персоны их, и чтоб он папа написал мучениками их, а после того папа доведася подлинно, что тех езуитов казнил аглинской король за то, что они учинили было подкоп под ево королевскими полатами, и подкатали было бочки пороху. И папа в том отказал тем, что они казнены за воровство, а не за христиан-

¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 389, 390.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 184, 192.

¹⁵⁰ Кочетков И. А. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2003. С. 81, 82; Фельдман Д. З. К истории появления крещеных евреев в московском государстве // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 4. С. 21–27; Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков. Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. С. 316–334.

¹⁵¹ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. С. 463.

скую веру».¹⁵² Позднее, в 1688 г. из Англии вновь писали об изгнании отсюда иезуитов.¹⁵³ В годы войны Священной лиги против Османской империи (1683–1699 гг.) иезуиты активно поддерживали участников антитурецкой коалиции. Они собирали крупные пожертвования (в 1686 г. пражские иезуиты собрали для оплаты военных расходов огромную сумму в 200 000 золотых),¹⁵⁴ добивались, чтобы войну против Османской империи начала Персия,¹⁵⁵ выполняли функцию посредников при переговорах между Портой и ее противниками.¹⁵⁶ В 1693 г. к папе в качестве посла польского короля Яна Собесского ездил иезуит Вота.¹⁵⁷ Об этом писали из Рима: «Езувит патер Вота, которой от короля польского сюда прислан, и паки в Варшаву поехал, не одержал того, чего он чаял. Однако ж много склонности королевству польскому восприял, и распологали в собрании, возможно ли папе королю польскому вольность дать в роздаче кляшторей бискупом в государстве том. Но сие по се время от духовных спорено».¹⁵⁸

Активность иезуитов зачастую осложняла их отношения с властями. В начале 1680-х гг. в Посольском приказе перевели сообщения о том, что иезуитов хотят изгнать из Венгрии¹⁵⁹ и не пускают в Прагу (один из иезуитов попытался пробраться в город, спрятавшись в телеге с сеном, но его обнаружили и выслали из города).¹⁶⁰ В 1686 г. два иезуита были отправлены в ссылку из Амстердама.¹⁶¹ В 1688 г. Людовик XIV, у которого осложнились отношения с папой, строго запретил французским иезуитам поддерживать связи с их собратьями по ордену за рубежом.¹⁶² Протестанты называли иезуитов в своих памфлетах прислужниками сатаны.¹⁶³ Вряд ли стоит сомневаться в том, что известия курантов

¹⁵² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 146, 150 об.–151. В данном случае речь шла об иезуитах, участвовавших в «Пороховом заговоре» (1605 г.).

¹⁵³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 2. Л. 275, 276, 280.

¹⁵⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 90, 93.

¹⁵⁵ Там же. Ч. 1–2. Л. 283, 290.

¹⁵⁶ Там же. Ч. 3. Л. 35, 104.

¹⁵⁷ Он был хорошо известен в Посольском приказе, поскольку вместе с австрийским посольством приезжал в Россию в 1684 г. в Москву и основал здесь иезуитскую школу.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 24.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 22.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 33.

¹⁶¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 37, 45.

¹⁶² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 2. Л. 326, 331.

¹⁶³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 338–341.

укрепляли нежелание русского правительства видеть иезуитов в Москве. В 1690 г. о таких планах венского двора сотрудники Посольского приказа узнали из курантов: «Из Вены маяя в 4 день. С посольством, которое к Москве идет, славный отец Тобияс Ратевский езуит едет, потому что он постановление московского владетельства нарочито знает. И уже тому несколько лет как он на Москве был и в стольном граде Москве со изволения высококняжеского владетельства вольное употребление веры тамо творил. Но после того, при недавном против царя Петра от князя Голицына вымышленного, и после обличенного опасного навета подозрения ради будто имянованный езуит с княжною Софиею против имянованного царя советовал, и того ради оттоле отлучитися принужден. А о посылке посолства того здесь крепко радеют».¹⁶⁴

Отдельную группу составляют известия, в которых рассматриваются сложные и противоречивые отношения французского короля Людовика XIV с римскими папами и, шире, с католической церковью. До конца 1680-х гг. таких известий имеется мало. В это время французские отношения с Ватиканом не носили конфронтационного характера. Как пример можно привести одно из мартовских сообщений 1671 г., попавшее в немецкие газеты через Гамбург: «Да французской король послал послов своих к римскому Папе. Просит у него трех кардинальских шапок. Первую хочет дать Ляонскому бискупу, а вторую господину Ратиглиозу, а третью кому, того Папе не объявил. А многие кардиналы хотят старого кардинала на папешской престол воздвигнуть и сродники ныне того кардинала величаются. А о болезни кардинала Барамея поданные его велми печалются, а королева гишпанская прислала к нему придивные лекарства, от которых есть ему облехчение, но не чают ему встать».¹⁶⁵

Французский король прилагал огромные усилия для укрепления католицизма, что укрепляло его авторитет в Риме. Однако к концу 1680-х гг. ситуация радикально изменилась. В это время Священная лига — анти-турецкая коалиция под патронатом римского папы, в которую входили Священная Римская империя, Польша, Венеция и (с 1686 г.) Россия, вела тяжелую войну против Османской империи. Воспользовавшись тем, что силы австрийских Габсбургов были отвлечены для борьбы с турками, Людовик XIV решил возобновить захват земель в Германии. Эта политика не встретила понимания в Ватикане. Между папой и королем Франции вспыхнул конфликт.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 318, 319.

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 82 об.—83.

Наиболее раннее сообщение на эту тему пришло в Москву 5 февраля 1688 г. Оно было сенсационным: «Из Рима генваря в 4 день. Во французских листах к нам пишут, что король грозит и хочет Патриарха во французской земле постановить, буде Папа ему удовольствия в становищах не учинит».¹⁶⁶ Речь шла не меньше, чем о новом расколе в католической церкви. Подробнее об этих планах русское правительство узнало уже в марте: «С Парижа февраля в 17 день... здесь многие лазутчики наняты Папиными деньгами, чтоб они присмотрелись ко всему, что здесь делаетца и о том бы папе ведомо чинили. А ис тех лазутчиков начальнейший пойман доктор Песонелле и сидит за караулом в Марсилесе городе»;¹⁶⁷ «Из Парижа февраля в 13 день. Здесь речь носитца, что король намерен в городе Авингноне постановить в патриархи для исправления французских костелов и чаят, что к тому чину назначен будет кардинал Эстриинский за выслугу ево и радение, еже он показал с великою ревностию и верностию при папезском дворе за французскую корону».¹⁶⁸ К концу года пресса стала доносить слухи о возможной войне: «Из Рима октября в 9 день. Сего числа многие письма на улицах нашли, в которых написано, что король Французской Папу Римского впредь не хочет почитать во отцах, но все его дело принять будто от иного мирского князя. Междо тем, здесь всем начальным ратным людем приказано наскоро приготовитьца к войне против француз. И ожидает Папа Римской от Фларенского князя несколько тысяч пехоты и другом».¹⁶⁹ Известия о готовящейся войне продолжали приходить в Москву и весной 1690 г. Об этом писали как в статьях из Парижа,¹⁷⁰ так и в римских корреспонденциях.¹⁷¹ Осенью 1691 г. тон корреспонденций изменился. Речь теперь шла о переговорах между Римом и Парижем: «Из Рима сентября в 15 день. Крепко радеют здесь кардинал и послы французские, чтоб междо папою и королем французским мир учинить. А он, папа, на том крепко стоит, чтоб француза с цесарем к миру привести. И есть в том надежда, что король к тому уже склонен»;¹⁷² «Из Парижа октября в 19 день. Из Рима пишут, что наши мир с папою одержати не возмогли ради нежелательства его, которое в сем деле цесарь чинит».¹⁷³

¹⁶⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 1. Л. 173, 178.

¹⁶⁷ Там же. Л. 277, 282.

¹⁶⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1688 г. Ед. хр. 9. Ч. 2. Л. 291.

¹⁶⁹ Там же. Л. 315.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 266.

¹⁷¹ Там же. Л. 416.

¹⁷² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 125, 135.

¹⁷³ Там же. Л. 253, 260.

Вскоре отношения между Людовиком XIV и папой были восстановлены, однако политической поддержки французский король так и не получил: «Из Риму февраля в 26 день. Понеже Папа во французскую землю пришедшим ирлянцом денежного вспоможения чинить не хочет, разве что они против турка воевать станут, и того ради французские советники письмо подали, в котором они хотят оказать, что союз соединенных — протестантское соединение есть — и римской церкви вредители и может тем большая часть Еуропы разорена быть. Но на сие Папа паки ответ дал, что сие соединение так же может протестантским называться, как французское — турским. И учинен у соединенных союз токмо того ради, чтоб от французского нападения свободным быть, которое равно как на католиков, так и на протестантов чинится».¹⁷⁴

Как видим, в курантах оказались отражены все стадии конфликта между Людовиком XIV и Римом. Нашлось в обзорах иностранной прессы место и для освещения других проблем церковной жизни, возникших в результате агрессивной политики Франции. Основная из них заключалась в том, что французскому правительству остро не хватало денег для ведения военных действий. Изъятие церковных ценностей стало одним из средств пополнения опустевшей казны. Наиболее ранняя корреспонденция на эту тему попала в Москву в январе 1690 г. и оказалась скандальной. В ней рассказывалось о монахе доминиканского ордена, который, лишившись доходов, изъятых на военные нужды, подкинул на одной из парижских площадей прижитых им со служанкой младенцев. Пикантность ситуации заключалась в том, что подкидыши были накрыты королевским портретом: «А что преж сего писали о четырех младенцах, которых изобретено на лобном месте в Париже нареченном Викторе, под персоною королевскою, ныне сыскан отец — мних один якобитанского чина, которых родила ево служанка, и того ради их он подложил и подписал, чтоб их король воспитал, потому, что он, король, доходы духовные себе емлет для воинского надобия. И того ради достойно и сродников духовных его королевскому величеству воспитать. И того ради мних сей на вышереченном лобном месте заделан меж каменными стенами, а оставлено токмо оконцо, где подавать хлеб и воду. И стерегут ево днем и нощию по 4 человека салдат, а хто ево пожелает увидети, и тому показывают ево за 5 шаленгов. И сего ради у всего духовенства во французской земле великой шум учинился».¹⁷⁵

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 178, 179.

¹⁷⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. 37, 50–52.

Протест духовенства принимал и другие, гораздо более традиционные формы, о чем сообщает другая парижская корреспонденция: «Из Парижа мая в 17 день... Король наш указал, дабы все серебро, которое обретається в Риселе городе, в костелах обрали и в Париж привезли, но законники у костела Святого Петра тому противились, говоря: „мы не королю французскому, но Папе Римскому подданы, а буде король силою у них хочет взять, то они собрав серебро на престол в костеле положат и пойдут прочь. И король, несмотря на то, велел серебро у них взять...“».¹⁷⁶ Демонстрации духовенства не возымели действия. На протяжении 1690 г. новости об изъятии церковных ценностей приходили неоднократно.¹⁷⁷ Новые публикации на эту тему появляются в 1694 г.¹⁷⁸ Наиболее любопытная пришла из Кельна: «В последних французских грамотах пишут, что у них такая великая денежная скудость, что и на стекольчатые окончины во всем государстве подати возлагают. И доведется тех податей с оконниц с одного французского монастыря с 2000 фунтов взять».¹⁷⁹

Следует отметить, что сообщения об экономических проблемах церкви появлялись в курантах и ранее, вне связи с Людовиком XIV. За годы правления Федора Алексеевича дважды переводились статьи об экономических реформах (1676, 1677 гг.) Папы Иннокентия XI. Если в первом случае речь шла только о сокращении повседневных расходов,¹⁸⁰ то позднее сообщалось, что папа уменьшил доходы монастырям.¹⁸¹ Временное изъятие церковных ценностей в период военных действий в России было распространенной практикой как в XVII столетии, так и ранее. Однако к концу XVII в. русское правительство все чаще пополняло казну за счет монастырских имуществ. Начиная с 1678 г. с дворов крестьян, принадлежащих духовенству, собирались экстренные налоги.¹⁸² В марте 1682 г. царь Федор Алексеевич утвердил решение о конфискации вотчин, поступивших в церковное владение после 1649 г. в нарушение Соборного Уложения.¹⁸³ С началом войн Петра I изъятие церковных ценностей стало массовым. Не исключено, что регулярное

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 347, 356.

¹⁷⁷ Там же. Л. 210, 228, 425, 456, 467.

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1694 г. Ед. хр. 11. Л. 170, 187.

¹⁷⁹ Там же. Л. 254, 266.

¹⁸⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 112.

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 13.

¹⁸² Богданов А. П. В тени Великого Петра. С. 98, 99.

¹⁸³ Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001. С. 63.

знакомство с европейской практикой по данному вопросу подталкивало российское правительство к наступлению на имущественные права церкви.

Сообщения, которые касались вопросов религиозной жизни Европы вне политического контекста, в куранты включались реже, однако и они представлены довольно широко. В куранты дважды включались известия о богослужбных реформах. Первое из сообщений относится к 1685 г. и дошло с частичной утратой текста: «Из Франкфурта августа во 12 день. Ис Парижа к нам пишут, что духовнаго чина старшины междо собою советовали о вере и наперед будущее время сии статьи постановили: 1) Чтоб впред хотящему причас[тие] давали во обоих в церквях... и в хлебе; 2) Чтоб впред в костеле в причастие священного хлеба не подымати; 3) Чтоб впред причастия по улицам не нос<...> токмо волно к хворым прино<...> тамо в дому святит; 4) Чтоб впред образа престыя Троицы в костеле не держали так же и иные фигурные цветы отставить; 5) Чтоб святые воды впредь не держали; 6) Чтоб впред в начале казания буди поздравлена святая Мария не говорить. Те статьи король французской не токмо подписал, но и в своем государству приказал крепко держати, чтоб за едину веру искали».¹⁸⁴ Аналогичные «новости» появлялись и в следующем году: «Из Франфурка от Меины реки мая в 1 день. Из Рима пишут апреля 19-го числа, будто тамо некоторые у столицы папской сущие намерены суть: 1) Дабы пасторы всяк во языке народа мшу служил; 2) Дабы пресвятую таину двоинными способом миру подавали; 3) Чтоб тое ж таину явно по улицам не носили как обычаи к болным ходить; 4) Такж чтоб икон или образов в костелах драгоценными окладами не окладывали, дабы тем ко окраденію вором причины не дать; 5) Чтоб никаким святым не молитца, токмо единому богу и ему честь воздавать; 6) О чистце дабы всяк верил так как хочет; 7) Помазания впред не употреблять. И аще сие Папа воспримет, и о том впредь ведомо будет, а ныне тому не верят».¹⁸⁵ Эти реформы соответствовали чаяниям протестантов. Информация об их поддержке Людовиком XIV не соответствовала действительности. Повторный перевод близкого по содержанию материала с интервалом чуть меньше года свидетельствует об устойчивом интересе к данной теме. Почему этим вопросом интересовались — сказать сложно. Можно лишь предположить, что внимание к подобным публикациям вызвано проходившей в это время в Москве полемикой между «латинствующими» и «греко-

¹⁸⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1685 г. Ед. хр. 7. Л. 184.

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 152, 153.

филами». Вспыхнувшая между ними дискуссия о времени пресуществления Святых Даров затронула и придворную среду — не сумев убедить друг друга, обе стороны стали апеллировать к светской власти. Не исключено, что общий интерес к тематике заставил правительство обратить внимание и на аналогичные споры в Европе.

В ряде сообщений курантов описываются различные благочестивые церемонии. В 1671 г., когда дипломаты Людовика XIV вели активную дипломатическую работу, подталкивая Англию к нападению на Голландию (что и произошло в начале 1672 г.), в Голландии усиленно молились о мире: «Из Амстрадама марта 2-го числа. По указу статов велено во всей Галанской земле иметь молителной и благодарителной постной день, в котором во всех церквах земли сея господа Бога благодарити за многое указанное его благодеение. И чтоб впредь благословенствы свои над теми народами союзных земель изволил простерти. И их одержати во всяком покое, мире и тишине и от наступления всяких супостат».¹⁸⁶ Ровно неделю спустя подобные молебны были проведены и в Англии, их инициировал парламент, выделивший перед этим средства на подготовку к войне.¹⁸⁷

Дважды в разные годы переводили описания обряда омовения ног, при котором духовный или светский владыка омывал ноги нищим или своим подчиненным, подражая при этом смирению Христа, омывшего во время Тайной вечере ноги апостолам: «Из Рима марта в 28 день. Прошлой недели Папа со многими кардиналы и с князи пошел в костел святого Петра и там по обычаю 12 человек ноги омывал, и потом их у стола своего кормил и сам им у того стола служил и службу исполнял, а после того давал им милостыню золотыми и серебряными денгами, того ради что спать не мог две ночи. А как милостыню роздал, и тогда учал спать благополучно»;¹⁸⁸ «Из Варшавы марта в 25 день... апреля в 23 день королева 12 человеком нищим ноги мыла и всякому из них по мешку денег пожаловала».¹⁸⁹ В православии этот обряд был известен издревле, исполнялся он в Великий Четверг Страстной седмицы. В Константинополе в IX–XII вв. в конце вечерней службы шел чин умовения ног: Патриарх омывал ноги троим иподиаконам, троим диаконам, троим пресвитерам, двоим митрополитам и одному архиепископу.¹⁹⁰ В Рос-

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 23, 23 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 42.

¹⁸⁸ Там же. Л. 81.

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 194.

¹⁹⁰ Желтов М. С., Лукашевич А. А., Ткаченко А. А. Великий Четверг // Православная энциклопедия. М. 2004. Т. 7. С. 164–466.

сии XVII в. обряд омовения ног совершался и вне богослужения, что, к примеру, делал патриарх Никон.¹⁹¹ Судя по всему, воде, которой духовное лицо высокого ранга омывало ноги нищим, приписывались особые свойства. Она входила в состав чудодейственных снадобий. Так царь Алексей Михайлович однажды обратился к архимандриту Троице-Сергиева монастыря Иоасафу со следующим указом: «да послали к тебе, пречестному отцу и богомольцу, сокольника нашего Михайлу Юрьева, и ты бы, богомолец наш, прося у Пресвятыя и Живоначальныя Троицы и у преподобных Отец милости, сотворил и прислал тайно, никому же поведавше сию тайну, священнаго масла великаго четвертка в сосуде и воды с ног больничных братий, умыв сам тайно, и воды из колодезя Сергия Чюдотворца три ведра, отпев молебен у колодезя, за своею печатью».¹⁹²

Из года в год появлялись в курантах сообщения о благочестии бывшей шведской королевы Кристины (которая в реальной жизни таковым отличалась далеко не всегда). В качестве примера можно привести новость 1683 г. из Рима: «Бывшая королева свеиская Христина указала ныне построить некоторые кляшторы тем намерением, что в одном ис тех кляшторов принять иноческий чин и пребывати тамо в смиренном образе».¹⁹³ В одном случае переведена статья о благочестивом поведении шведского короля. Из Стокгольма сообщили, что «Королевское величество с королевою и с матерью своею ныне здесь пребывает и намерен идти на страшной неделе паке в Коигсер, чтоб тамо, по обыновению своему, причаститься святых тайн Господних».¹⁹⁴ Российские государи сами регулярно совершали паломничества по церквам и монастырям. Позднее, в XVIII в., когда из Коллегии иностранных дел начали рассылать за границу российские новости для иностранных газет, в них часто включали известия о посещении российскими императорами молебнов.¹⁹⁵

Обращали внимание и на другие, далекие от политики проблемы. В одной из статей говорилось об одеянии духовенства: «Из Рима генваря в 9 день. Папа приказал, чтоб впредь каковаго не есть чину, которые в Рим приезжают для ево видения, чтоб ни в каком ином платии, токмо

¹⁹¹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 227; Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700 гг.). М., 1999. Т. 1. С. 461.

¹⁹² Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1910. Ч. I. С. 119–122

¹⁹³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 343.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 14.

¹⁹⁵ АВП РИ. Ф. 11. Оп. 11/1. 1729 г. Ед. хр. 185. Л. 10 об.

в черном были и ходили»,¹⁹⁶ в другой — о правилах развода супругов: «Из Парижа апреля в 30 день. Говорят здесь о указе, чтоб жены, которые от мужей отлучаца, каких ни есть ради причин, до смерти в монастыри шли, а инако к разлучению им поволено не будет».¹⁹⁷ Не осталось без внимания желание Папы собрать «великий собор» католического духовенства: «Из Риму ноября в 20 день. Папа намерен во удивление всему свету великой собор в здешнем городе учинить, такожде и во всем цесарском присуде пошлины отставить. Но чаем, что оба сие его великие намерения исполниться не возмогут. Первое за несоединением христианских потентатов, второе за недостатком денег».¹⁹⁸

Включали в куранты и религиозные чудеса. Обычно они связаны с католическими землями: «Из Амбурха апреля в 18 день. А из Полши пишут, что в Гнезнинском монастыре обрели чюдотворной образ святыя Девы, и бутто архиепискуп послал некоторых духовных людей для подлинного розыску»;¹⁹⁹ «Из померского города объявляют, умершего бискупа от телеси великие чудеса являются. И понеже единой отроча, который слеп родился, приложили, тотчас прозрел»²⁰⁰ (в переводе сообщения изначально использовано слово «мощи», его вычеркнули при редактировании, заменив на нейтральное «телеси»); «В здешней стране в Шарпенговене²⁰¹ городе от образа Пресвятой Богородицы великое чудо учинилось, что у некоторой девицы прошлой зимы в болезни отнялась левая нога и скорчилась. И, употребляя многих врачей и лекарств, никакой помощи не получила. И для того обещала ехать в Шарпенговен город молиться о помощи образу Пресвятой Богородицы. И наняв извозчика, хотела ехать по утру. И в нощи то чудо учинилось, что она по утру встала здорова и нога цело по-прежнему. И она, видя такое чудо, воздав благодарение и взяв с собою сестру, по обещанию своему поехала в Шарпенговен».²⁰² Из Рима сообщали: «Здесь сказывают, что ис чюдотворных рам святого Николая²⁰³ не в давных днях паки руда точилась, о чем крепкое испытание учинено есть, понеже мнят, что христи-

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1690 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 111.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 124.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1693 г. Ед. хр. 10. Л. 24.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 88.

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 44, 45.

²⁰¹ Во Франции.

²⁰² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 134.

²⁰³ Русские читатели, скорее всего, видели в упомянутом святом Николае Чудотворца, однако о каком святом идет речь в сообщении... на самом деле, сказать сложно.

анству при таких обыкновенно то или иное какое злополучение приключается»;²⁰⁴ «Из Меланда²⁰⁵ октября в 8 день. В Пафии /гишпанской во Италии/²⁰⁶ в костеле святого Августина разрывали землю, дабы тамо новой пол сделать. И подъеме нескольких камней нашли тело великого церковного учителя Августина в мраморной гробнице с подписью и объявлением о том чесном теле. И по открытии той гробницы нашли серебряной гроб, и в том гробу еще другой свинцовый гроб обрели, в котором помянутое тело лежит. И о том в помянутом городе великую радость получили».²⁰⁷ Блаженный Августин был хорошо известен в России, хотя некоторые из русских авторов не считали его православным святым.²⁰⁸ Включение этих текстов в куранты свидетельствует о том, что в России того времени официальное непризнание «чужой» святости мирно уживалось с интересом к известиям о таких событиях. Описания чудес католического мира в большом числе включает популярная в России в конце XVII столетия книга «Великое зеркало».

В значительно большем количестве встречались публикации о различных знамениях и пророчествах. Многие из них имели явно суеверный характер. Поскольку знамения и пророчества чаще всего появлялись в связи с какими-то природными явлениями или социальными катаклизмами, то основная их часть рассматривается в соответствующих разделах. Здесь же приведем в качестве примера лишь несколько публикаций, которые в большей степени соответствовали ортодоксальной религиозной традиции: «Из Шренбертва /в Шленских горах/ города марта в 16 день. Над Бринкенем городом чудо было в ночи. Небо отворилось и видима бе дуга, на которой Спас наш Иисус Христос с крестом стоял. А позади его встал черный облок, и в том облаке разделены были люди от ангелов на правую и на левую стороны. Тут же и демоны

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 125. Оп. 2. № 129. Л. 1.

²⁰⁵ Милан.

²⁰⁶ Павия.

²⁰⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1695 г. Ед. хр. 7. Ч. 1. Л. 309.

²⁰⁸ Буланин Д. М. «Учиться ли нам полезнее грамматики, риторики... или, и не учая сим хитростем, в простоте Богу угождати... и котораго языка учиться нам, славянном, потребнее и полезнее — латинскаго или греческаго?» // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 66; Сазонова Л. И. Карион Истомина // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3, ч. 2. С. 150; Буланин Д. М., Матвеева Е. Н. Тимофей Каменевич-Рвовский // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3, ч. 4. С. 17; Калугин В. В. «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка*. 2001. М., 2002. С. 108–164.

объявились и тех, которые на левой стороне были, с собою взяли. И сие чудо много сот человек видели, и по костелам казание о том ксензы людям чинят, а впред болши о сем объявлено будет»;²⁰⁹ «Из Вены августа в 25 день. К нам недавно из Рима ведомость пришла, что некоторая блгочестивая инокиня тамо прорекла, что королеве свеиской Христине смерть да приключится прежде скончания Папы Римского, а о Папе Римском сказала, что он преставится в августе месяце, да и королю французскому от смерти быть одоленному».²¹⁰ В 1684 г. в куранты было включено сообщение из Вены от 12 августа о том, что в Царьграде «над костелом святыя Софии, где ныне мечеть», турки видели крест».²¹¹ Данная новость, вне всякого сомнения, должна была обрадовать российские власти.

Неоднократно появлялись «новости» о пришествии различных пророков. Так, в 1665–1666 гг. в куранты включили целый ряд известий, связанных с «пришествием» лжемессии Саббатая Цви. Его появление вызвало брожение среди евреев как в Османской империи, так и в ряде стран Европы. Туркам удалось остановить саббатрианское движение, нарушавшее стабильную жизнь в империи, добившись перехода Саббатая Цви в ислам. В России, несмотря на прекращение саббатрианского движения, интерес к этой теме остался и несколько лет спустя. В 1671 г. в куранты было включено известие из Лондона, что «доктур некоторой из Царягорода писал ко фларенскому грандуке, что тот, которого называли преж сего жида месияшем, не токмо что бусурманскою веру крепко держит, но ныне обрали ево в учителя молодому салтаничку». Д. К. Уо предположил, что острое внимание к фигуре Саббатая Цви в России связан с тем, что в 1666 г. здесь, так же, как и в Европе, ожидали конца света.²¹² Церковный раскол, терзавший в это время Русскую православную Церковь, заставлял российские власти особенно внимательно относиться к грозным знамениям Апокалипсиса.

В Посольском приказе на протяжении XVII в. не менее шести раз переводили разные варианты «Сказания о двух старцах» предрекавших конец света.²¹³ Встречались на страницах курантов и другие сообщения о явлении пророков.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 3. Л. 10–11.

²¹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1689 г. Ед. хр. 10. Л. 181.

²¹¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1684 г. Ед. хр. 6. Ч. 1–2. Л. 355.

²¹² *Wagh D. C. Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes...* С. 44–60; В-К VI (ч. 2). С. 110–117; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 28.

²¹³ *Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»...* С. 221–248. Подробнее см. в историко-графическом разделе и главе 5.

XVII в. был в Европе последним столетием, когда Церковь при участии светских властей активно боролась с еретиками и колдунами. Эта тематика также нашла отражение на страницах курантов. Новость о борьбе с еретиками удалось зафиксировать лишь один раз в 1691 г.: «Из Рима сентября в 15 день... Из Неаполи ведомо чинят, что тамо новая ересь объявилась, и те не верят, что душа безсмертна. И за то многие из них за караул посажены».²¹⁴ О борьбе с колдунами писали чаще. 30 ноября 1676 г. из Стокгольма сообщали: «Великое чарование в государстве нашем по различным местам зело убывает для того, что трех баб, которые тому делу были причинны, сожгли, а о досталных по всякие дни чинят крепкие розыски, чтоб сию землю от того дьявольского наваждения избавить».²¹⁵ Из Парижа пришло известие о сожжении за торговлю смертоносными «зельями» ксендза и его жены.²¹⁶ В 1679–1682 гг. «Звездная палата» Людовика XIV вела расследование целой серии преступлений, связанных с вредоносным колдовством и отравительством, в ходе которого было казнено 36 человек.²¹⁷ Замешанными в уголовной истории оказались многие придворные и крупные чиновники. Главную преступницу Вуазен сожгли 22 февраля 1680 года. В преступных заговорах против Людовика XIV обвиняли его фаворитку Монтеспан.²¹⁸ Боролись с ведьмами и в немецких землях: «Из Спросена моравского цесарского города декабря в 29 день. Здесь две жены колдунки приговорены жечь, а где посажены жечь и тот струб весь згорел, а они и в платье невредимы стали, и для того на другии день на четыре части казнены и сожжены, а судья, которой приговаривал казнить, после сожжения их во исступлении ума стал».²¹⁹ Некоторые статьи, как, к примеру, приведенное в разделе об эпидемиях описание злодейств распространявшего моровое поветрие могильщика, не только сообщали о факте преследования колдунов, но и подробно излагали ход процесса, а также содержание допросов обвиняемых.

Фиксируемое курантами в разных европейских странах преследование колдунов имело параллели и в действиях российского правительства того времени.²²⁰ Специальный указ о казни колдунов, развивавший

²¹⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1691 г. Ед. хр. 12. Ч. 1. Л. 135.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 111.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 80.

²¹⁷ Харт Р. История ведовства // Демонология эпохи Возрождения. М., 1996. С. 364.

²¹⁸ Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. С. 204.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1683 г. Ед. хр. 5. Л. 94.

²²⁰ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. С. 128, 130; Зерцалов А. Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси...; Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. С. 331–333.

первую статью главы 1 Соборного уложения 1649 г., которая предусматривала сожжение богохульников,²²¹ был дан Алексеем Михайловичем в 1653 г. Виновных полагалось «в обрубех, обложивше соломою, жечь насмерть».²²² Описание сожжения колдуна (17 марта 1665 г.), проведенного в соответствии с царским указом, приводит член голландского посольства Н. Витсен.²²³ Зафиксированная Витсеном практика сохранялась и в конце XVII в. Изгнанный из Москвы после свержения царевны Софьи иезуит Иржи Давид писал следующее: «для сожжения не складывают костра, а строят как бы маленькие домики, в них осужденных через потолок опускают вниз, а там поджигают солому, в которой они задыхаются и сгорают».²²⁴

Иногда встречались «новости» о различных кознях дьявола. Приведем лишь некоторые. Среди курантов за 1665 г. находится описание борьбы священника-экзорциста с вселившимися в женщину бесами (немецкая версия была обнаружена в берлинской газете «*B. Einkommende Ordinari und Postzeitungen*»²²⁵). Описываемые в корреспонденции события происходят в Польше. Бесы вселились в женщину за девять лет до появления газетной публикации, после того, как она верну-

²²¹ Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 19.

²²² *Опарина Т. А.* Неизвестный указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь Вопросы медиевистики. № 3. 2002. С. 88–91.

²²³ «Одного, я видел, сожгли заживо. Это был монах, который обокрал свой монастырь, и, как русские сказали, он колдовал своим крестом. Здесь был сложен костер в виде домика из квадратно уложенных друг на друга бревен; вокруг и внутри „домика“ полно соломы, примерно на два фута высоты. Страдалец влез туда наверх сам, свободно, ничем не связанный, перекрестился на все четыре стороны и сказал присутствующим — „прости“ (прощайте). Затем палач поднял одну или две балки, и монах прыгнул внутрь, а над его головой сдвинули балки. Как только палач слез, зажгли солому с четырех сторон одновременно, так что „домик“ сразу вспыхнул. Монах крикнул только раза два, заметался в огне и задохнулся от дыма. Это было ужасно, через щели видны были муки страдальца. Размер этого „домика“ был примерно 12 футов в квадрате, немного выше человеческого роста». См.: *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665. С. 131, 132.

²²⁴ Свидетельство иностранного наблюдателя о жизни русского государства конца XVII в. // ВИ. 1968. № 3. С. 96.

²²⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1664 г. Ед. хр. 2. Л. 59–62. Русский текст опубликован в книге: В-К VI (Ч. 1). С. 124–125. Немецкий оригинал и небольшой комментарий см.: В-К VI (Ч. 2). С. 270–272. Подробнее об этом тексте см.: *Maier I.* Die Geister verstanden nur Polnisch. Ein deutsch-russisches Dokument über eine lateinisch-polnische Geisterbeschwörung in Mähren im Jahre 1665 // Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag). Bochum, 2009. S. 1–21.

лась из татарского плена. В плену у нее погибли муж с ребенком. Несчастливая стала часто поминать нечистого в своих клятвах, что и стало причиной вселения бесов. Одержимую привели в местный храм. После того, как над ней подняли образ Богородицы, бесы заревели бычьим ревом и стали отвечать на вопросы священника. Диалог велся на двух языках — священник задавал вопросы на латыни, а бесы отвечали по-польски. Переговоры шли сложно. Бес по имени Шкабан хамил священнослужителю и отказывался выполнять его требования. Другие бесы проявляли склонность к компромиссу и даже клялись именем Люцифера, что в тот же день покинут страждущую, если им дадут переселиться в другого человека. Называли даже наиболее приемлемые кандидатуры. Однако священник настаивал на том, что бесы должны покинуть землю и отправиться в ад. Те же угрожали, что если их выгонят насильно, то женщина умрет. Чем закончилась данная история, автор статьи не сообщает.

Наиболее любопытная, на мой взгляд, история о бесах относится ко времени правления Федора Алексеевича: «20 числа февраля великое и страшное дело учинилось, что два начальника, знаменщик да становничей Кувердинского полку, в карты играли, и становничей у знаменщика выиграл 100 золотых червонных. И для того проигрышу, проклиная карты, призвал дьявола, дабы те карты взял, и по малому времени те золотые назад у становничьего отыграл, а становничей, паче первого проклиная те ж карты, дьявола призывал. И того ж времени дьявол тотчас пред полуночи разтворя избу вступил к ним подобием старого человека с великою брадою. А потом видим был яко огонь, и они видя то устрешились и, не ведая, что делать, творя молитву, спрашивали его, кто он такой. Но однакож ничто им не помогло, как гонял их по избе, и как от того страху выбежали они из избы, и им попался встречу таков же другой. И совокупясь оба гнали их до самого двора огненным пламенем. От которого страху так они заболели, что едва и живы будут. И сего ради все начальные люди зареклись в карты играть».²²⁶

Е. И. Кобзарева в диссертационном исследовании проанализировала сообщение за 1695 г. о чуде: юношу, который совершил тяжкий грех, убив свою мать, подняло в воздух и унесло в соседнюю деревню. Оказалось, что его русский переводчик XVII в. отверг *post scriptum* издателя газеты, предположившего, что юноша мог и сам, боясь гнева односельчан, незаметно уехать туда, где был обнаружен.²²⁷ Чудо вызвало

²²⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 94, 95.

²²⁷ Кобзарева Е. И. Известия... С.140.

доверие у переводчика, а рационалистические домыслы показались недостойными перевода. Однако имеются в курантах и примеры иного рода. В 1670 г. в статье из Гамбурга от 19 июня рассказывалось о том, что во многих немецких городах произошли землетрясения, сильно напугавшие жителей. Церковные колокола звонили сами собой. В шведском же городе Калмаре, когда больше 100 человек собрались к причастию, сосуд с вином распался на две части. При этом «со воздуху» раздался голос, пояснивший, что это наказание за неверие в «католициские веры». Вслед за описанием столь очевидных знамений автор сообщил о принятии католицизма многими людьми на Нижней Эльбе.²²⁸ Рядом с этой статьей на полях имеется помета кого-то из русских читателей, выразившего свое отношение к публикации — «лукавство засылочное». Данная надпись на «подножном» (предназначенном для зачитания царю и боярам) экземпляре курантов существенно отличается от обычных переводческих и писцовых помет. К настоящему моменту ее автора установить не удалось, однако она, безусловно, принадлежала должностному лицу очень высокого ранга.

Скептически относился к возможности вмешательства сатаны в повседневные человеческие дела Петр I. В самом конце зимы и ранней весной 1696 г. он занимался в Воронеже строительством кораблей, которые во время предстоящего летнего похода должны были блокировать Азов со стороны моря. На строительстве ощущалась острейшая нехватка мастеров.²²⁹ В это время в курантах появилось сообщение о том, что подрядчик, взявший на себя постройку каменной стены вокруг города Динанта, договорился с дьяволом относительно работников, который и выслал из ада большое число искусных каменщиков. О том, что перевод статьи со столь животрепещущим для Петра сюжетом привлек его внимание, мы узнаем из писем царю от Андрея Бутенанта фон Розенбуша. В письме от 25 марта 1696 г. Бутенант пишет: «О новых каменщиках после того иные вестей нет, а курант, в которое тои напечатено, у мене в бережение для свидетелство. Я бил челом Кондратью Фомичю о подводе, чтоб послал в ад для подлино ведомость, и он мне сказал, что емщики дороге не знает». Петр I долго не оставлял этой шутки. В письме Бутенанта Петру от 15 апреля 1696 г. (ответ на царское послание 7 апреля) мы вновь читаем: «О каменщиках после тово в курант никакова весте не написано; знатно, что ушли в ад. Не без тово, что из-за моря и отсуде тудис ездовых многи, толка назад

²²⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1670 г. Ед. хр. 8. Л. 169.

²²⁹ Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. С. 514.

не бывает».²³⁰ Таким образом, мы видим в среде русской политической элиты противоречивое отношение к религиозным чудесам Запада. Вера причудливо переплеталась с сомнением.

Из приведенных выше сведений видно, что во 2-й половине XVII в. представители русской политической элиты, на которых были ориентированы обзоры иностранной прессы, активно интересовались религиозной жизнью Европы и получали о ней обширную и разностороннюю информацию. Уже сам факт, что российское правительство желало знать, как в Европе решали проблемы, схожие с теми, что возникали в русской религиозной жизни, позволяет предполагать наличие какого-то влияния переводимых сообщений на русских читателей. Конечно, это был лишь крайне узкий круг высшей знати, но подобным влиянием не следует пренебрегать, поскольку именно эти люди определяли направление развития государства.

4.5. Церемонии в курантах

Церемониал, выполнявший функцию презентации власти, играл большую роль в жизни московского двора. Поэтому нет ничего удивительного в том, что составители курантов переводили на русский язык описание европейского церемониала. За годы правления Федора Алексеевича в курантах сохранилось 24 более или менее полных описания различных церемоний. Среди них приемы послов (8), парадные шествия правителей и их подготовка (5, в том числе отправление в «Троицкий поход» самого Федора Алексеевича), венчания на царство и их подготовка (3), назначения на должности или принятие вассальной присяги (3), празднования рождения наследников (2), похороны (1), передача города (1)²³¹ и такое экзотическое действо, как венчание венецианского дожа с Адриатическим морем.²³²

²³⁰ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. С. 551, 562.

²³¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 10, 114, 115; 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 89–91, 161–136, 306, 307; 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 276–278, 267, 268; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 79, 154–157, 163, 165, 166, 176, 246, 247; 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 2, 3, 5, 99, 100–102, 119, 120, 189–191; 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 3–8, 45, 46, 194, 214.

²³² «Из Венеции июня в 4 день по новому. А сей недели здесь, в самой день вознесения Господня, князь наш, со всеми сенатори, вшед на великой устроенной корабль, несколько миль в море, по древнему обычаю нашему с морем обручается. И сняв перстень с руки своей, в то море Адриатское бросит, являя тем свое тому морю присвоение и державу. И возвратясь всех сенаторей и послов и посланников христианских государей, в Венеции прибывающих, великим столом потчевал» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 161, 162).

География и объем сообщений о церемониях за время царствования Федора Алексеевича претерпели существенные изменения. Если их разбить на сопоставимые по сохранности и временным рамкам блоки — 1676–1677, 1678–1679 и 1680–1681 гг. — становится видно, что в 1676–1679 гг. переводились почти исключительно описания церемоний, связанных с Польшей. В этот период, кроме «польских» церемоний, куранты включили лишь описание шествия Федора Алексеевича в Троице-Сергиев монастырь и венчания венецианского дожа с морем. Все это отражает общее внимание к польским делам и не может рассматриваться как специальный интерес к церемониалу. В разгар войны правительству было не до него.

С 1680 г. география описаний церемоний покрывает практически всю Европу. Кроме «польских» сообщений, в куранты включено пять описаний церемониальных действий на территории Швеции, три на территории Испании, два — Англии, два — Османской империи, по одному в Риме, Священной Римской империи и в захваченном Людовиком XIV Страсбурге.

Количественно объем информации в этот период тоже существенно вырос. Чтобы его определить, на компьютере были набраны все тексты на данную тему и произведен познаковый подсчет объема текстов. За 1676–1677 гг. он составил 4213 знаков в шести сообщениях, за 1678–1679 гг. — 2371 в двух сообщениях (сохранность источника за эти годы хуже, чем за предыдущие и последующие), за 1680–1681 гг. — 8654 знака в двенадцати сообщениях. Большой объем информации о церемониях включен в куранты и в первые месяцы следующего 1682 г. (3497 знаков в четырех текстах). Таким образом, мы видим, что интерес к европейскому церемониалу постепенно усиливается.

Преобладание известий о приеме дипломатических посольств над другими сообщениями о церемониях объясняется несколькими причинами. Первая из них состоит в том, что посольства отправлялись гораздо чаще, чем, к примеру, происходили коронации правителей. Уже в силу этого известия о посольствах численно преобладали. Кроме того, сам факт направления посольства был важен для русского правительства как показатель дипломатической активности того или иного государства. Описание приема свидетельствовало о характере взаимоотношений между странами. Это ярко видно по описаниям приема в Константинополе польского посольства (1677 г.) и русского посольства (1682 г.). Россия и Польша воевали против Османской империи с 1672 г. Польша вышла из этой войны первой со значительными территориальными потерями. Султан был доволен итогами мира, а поляки стремились не раз-

дражать грозного соседа. Это положительно отразилось на ходе приема посольства: «Того ж месяца в 8 день были послы у визиря на приезде, а послал по них визирь своих коней больше 30. И пришед к визирию с честию, и поклоном своим их принял любовно. И послы королевского величества грамоту и поминки ему дали. После малых разговоров послы возвратились паки к себе на подворье и тамо их столом потчевали и на 8 человек по обычаю турецкому кафтаны дали. А посольство перед самого султана оставлено до будущего месяца октября».²³³

Между Россией и Турцией война продолжалась еще несколько лет. Османская империя ценой больших потерь сохранила за собой украинские земли, отобранные у Польши, однако новых приобретений не получила. Стороны с трудом шли друг другу на уступки, что отразилось и на приеме русского посольства: «Из Венеции мая в 17 день. В царьградских листах нам объявляют, что московский посол, как он принят в Царьграде и ему паша говорил, поставя его на месте, которое называется „сераглису“, велел ему с лошади сойти. И он ему в том отказал, что ему того учинить невозможно, а сойдет он с лошади на том месте, где визирь с лошади сходит. И как он того не учинил, и его возвратили от того места со всеми при нем людьми на посольской двор».²³⁴

Дважды описывались различные посольства, принятые в Лондоне. Испанский посол блистал на въезде в английскую столицу огромным эскортом, состоявшим более чем из 80 карет,²³⁵ а марокканский посол скромно объявился в сопровождении четырех слуг.²³⁶ Из посольств,

²³³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 306, 307. В 1680 г. в куранты включили описание въезда польского посольства в Рим: «Из Риму сентября в 21 день. В прошлой недели после полудня князь Радивил с преизрядным строиством из сего города поехал. На пред шли трубачи и сурначи его с оберегательными людьми, с тремя вельблуды и с 12 подводными лошадьми, которые все драгими нарядами украшены были. За ними последовали все его дворовые люди в дорожных одеждах. да карета кардинала Видона, в которой он князь Радивил с 4 духовного чину вельмож сидел. А около кареты пеши шли жильцы его и скороходы. После еще шли 15 карет по шти лошадей, в которых сидели дворяне его. Сим подобием учинилось отшествие его до назначенного ему места покоя» (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 4. 1680 г. Л. 79).

²³⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 5. 1682 г. Л. 194.

²³⁵ «Из Лондона ноября в 26 день. Явное вшествие гишпанского посла в сей город велми изрядно учинилось и шло за ним больши 80 карет по шти возников, да многие честные дворяне в драгоценных одеждах» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 4. 1680 г. Л. 165, 166).

²³⁶ «Из Лондена генваря в 20 день. Тако ж де индейского царя морокского посол прошлой субботы был на приезде, имея при себе 4 человека. А одean шаролитцким

принятых в Испании, в курантах были описаны голландское посольство 1680 г.²³⁷ и русское 1681 г.²³⁸ Хотя описание приезда голландцев значительно меньше по объему, пышностью эта церемония явно превосходила появление русских дипломатов. П. И. Потемкин и его свита въезжали в испанскую столицу не в каретах, а просто на конях.

Парадные шествия правителей, объезжавших свои владения, имели функцию презентации их власти перед собственным народом. Больше всего таких сообщений было посвящено Польше. Наиболее яркое опи-

одеянием с великою длинною. А шапки у них были нанизаны жемчугом, а сабля висела на золотой чепи, драгими алмазами украшена. И подал королевскому величеству государя своего грамоту» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 5. 1682 г. Л. 45, 46).

²³⁷ «Из Мадрида /гишпанский/ ноября в 14 день. Господин Геймскерх, посол высокомогочных господ статов генерал Соединенных Недерляндов, учинил здесь шествие свое явно с превеликим изрядством, имея при себе многих надворных людей в драгом одеянии и драгоценных лошадей и карет. И вскоре после того на приезде был у короля и у королевы» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 4. 1680 г. Л. 163).

²³⁸ «Из Мадрида /стольной город гишпанской/ августа в 21 день. В понедельник восемь дней будет, как московские послы явный свой приезд учинили, имея при себе 30 человек, которой всяк некую часть из даров королю принадлежащих носили. Один носил часы, иные части старого венецианского прокарта /чают шелковый товар/, иные ковры столовые, иные горностайны кафтаны, иные седло да саблю, по извычаю земли их. Еже все оценити в 200 рублях. За ними последовали дворяне все на конях, и потом секретарь посольский, держа в руке грамоту его царского величества, что вручить католическому величеству. А после шли некоторые дворяне, провожая господ послов. А за послами ехало великое число дворян здешнего двора. Еже все вельми приятно было смотреть, а наипаче для того, что был день красной и жаркой, и те посольские люди по извычаю своему, долгими куташи под теплым подкладом одеты были. И сего числа помянутые послы по королевскому указу почествованы, и дано им на день сто пятьдесят ефимков». «Из Мадрида /гишпанской/ августа в 21 день. Сего месяца в 12 числе московский посол был на явном приезде у руки его величества при провождении многих палатных людей. А был у него пристав граф Багнаней дворецкой. Посольские люди все приехали на конех. И помянутой посол с дворянами своими богато одеты, носили шапки кунницами украшены. Пред ними шли люди его дворовые пешие с дарами про его величество и были меж ними товары да сабли, которые были спрятаны в златом и серебряном ящике. Тако ж видели человека московского на коне, поднятую рукою держащего верующую грамоту от царя. Три дня после приезду его помянутый посол и люди его на королевских проторех почествованы. Но те московские люди такой нрав по природе имеют, что чинят многие убытки, употребляя в постах своих многие травные зелья. Преключаемо быти выразумели, чтоб им давать на день по сту по пятидесят ефимков, яко и в прежних годах учинено было. Ему ж послу дают на употребление кареты и лошади и сказывают, что у здешнего двора недолго будет» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 5. 1681 г. Л. 99–102).

сание посвящено приезду во Гданьск польской королевы Марии Казимиры: «Из Королевца августа в 25 день. Королева польская Мария Казимира шла во Гданьск следующим обычаем. За две мили от города встречали королеву 70 000 гданьских жителей под разными знаменами и встали по полю и в городе по улицам. И королева в город вошла при вечере. Гданьские бурмистры встречали у градских ворот отправлением орацейным. Пред королевою шло восемь карет с шляхтою двора ее, а за ними ехала многая конница, позади конницы ехали в каретах генерал Корицкий да граф Доноф, да посол французский. А после того шла королева в изрядной карете, которую к ней прислал король французский. А с королевою в карете сидели сестра ее да королевич и королева. А около кареты шли многие протазанщики и гайдуки. А как пришла в город, и из кареты принял королевну и в палаты ввел посол французский. А в то время в городе стреляли из всего наряда».²³⁹ Действа, связанные с передвижениями польского короля, описаны более скромно.²⁴⁰

Визит Людовика XIV в Страсбург (1681 г.) имел четко определенное политическое значение — король Франции осматривал свои вновь приобретенные в результате работы «присоединительных палат» владения: «Из Стразбурха /ныне французской/ октября в 24 день. Вчерашнего дня после полудня в седьмом часу французской король к нам в город въехал в Мецкие ворота, у которых весь сенат его встретил. А сидел король в карете и с королевою и с королевною и с королевичем дофином и с его женою. А перед ним и за ним ехали великие мошктеры, особой чин французской, со оружием, а в то время въезду его во все колокола звонили, и изю всех пушек, что ни есть по городу трижды стреляли, а пехота стояла строем от ворот городских до самого двора королевского. А стал король близко реки на дворе Друкляса. А как въезжал на двор и вышел из кареты, сел на коня, выезжал из города и осматривал крепость. А жителям нашим розданы были фонари бумажные, на которых

²³⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 10.

²⁴⁰ «Изо Львова ноября в 6 день. А королевское величество ожидаем здесь вседневно, а к его приходу здесь в городе сделали триумфальные /победительные/ врата» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 114, 115); «Из Торуни /польской/ мая в 31 день по новому. Королевское величество польской вчерась сюда пришел. И из города встречали его разными сотнями гражданских жителей в изрядном строистве. А как король в город вошел, и его поздравляли многие сенатори и бурмистры и ратманы сего города. И потом были у его королевской руки. А сидел король с королевою и королевичем в преизрядной карете, а на кровле учинена была корона. И потом в вечере, за добрым удовольствием, из города во Гданьск пошел» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 163).

был написан герб королевской. А сверх гербу написано — „Да многолетствует король“. А сего числа был король в Менстерском костеле и тамо слушал мессу. И после того сед на коня и объезжал все крепости городовые осматривал. А после того выезжал из города и тешился полевою охотою. А с ним было больши 10 000 человек конных, а в приезде королевском в город всякого чина людей было со 100 000 человек». ²⁴¹ Этому действу была близка церемония по передаче Швеции принадлежавшего датчанам Висмара. ²⁴²

На примере описания церемоний коронации правителей особенно хорошо видно, что в них присутствовали две составляющих — во-первых, красочное действо, праздник, демонстрирующий богатство и престиж власти, а во-вторых, строгое «протокольное» государственное мероприятие, в котором отражены иерархические взаимоотношения его участников. Соотношение информации первой и второй групп в различных публикациях сильно различается в зависимости от политического положения в стране. Для того, чтобы это заметить, достаточно сравнить описания коронации шведской королевы и венчания цесаревы венгерской короной. В первом случае внимание составителей текста сосредоточено на красоте зрелища: «Из Стекольна ноября в 20 день. Королево явное пришествие в 3-м числе будущего месяца будет и потом коронование последует. А во многих украшенных местах в городе и за городом в посадах, где учинится королеве идти, словами написано — „Здравствуй Ульрика Элеонора королева свейская“, тако ж — „Да будет многолетна наша Ульрика Элеонора королева“, со иными протчими

²⁴¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 189–191.

²⁴² «Из Висмара ноября в 25 день. Ныне паки божьим милосердием к овладению королевского величества свейского дошли. А учинилось сей крепости опразднение сим подобием. Во вторник о утру датские люди подали знак из трех пушек на площади, а потом учинилась стрельба из всех нарядов кругом города над валом. После того сошлись ратные люди на площади, а в их место градские жители и по градским заставам стали. Меж тем приехал граф Кениксмарк в город и шел круг города валом, докуда стражи переменились. Напоследок датские ратные люди трегубой стрельбою паки знак дали и пошли из города строем сквозь водяные ворота к уготовленным кораблям, простясь с градскими жителями с любовью. После того благовестили в большой колокол с час для собрания прочих градских жителей, при которых графа Кениксмарка повели в советную избу и начали ему благоприветствовать о счастливом его пришествии. А бурмистор со изрядной речью наговорил народно, чтоб учинили верную присягу королю свейскому. В прибытии графа Кениксмарка еже по его приговору тотчас исполнили. А потом повели его графа к столу и почествовали его яко подобно с драгою музыкою и радостною стрельбою» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 154–157).

письмами»;²⁴³ «Из Стекольна декабря в 8 день. Возвешение, коим подобием свейскую королеву короновали в 5-м числе сего месяца. Дорога от замка и до большие кирпичи до самого алтаря красными сукнами услана, и по краям обвешано было. Чрез которые обои величества в полудни в 12-ом часу преизрядным ходом и королевскими одеждами одяены к помянутой кирхе шли. А король шел наперед в венце и одяен великим одяением, а поверх червчатою ризою горностаями подбитою украшеною. Ее же подол несли 2 комнатные дворяне, а 14 человек комнатные ж дворяне несли покров серебряной обяри. Королева то ж явилась в белом одяении, червчатою ж аксамитною ризою горностаями подбитою яко ж и король покрыта. Над нею ж несли 4 человека комнатные ж дворяне покров белой. А подол у ризы несли 4 комнатные девицы. После того король стал в своей королевской одежде перед алтарем. И егда мало погода по изрядной учиненной музыке королева к алтарю приведена, тогда господин бискуп Упсальской при короновании бывающую речь правил. От него ж часу во втором дня королеве венец на голову положен. Ей же скипетр и держава вручена. А по совершении того действия розъявили то коронование с литаврами и с трубы и с изрядною музыкою. И во всех кругом стоящих крепостях и градские жители и конного и пехотного строю ратные люди великую стрельбу учинили. После того король с королевою в своих королевских и в венчаных одеждах паки шли из кирпичи в замок прежним строиством, где преизобильный стол, и метали серебряные деньги. А в различных местах шло вино белое и красное с мудростью из устроенных источников. А ночью показали всему народу различные огненные составы, с великим удовольствием всем пребывающим зрителем».²⁴⁴

В сообщении из Священной Римской империи тщательно фиксируется весь церемониал. «Из Оделберха /цесарский/ декабря в 9 день. У нас цесарева на Венгерское королевство коронована сим подобием. 1. Приехав, цесарь с нею ходил вначале во францишканский кляштор (монастырь. — *С. III.*), где воду освещали и их кропили, а оттуды провожали их чиновники королевства Венгерского на арцыбискупов двор. 2. Несли пред цесаревою вся уговления х коронованию — коруну и многоценные запоны. 3. На арцыбискуповом дворе приняли цесареву князь Тидтрехштейн и граф Ряха и проводили в костел, где приняли их бискупы. 4. Цесарское величество тогда приблизился в костеле к евангельскому престолу, а цесареву посадил на высоком уготовленном мес-

²⁴³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 176.

²⁴⁴ Там же. Л. 176, 246, 247.

те против престола по левой стороне цесарева места. 5. Сенаторе венгерские, со всякими х коронованию приготвлением, стояли близко цесарева места, а позади цесарева стояли сенаторские жены. 6. Пред цесаревою поставлена была на серебряном столе корона. 7. А как учили петь стихи, тогда цесарь стал, имея на главе корону и в руках скипетр и державу, и объявил свою цесареву духовенству х коронованию. 8. Потом паки цесарь уступил к своему месту, а бискупы тогда взяли цесареву и привели к престолу. 9. Цесарева, преступя ко престолу, целовала крест и став на колени говорила обещанные стихи х коронованию. 10. Потом арцыбискуп Колатцкий и цесарева, стоя близь алтаря, уклонились цесарю, прося х коронованию повеления. 11. Меж тем набоженство совершали. 12. Потом помянутый арцыбискуп помазал цесареву на королевство Венгерское миром по чину и говорил молитву. 13. Потом цесарева встала и паки на колени пред алтарем припала и простертыми руками молилась. 14. В то время арцыбискуп со всеми бискупы приступил и положил на нее венгерскую корону и подал в правую руку скипетр, а в левую державу. 15. Потом все запели господу богу хвалу, а коронованной поздравление. 16. По совершении того корону и скипетр и державу отдали держать тем же сенатором, которые в костел несли. 17. А цесареву привел к престолу и причастили, и по причащении, паки корону на нее положили и скипетр подали. 18. Соверша коронование, проводили цесаря с цесаревою до их двора таким же чином, как и х костелу шли. 19. А потом цесарева все венгерские чины и сенатори жаловала к руке. 20. А как цесарь с цесаревою сел за стол, тогда по всему городу стреляли из большого и малого ружья».²⁴⁵

Такая разница в описании церемониала объясняется разной политической ситуацией в этих странах на момент совершения церемонии. Швеция, которая недавно потерпела сокрушительное поражение в войне, стремилась показать свою силу и богатство. Демонстративная роскошь праздника как нельзя лучше служила этому. Коронация цесарева венгерской короной была компромиссом между цесарем, желавшим сохранить единство империи, и венгерской знатью, стремящейся подчеркнуть свою независимость. Вся статья об этом действе имеет вид протокола, где с особым вниманием отмечена как роль самого императора, так и участие в церемонии венгерского дворянства и духовенства. Все это четко и наглядно показывало новое политическое равновесие между недавними противниками и позволяло сотрудам Посольско-

²⁴⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 3–8.

го приказа составить себе представление о внутреннем положении в Священной Римской империи германской нации.²⁴⁶

Церемонии принятия присяги выражали отношение между представителями разных уровней власти. Все сообщения на эту тему касаются соседей России. Курляндский князь присягал польскому королю,²⁴⁷ турецкий султан дал Украине нового владыку — молдавского господаря: «Салтан турецкой князя молдавского учинил над Подолием и над Украиной князем со всем чиновным поведением, как бывает у великого визиря. И велел на него надеть золотую епанчу с тремя кистями. Ему ж даны

²⁴⁶ Для царя и бояр детали имперской коронации были особенно интересны потому, что она совершалась по тому византийскому образцу (с миропомазанием и причащением в алтаре), которому россияне последовали лишь при венчании на царство Федора Алексеевича в 1676 г. См.: *Богданов А. П.* Чины венчания московских царей // *Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв.* М., 1995. С. 211–224. Восприятие новой концепции политиками и обществом раскрыто: *Богданов А. П.* 1) *Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.)* // *Россия и внешний мир: диалог культур* / Сб. ст. М., 1997. С. 185–206; 2) *Российское православное самодержавное царство* // *Мировосприятие и самосознание русского общества.* М., 1999. Вып. 2. С. 94–111.

²⁴⁷ «Сказание о восприятии голдования /будто подданство/ князя курлянского от короны польской. Из Варшавы мая в 1 день по новому. Курлянский князь по древнему обычаю предков своих принял через нарочного своего посла у королевского величества голдование образом сицевым. Апреля в 25 день в 8-ом часу дни кулменский каштелян господин граф Донгоф купно с коронным референтарем господином Гнинским с королевою каретою ездил по того помянутого курлянского посла. А тогда по королевскому двору стояла стража — его надворная пехота и небольшая часть рейтар, в трубы трубили и по литаврам били. И как посол на двор въехал и пришел к сенаторской палате, встречал его коронной маршалок Любомирской и повел к королю в палату, иже королевское величество сидел на престоле по чину во всем уборе. По сторонам сидели господа сенаторы. Тут же стоял кавалер Любомирской, держал хоругвь, да коронной мечник держал меч. И посол, подступе, к престолу припал, к нижним степенем на колена, и просил именем князя курлянского обновление голдования его орациею изрядною, на которую, не меньше того красною речью, господин подканцлер учинил ответ. И посол подступил к королю и принял у него голдовную хоругвь. И держал король тое хоругвь рукою, пока чтены статьи голдования княжества Курлянского. Потом господин подканцлер коронной тому ж послу чел присягу, которую посол, два перста правые руки на евангелие, которое держал король на своем лоне положи, подтвердил. И то скончав посол с престола сшед, припав паки к ступенем на колени, королю бил челом изрядною речью, которую все прилежно слушали, а отвечал по прежнему подканцлер коронной. И потом королевское величество посольских дворян пожаловал и отпустил посла со удовольствием» (см.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 89–91).

три знамена для знаку тех земель, а то учинил салтан для того, чтоб тем возбудить и греческой народ, дабы, видя такую учиненную честь подоланом, были они к войне охотны против потентатов, московского и иных, атаманской порте обороною».²⁴⁸ Еще одно сообщение касалось Швеции: «Из Стекольна марта в 23 день. Третьего дня господин граф Магнус Делгарди чин восприял государственного дроста /под королем первый человек/. И учинил присягу пред надворным судилищем. Егда все двери отверсты были, чтоб всяк входил и слушал о их графе. При том действе изрядную речь отправил на свейском языке, себе ж получил великую славу высоким своим разумом».²⁴⁹

Последнюю группу церемониальных сообщений составляют рассказы о погребении и рождении знатных особ. Два из них связаны с соседними Польшей и Швецией, а одно — со Священной Римской империей: «Из Варшавы апреля в 11 день. Ныне погребение исправили князя Радивила в прибытии королевского величества и всего сената. А на погребении казание правил наминат луцкий. А после того сокрушали копия и полупики, при оказании огнеметальных премудростей и пушечной стрельбы»;²⁵⁰ «Из Стекольна июля в 22 день. Ныне после полудня крестили и благословили наследующего нашего королевича новорожденного. И дали ему имя Карлус. Восприемники у него были брат короля датского князь Георги, да князь голштенский, бискуп аитинский, бывшая королева Кристина, да нынешняя королева датская, ланцграфиня Нагаеская, да князиня Доротея Голштенская. Во время же крещения дважды стреляли из пушечного наряда, да оберегательный полку из всего ружья потому ж»;²⁵¹ «Из Венеции октября в 12 день. Арцух Лотаринской прислал сюда 2 тысячи золотых червонных на прокормление музыкантов, иже едут в Ыншпрук город для исправления некоторых игралниц или комедий о рождении княжича от цесаревы сестры, бывшее королевы польской».²⁵² Последняя новость вряд ли имела политическое значение. Скорее всего, она представляла личный интерес для увлекавшегося музыкой царя Федора Алексеевича.

Следует отметить, что сообщения о различных «игрищах» встречались и в курантах за другие годы. Приведу наиболее интересные ста-

²⁴⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 119, 120.

²⁴⁹ Там же. Л. 2, 3.

²⁵⁰ Там же. Л. 5.

²⁵¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1682 г. Ед. хр. 5. Л. 45, 46.

²⁵² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Ед. хр. 5. Л. 267, 268.

ть, рассказывающие о театрализованных празднествах, проходивших при разных дворах Европы. Из Польши в 1686 г. писали: «Из Жолкви февраля в 28 день. При моем отъезде иных вестей никаких не было, токмо что масленица с маскиры /хари/ и танцами отправлялась и комедия з балеты французскими была во вторник в вечеру потеха была, на которой королева была Дианою, проводя за собою Нимфии и лесных богинь в драгоценном преизрядном низаном платье. Так довольно, что удивиться им и танцом невозможно было. Его высочество королевич был Вулканусом /первыи изобретатель огненных вещей, ktorои зделал железного человека с крылами, которой чрез море летал/ зело изрядно. А за ними шли многие кавалеры и после танцовали, а после танцов господа сенатори королеву с товариством и королевича при великом столе подчивали».²⁵³ В 1692 г. о постановке комедии сообщали из царской столицы: «Из Вены октября в 15. В воскресенье из Эбердорфа. Дети царские сюда пришли и вечере комедия была для имянин курфистрыны Баварской. В тот же день король венгерской сюда пришел и на комедии был».²⁵⁴ В том же 1692 г. сообщение о маскараде пришло из Швеции: «Из Стеколни февраля в 23 день. Королевское величество в сих числех великое пиршество держал, в котором 160 человек князей и иных высоких особ было. И надевали на себя различную иностранную одежду. 2 романскую, 2 венгерскую, 2 гишпанскую, 2 полскую, 2 московскую, 2 турецкую, 2 персицкую, 2 персицкую, 2 индейскую, 2 арапскую, 2 дорожных людей (возможно цыган? — *С. III.*), 4 восточно индейскую, 4 галанских карабелщиков, 6 шмаланских поселян, 4 ватерлянскую, 4 вуфбрингскую, 4 амакскую, 2 эидерстатскую, 2 швабскую, 2 тиролскую, 2 свеискую укслянскую (упландскую? — *С. III.*), 2 рослагскую (область Рослаген в Швеции. — *С. III.*), 4 зудермеанланскую (область Сёдерманланд в Швеции. — *С. III.*), 4 роккорскую, 4 стокорларскую, 4 лаплянскую, 2 лифляндскую, 4 французскую, 6 бемскую (богемскую. — *С. III.*), 2 жидовскую, 44 домовых слуг да 32 работных девок».²⁵⁵ Подобные сообщения расширяли представления русской знати о том, как проводили досуг их европейские коллеги. Знакомство с такого рода текстами было одной из предпосылок к переустройству русского придворного быта по европейскому образцу.

²⁵³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1686 г. Ед. хр. 7. Ч. 1, 2. Л. 311.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1692 г. Ед. хр. 10. Ч. 1. Л. 512, 513.

²⁵⁵ Там же. Л. 178, 181. За помощь в локализации отдельных топонимов из последнего сообщения благодарю И. Майер.

4.6. Сообщения о книгах

Внешнеполитическое ведомство России было одним из тех каналов, по которым известия о появлявшихся в Европе книгах попадали в Москву. Книги приобретали во время посольств русские дипломаты. В Посольском приказе, особенно начиная с середины XVII в., систематически собирали сведения о новых европейских изданиях по самым разным вопросам. Библиографические новинки за рубежом, так же как и газеты, можно было заказать через почтмейстеров. В письме от 27 декабря 1680 г. кенигсбергский почтмейстер Вернер Штурм писал московскому почтмейстеру дьяку Андрею Виниусу: «При нынешней почте пишут ко мне из Гданска, что та надобная книга именем Экономика жемьянска, или наука о домовом строении, не обретається и не может получиться. И я, кой час мой пересылщик паки в Варшаву приедет, у него проводывать буду, возможно ль тамо ту книгу приискати или нет».²⁵⁶ Упоминания о какой-то книге, заказанной князем Л. А. Шляховским, есть в письмах из Риги (1643, 1644 гг.) от Юстаса Филимонатуса, который снабжал «вестями» Посольский приказ в это время. К сожалению, документ не позволяет понять, о каком конкретно издании идет речь (В-К II. С. 73, 109).

Несмотря на то что газетные сообщения о выходе новых книг не были редкостью, в куранты их практически не включали, поскольку функция курантов заключалась в том, чтобы оперативно информировать царя и бояр о происходящих в Европе политических событиях, а издание книг к таковым не относилось. Отдельные упоминания о книгах, как правило, связаны с какими-то политическими новостями. Чаще всего, это были издания, дискредитирующие кого-то из правителей. Наиболее раннее из таких известий появилось в 1621 г.: «В Гаге мудрая книшка печатана, именуется Дедукцию нулитатум, а в ней описует, как цысар чешского короля проклинал и то проклинанье во всю свою область розослал» (В-К I. С. 51). В 1643 г. среди известий из Парижа упоминалось о появлении «укоризных книг» о недавно умершем кардинале Ришелье (В-К II. С. 19). В 1660 г. в куранты включили новость о предстоящем публичном сожжении в Лондоне написанной «противно королевского достоинства» книги Джона Милтона. Название издания в тексте не указано. Вероятнее всего, это книга «Иконоборец» (1649), обосновывающая осуждение и казнь короля Карла I как тирана, убийцы и врага английского государства (В-К VI (Ч. 1) С. 92). В куранты от 7 июля 1670 г.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 177–178.

помещено сообщение из Варшавы от 15 мая, о том, что здесь появилась некая книга, изданная «противна королевскому величеству»; в ней короля обвиняли в стремлении к единовластию (В-К VI (Ч. 1) С. 529).

Книги могли упоминаться в статьях курантов и в связи с характеристикой политических деятелей или правителей. В 1649 г. датский король на торжественном обеде в честь прибывшего в Копенгаген шведского посла пил за здоровье королевы Швеции Кристины и хвалил ее за «приверженность» к «читанию книг». (В-К IV. С. 160) Кристина действительно с раннего возраста обнаружила склонность к наукам, она приглашала к своему двору знаменитых ученых и щедро одаривала их. Близкое по содержанию сообщение об одной из ее преемниц на шведском престоле Ульрике Элеоноре, супруге Карла XI, попало спустя тридцать с небольшим лет в куранты от 21 мая 1681 г.: «Владеющая королева из дворца мало выходит, отколе видно, что еще не привыкла к своей вольности, и всегда время проводит помышлением, тщанием и чтением книг, понеже великую охоту имеет к разным языкам и премудрым наукам, каково же и к латинскому языку искусна, и вседневно учение свое оказывает».²⁵⁷ Интересно сообщение о казни (1671 г.) хорватских аристократов Петра Зриньи и Франа Крсто Франкопана — вождей национально-освободительного движения в Венгрии, направленного против владычества австрийских Габсбургов. Статья проникнута жалостью к казненным. Среди прочего, ее автор сообщает, что «гаф Францыпани писал книгу в темнице от великого разума, и ныне тою книгу хотят печатать».²⁵⁸ Встречаются и курьезные «библиографические» известия. Так в куранты от 6 мая 1670 г. включено сообщение из Стокгольма о том, что в на медных рудниках появился бес, проповедующий во плоти по некоей книге под названием «Катигима», которая «полна есть безбожества» (В-К VI (Ч. 1) С. 521).

Один раз, 6 октября 1671 г., в куранты было включено сообщение о находке уникальной рукописи. Оно пришло из Рима: «Да издесь же прислано из Польши некоторые чудесные характеры, начертания, для показания Афонасию Кирхерию, мужу зело мудрейшему в науке математической, ему же чают нигде подобного не обретается, и о том, смотря те характеры, сказал, что те суть начертания могоцииския, но что толкуют, то ему не известно».²⁵⁹ Атанасиус Кирхер (живший в Риме немецкий ученый иезуит) занимался математикой, физикой, естественными

²⁵⁷ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Ед. хр. 5. Л. 14.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 111–121 об.

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1672 г. Ед. хр. 6. Л. 118 об.

науками, лингвистикой, древностями, теологией, культурой Китая, египтологией. В Москве, в приказе Тайных дел, хранились прорисовки египетских иероглифов, выполненных по книге Кирхера.²⁶⁰ Скорее всего, именно интерес Алексея Михайловича к загадочным письменам стал причиной включения в куранты этой статьи. Сообщение о смерти Кирхера в 1680 г. также попало в куранты.²⁶¹

Статей, непосредственно посвященных выходу новых книг, к настоящему моменту удалось обнаружить всего две. В 1646 г. была переведена маленькая статья о публикации в Амстердаме книг Яна Амоса Коменского: «В городе Астердаме у Стениса Яковлева продают книги именем Ключ латынской речи, да книга латынского и цесарского языку учителным Яганом Амосом и иными мудрыми людьми справлена и на галанскую речь переведена» (В-К III. С. 127). Единственная известная на сегодняшний момент обширная библиографическая статья включена в куранты от 19 мая 1671 г.: «Из Амстрадама апреля в 14 день... В Утрехте Ягана Кетела напечатаны книги утрехтские советы и приговорные правы изряднейших доктуров города Утрехта различными прениями и противными предлоги украшено с позволением на 12 лет. В Амстрадаме у Михаила Дегрота и Якова Конинберха в Гохстратене близ божной церкви напечатано и издается книга Совиное зеркало или вертоград кафтолической, выписано из многих римских древних творцов поучительно всяким римским сердцам, с лица. Так же Пчела римские церкви чрез Филипа Марникса господина Алделгода (Марникс де Сент-Альдегонд Улей святой римской церкви 1569. — С. III.), в четверть. Мая в 5 день в городе Амстрадаме будут испроданы в дому Якова Борза в улице Леиной многие книги на розные языки бывшие умершаго пастора Латфroppия. В Амстрадаме у Арента Евела книгапродавца напечатано Всемирной яд или чистец ис шпанского языка переведено. В Утрехте напечатана книга галанское воинское право также датцкое свеиское шваицарское воинские правы всяким воинским людем пригодно. В городе Гарлаке напечатано меркуриуш на 20 лет. Да в Амстрадаме ж за городом заведен скляничной завод. Да выданы различные книги морского ходу да поставили внов завод кожевной, в котором золотят кожи всякими новыми обрасцы, каковы преж сего никогда не бывали».²⁶²

²⁶⁰ *Waugh D. C. Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive // Oxford Slavonic Papers. N. S., 1977. Vol. 10. P. 46–50.*

²⁶¹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 241.

²⁶² РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1671 г. Ед. хр. 7. Л. 96–97.

Почему переводчик остановился именно на этой статье, сказать трудно. Можно лишь предположить, что он по какой-то причине был уверен, что публикация заинтересует если не всю Боярскую думу, то, по крайней мере, царя Алексея Михайловича.

4.7. Европа глазами царя Федора Алексеевича и его бояр²⁶³

Представляет интерес еще один вопрос, связанный с восприятием Европы российской политической элитой: насколько хорошо эти люди представляли себе Европу, о которой так много слышали из курантов? Ответить на него помогают пояснения к географическим названиям на полях курантов. Нужда в таких комментариях возникла из-за того, что царь и бояре представляли себе географию Европы хуже, чем обычные читатели европейской прессы. Логика здесь простая — если географическое название постоянно встречается без комментариев, очевидно его знали хорошо, и наоборот — чем чаще название комментировали, тем хуже его знали.

С учетом этого перейдем к анализу знаний царя и думных чинов о политической географии европейских стран. При прочтении курантов выделяется серия топонимов, которые многократно встречаются в тексте и хорошее знание которых очевидно при первом же знакомстве с источником. В первую очередь, это названия крупных независимых государств, таких как «Французская земля», «Галанская земля» и другие крупные независимые европейские государства. Схожая ситуация прослеживается с некоторыми зависимыми землями, расположенными недалеко от рубежей России — Семиградской,²⁶⁴ Волошской, Молдавской, Венгерской, Курляндской, Лифляндской, Финской, Ижорской, Карельской. Эти топонимы не комментировались никогда.

Несколько иную картину видим, когда речь заходит не о странах, а о городах. Комментариев не делалось к названиям целого ряда польских городов: это Варшава, Львов, Яворов, Белая Церковь, Вильно, Гродно, Гданьск, Краков. Значение этого перечня очевидно — в него вошли политические и торговые центры Польши, а также пограничные города.

²⁶³ Подробнее об этом см.: *Шамин С. М.* Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* № 1 (15). 2004. С. 16–31.

²⁶⁴ Трансильвания.

Без комментариев остались названия трех столиц Средиземноморского региона — Рим, Царьград и Венеция. Столица Православия (и Османской империи) — Царьград, так же как католический Рим, уже не одно столетие были для русских знаковыми городами, вызывавшими целую гамму сильных чувств и непроходящий интерес. Венеция — крупнейший торговый и культурный центр Средиземноморья, один из самых давних и непримиримых противников Османской империи, а, следовательно, желанный союзник России (к тому же здесь название города совпадало с названием государства). Лишены комментариев Рига и Королевец (Кенигсберг) — важнейшие центры на пути морской торговли по Балтийскому и Северному морям. Гданьск, следующий пункт в этой цепочке, уже назван выше. Кроме Риги, в заглавиях статей курантов регулярно упоминаются без комментариев два других прибалтийских города — Ругодив (Нарва) и Юрьев Ливонский (Тарту).

Изредка комментировались названия двух крупных торговых центров Европы — Амстердама и Гамбурга (количество названий в заглавиях без комментариев соответственно 93,4 и 89,3%). Редко комментировались названия еще двух европейских столиц: Стокгольма (Стекольна) — 98% названий в заглавиях без помет и Вены — 95,6%.

В отношении некоторых городов переводчики колебались — нужно ли их пояснять. В эту группу входят почти исключительно столицы — Копенгаген, Берлин, Париж, Гаага и Лондон, а также Нимвеген, где проходили мирные переговоры между представителями воюющих коалиций (Франция и Швеция воевали со странами Габсбургской коалиции, и этой теме посвящена значительная часть курантов периода правления царя Федора Алексеевича). В отношении Нимвегена в одном из восьми комментариев переводчиком была допущена ошибка. Характерно, что названные выше торговые центры Голландии и Бранденбурга — Амстердам и Королевец — оказались известны членам Боярской думы лучше, чем наименования столиц этих стран — Гааги и Берлина.

Хорошо известные европейским читателям газет Кёльн, Франкфурт, Страсбург, Регенсбург, Дрезден, Минден, Лейпциг, Росток, Гётеборг, Штутгарт, Линц, Мец, Брюссель, Сент-Омер, Мадрид, Варад, Висмар, Мальмё, Штральзунт, Ланцкрон, Христианштат, а также Норвегия (в рассматриваемое время она принадлежала Дании), судя по пометам на полях курантов, были недостаточно знакомы большинству членов Боярской Думы, чтобы оставлять их без политико-географических пояснений.

Любопытно сравнить данные, полученные на материалах курантов, и составленное переводчиком Посольского приказа А. Виниусом в 1667 г. сочинение, названное «О столицах нарочитых городов и славных государств, и земель, и островов, и проливов и знатных мест. Сухими и водными путями колико имут разстояние Российского государства от первопрестольного, его царского величества града Москвы по размеру книги, именуемая водных мер и иных принадлежащих к нему по алфавиту розписано Андреем Андреевым сыном Виниусом».²⁶⁵

Куранты не содержат сведений, позволяющих анализировать топонимику Африки, Азии, и некоторых регионов Европы. Поэтому из «дорожника» Виниуса для сопоставления было отобрано восемнадцать топонимов, встречающихся в курантах. Из хорошо известных (судя по курантам) царю и боярам городов в сочинение Виниуса не попали все восточно-прибалтийские и некоторые польские города (Яворов, Белая Церковь, Вильно, Львов, Гродно). Очевидно, Виниус не счел их достаточно «нарочитыми» и «славными». Не включил Виниус в свое сочинение и относительно хорошо известный думским чинам в царствование Федора Алексеевича Нимвеген. Этот город приобрел известность в связи с международными переговорами уже после 1667 г. Мадрид, столица Испании, вошел в «дорожник» Виниуса, но при переводе статей для курантов этот топоним обычно снабжался комментарием. Отсюда делаем вывод, что, по мнению комментаторов курантов, он не был известен основной части думских чинов. Регулярные дипломатические сношения с испанским двором не стали поводом для того, чтобы выучить название столицы Испании!

Таким образом, мы можем констатировать, что все (за исключением Нимвегена) известные думским чинам города «дальнего зарубежья» были признаны Виниусом «нарочитыми» и «славными». Второстепенные по своему международному значению города царь и бояре знали только в пределах «ближнего зарубежья» — в Польше и Прибалтике. Безусловно, представленные здесь наблюдения являются неким «средним значением». Очевидно, что некоторые из членов Боярской думы знали географию Европы лучше.

Переводчики продолжали комментировать куранты и после смерти царя Федора Алексеевича. Объем комментирования постепенно (хотя и с некоторыми колебаниями) снижался. Непосредственно перед отправ-

²⁶⁵ Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. М., 1992. С. 166–169; Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 1. С. 226.

кой Великого посольства Петра I (1697 г.) количество пояснений сократилось существенно. Устойчиво употреблялись без комментариев названия таких городов, как Амстердам, Вена, Гаага, Лондон, Мадрид, Париж. Последняя сводка, в которую составители сколько-нибудь последовательно вносили комментарии, была подготовка 15 марта 1697 г. (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13. Ч. 1). В последние годы составления курантов комментарии географического характера встречались относительно редко. Эти изменения отражают рост знаний о географии Европы в среде русской знати. Меньше, чем за два десятилетия знания членов российского правительства выросли настолько, что перестали уступать кругозору иностранных читателей европейской прессы. С данной точки зрения к самому концу XVII в. царь и бояре стали европейцами. Вряд ли стоит сомневаться в том, что в наибольшей мере знакомству с Европой способствовало «Великое посольство» Петра I. Даже оставшиеся в Москве думные чины не могли не интересоваться теми местами, куда направился их государь. Однако и куранты, регулярно зачитывавшиеся царю и боярам, безусловно, внесли существенный вклад в расширение знаний русской политической элиты о географии Европы.

Глава 5

ПЕРЕВОДЫ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ

Поступавшая из-за рубежа в государственные приказы информация предназначалась исключительно для нужд внешнеполитического ведомства России. Ее широкое, массовое разглашение не предполагалось. Тем не менее, еще в начале XX в. А. И. Соболевский выявил значительное число переводов иностранных «летучих листков», газет и других материалов с европейскими «вестями» в русских литературных сборниках XVI–XVII столетий. Так был поставлен вопрос о культурном влиянии, которое собранные за границей «вести» оказывали на русских людей, не связанных с формированием внешнеполитического курса России.¹

Рассматривая вопрос о проникновении иностранной прессы в рукописные сборники, можно идти двумя путями — систематизировать информацию о конкретных произведениях или анализировать сведения об их читателях и переписчиках. Поскольку сами тексты уже рассматривал Соболевский, то в данном разделе основное внимание уделяется характеристике «читателей». Это позволяет составить обобщенный социокультурный портрет той прослойки русского общества, в которой переводы европейских «вестей» оказались востребованными.²

Чаще всего о «читателях» русских переводов иностранных информационных изданий становится известно из владельческих записей на книгах.³ Наиболее ранним из переведенных на русский язык материа-

¹ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 240–250.

² Впервые такой подход при изучении русских переводов европейской прессы использовал Д. К. Уо. См.: Уо Д. К. История одной книги.

³ Конечно, нельзя полностью исключить возможность того, что владелец книги никогда ее не читал (к примеру, если книга — это трофей, дар или вклад). Однако

лов с «вестями» из Европы является сообщение о землетрясении в Италии 1456 г. Основу этого текста составляет перечень из 45 городов и местечек, пострадавших от стихийного бедствия.⁴ Скорее всего, перевод был сделан с рукописного «летучего листка» или письма. Одним из сборников, включавших данное произведение, владел книгописец Ефросин (2-я пол. XV в.), монах Кирилло-Белозерского монастыря, один из образованнейших людей своего времени. Переписанные им книги свидетельствуют об энциклопедических знаниях и интересах старца. Наряду с обычными для монашеского чтения церковно-учительными произведениями, в сборниках Ефросина встречаются выдержки из летописных сочинений, статьи по географии, зоологии, медицине, нумизматике, сведения о громе и предсказания по нему погоды, о молнии и граде, о падающих звездах, кометах, извержении вулкана, церемониях, апокрифы (об «отреченности» которых книжник хорошо знал из соответствующих индексов) и многое другое.⁵ На примере Ефросина хорошо видна черта, характерная, как представляется, для всех русских читателей переводов европейских «вестей» — любознательность. Среди переписанных Ефросином сочинений следует отметить «Повесть о Дракуле», которую некоторые исследователи считают переводом с одного из бытовавших в Европе летучих листов. Ефросин переписал «Повесть о Дракуле» всего через год после того, как в Россию вернулся дьяк Федор Курицын, с именем которого связывают распространение «Повести о Дракуле» в России. Столь скорое знакомство с произведением не выглядит случайным. В круг общения Ефросина входили образованнейшие люди того времени, в том числе из дьяческой среды.⁶

Более поздний список известия о землетрясении 1456 г. имеется в выявленном А. А. Туриловым дополнении к Палее 1517 г., написанной в Пскове священником Духовской церкви Константином.⁷ Скорее

эта вероятность для небольших сборников смешанного содержания, в которых обычно встречаются материалы из европейской прессы, невелика. В рассматриваемый период мода собирать библиотеки ради показной «образованности», без намерения пользоваться книгами, еще не получила широкого распространения, хотя первые библиофилы уже появились.

⁴ Казакова Н. А. Западная Европа... С. 160–164.

⁵ Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1. С. 227–236.

⁶ Кистерев С. Н. Круг знакомств Ефросина Белозерского // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 81, 87.

⁷ Лурье Я. С., Турилов А. А. Дедеркин Феофил... С. 185–186.

всего, именно известие о землетрясении 1456 г. упоминает писатель-публицист, монах Псковского Елеазарова монастыря Филофей, (1-я пол. XVI в., в литературе он известен как автор концепции «Москва — третий Рим») в послании к псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю Мунехину, которое было написано по случаю морового поветрия, опустошавшего Псков в 1521 г.⁸

Целая серия «вестей» о грозных природных явлениях вошла в состав четых сборников, принадлежавших инокам Иосифо-Волоколамского монастыря. В книгах Дионисия Звенигородского и Нифонта Кормилицына встречаем сообщения о буре в Неаполе (1523 г.) и землетрясении в Венгрии (1524 г.). Сведения о землетрясении в Италии и Греции («Шимбории и Солониках») в 1542 г. нашли отражение в рукописях Нифонта Кормилицына и Вассиана Кошки. В рукописи последнего имеется также «Сказание о знамении небесном, иже бысть в Немецкой земле в граде Риге» (1524 г.).⁹ Все перечисленные выше владельцы русских переводов европейских «вестей» оставили заметный след в культурной и религиозной жизни России XVI столетия.¹⁰

Если за первую половину XVI в. сохранились данные о целом ряде русских владельцев сборников с «вестями» из Европы, то за вторую половину XVI и первую половину XVII в. новых имен выявить не удалось. Вновь подобные сведения появляются уже в середине XVII столетия. В отличие от предыдущего периода, данные о русских читателях иностранных «новостей» дошли до нас уже не только в читательских записях, но и в делопроизводственной документации.¹¹

Наиболее ранний из зафиксированных в литературе фактов попадания «листочков» с зарубежными новостями в руки простого горожанина, не причастного к государственному управлению, относится к 1642–1643 гг. Дело началось с того, что арестованный за разбой и находив-

⁸ Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 471–473.

⁹ Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. ... С. 220.

¹⁰ Дмитриева Р. П. 1) Дионисий Звенигородский Лупа // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2, ч. 1. С. 191–192; 2) Вассиан, по прозвищу Кошка // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2, ч. 1. С. 119; 3) Нифонт Кормилицын // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2, ч. 2. С. 141–144.

¹¹ Тем не менее, случаи, благодаря которым современный исследователь узнает имя частного лица — владельца перевода сообщения с зарубежными «вестями», не из владельческих записей, всегда связаны с исключительным стечением обстоятельств.

шийся в заключении поляк Данил Рябицкий «сказал за собою великого государя верхнее дело». Он донес на Офоньку Науменка — своего соседа по тюрьме, бывшего стрельца, конюшенного холопа боярина И. Ф. Стрешнева. Будучи пьяным, Офонька хвастался, что сделал золотую цепь, которую сам Стрешнев носил к царице. На честное имя государевой супруги пала тень. Началось следствие. Выяснилось, что Офонька ювелирного дела не знал, а Стрешнев никаких подарков царице не подносил. Скорее всего, Офонька просто выдумал всю историю с золотой цепью, чтобы похвастаться перед собеседниками. Выслушав это дело, царь разгневался и указал «Офоньку Науменка пытать, по какому он умышлению про государыню царицу и великую княгиню Евдокию Лукьяновну непригожее слово, про которое на него, Офоньку, извещал иноземец, Данилко Рябицкой говорил. И не знает ли он какова ведовства и воровских заговоров».¹²

Последний вопрос царя оказался для Офоньки роковым. Началось новое следствие, которое сопровождалось жестокими пытками. Перед следователями стояла теперь задача не выяснить, что же произошло на самом деле, а подтвердить конкретную (и очень важную для государя) информацию. Под пыткой злосчастный Офонька быстро «сознался», что собирался царицу «портить и уморить до смерти». Этот способ избежать мучений оказался неудачным. Следователи не удовлетворились простым признанием. Их интересовали все обстоятельства злодеяния и имена тех, кто его, Офоньку, на это дело «научал». Науменок, чтобы хоть на время прекратить пытки, стал называть случайные имена.

Среди стрельцов и пушкарей, сослуживцев Офоньки, начались обыски и допросы. В числе оговоренных стрельцов оказался Гришка Казанец. Про него Офонька сказал, что тот знает, кто хотел испортить царицу, и что Гришка «заставлял по себе стрелять свою братью стрельцов ис пищалей, и ево де пищали не имут». При обыске на дворе у Гришки Казанца нашли коренья и травы, раковины... Некоторые из предметов показались следователям очень подозрительными: «а иное сказывают громовая стрелка да чортов палец» («громовые стрелы» — кремниевые наконечники стрел эпохи неолита и ранней бронзы, «чертовы пальцы» — ископаемые раковины характерной вытянутой формы, которые деревенские «знахари» использовали в магических целях вплоть до начала

¹² Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 18. Дело по извету иноземца Д. Рябицкого на О. Науменка в том, что он умышлял портить и уморить царицу Евдокию Лукьяновну. 18 марта 1642 г.—20 мая 1643 г. С. 270. Первая публикация: *Зерцалов А. Н.* К материалам о ворожбе в Древней Руси...

XX в.). Григорию и его жене Катерине пришлось оправдываться перед следствием.

Оказалось, что Казанца и его супругу подвела обычная любознательность: «Обломок камня, Катеринка сказала, дуб лежал в воде и окаменел, а она держала у себя для диковины». Про другие предметы Григорий объяснял, что «он же привез ис Поморя траву. Имя еи Богородицына да раковины морские для показаня».¹³ В домашнем «музее» Казанца обнаружилась и рукописная «диковина» — часть перевода с вестового листа или рукописной газеты. Его происхождение тоже оказалось вполне невинным. «А што де у нево вынято письмо, — говорил следователям Казанец, — а написано в нем проявился мессия и то де письмо дал ему розрядной подьячей Федор Семенов с ыным писмом на заряды (т. е. для использования в качестве ружейных пыжей. — С. III.) и он де Гришка, прочетчи то письмо, подивился».

«А Розрядново приказу подьячей Федор Семенов в допросе сказал: прашивал де у нево тот стрелец Гришка бумаги на заряды, и он де Федор ему де ис под стола драную бумагу на заряды давал и нешто де будет то письмо дал в драной бумаге, а писаны де те вести в отписке из Пскова и та де отписка в Розряде и ныне есть (скорее всего, речь идет о выброшенном черновике. — С. III.)». Привлекший внимание Григория Казанца листок рассказывал: «Дума розная есть, как римской цысар в праздник с бояры и з думными со многими людьми и над ним носят покров над головою четыре человека. И тогда, как он ходил, над ним вверху показывался орел, и как цысар пришел на свои двор и тот покров с него сняли, и тот орел сверху упал на землю мертв. Всяких чинов многие люди видели и они в сумненье, что от того проявленья будет».¹⁴ Содержало это письмо и сообщение о появившемся в «Калабрийском королевстве» пророке. Как видно, Казанца привлекло сообщение о чуде, а не какая-то внешнеполитическая информация. «Естественно-историческая» коллекция московского стрельца выдает в нем человека неординарного, любознательного. Вестовое письмо из Разрядного приказа стало для него очередной «диковиной».

Еще один перевод вестового листа, попавшего в частные руки, обнаружил А. Г. Бобров в рукописном сборнике Королевской библиотеки в Копенгагене. Состав сборника чрезвычайно пестр. В него вошли списки: «Слово» Даниила Заточника, Софийская I летопись, «Роспись Китайскому государству» 1618 г., Физиолог (фрагмент), «Хождения» (в Царь-

¹³ Там же. С. 273.

¹⁴ Там же. С. 254–276; РГАДА. Ф. 210. Приказн. стол. Стб. 139. Л. 1–9.

град Антония Новгородца, по Святым местам Василия Познякава), Послания Ивана Грозного к цесарю Максимилиану и к султану Селембеку, Повести о царице Динаре, Китоврасе (в редакции Палеи), о нашествиях Тохтамыша и Темир-Аксака, о приходе Стефана Батория на Псков, о Псково-Печерском монастыре, о взятии Пскова в 1510 г., выписки из Псковской летописи и др. В него же вошел перевод с вестового письма, составлявшего, возможно, часть рукописной газеты: «Лета 7153 (1645), апреля в 20 день, перевод с немецкого письма, каково письмо подал воеводе князю Алексею Федоровичю Лыкову да дьяку Григорию Углеву Посольского приказу переводчик Матфеи Верес. А сказал, дал де ему то письмо на Гостине Немецком дворе галанского немчина Албрехта фан до Блока приказщик Еганко фан Стадон. А к нему то писми прислал июня в 5 день ис Печерского монастыря хозяин его Албрехт фан до Блок. А то де письмо прислано из Риги у датских немец свейскими то же лето то меж собою».¹⁵

Вестовое письмо включало известия о военных действиях турецкого флота и чудо: «В сонце было великое знамение, и переменялось и красным, и черным, и после того и от солнца пали кровавые ядра в 15 гривенок, а ино десять. А что будет, то Бог весть».¹⁶

А. Г. Боброву удалось идентифицировать всех людей, упомянутых в заглавии письма. Фон Стаден и фан дер Блок были агентами Петра Марселиса, который снабжал вестями о европейских событиях А. Л. Ордина-Нащокина. Но наиболее интересным для данной работы является то, что А. Г. Бобров определил владельца этого чрезвычайно любопытного сборника. Им оказался один из руководителей Псковского восстания 1650 г., стрелец Демидка Воинов.¹⁷ К сожалению, в данном случае оказалось невозможным проследить, как перевод вестового письма попал в руки псковского стрельца. Скорее всего, как и в случае с Григорием Казанцем, это произошло при посредстве кого-нибудь из псковских приказных служащих — упомянутый в заглавии вестового письма А. Ф. Лыков был воеводой во Пскове, а Г. Углев — дьяком. Сборник позволяет выяснить и круг интересов будущего вождя восставших псковичей. Кроме сочинений духовного содержания стрелец интересовался историей и географией. Особое внимание он уделял своему родному Пскову.

¹⁵ Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. ... С. 463.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 463–476.

Переводы иностранных информационных изданий хранил у себя боярин Н. И. Романов, двоюродный брат царя Михаила Федоровича и дядя Алексея Михайловича. После его смерти в 1654 г. по царскому указу была составлена «Роспись всяким вещам деньгам и запасам, что осталось по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова». В ней говорится, что «165 (1657) году... февраля в 23 день пожаловал государь... Шкатулу неметцкую, а в ней... перевод с польского письма, как женился Владислав король на цесаревне. Да с курантов перевод, у него начала нет».¹⁸ Выяснить, что же за «перевод с курантов» хранил в шкатулке Романов, не представляется возможным, но упомянутый перед курантами «перевод с польского письма, как женился Владислав король на цесаревне» явно к 1654 г. не являлся актуальной внешнеполитической новостью. Скорее всего, Романов сохранил этот документ изза описания самой церемонии. Как свидетельствуют рукописные сборники, подобного рода известия могли вызывать интерес и многие годы спустя.

Н. И. Романов был неординарной личностью. Как отметил С. М. Соловьев, этот богатейший вельможа не обладал честолубием, но пользовался уважением людей из самых разных слоев русского общества. Именно к нему обращались восставшие москвичи в 1648 г. и посланцы псковских «бунтовщиков» в 1650 г. Никита Иванович в обоих случаях постарался смягчить противостояние между недовольными и государственной властью. Романов активно интересовался европейской культурой. По свидетельству А. Олеария, он любил одеваться во французское и польское платье. Соловьев приводит исторический анекдот о том, что Романов был охотником до иноземных обычаев, одевал своих людей в ливрею по иностранному образцу. Никон, которому не нравилась эта новизна, придумал средство избавить царского дядю от греха: попросил у него ливрею, как будто бы для образца, чтобы одеть таким же образом своих служек, но, когда доверчивый боярин прислал ему платье, патриарх велел изрезать его в куски. Именно Никите Ивановичу принадлежал знаменитый бот, который впоследствии использовал для своих детских «потех» будущий царь Петр Алексеевич.¹⁹ Из принадлежавших Романову книг сохранилась сборная рукопись, содержащая в себе части Степенной и Родословной книг, летописные сказания, по-

¹⁸ Роспись... что осталось по смерти большого боярина Никиты Ивановича Романова... С. 60; Сахаров А. Л. О названии русской рукописной газеты 1621 г. ... С. 595.

¹⁹ Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. VI. Т. 11–12. С. 514; Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Т. I. Ч. II. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000. С. 63.

слания Ивана Грозного к Курбскому, Житие митрополита Филиппа.²⁰ Появление переводов из иностранной прессы в доме такого человека выглядит совершенно естественно.

Гораздо сложнее выяснить, как подобные переводы попадали в руки простых горожан, живших довольно далеко от столицы и приграничных городов. 19 февраля 1665 г. житель города Коломны Исидор Крючков подбросил на полки овощного ряда, где бывало много народа, тетрадь, или листки, с известиями «ис Полимитарского града Сицелеского государства». В сообщении рассказывалось, что в «Полимитарский град» пришли два старца, назвавшиеся пророками и посланные, по их словам, Богом Саваофом. Босые, с непокрытыми головами, в платье «незнакомом», «яко нигде такова не обретохом», питающиеся только хлебом и водой, они чудесным образом подкрепили свою проповедь о близкой кончине мира: из «Полимитарского града» их собирались везти в Рим, но предоставленное им «возило» на глазах у всех разбилось «во мгновении ока». Далее следовал разделенный по годам перечень пророчеств о скором конце света. Исидор Крючков не только распространял этот текст в качестве подметных писем, но и углем переписывал его на стенах коломенской Вознесенской церкви. Деятельность Крючкова привлекла к нему внимание властей. Он попал в Коломенский архиепископский приказ, где его сочинение было рассмотрено Леонтием Брюзгиным. Крючков поначалу «оторопев, помысли скрыти и учел запиратися...», но затем, осмелев, принес свои тетради священнику Иоанну. Текст листков, распространяемых Крючковым, дошел до нас в рукописи второй половины XVII в., переписанный вместе с полемическим сочинением священника Иоанна «Слово улично», обличающим эти известия как «лживую повесть», излагающую взгляды «капитонов» — раскольников. Из сочинения Иоанна известны дата появления «Повести» в Коломне и дальнейшая судьба ее автора.²¹

Приписанное Крючкову сочинение было широко распространено в европейских странах. Основой его сюжета являлось «Откровение

²⁰ Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 156–193.

²¹ Каган М. Д. Крючков Исидор... С. 201–202. О тексте пророчества и Исидоре Крючкове см. также: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников... С. 209–210; Барсов Е. В. Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков... С. 156–157; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. С. СХХ, 18–20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46. Примеч. 22, 48, 28, 76–77; Уо Д. К. История одной книги. С. 49, 294.

Иоанна Богослова». ²² Кроме того, о появлении перед концом света пророков-обличителей предупреждали «Евангелие Никодима», «Откровение Мефодия Патарского» ²³ и «Сказание како убиена будет Илия и Енох Антихристом». ²⁴ На полях некоторых рядовых пасхалий помещались записи, красочно описывающие обличение пророками Енохом и Ильей антихриста. ²⁵ В Европе сочинение имело антипапскую направленность. Причиной его появления стала острая борьба между католиками и протестантами. Рассказ о двух старцах, обличающих папу Римского и предрекающих конец света, неоднократно появлялся в европейских «летучих листках» и газетах, а позднее попадал в Россию и переводился на русский язык. В России сочинение теряло свою антипапскую направленность. Причиной его популярности здесь были собственные эсхатологические ожидания, резко обострившиеся после начала раскола в Православной церкви.

Старообрядцы ждали знамений конца света. Среди таких знаков видное место в старообрядческой эсхатологии занимало явление пророков Ильи и Еноха. Старцы Вавила и Леонид, два видных «капитона», выдавали себя за Илью и Еноха. «Мы де обличаем предотечеву и антихристову прелесть... — говорили они, — и сказывают они всем людем всемирную кончину в нынешнем году». ²⁶ Об Илье и Енохе неоднократно писал протопоп Аввакум: «А преж его антихристова царства придут паки на землю плотию Илья и Енох со Иваном Богословом. И полчетверта года проповеди их будет к человеку, та же антихриста со дерзновением обличать по-тонку лесьть его станут». Аввакум же увещевал: «О последнем дне и об антихристе не блазнитесь, еще он, последний черт, не бывал. Нынешние бояре комнатные, ближние друзья его, еще возятся, яко бесы, — путь ему подстилают и имя Христово выгоняют. А как вычистят везде, так еще Илья и Енох — обличители прежде придут, а потом антихрист — в свое время». ²⁷ Позднее, уже в начале XVIII в., сочинение о двух старцах распространялось не только между старооб-

²² Откровение Иоанна Богослова. 11: 2–8.

²³ Евангелие Никодима // Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 827; Откровение Мефодия Патарского // Там же. С. 702.

²⁴ Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001. Т. I. С. 69.

²⁵ Романова А. А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002. С. 109.

²⁶ Лавров А. С. Колдовство и религия... С. 254–255.

²⁷ Аввакум. Книга толкований // ПЛДР: XVII век. Кн. II. М., 1989. С. 428; Мильков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. II. Ч. I. С. 58–59.

рядцами, но и в среде противников религиозных нововведений Петра I.²⁸

В 1672 г. в России появляется новый «пророческий» текст, который вскоре стал достоянием рукописных сборников. В нем содержалось описание знамения в небе над Венгрией. Над городом Каша видели крест, три солнца, «три дуги небесные», «герб турской», турецкую саблю, пушку, гранату и др. Текст сопровождался иллюстрацией. Знамение сулило, что три христианских монарха — царь, «цесарь христианский» и польский король — объединятся против Османской империи и одержат победу.²⁹ Уникальность сообщения о знамении в небе над Венгрией в том, что один из вариантов этого текста попал в Москву не через почту, как это чаще всего происходило в 70–90-х годах XVII в., и даже не по дипломатическим каналам. Его прислал Варлаам Ясинский, игумен Киево-Братского монастыря и ректор Киевской коллегии. Он увидел это знамение «у немцов».³⁰ Ректора Киевской коллегии даже в начале 70-х годов XVII в. лишь условно можно причислить к российским «читателям». Он был ярким представителем ученого украинского монашества, которое позднее сыграло огромную роль в церковных реформах Петровского времени. Образование Ясинский получил в Эльбинге, Ольмюце и Кракове. Будучи руководителем Киевской коллегии, он искал поддержки как у польского короля, так и у царя Московского. Хорошо зная европейскую культуру, Ясинский очень много сделал для укрепления православия и позднее стал митрополитом Киевским.³¹

Особое место среди «читателей» переводов иностранной прессы занимал Л. И. Иванов. Он начал приказную службу дьяком в Новой четверти под руководством боярина Б. М. Хитрово. В 1664 г. Хитрово перевели в Большой дворец, и он взял с собой Иванова. В январе 1669 г. находившийся в Москве старец Иверского монастыря писал в свою обитель о роли Иванова в Большом дворце при боярине Б. М. Хитрово: «...Все наши дела не минут ево, потому что он всегда у боярина, а ево жалует». 2 октября 1669 г. Иванов был пожалован в думные дьяки и в тот же день впервые получил свой приказ — Стрелецкий.³² Стрелец-

²⁸ Лавров А. С. Колдовство и религия... С. 249–253.

²⁹ Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г. ... С. 201–208; Рыков Ю. Д., Шамин С. М. Новые данные о бытовании переводного известия о венгерском небесном знамении 1672 г. ... С. 263–308.

³⁰ Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902. С. 380–381.

³¹ Поньрко Н. В. Варлаам Ясинский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 157–162.

³² Седов П. В. Закат Московского царства... С. 130.

кий приказ, кроме всего прочего, исполнял и полицейские функции. В результате Иванову пришлось принять участие в борьбе со старообрядцами. Его имя регулярно фигурирует в старообрядческих сочинениях. В них Иванов выступает как добросовестный и исполнительный слуга государя.

В 1670 г. глава Стрелецкого приказа участвует в допросах ученика и духовного сына протопопа Аввакума инока Авраамия.³³ Особенно ярко личность Иванова характеризует его поведение во время следствия над боярыней Ф. П. Морозовой и ее сестрой Е. П. Урусовой. По решению царя и Думы 16 ноября 1671 г. архимандрит Чудова монастыря (будущий патриарх) Иоаким в сопровождении Иванова пришел арестовывать боярыню Морозову. На месте обнаружилось, что Морозова ожидает их прихода не одна, а вместе с княгиней Урусовой. Столкнувшись с супругой одного из влиятельных думцев, Иванов отказался даже допрашивать ее. Сделал он это только после того, как Иоаким взял ответственность за допрос на себя. Проявленный первоначально пиетет не помешал главе Стрелецкого приказа позднее, после получения соответствующего распоряжения, руководить пыткой мятежных сестер.³⁴

Мы не случайно остановились подробно на участии Иванова в преследованиях старообрядцев. Эта сфера деятельности думного дьяка позволяет нам лучше понять причину его интереса к переводам отдельных известий зарубежной прессы. Работать с такого рода документами он начал в 1676 г., когда после опалы А. С. Матвеева возглавил Посольский приказ. 4 сентября 1676 г. Иванов лично зачитывал переводы иностранной прессы государю и боярам.³⁵ Бывший глава Стрелецкого приказа не имел дипломатического опыта. Его имя не встречается в документах в связи с заграничными посольскими службами.³⁶ Столь ответственное назначение было данью исполнительности и административным талантам Иванова. Судя по документам, он занимался в основном финансовыми, организационными, кадровыми проблемами приказа.³⁷ Регулярное (входящее в служебные обязанности) ознакомление с иностранной прессой не могло не расширить кругозор думного дьяка, хотя его лич-

³³ *Авраамий*. Вопрос — ответ старца Авраамия // ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 508, 521, 522.

³⁴ Повесть о боярыне Морозовой // ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 459, 460, 473.

³⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 6 об.

³⁶ *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа... С. 31–101.

³⁷ *Козловский И. П.* Первые почты и первые почтмейстеры... Т. 2. С. 44–59; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Ед. хр. 8. Л. 12; 1677 г. Ед. хр. 7. Л. 112; 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 1–11, 26, 27, 148, 297; *Белокуров С. А.* О Посольском приказе. С. 53.

ного интереса к этим документам источники не фиксируют до осени 1680 г.

12 сентября 1680 г. через Виленскую почту в Посольский приказ был прислан очередной комплект газет из Европы. Среди отобранных для перевода статей оказался материал с пометой «Из Гаги августа в 17 день». Сообщалось, что в город Ставолос пришли два человека старые и назывались апостолами. На них были невиданные одежды. «Апостолы» сообщили жителям города, что Господь прогневался на «державших римскую веру», обличали грехи, сравнивали Ставолос с Содомом и призывали к покаянию. Старцев арестовали. Их допросили иезуиты. Выяснилось, что родились арестованные «в Галилее в городе Дамасе». Иезуиты хотели сковать старцев и отправить к папе в Рим, но оковы спали с «апостолов». После этого старцы заявили, что сами рады идти в Рим. Они предсказали скорый конец света, который должен произойти в течение 7189 (1680/1681)–7198 (1689/1690) гг. Предполагалась следующая последовательность событий: война везде, папам не быть, пророчество «апостолов» распространится по всей вселенной, явится Христос, восстанет некий «великий человек», произойдет «великое трясение земли», сгорит Африка, во всех четырех частях света произойдут великие чудеса, Господь придет на землю судить живых и мертвых, и, наконец, настанет «великий и просвещенный» день.³⁸ Очевидно, что этот текст близок к тому, что ранее распространял Исидор Крючков. Перед текстом пророчества был проставлен крест в круге и на оборот вынесена помета: «Сии куранты отдал Ларион Иванович, а пророчество о том дано и для предуд подклеено черное о пророчестве». В 1680 г. Иванов не возглавлял Посольского приказа (он покинул этот пост в 1679 г. и вернулся на него уже в 1681 г.³⁹). Появление его имени в помете на курантах, видимо, связано с работой Иванова в Думе или с его «комнатными» обязанностями. Очевидно, что известие европейской прессы о скором конце света произвело сильное впечатление на гонителя старообрядцев. Иванов не мог не знать о распространенных среди староверов ожиданиях скорого прихода Ильи и Еноха. Он затребовал в приказе справку по данному вопросу. Документы, обнаруженные в результате поисков среди архивных материалов, были подклеены вслед за статьей из Гааги.

Оказалось, что еще в 1678 г. польские послы передали в Посольский приказ сообщение, которое пришло в Яворов из Франции. Там два стар-

³⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 4–5.

³⁹ Беляков А. В. Служащие Посольского приказа... С. 77.

ца «появились» в городе Мирии. Они проповедовали и обличали, как в Ставолосе и Палермо, родом же оказались греки и говорили на «глад(ц?)ыйском» языке. Старцы также вели прения с богословами, философами и учеными, а после того, как их арестовали, чтобы отвезти в Рим, дверь комнаты, в которой старцев заперли, открылась от их крестного знамения. Список пророчеств несколько отличался от упомянутых выше «этапами» конца света и состоял из двенадцати пунктов. Даты пророчеств приходились на период с 1678 по 1689 г. Кроме того, сообщалось, что данное пророчество подтверждается другим, найденным в Париже. Последнее было написано на еврейском языке на одной из частей каменной гробницы святого Дионисия.

Пророчество из костела святого Дионисия также нашлось в архиве Посольского приказа. Оно оказалось в статейном списке Василия Тяпкина, бывшего резидентом в Варшаве. Парижское известие лишь частично совпадало с привезенным польскими послами текстом. В него входило восемь статей с пророчествами на 1672–1680 гг. Во всех пророчествах регулярно повторяющимся пунктом была гибель Африки. Все три сообщения подклеили в столбцы с пометами «для преду», «впредь для спору и для ведома», «впредь для ведома». В конце подборки была сделана помета: «Да таково ж дано думному дяку Лариону Ивановичу».⁴⁰

Вскоре (25 сентября) в газетах обнаружилась еще одна статья на эту тему. Из Утрехта писали о том, что вести «ис Таволоса о двух старых мужах, которых именovali пророками, ныне подлинно о том объявилось, что лож, потому, что в прошлом 1658 г. мая в 21 день в курантах такое ж пророчество в городе Менге обрестись может. И совершенно тогда, что в 1670 г. будет страшной судной день, и то пророчество не сбылось, и потому явно, что и нынешнее пророчество такое ж ложное».⁴¹ Как видим, не только сотрудники Посольского приказа проводили расследование с целью установить ложность пророчеств «двух старцев».

Скорее всего, данное опровержение и несогласие в прежних пророчествах успокоили Иванова. Сообщение же из Гааги попало в состав рукописного сборника.⁴² На данный текст обратил внимание еще А. И. Соболевский.⁴³ Можно с уверенностью утверждать, что летучий

⁴⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Ед. хр. 4. Л. 6–11.

⁴¹ Там же. Л. 23–24.

⁴² РНБ. Собр. Археологического общества. № 43. Л. 31 (конец XVII в.).

⁴³ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 248–249.

листок переписан именно с оригинала Посольского приказа, а не переведен со случайно попавшей в Россию газеты. Об этом говорит текстовое совпадение основной части известия. Кроме того, переписчик вставил в текст пояснительную приписку с полем перевода Посольского приказа, в которой указывалось, что Ставолос — испанский город. В том же сборнике имеются и другие переводы иностранной прессы, выполненные в Посольском приказе на протяжении более чем 20 лет.⁴⁴ Вывод о том, что происхождение данной рукописи связано с Посольским приказом, сделал Д. К. Уо.⁴⁵ Обнаруженный в составе обзора иностранной прессы перевод сообщения из Гааги позволяет высказать некоторые предположения относительно личности заказчика данной рукописи. Скорее всего, им был именно Ларион Иванов. Во-первых, он проявил особый интерес к данному тексту, а во-вторых, он был одним из очень немногих людей, которые по своему статусу могли в личных целях предпринять розыск среди документов из архива Посольского приказа. Впрочем, не исключен и вариант, при котором сборник Археологического общества был составлен кем-то из приказных служащих, разыскивавших в архиве по заданию Иванова материалы о бродивших по Европе «Илье и Енохе». Д. К. Уо предположил, что это мог быть Л. Т. Голосов.⁴⁶

Сведений о том, насколько сам Иванов интересовался европейской культурой и был склонен к собиранию «раритетов», крайне мало. Мы знаем лишь, что 21 октября 1674 г. он участвовал в пире, который Алексей Михайлович устроил для себя и ближних бояр «в новых маленьких хоромцах» в ночь перед праздником Казанской иконы Божьей матери. Данный пир сопровождался очень необычной потехой: «Играл в арганы немчин, и в сурну, и в трубы трубили, и в суренки играли, и по на-

⁴⁴ Переводы статей о коронации польского короля Михаила Вишневецкого; знамение в небе над Венгрией 1672 г.; «Страшная и неслыханная притча» о жестоком графе, обращенном во пса; известие о военных действиях между Польшей и Турцией, в котором сообщается, что в Каменце польские жены бросают своих мужей и бегут к туркам и др.

⁴⁵ *Wagh D. C. The Great...* P. 160–161, 228–229.

⁴⁶ «In any event, it seems probable that the collection of translations in MS 43 was put together in the early 1680's by someone like Golosov who had direct access to the diplomatic archive» (*Wagh D. C. The Great...* P. 160). Предположение Уо основано на том, что Л. Т. Голосов изъезжал из курантов 1669 г. известие о короновании польского короля, которое, вероятно, и стало оригиналом для сборника из собрания Археологического общества. Возможно, Голосов, который в 1680 г. был вторым судьей в Посольском приказе, руководил подбором информации по запросу Лариона Иванова.

крам, и по литаврам били ж во все». Царь потчевал своих приближенных «вотками, ренским, и романею, и всякими питии, и пожаловал их своею государевою милостию: напоил их всех пьяных». Участники пира разъехались по домам под утро. Эта светская забава была нарушением норм благочестивого поведения и вызвала недовольство патриарха.⁴⁷ Данных о том, соответствовала ли она личным вкусам Иванова или же думный дьяк участвовал в ней вопреки своему желанию, угождая начальству, нет. Однако первое предположение кажется более верным, поскольку сам факт приглашения Иванова на проходившее в очень узком кругу застолье вряд ли случаен. Так или иначе, присутствие на подобном концерте, безусловно, расширило представления Иванова о европейской культуре.

Известия об интересе думного дьяка к «редкостям» появляются при трагических обстоятельствах. Во время восстания в Москве 1682 г. стрельцы убили Иванова вместе с сыном, а их двор разграбили. Там нашли «незнама какие гадины, иные называли морския рыбы о семи хвостах и о пяти».⁴⁸ Восставшие увидели в этих «гадинах» некую отраву или колдовство. находку привязали на длинный шест, на который позднее водрузили и голову казненного ими боярина Ивана Кирилловича Нарышкина. Хотя стрельцы убили Иванова и его сына Василия по политическим мотивам, «гадины» фигурировали в челобитной, где восставшие от имени царей оправдывали свои действия: «...да он же, Ларион, похвалялся, хотел ими безвинно обвешать весь Земляной город вместо зубцов Белого города; да у него ж, Лариона, взяты гадины змеиным подобием... А думного дьяка Лариона Иванова сына Василия убили за то, что он ведал у отца своего на наше государское пресветлое величество злыя отравныя гадины, в народе не объявлял».⁴⁹

Как видим, домашние «редкости» Лариона Иванова вызвали у стрельцов те же подозрения, которые несколькими десятилетиями раньше пали на собирателя домашнего «музея» Григория Казанца. Безусловно, такое отношение к «дикивинам» было свойственно далеко не всем русским людям того времени. К примеру, А. А. Матвеев вполне точно определил «отравную гадину» как «редкость»: «Того же дня думные дьяки Ларион Иванов и Аверкий Кирилов от них же, стрельцов, сысканы, и побиты, и ругательски на части рассечены, подложкою, невин-

⁴⁷ Седов П. В. Закат Московского царства... С. 139.

⁴⁸ Записки о стрельцком бунте // ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 527.

⁴⁹ Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. С. 96–97.

ною оклеветанною их затайностью: что будто бы первый из них, будучи правителем прежним Стрелецкого приказа, напрасно их теснил. И сыскав в его доме, Лариона, рыбу каракатицу, за ядовитую вменили змею и, ругаясь над ним на Красной площади, при его теле приложили...».⁵⁰

Новый случай появления «вестей» из посольского приказа в рукописных сборниках известных нам владельцев относится к 1689 г. Сборник точно датируется по записи писца: «197-го мая в 3 день по указу преосвященного Афанасия, архиепископа Колмогорского и Важеского, сия книга списана пресветлого царского величества стольника у Андрея Артамонова сына Матвеева его архиерейским келейным иждивением». Этот сборник, как указал его исследователь М. П. Алексеев, состоит из следующих сочинений: 1) Календарь «течений небесных» на 1684 г., 2) «Описание Голландии и некоторых других мест», 3) «Повесть о славном астрологе Мустаеддыне», 4) «Сказание, как английского короля Карлуса Стюверта казнили и что его величества последние слова были». Алексеев установил, что оригиналом для «Сказания» является перевод английского роялистского памфлета, составленного в эпоху английской революции, и предположил, что «возникновение русского перевода с большей вероятностью следует отнести к началу 50-х, чем к концу 80-х годов XVII в., и что, следовательно, рукопись, находившаяся у Матвеева и до нас не дошедшая, являлась копией более раннего списка».⁵¹ Предположение Алексеева оправдалось. Оригинал русского перевода был обнаружен в составе фонда 155 РГАДА при подготовке к изданию четвертого тома «Вестей-Курантов».⁵²

Запись, оставленная на сборнике переписчиком, позволяет нам установить сразу двух русских «читателей» европейской прессы XVII в. — Афанасия Холмогорского и А. А. Матвеева. Причем оба они знакомились с копией перевода из Посольского приказа примерно сорокалетней давности (сборник Матвеева не мог появиться ранее 1684 г.). А. А. Матвеев был знаком с иностранной прессой не только по переводам европейских газет. Когда в 1699 г. Петр I назначил А. А. Матвеева постоянным представителем в столице Нидерландов Гааге, одной из его

⁵⁰ Матвеев А. А. Описания возмущения московских стрельцов // Рождение империи. М., 1997. С. 379.

⁵¹ Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. 1947. № 95. Серия исторических наук. Вып. 15. С. 93–106.

⁵² В-К IV. С. 82–85.

задач стала подготовка регулярных обзоров выходившей там прессы.⁵³ В литературе Матвеева обычно характеризуют как яркого представителя русских «западников». О нем одобрительно отзываются польский автор «Дневника зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрании двух царей Петра и Иоанна», а также австрийский дипломат И. Г. Корб.⁵⁴ Француз де ла Невилль, называющий Матвеева «мой друг Артамонович», пишет: «Этот молодой господин очень умен, любит читать, хорошо говорит на латыни, очень любит новости о событиях в Европе и имеет особую склонность к иностранцам».⁵⁵ В то же время Матвеев был религиозным человеком. В Гааге Матвеев основал первую русскую миссию при отечественном дипломатическом представительстве за границей. Священника для нее было указано подобрать Афанасию Холмогорскому.⁵⁶ Московская домовая церковь Матвеева, по оценке иностранцев, была необыкновенно хороша и богата образами, серебряными вещами и другими украшениями.⁵⁷ Впрочем, богатство церковного убранства может свидетельствовать не об исключительной религиозности, а о влиянии на Матвеева культуры барокко.

Архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий так же, как А. А. Матвеев, был сложной и многогранной личностью. Начитанный человек, знаток греческого и латинского языков, он в сфере религии и многих бытовых сторон жизни выступал как традиционалист и ревнитель старины. С его именем исследователи связывают последнюю попытку на практике добиться исполнения запрета для иноземцев держать у себя в работниках русских людей. Это не мешало Афанасию приобретать иностранную мебель, ковры, зеркала, книги, карты, сочувственно относиться к преобразованиям Петра I.⁵⁸

Документы из архива Посольского приказа встречаются в записках окольничего И. А. Желябужского. Под 1696 г. в них среди других известий о войне с Османской империей обнаруживается почерпнутое из составляемых в Посольском приказе обзоров иностранной прессы сооб-

⁵³ Бычков А. Ф. Первые русские ведомости... С. 17; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1–72.

⁵⁴ Дневник избиения московских бояр // Рождение империи. С. 20; Корб И. Дневник путешествия в Московское государство // Там же. С. 103.

⁵⁵ Невилль, де ла. Записки о Московии. Москва — Долгопрудный, 1996. С. 131.

⁵⁶ Верюжский В. Афанасий, епископ Холмогорский... С. 571.

⁵⁷ Лавров А. С. Колдовство и религия... С. 280.

⁵⁸ Панич Т. В. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 1. С. 117–125; Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 135–150.

щение о разгроме турок и взятии Петром I Азова и Лютика: «В курантах почтовых печатных польских и немецких напечатано...». Под этим же годом Желябужский поместил скопированное в приказном архиве поддельное письмо 1663 г. от турецкого султана императору Леопольду.⁵⁹

Статейный список посольства в Англию и Италию П. Прозоровского и И. Желябужского (1662 г.) свидетельствует о том, что он участвовал в первых попытках русского правительства организовать регулярную доставку иностранной прессы в Россию.⁶⁰ Хотя к 1696 г. Желябужский был отставлен от службы, появление курантов в составе его записок не случайно. Он много лет провел на дипломатической службе, бывал на Украине, в Польше, Германии, Голландии, Англии, Франции, Швейцарии, Италии.⁶¹ Многолетняя служба на дипломатическом поприще способствовала установлению личных связей со служащими Посольского приказа.

Основным источником наших знаний о личности Желябужского служат его записки. Анализируя их, А. П. Богданов и М. Д. Каган называли его человеком Петровского времени, хотя и не вошедшим по каким-то причинам в число петровских служащих. Его записки формально анонимны (автор упоминает о себе в третьем лице, как принято в статейных списках), но по существу это мемуары, в которых современник изобразил Петровскую эпоху в ее противоречиях и многообразии. Среди характеристик, которые Богданов и Каган дали сочинению Желябужского, одна особенно важна для нашей темы. «Следует отметить, — пишут авторы словаря, — интерес Желябужского ко всему занимательному, составившему своеобразную „кунсткамеру“ его записок. Это и упоминание о присланных в 1691 г. в подарок персидским шахом льва и львицы, и рассказ о мужике, пытавшемся летать на слюдяных крыльях, приводившихся в движение мехами, и краткие описания торжественных шествий, триумфальных ворот, фейерверков, кощунственных свадеб царских шутов, а также заметки о необыкновенных явлениях природы — буре, комете, солнечном затмении».⁶²

Те же самые переводы иностранной прессы, которые включил в свои записки Желябужский, мы видим и в сборнике с владельческой записью

⁵⁹ Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. С. 243, 246. Подробнее см.: Waugh D. C. The Great... P. 165–166.

⁶⁰ Кобзарева Е. И. Известия... С. 61.

⁶¹ Богданов А. П., Каган М. Д. Желябужский Иван Афанасьевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 1. С. 323–324.

⁶² Там же. С. 325.

М. И. Родостамова.⁶³ Его биография чрезвычайно интересна. В 70-х—начале 80-х годов XVII в. он работал писцом, потом подьячим на Печатном дворе, в 1683 г. — подьячим Верхней типографии, издававшей в основном труды Симеона Полоцкого. В 1685 г. Родостамов становится подьячим Посольского приказа. Таким образом, в 1696 г. он имел доступ к приказным документам. Более того, в Посольском приказе в его функции входило отправлять пришедшие в Москву из-под Азова известия о военных действиях иноземцам в Архангельск⁶⁴ (вероятно, для отправки за рубеж). Позднее он был отобран для участия в «Великом посольстве», где, среди прочего, выполнял обязанности казначея. Еще в 1674–1676 гг. Родостамов в качестве писца участвовал в переводе Нового Завета. В 1685 г. он упомянут в документах как писец «Книги огнестрельного художества», переведенной в Посольском приказе с немецкого языка. Есть сведения и о его личных литературных интересах. В приписываемом ему сборнике содержится большое количество оригинальных и переводных стихов, несколько эпиграмм. Здесь представлены слова религиозно-нравоучительного содержания, беллетристические сочинения,⁶⁵ официальные материалы,⁶⁶ два медицинских трактата.⁶⁷

В подьяческой среде обращался список «письма турецкого султана к императору Леопольду». Он начинался со слов «204 г. прислано чрез почту с листа салтана Турского к цесарю Леопольду, каков писал Турской салтан» и был скопирован вместе с известием о взятии Азова Петром I. (Начинается словами: «В писании, каково чтено в соборной церкви июля в 30 день в 203 году...») Составитель сборника сделал об этих сочинениях запись «Ис под Озова тетрадь почтовая, ис под Озова тет. 203-го году». Поскольку Азов был взят 19 июля 1696 г. (7204 г. по летоисчислению от сотворения мира), то упоминание о 203 г. следует считать ошибкой. Сведения же о том, что «письмо к императору Леопольду» прислано по почте, заслуживает особого внимания. На сборнике имеются записи подьячего Патриаршего приказа Михаила Сидорова

⁶³ Waugh D. C. The Great... P. 224–226.

⁶⁴ Верюжский В. Афанасий, епископ Холмогорский... С. 535.

⁶⁵ Например, фрагмент из Повести об Аполлонии Тирском, перевод сатирического польского произведения «Наука разных философов о обирании жены».

⁶⁶ История о венчании Феодора Алексеевича, молитва «за их царское величество», стихотворный панегирик Петру I.

⁶⁷ Каган М. Д. Родостамов Михаил Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 312–313; Гуськов А. Г. Великое Посольство Петра I. Источниковедческое исследование. С. 387.

сына Гурьева, его родственника (?) Дмитрия Тимофеевича Гурьева, подьячего Патриаршего приказа Никиты Федоровича Тугаринова и других.⁶⁸

Наблюдения Т. Н. Протасьевой над почерками сборника № 377 из Синодального собрания ГИМ позволяют нам выявить еще одного «читателя» иностранной прессы. Протасьева отметила, что страницы 150–233 рукописи написаны рукой Сильвестра Медведева или его писцом. Этим почерком сделаны выписки из хронографа, извлечения из Кормчей, и, кроме того, «Сказание о славном въезде Яна Третьего короля польскаго в город Краков генваря в 20 день и о погребении обоих полских королей Яна Казимера и Михаила Вешневицкого», «О погребении королевских величеств Яна Казимера, да Михаила Вешневского, которое с великою славою было в Кракове генваря в 21 день», «О королевском и королевине короновании, еже бысть в нынешнем во 184-м году генваря в 23 день в Кракове при многих сенаторах и рыцарства полскаго и при розных государей послех». Вслед за этими сообщениями идет переписанный уже другим почерком «Список переводнаго немецкого листа печатнаго писма» о том, как в Праге некий господин отобрал последнюю корову вдовы и за свои грехи был обращен во пса. Сборник датируется концом XVII в.⁶⁹ Еще А. И. Соболевский определил эти тексты как переводы иностранной прессы.⁷⁰

Сильвестр (в миру С. А. Медведев) начинал свою службу в Разрядном приказе. В 1658 г. его перевели в приказ Тайных дел. В 1665–1668 гг. он учился в Законоспасской школе Симеона Полоцкого, а в 1668 г. вернулся к приказной службе и стал помощником знаменитого русского дипломата А. Л. Ордина-Нащокина. Медведев сопровождал Нащокина на переговорах со Швецией и Польшей. В 1671 г., после опалы Нащокина, Медведев был вынужден перебраться в Путивльскую Молчинскую пустынь. В Москву он возвратился уже после воцарения Федора Алексеевича монахом Сильвестром и поселился в келье Симеона Полоцкого, работал на Печатном дворе, а позднее в Верхней типографии. Еще при жизни Медведева противники обвиняли его в «латинстве». Однако интерес к Западу и пристрастие к латинской образованности не

⁶⁸ Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 2 / Изд. подгот. Т. А. Исаченко. № 3585. С. 169–170.

⁶⁹ Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. II. № 820–1051. С. 95–96.

⁷⁰ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 242–247.

мешали ему быть консерватором в отношении религии и бытовых традиций. В своем «Созерцании кратком...» Медведев резко осуждал нововведения в культурной жизни. Проанализировав «Созерцание краткое...», А. П. Богданов показал, что Медведев, благодаря своему положению и связям при дворе, имел возможность достаточно широко использовать в своих работах приказные документы.⁷¹ С иностранной прессой Медведев, скорее всего, впервые столкнулся, еще работая с Нащокиным. Дело в том, что Нащокин не только сам активно пользовался европейскими периодическими изданиями, но и приложил много усилий для организации их регулярной доставки в Москву. Остаться в неведении об этом явлении европейской жизни помощник Нащокина просто не мог. Однако у нас нет никаких сведений о том, что Медведев проявлял интерес к иностранной прессе во время своей дипломатической службы. Рассматриваемый нами сборник относится к более позднему времени.

Если верно предположение о том, что Сильвестру Медведеву принадлежала библиография «Оглавление книг, кто их сложил»,⁷² то можно думать, что он был знаком с еще одним переводом из иностранной прессы. В «Оглавлении» среди переводов Елифания Славинецкого фигурирует сочинение «О убиении краля Аггельского — с латинска языка, с книжки в 8 изданая лета 7157».⁷³ Возможно, это перевод одного из роялистских памфлетов, в большом числе издававшихся после казни Карла I.

Имеющиеся в литературе различия в атрибуции писцовых почерков и отдельных произведений делают дискуссионным включение Сильвестра Медведева в число «читателей» иностранной прессы. И сборник № 377 Синодального собрания ГИМ,⁷⁴ и «Оглавление книг, кто их сложил»⁷⁵ приписываются не только Сильвестру, но и Евфимию Чудовскому. Таким образом, основываясь на приведенных выше материалах, можно предположить, что среди «читателей» иностранной прессы был не Сильвестр, а Евфимий, или что оба книжника познакомились с ино-

⁷¹ Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 214–301.

⁷² Панченко А. М. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 3. С. 359.

⁷³ Алексеев М. П. Англия и англичане... С. 92.

⁷⁴ Соболевский А. И. Переводная литература... С. 243.

⁷⁵ Исаченко-Лисовая Т. А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 1. С. 294.

странными информационными изданиями. Мы будем придерживаться версии принадлежности этого почерка Сильвестру Медведеву как более вероятной.

Включить Евфимия Чудовского в число «читателей» иностранной прессы позволяет другая рукопись. Д. М. Буланин выявил принадлежавшую Евфимию книгу с переводом Пророчества на гробнице Константина Великого. Русский текст восходит к польскому печатному календарю «Написася сие из полскаго печатнаго календара на 1699 лето».⁷⁶ Это издание очень хорошо вписывается в комплекс антитурецких памфлетов, появление которых связано с продолжавшейся в то время войной против Османской империи.

Евфимий, безусловно, являлся одним из ярчайших представителей русской культуры рубежа XVII–XVIII столетий. Достоверные данные о нем появляются с 1651 г., когда он занимал должность справщика московского Печатного двора. В 1667 г. Евфимий уже был келарем Чудова монастыря — одного из важнейших центров русской книжности. Чудовский инок оставил после себя обширное и разнообразное литературное наследие.⁷⁷ Знаток греческого языка, на публицистическом поприще он выступал как жесткий традиционалист. А. П. Богданов причисляет его к «мудроборцам»⁷⁸ и называет лидером «грекофилов». Перу Евфимия принадлежала компилятивная редакция «Сборника Курбского», в которой ученый монах стремился всячески подчеркнуть пагубность развода между супругами и необходимость строго следовать традициям. Этот текст должен был стать упреком и предостережением Петру I.⁷⁹ Евфимий был строгим ортодоксом и одним из противников проникновения в Россию латинской и польской книжности.⁸⁰ В этом контексте его интерес к переводу польского печатного календаря (хотя и содержащего греческое по происхождению сочинение) кажется особенно любопытным.

Среди столичных «читателей» иностранной прессы можно также назвать стольника Петра Михайловича Голохвастова, который в конце

⁷⁶ Буланин Д. М. Пророчество на гробнице Константина Великого // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 4. С. 541–545.

⁷⁷ Исаченко-Лисовая Т. А. Евфимий. С. 287–296.

⁷⁸ Богданов А. П. Русские патриархи. М., 1999. Т. 2. С. 224.

⁷⁹ Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского. М., 2009. Т. 1. Исследование книжной культуры. С. 143.

⁸⁰ Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII века. С. 297–299.

XVII в. владел рукописью, содержащей кроме текстов исторического, географического и религиозного характера «Подлинной список з бесчестного и з богомерского листа, которой турской салтан Магамет писал и преслал к немецким владетелем и ко всем христианским людем в нынешнем в 1663-м году».⁸¹ Во второй половине XVII в. многочисленный клан Голохвастовых играл заметную роль в придворной жизни.⁸² Сведений о самом Петре Михайловиче Голохвастове (если не считать информации о его земельных владениях) сохранилось крайне мало. Известно, что в 1654–1656 г. он участвовал в «литовском походе», а в 1656 г. ехал за царем от Могилева до Москвы.⁸³ К концу столетия Петр Михайлович был уже довольно пожилым человеком.

В конце XVII—первых годах XVIII столетия мы находим читателей иностранной прессы не только в центральной России и порубежных городах, но и на русском Севере. Список с газетного известия о победе австрийских войск над турецкой армией 11 сентября 1697 г. под Зентой обнаружил Б. Н. Морозов в архиве торговых крестьян Шангиных (Ленская волость Яренского уезда). В конце XVII в. братья Иван Семенович и Андрей Семенович Шангины вели довольно крупную торговлю. В круг их предпринимательских интересов попадали и иностранные товары (перец, сукно и др.). В 1698 г. И. С. Шангин числился среди ценовальников, выбранных для таможенного сбора на Архангельской ярмарке. Для ведения торговли Шангиным приходилось не только нанимать работников, но и брать взаймы значительные денежные средства. Их кредиторами выступали видные представители приказной знати — думный дьяк Д. Е. Алмазов, его брат думный дворянин С. Алмазов, стольник князь П. И. Прозоровский. Связи в бюрократической среде могли стать источником поступления в архив Шангиных известий из Европы.⁸⁴

Целый комплект переводных «вестей» содержит исследованный Д. К. Уо сборник,⁸⁵ который в первые годы XVIII в. составил житель г. Хлынова Семен Попов — автор Вятского временника, дьячок Богояв-

⁸¹ Waugh D. C. The Great... P. 229–235; РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 1531.

⁸² Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. Т. 13–14. С. 318, 336; Салмина М. А. Голохвастов Василий Яковлевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3, ч. 1. С. 216; Седов П. В. Закат Московского царства... С. 14, 67–76, 235.

⁸³ Голохвастов Д. П. Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых // ЧОИДР. М., 1848. Кн. 5. Отд. IV. С. 120.

⁸⁴ Морозов Б. Н. Архив торговых крестьян Шангиных // Советская археология. 1980. № 2. С. 57–61.

⁸⁵ Уо Д. К. История одной книги... С. 94–96.

ленского собора в Хлынове, исполнявший в 1700 и 1704 гг. обязанности бурмистра. В сборник Попова, наряду с текстами религиозного, исторического и географического содержания, вошли апокрифическая переписка турецкого султана (1673, 1678 гг.), явление «пророков» на острове Мальта (1693), панегирик из гравюры «Морская картина» (1700 г.), вестовые письма об Азовском походе и о смерти польского короля (1695, 1696 гг.), новости из Европы, включающие в себя рассказ о битве под Зентой (1697 г), описание приема «Великого посольства» в Митаве (1697 г.) и др. В этой подборке известий есть также списки с первых печатных «Ведомостей» и списки с неопубликованных вестовых писем из военной канцелярии фельдмаршала Б. П. Шереметева. Хотя рапорты Шереметева могли быть получены от кабинет-секретаря А. В. Макарова, рассылавшего и другие материалы из Москвы, можно предположить существование особой связи между канцелярией Шереметева и кем-то в Вятке. «Дорога» для таких сообщений из Москвы все равно, видимо, лежала через местную приказную канцелярию. Попов сам был бурмистром, а один из его родственников был подьячим. Любопытно, что «вести» за многие годы не подбирались постепенно, а были переписаны в 1704 г. К этому времени «новости» о войне с Османской империей не являлись актуальной информацией, поскольку Россия помирилась с Турцией и уже несколько лет воевала со Швецией.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что случаи, когда «вести» из Европы через государственные приказы попадали в руки частных лиц (пусть даже и связанных с государственной службой, но не задействованных непосредственно в обработке поступавшей в Россию иностранной прессы), были редкими, но повторялись регулярно. География распространения «вестей» по России довольно широка — Москва, Коломна, Псков, Вятка, Яренский уезд.

Читатели русских переводов иностранной прессы представляли самые разные слои русского общества — боярство, дворянство, дьяческое сословие, стрельцов, посадских людей, торговых крестьян, церковных иерархов и рядовой клир. В целом это практически вся образованная часть русского общества того времени. Никак не влияли на знакомство с переводами иностранной прессы политические взгляды «читателей». Несмотря на бытующее в массовом сознании и учебной литературе представление о том, что русские люди конца XVII в. делились на прогрессивных сторонников Петра I и его отсталых противников, в нашем списке оказались А. А. Матвеев и Л. И. Иванов, пострадавшие во время восстания 1682 г., а также С. Медведев и И. А. Желя-

бужский, для которых роковым стало возвращение к власти Нарышкиных.⁸⁶

Гораздо больше, чем сословное положение, на возможность доступа к переводам иностранной прессы влияло нахождение на государственной службе. Из 18 упомянутых за XVII в. людей только для Исидора Крючкова не удалось найти какие-либо связи с государственной службой или людьми, на ней находящимися. Именно служебные связи открывали доступ к подобного рода документам. Здесь так же, как и во многих других случаях, государство создало условия для распространения нового культурного явления.

Было ли это осознанной деятельностью правительства или происходило случайно, вследствие недостаточно бдительной охраны архива дипломатического ведомства, для конечного результата не имеет значения.

Владельцев рукописей с «вестями» из иностранной прессы обычно отличал превосходящий среднюю норму интеллектуальный и культурный уровень, высокая степень социальной или экономической активности. Вопреки ожиданиям, среди них не так много людей, которых можно было бы назвать «западниками». Даже А. А. Матвеев, неоднократно удостоивавшийся похвал от иностранцев за свою приверженность к европейской культуре, в отличие от многих русских «западников» XIX в. не только оставался искренне верующим православным человеком, но, при определенных условиях, мог отстаивать перед государством традиционные формы русского благочестия (как это случилось при закрытии его домового храма). Правильнее будет сказать, что большинство охарактеризованных нами людей в разной степени сочетали приверженность традициям с широким кругозором и открытостью для нового.⁸⁷

При обращении к содержанию привлекавших внимание россиян переводов иностранных информационных изданий становится очевидным преобладание «чудес» и памфлетов. Между тем, в реально прихо-

⁸⁶ Среди тех, о ком писали иностранные газеты, — погибший в 1682 г. А. С. Матвеев и оказавшийся в ссылке после возвращения к власти сторонников Петра I В. В. Голицын.

⁸⁷ В противовес теории модернизации, в рамках которой принято противопоставлять характеристики «передовой», «прогрессивный», с одной стороны, и «отсталый», «ретроград» — с другой. Д. К. Уо вслед за Б. Латуром предложил называть людей, находящихся в состоянии перехода от старого к новому, между мнимой «современностью» и традиционностью, «не-современными» (non-modern). См.: Уо Д. К. История одной книги. С. 17, 18, 253–261.

дившем из Европы в Россию потоке информации материалы такого типа составляли абсолютное меньшинство.

Данная ситуация вполне естественна. Сведения о политической жизни Европы могли интересовать только людей, имевших непосредственное отношение к выработке и реализации внешней политики государства. Многие статьи курантов были вообще не понятны для тех, кто не следил за европейской политикой. Внешнеполитические известия становились актуальными для обычных россиян только если они напрямую и остро касались России, как это было в годы войны против Османской империи. Однако и в этом случае выборка информации для «частного» чтения иногда выглядит весьма своеобразно. Желябужский из многочисленных известий иностранной прессы на турецкую тему выбрал сообщение о победе под Азовом, о которой в Москве узнали раньше, чем в Европе. Вероятно, для него был важен именно сам факт, что об этом событии пишут в европейской печати. Подобные публикации свидетельствовали о далеко разнесшейся славе русской армии. Заинтересовавшее Желябужского подложное письмо 1663 г. от турецкого султана императору Леопольду тоже нельзя назвать «свежей новостью». Вряд ли стоит сомневаться, что опытный дипломат, имевший дело с курантами еще в 60-е годы XVII в., понимал, что вносит в свои «Записки» не подлинный документ, а политический памфлет. Как «доказательство» наличия противоречий между Османской империей и Священной Римской империей он мог бы достать (или привести по памяти) подлинный документ или перевод из тех же процитированных им иностранных газет. Скорее всего, внимание Желябужского привлекло именно развлекательное содержание текста. Вятский книжник Попов переписывал новости о битве под Зентой также в качестве исторического материала.

Некоторую актуальность для «частного читателя» могли иметь «чуждые» вести эсхатологического характера. Однако сам факт копирования из европейской прессы новостей о наступающем конце света еще не является доказательством того, что данному известию доверяли. К примеру, в Посольском приказе достаточно быстро разобрались в подложности этих «новостей». Для 1730-х гг. имеются сведения о том, что в разной культурной среде тексты о появлении в Европе Ильи и Еноха могли рассматриваться как всерьез, так и в качестве «курьеза».⁸⁸

⁸⁸ Покровский Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–296; Лавров А. С. Колдовство и религия... С. 249–253.

Курьезность известий придавала им вневременное значение. Они не становились менее интересными годы спустя. Мы знаем только один случай вторичного использования рассматриваемых материалов (на оборотах столбцов с известием о битве под Зентой из архива Шангиных были переписаны тексты религиозного содержания). В этом отношении оказавшиеся вне стен Посольского приказа переводы иностранной прессы не похожи на современные газеты, которые покупают регулярно и выбрасывают после прочтения. К ним относились как к литературным сочинениям. Таким образом, даже в самом конце XVII в. в России еще не сложилась специфическая аудитория «читателей прессы». Распространение отдельных известий курантов вне круга их профессионального дипломатического использования имело случайный характер и хорошо вписывается в рамки книжного чтения, с одной стороны, и «вестовых» (иногда подметных) писем — с другой. Причем последний вариант встречается гораздо реже.

Из приведенных материалов очевидно, что распространение в России переводов иностранных «вестей» проходило неравномерно. Первый «пик» приходится на 20-е–40-е гг. XVI в. Тогда среди владельцев интересующих нас рукописей отмечены только священнослужители и монахи. Скорее всего, это связано с общим преобладанием в среде любителей книжного чтения людей из церковной среды. Нельзя не учитывать и тот факт, что в XVI в. в числе переводившихся в России иностранных «вестей» преобладали природные «знамения».

В XVII столетии проникновение переводов известий иностранной прессы в русскую книжность шло наиболее интенсивно в 80-х и особенно в 90-х гг. Безусловно, можно согласиться с предположением Д. К. Уо о том, что этому способствовали начатый в 1676 г. разбор архива приказа Тайных дел и растянувшаяся до 1683 г. передача его документов в Посольский приказ.⁸⁹ Однако одного только факта большей, чем прежде, физической доступности текстов для объяснения данного явления недостаточно. Без соответствующего культурного запроса со стороны общества они просто не были бы востребованы. На наш взгляд, условия, приведшие к распространению в русской книжности переводов «курьезных» известий из иностранной прессы, лучше всего охарактеризовал А. М. Панченко: «Итак, интерес русских читателей могло привлечь „баснословие“, экзотика, цепь необычайных похождений. Применительно к условиям XVII столетия это вполне понятно. В письменности той поры широко представлены всякого рода курьезы — сообщения о событиях, поражающих воображение. К такого рода замет-

⁸⁹ Waugh D. C. The Great... P. 159.

кам относятся, например, статья „О человеке, за нечестие обращенном в Праге во пса“ (выше Панченко называет этот текст «заметками из курантов». — С. III.), которая проникла в позднее летописание, рассказ „О графине Альтдорфской“, ⁹⁰ которая единым порождением двенадцать чад породил и прочее. Заметим, что такие заметки часто шли из Польского приказа, попадали в „куранты“, целью которых была достоверная и актуальная информация о европейских делах. Это тот же интерес к раритетам, который характерен для барокко и в русской силлабике представлен „музеем редкостей“ Симеона Полоцкого, а впоследствии отразился в практической деятельности Петра, создавшего знаменитую Кунсткамеру». ⁹¹ Здесь следует отметить, что, несмотря на скудость источников, интерес не только к литературным, но и к вещественным «редкостям» прослеживается у многих «частных читателей» переводов иностранной прессы.

Куранты были не только источником, из которого русские книгоучерпывали отдельные тексты для рукописных сборников. В конце XVII столетия они сами стали предметом литературной обработки. В этом отношении особенно интересны «юмористические» куранты, которые, как недавно установила Э. Малэк, ⁹² появились в России в 1680-х гг. Они

⁹⁰ Русские переводы «Повести о графине Альтдорфской» никак не связаны с иностранной прессой (подробнее см.: *Державина О. А.* Повесть о графине Альтдорфской в русских переводах XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 376–381), однако в «переводах с курантов» XVII—начала XVIII в. сообщения о рождении близнецов встречаются регулярно (см. напр., обзор европейских газет 24 декабря 1729 г. АВПРИ. Ф. 11. Оп. 11/1. Ед. хр. 186. Л. 359–361).

⁹¹ *Панченко А. М.* Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969. С. 129–130.

⁹² *Малэк Э.* Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси). С. 427–429. В своей более поздней публикации Малэк пишет: «Можно предполагать, что в смехотворные куранты попадали известия, в какой-то мере невыгодные властям, содержащие не только смеховые, но и сатирико-обличительные элементы, поскольку в 1707 г. Петр I издал постановление, в котором приказывает своим подданным, „дабы впредь никаких вымышленных и затейных, курантов <...> не писали и не печатали и не продавали“ (Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1893. Т. III. С. 350)». См.: *Малэк Э.* Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. С. 354. Это утверждение основано на недоразумении. Ссылка и цитируемый текст относится к «Грамоте бургомистрам и ратманам города Гамбурга. (1705 мая 31)». Речь здесь идет о попытках русского правительства убедить власти Гамбурга наложить запрет на публикацию антироссийских материалов, которые в Европе распространяли шведы.

принадлежат к числу текстов, пародирующих форму деловых документов. В пародийные куранты вошли «вести» «Ис Копенгагина», «Ис Трептов», «Из Гамбурга», «Из Гистрова», «Из Гишпании», «Из Лондона», «Ис Парижа». По форме они чрезвычайно похожи на куранты, которые в Посольском приказе создавались для царя и Боярской думы. Если же обратиться к содержанию пародируемых статей, то окажется, что автор смеховых курантов пародировал известия о чудесах, церемониях, стихийных бедствиях, моде, морской торговле. Сообщения на эти темы действительно встречаются в настоящих курантах. Однако количество подобных известий исчезающе мало на фоне военно-политических новостей. В пародийных курантах отразился не реальный набор имевшихся в настоящих курантах тем, а круг сообщений, которые привлекали внимание людей, не занимавшихся профессионально внешней политикой.

Остается вопрос, были ли эти пародийные куранты русским произведением или переводом зарубежного «смехового» сочинения. В 1698 г. в Межигорском монастыре под Киевом был задержан польский шляхтич К. Доморацкий. Среди прочих документов у Доморацкого были отобраны «Перевод с списка местов чюжеземных, переведенных на полской язык с розных языков» и «Список 3 домовых листов» — юмористические переложения газет, содержавшие чудеса, пророчества, описания комет, диговин.⁹³ Выявленное Малэк сочинение датируется более ранним временем, чем записки, конфискованные у Доморацкого. Однако возможность того, что юмористическое переложение курантов попало в Россию через Украину или напрямую из Польши, исключить нельзя. В любом случае, мы можем констатировать влияние иностранной прессы на русскую литературную традицию.

⁹³ *Николаев С. И.* Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.). С. 307–309.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, отметим, что созданная царем Алексеем Михайловичем система составления курантов успешно функционировала вплоть до конца XVII столетия, а потом, после некоторого перерыва, была возобновлена в 1720-х гг. Главной причиной появления курантов стала потребность государства во внешнеполитической информации, особенно возросшая в ходе войны с Польшей за Украину. Для удовлетворения этой потребности по личному указу государя в России была создана почта, связавшая Москву с европейскими странами. Интенсивность составления, объемы и качество обзоров иностранной прессы зависели от двух факторов. Первый из них — уровень внешнеполитической активности Российского государства: чем активнее была внешняя политика, тем больше внимания правительство уделяло курантам. Второй фактор — перемены в структуре власти, а также личные особенности правителей России, сменивших на престоле Алексея Михайловича.

В годы правления царя Федора Алексеевича куранты оказались наиболее востребованы в 1676–1678 гг. — в период наибольшего накала борьбы с Османской империей. Позднее отказ от активной внешней политики привел к постепенному сокращению числа составляемых обзоров иностранной прессы, а затем и к закрытию виленской почты — одной из двух почтовых веток, соединяющих Россию и Европу. После утверждения у власти царевны Софьи куранты оказались законсервированными в том виде, в котором они функционировали в последние годы предыдущего правления. Интерес к ним стал увеличиваться, когда правительство В. В. Голицына активизировало свою деятельность по заключению Вечного мира и союза с Польшей, а особенно после присоединения России к антитурецкой коалиции. Однако из-за слабости власти правительства регентства настойчивые попытки Голицына восстановить прежнюю скорость и частоту доставки иностранных га-

зет не увенчались успехом. После свержения правительства царевны Софьи в составлении курантов произошли заметные изменения. Для Петра I стали делать краткие выписки из курантов, содержащие распределенные по тематическим группам наиболее важные сведения. Царь стремился получать максимально сжатую и удобную для усвоения информацию. На заседаниях Боярской думы по-прежнему зачитывались объемные обзоры иностранной прессы.

Начало Северной войны нарушило привычные механизмы доставки европейских газет в Россию, что негативно сказалось на составлении курантов. Однако гораздо большее влияние на куранты оказали изменения в государственном управлении. Главная причина падения значения курантов заключалась в том, что они максимально эффективно выполняли свои функции, когда царь, принимавший важнейшие внешнеполитические решения, находился на постоянном месте (в Кремлевском дворце), куда сходилась вся необходимая информация. Это позволяло минимизировать сроки доставки новостей. Частые дальние поездки Петра I приводили к тому, что, догнав царя, куранты уже безнадежно устаревали (особенно, если Петр находился к западу от Москвы). После того как перестала собираться Боярская дума, для которой составляли объемные обзоры иностранной прессы, куранты фактически потеряли и своего «потребителя». Петр I нашел им новое применение — в конце 1702 г. он принял решение о публикации курантов. Государь чувствовал потребность в печатном органе, который пропагандировал бы среди населения успехи русской армии и ее союзников в борьбе против Швеции. В результате, служащие Посольского приказа перешли от составления обзоров иностранной прессы для служебного пользования к подготовке материалов первой российской публичной газеты — «Ведомостей». Формального решения о прекращении составления курантов не принималось. Первое время «Ведомости» составляли, сокращая и дополняя куранты. Позднее из иностранных газет стали отбирать только ту информацию, которую планировали включить в «Ведомости». Практика регулярного составления обзоров европейских газет была вновь возобновлена в Коллегии иностранных дел после окончания Северной войны (не позднее 1724 г.). Однако развитие системы постоянных дипломатических представительств за рубежом привело к изменению функционального назначения курантов. Снизилась их роль как источника знаний о происходящих событиях и увеличилась — как средства наблюдения за тем, что пишут в Европе на интересующие русское правительство темы.

Отдельно следует сказать о деятельности русского правительства по формированию положительного образа России в иностранной прессе XVII—начала XVIII вв. Первые усилия в этом направлении российское правительство стало предпринимать еще в царствование Алексея Михайловича: за публикациями на «российские» темы постоянно следили, однако реагировали на них только в особенно острых случаях. Тогда были опробованы на практике возможные способы влияния на зарубежную печать — дипломатические протесты, отправка в зарубежные издания подготовленных в Москве материалов и давление на торговых партнеров России. Значительное число позитивных публикаций о Российском государстве попадало в западную прессу через работавших в Москве иностранных дипломатов, которые стремились таким способом улучшить отношения с российскими властями. Особенно много положительных публикаций о России в европейских газетах печатали в те годы, когда русская армия одерживала победы над войсками Османской империи: агрессивная политика Оттоманской Порты несла угрозу многим европейским государствам. Ситуация резко изменилась после начала Северной войны. Обеспечение «положительной прессы» стало одной из повседневных забот русских дипломатов. Причина произошедших перемен состояла в том, что Россия вела теперь войну на территории Европы против одного из ведущих европейских государств. Необходимость поддержки со стороны максимального числа союзников заставляла заботиться о хорошем (или хотя бы нейтральном) имидже. Петру I приходилось тратить на его формирование значительные средства.

Составление обзоров прессы (как отечественной, так и зарубежной) — обычное явление и в современной России. Поэтому встает вопрос, стоит ли для обозначения обзоров XVII—начала XVIII столетия использовать специальный термин «куранты»? На наш взгляд, стоит. Данный термин удобен, поскольку обзоры прессы того времени имеют свою специфику. Помещенный в них материал был слабо структурирован, тематическая рубрикация появилась только в выписках петровского времени; материалы разных изданий подавались без какого-либо разграничения (лишь в отдельные периоды разделялись публикации из немецкой и голландской прессы). Куранты не содержали аналитической части, в них были лишь краткие пояснения неизвестных топонимов, антропонимов, терминов и крайне редкие комментарии. Однако при всей своей примитивности, в XVII столетии обзоры зарубежной прессы играли большую роль в формировании знаний русской политической элиты о Западе, чем в любой из последующих исторических периодов.

Все это позволяет рассматривать куранты как целостное культурно-историческое явление.

В изучении курантов XVII в. остается еще много проблем. Важнейшая из них состоит в том, что мы плохо представляем, как формировалось и функционировало информационное пространство России в XVII столетии. Из представленного в работе материала видно, что потребность в периодической печати возникла в нашей стране значительно позже, чем в государствах Западной Европы. Специальное слово для обозначения газет вошло в русский язык к концу 1650-х гг. Из этого можно сделать вывод, что хотя иностранные газеты стали привозить в Россию не позднее, чем с 1620-х гг., сам факт существования прессы как целостного культурного явления был осознан русскими только в середине XVII столетия. Возможности для издания российской газеты имелись уже в 1660-х гг., однако желания создать свой печатный орган у российского правительства не возникало. Не было заметно и общественной потребности в таких материалах. Отдельные статьи курантов выходили за пределы Посольского приказа, но это были публикации книжного характера — памфлеты, пророчества, церемонии, описания занимательных событий и т. д. Даже появившиеся в 1702 г. волей Петра I «Ведомости» обгоняли потребности читателей. В результате их тиражи постепенно падали, были проблемы и с периодичностью выхода.

В настоящее время работа по изучению курантов далека от завершения. Мало исследованы механизмы передачи в европейские газеты «московских» публикаций. Во многом остается не понятным, через кого и как осуществлялись контакты российского правительства с европейской прессой. Возможно, решить эту проблему удастся, обратившись к дипломатическим документам, которые отправляли на родину посетившие Москву послы европейских стран, и сопоставив эти материалы с публикациями иностранной прессы о России. Очень мало известно о влиянии курантов на выработку русским правительством конкретных внешнеполитических решений. Нужно и далее изучать проблему влияния курантов на русскую культуру. Необходимо продолжить выявление курантов в архивных фондах. Куранты 1720-х–1730-х гг. вообще практически не изучены. Хочется надеяться, что книга привлечет внимание специалистов к этому интереснейшему источнику по истории России.

ПЕРЕВОДЫ ИНОСТРАННОЙ ПРЕССЫ 1671–1702 гг. В СОВРЕМЕННЫХ АРХИВАХ

Задача данного раздела — помочь исследователям составить общее представление о степени сохранности курантов за период с 1671 по 1702 г. Хронологические границы определяются тем, что куранты, составленные до 1671 г., опубликованы, а материалы после 1702 г. в значительной степени связаны с изготовлением газеты «Ведомости».¹ Не включены в таблицу отдельные листы курантов, точную дату создания которых сложно установить (в основном ветхие документы из 2-й описи фонда 155). Информационная ценность подобных отрывочных материалов невелика. Познакомиться с их содержанием можно по архивному описанию РГАДА.² В таблицу не включены также обзоры иностранной прессы, которые составлялись при дипломатических миссиях вне пределов России (в «Великом посольстве»,³ во время пребывания К. Н. Нефимова в Вене,⁴ А. А. Матвеева в Гааге⁵ и др.). Хотя они выполняли ту же самую функцию — передачу внешнеполитической информации, однако по механизму, периодичности составления и порядку использования появившиеся за рубежом обзоры иностранной прессы могли существенно отличаться от тех, что составлялись в Москве. Их подробный анализ выходит за рамки данного исследования.

Сохранность документов определяется ежемесячно. В тех случаях, когда за месяц не сохранилось ни одного комплекта курантов, соответствующее поле в таблице не заполняется. Если до нашего времени в удовлетворительном состоянии дошли все документы или их значительная часть, позволяющая составить общее представление о характере известий, переводившихся в этом месяце, то поле помечается значком «+». Если сохранились лишь отдельные комплекты курантов или документы сильно повреждены,

¹ Архив «Ведомостей» описан В. А. Погореловым: Библиотека Московской Синодальной типографии. Секция 1: Рукописи: В 6 т. Т. 4: Материалы и оригиналы ведомостей 1702–1727 гг. Отдельные материалы присутствуют также в составе Ф. 155 РГАДА.

² Шамин С. М., Шахова А. Д. Аннотированное дополнение к описи № 2 фонда 155 РГАДА (русские документы и хранящиеся вместе с ними иностранные материалы). М., 2006 (рукописная опись в читальном зале РГАДА).

³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1697 г. Д. 12; Ф. 155. Оп. 1. 1698 г. Д. 10; Ф. 155. Оп. 2. 1697 г. Д. 67; Ф. 32. Оп. 1. 1697 г. Ед. хр. 13.

⁴ Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1864. Т. 7. Стб. 1194–1202, 1240.

⁵ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1702 г. Ед. хр. 9. Л. 1–72; Ф. 381. Ед. хр. 953. Л. 35.

то поле помечается значком «—». Безусловно, подобная оценка носит субъективный характер, а состояние дел постепенно меняется.⁶

В первом столбце таблицы указан год составления курантов. В столбцах со 2-го по 13-й — порядковый номер месяца. В последнем столбце помещены архивные шифры дел, в которых хранятся куранты за текущий год. Если куранты хранятся в нескольких делах, то первыми в столбце указываются номера дел из РГАДА Ф. 155. Оп. 1. Для них дается только номер дела. Далее приводятся дела из РГАДА Ф. 155. Оп. 2. Для них дается номер дела и номер описи. Далее отмечаются дела из других фондов РГАДА. Для них дается номер фонда, номер описи, год и номер дела. Те же данные приводится и в тех случаях, когда в описании РГАДА Ф. 155. Оп. 1 год в архивном шифре указан ошибочно. Для дел из других архивов приводится полный архивный шифр. Документы РГАДА Ф. 155. Оп. 1 микрофильмированы.

Т а б л и ц а

Сводные данные о сохранности курантов

Месяц Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Архивный шифр
1671			+	+	+	+	—		—	—	—		Д. 7; 1672 г. Д. 6, 8.
1672	—	—		—	—	+	+	—	—				Д. 6; Д. 7; 1673 Д. 10; ⁷ Оп. 2. Д. 37. 1672 г. (?); ⁸ БАН, 32.14.11, № 1 (подлинники). ⁹

⁶ К примеру, отдельные дела 1660-х гг., которые были доступны исследователям в 1990-х гг., в настоящее время не выдаются из-за ветхости.

⁷ Дело обернуто в бумагу с заглавием почерком конца XIX—начала XX в. «номер 10 около 7182/1673 г. (даты нет) перевод с цесарских и голандских печатных курантов на 11 листах». Фактически в деле 4 листа. Тетрадь, формат 1, почерк аккуратный, имеет подзаголовок «перевод с галанских печатных курантов, каковы присланы чрез виленскую почту сего ж числа». Однако, судя по описываемым в деле событиям, оно относится к 1672 г. На л. 1 об. помещена статья из Марселя от 17 мая, в которой рассказывается, что два голландских корабля пришли в этот город из Смирны, не зная о войне между Францией и Голландией, которая началась в марте 1672 г.

⁸ Листы из одного или двух комплектов переводов курантов. Почерк аккуратный, без исправлений. Л. 1–3 имеют заглавие «Галанские» и написаны одним почерком. Л. 4 написан другим почерком. Заглавие: «Перевод с цесарского печатного куранта». Текст обрывается на середине слова. Дата перевода определена по упоминанию об осаде Каменца турецким войском. Фрагмент первоначальной обертки на бумаге кон. XVIII—нач. XIX в. с надписью почерком того же времени: «Куранты Европейские, а во их всякие ведомости, а году не писано».

⁹ Документ 13 марта 1672 г. Столбцы, 3 листа. Два почерка (смена почерков между л. 1 и 2). На л. 1 об. помета почерком XIX в. «в куранты 7180», аналогичные

Продолжение табл.

Месяц Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Архивный шифр
1673	—	—	—	—	—	+	—	—	+	+	+	+	Д. 9.
1674	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	Д. 7; Д. 8. ¹⁰
1675	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	Д. 9; Д. 8; ¹¹ Ф. 74. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 117, 118. ¹²
1676	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	Д. 8; Ф. 79. Оп. 1. 1676 г. Д. 4. Л. 72–74. ¹³
1677	—	—	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	Д. 7; Оп. 2. Д. 38. 1677 г.; ¹⁴ Оп. 2. Д. 111. 1677 г. ¹⁵
1678	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	Д. 4; Оп. 2. Д. 39. 1678 г. ¹⁶
1679	+	+	+	+	+	+	+	+	—	—	—	—	Д. 5.
1680	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	Д. 4; Оп. 2. Д. 40. 1680 г. ¹⁷

пометы встречаются на документах из Ф. 155 РГАДА. Вероятнее всего, документы происходят из архива Посольского приказа. Заглавие курантов: «Перевод з галанского печатого вестового листа, каков прислан чрез рижскую почту в нынешнем во 180-м году марта в 13 де».

¹⁰ В состав данного дела входят присланные по почте вестовые материалы, в т. ч. письмо из Варшавы от стольника Василия Тяпкина от 17 июня 1674 г. и письмо к полковнику Павлу Мезениусу, пришедшее в Москву 18 июня 1674 г. Хотя вполне вероятно, что в письмах отражен материал печатных и рукописных газет, к обзорам иностранной прессы их отнести нельзя.

¹¹ Дело состоит из двух комплексов. Л. 1–8 включают вестовые материалы из Польши (фрагменты); л. 9, 10 — сказание о злом господине, обращенном во пса.

¹² 18 сент. 1675 г. «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы прислал в Посолской приказ брандебургской посланник Ефим Шкултетус». За эту информацию автор благодарит Е. И. Кобзареву.

¹³ 3 апр. 1676 г. «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы присланы с виленскою почтою». За эту информацию автор благодарит Е. И. Кобзареву.

¹⁴ Дело ветхое. «Перевод с цесарских и галанских курантов, каковы присланы чрез рижскую почту в нынешнем во 185-м году мая в 11 день». Представляет собой один лист, разорванный на 2 части, каждая из которых получила свой архивный номер. Переводческий черновик. Текст на обеих сторонах листа. Имел кириллическую нумерацию.

¹⁵ Дело ветхое. «Перевод с цесарских курантов, каковы присланы чрез рижскую почту в нынешнем во 185-м году июня в 28 день». Переводческий черновик.

¹⁶ Дело ветхое. «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы присланы чрез виленскую почту в нынешнем во 187-м году октября в 21 день». Почерк аккуратный. На л. 4 об. помета почерком кон. XVIII—нач. XIX в. «в куранты».

¹⁷ Два комплекта курантов. Почерк аккуратный. Л. 1–8 — «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы чрез виленскую почту в нынешнем во 189-м году сентября в 3 день». Л. 9–16 — «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы присланы в Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 189-м году сентября в 10 день».

Продолжение табл.

Год \ Месяц	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Архивный шифр
1681	+	+			+	+		—	+	+	+	+	Д. 5; Оп. 2. Д. 41. 1681 г.; ¹⁸ Оп. 2. Д. 42. 1681 г. ¹⁹ ; Оп. 2. Д. 113. 1681 г. ²⁰
1682	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	Д. 5; Д. 6; Оп. 2. Д. 114. 1682 г. ²¹
1683	+	+	+	+	+	+	+	+					Д. 5.
1684	—		—	—	—	—	—	—	+	+	+	+	Д. 6; БАН, 32.14.11., № 2, 3, 6 (подлинники); БАН, 32.14.11, № 2, 3, 6 (копии). ²²
1685	+	+				—		—	+	+	+	+	Д. 7; Д. 8.
1686	+	+	+	+	+	+	+	—	—				Д. 7; Д. 8; БАН, 32.14.12. ²³

¹⁸ «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы в Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 189-м году мая в 2 день». Переводческий черновик с кириллической нумерацией (№ 1–5). На л. 1 об. помета «перевод». Фрагмент первоначальной обертки на бумаге кон. XVIII—нач. XIX в. с надписью почерком того же времени: «черные переводы курантов (1681 — вычеркнуто) 7189 году».

¹⁹ Дело ветхое. «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы присланы в Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 189-м году июня в 10 день». Переводческий черновик с кириллической нумерацией (на л. 3 — № 4, на л. 4 — № 5). Порядок листов перепутан. На обороте пробы пера «поп», «потом» и др. (аналогичные пробы пера имеются в Ф. 155. Оп. 1. 1681 г. Д. 5. Л. 28 об., 39 об.). На л. 1 об. помета «июня в 10 день чрез рижскую почту 189».

²⁰ Дело ветхое. «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы в Посолской приказ чрез виленскую почту в нынешнем во 189-м году июля в 2 день». Переводческий черновик. 2 почерка. Л. 1–3 — один почерк. В нижней части л. 3 другим почерком приписано «чрез ту ж почту полским писмом написано». На л. 4–6 вторым почерком «Речь его королевского величества после разорванного сейму при раде сенаторей».

²¹ Дело ветхое. «Перевод с курантов». Переводческий черновик. Верхняя часть листа утрачена. Сохранился фрагмент заглавия «...присланных чрез рижскую почту в нынешнем во 190 м году мая в 7 день».

²² Сводка курантов за 6 марта 1684 г. 17 листов. Между л. 2 и 3 утрачен один лист. Восстанавливается по копии XIX в.; Сводка курантов за 13 марта 1684 г. 9 листов. Имеется копия XIX в.; Фрагмент сводки курантов. 3 листа. Имеется копия XIX в.

²³ Комплекс документов из 76 лл. В деле не менее 4-х комплектов курантов, ни один из которых не сохранился полностью. Дело датируется 1686 г. (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская. Л., 1965. С. 327, 328.) Однако датировку можно уточнить по упоминаемым в нем событиям, среди которых взятие венецианскими войсками летом 1686 г. города Модон (Метони) и взрыв Парфенона в 1687 г. Копии отдельных сообщений из данного

Месяц Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Архивный шифр
1687	—	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	Д. 6; БАН, 32.14.12.
1688	+	+	+	+	+		+	—	+	+	+	+	Д. 9; Оп. 2. Д. 47. 1688 г.; ²⁴ Оп. 2. Д. 48. 1688 г. (?). ²⁵
1689	+	+		—					+	+	+	+	Д. 10; Д. 11; ²⁶ Д. 12; ²⁷ Ф. 141 Оп. 7. 1690 г. Д. 241; ²⁸ Ф. 159. Оп. 1. Д. 1732. Л. 2; ²⁹ БАН, 32.14.11, № 5 (подлинники); БАН, 32.14.11, № 5 (копии). ³⁰
1690	+	+	+	+	+	+	+	—					Д. 10; БАН, 32.14.11, № 8 (копии) ³¹
1691		—			—	—	—	—	+	+	+	+	Д. 12; Д. 13; Оп. 2. Д. 51. 1691 г.; ³² Оп. 2. Д. 56. 1691 г.; ³³ Оп. 2.

комплекса удалось обнаружить в РГАДА. Ф. 155. 1687 г. Ед. хр. 6. Таким образом, в деле представлены куранты не менее, чем за два года.

²⁴ «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы в Государственной Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 196-м году августа в 7 день». Почерк аккуратный. На обороте помета «куранты 196».

²⁵ Комплект курантов. Начало утрачено. Почерк аккуратный. Судя по пятнам сырости, листы хранились в одном столбце.

²⁶ Фрагмент сводки курантов, 13 л. На обложке заглавие машинописью кон. XIX—нач. XX в. «Около 1689 года № 11. Куранты голландские и другие. На 13 листах». Содержит известия о военных действиях Якова II Стюарта в Ирландии и военных действиях между Францией и ее противниками.

²⁷ Фрагмент сводки курантов, 6 л. На обложке штамп «Приказные дела новой разборки». Штамп зачеркнут. Вместо него вписано «куранты». Содержит известия о военных действиях между Францией и ее противниками.

²⁸ Л. 1–20. Куранты 8 октября 1689 г. Чистовик. На обертке помета «7198/1690 октября 8 дня. Переводы. Актуариус Андрей Застубий. Декабря 1-го дня 1827 на 20 листах».

²⁹ Роспись посланных почтой в Большой полк к ближнему боярину В. В. Голицыгу грамот, писем, переводов курантов 20 апреля 1689 г. Среди других документов «переводы с курантов апреля 15 дня».

³⁰ Фрагмент сводки курантов. 7 листов, перепутаны. Имеется копия XIX в.

³¹ Фрагмент сводки курантов. 2 листа, копия XIX в.

³² Дело ветхое, листы не нумерованы, условно 51 л. Куранты за май 1691 г. 5 комплектов. Почерк аккуратный. Начало утрачено. На оборотах всех сохранившихся заглавных листов пометы: «великим государем известно» или «великим государем известно и бояром чтено» с указанием даты.

³³ Дело ветхое, листы не нумерованы, 63 л. Куранты за май и июнь 1691 г. 3 комплекта. Почерк аккуратный. Начало утрачено. На оборотах всех сохранившихся заглавных листов пометы: «великим государем известно» или «великим государем известно и бояром чтено» с указанием даты.

Продолжение табл.

Месяц Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Архивный шифр
1691		—			—	—	—	—	+	+	+	+	Д. 57. 1691 г.; ³⁴ Оп. 2. Д. 58. 1691 г.; ³⁵ Оп. 2. Д. 116. 1691 г. ³⁶
1692	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	Д. 10; Оп. 2. Д. 60. 1692 г.; ³⁷ Оп. 2. Д. 63. 1692 г. ³⁸
1693	+	—							—				Д. 10; Д. 11; Оп. 2. Д. 61. 1693 г.; ³⁹ Оп. 2. Д. 62. 1693 г.; ⁴⁰ Оп. 2. Д. 64. 1693 г. ⁴¹

³⁴ Дело ветхое, листы не нумерованы 11 л. Куранты за июнь и июль 1691 г. Листы из трех комплектов. Почерк аккуратный. Первыми в деле идут 3 заглавных листа от разных комплектов, а далее листы с текстом в произвольном порядке. На оборотах всех сохранившихся заглавных листов пометы: «великим государем известно и бояром чтено» с указанием даты.

³⁵ Дело ветхое. 19 л. «Перевод с цесарских и галанских печатных курантах, каковы присланы в Государственной Посолской приказ чрез рижскую почту нынешнем во 199-м году июля в 13 день». Почерк аккуратный.

³⁶ Дело ветхое. Листы не менее чем от трех комплектов переводов курантов. Почерк аккуратный. На л. 1 заглавие «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы в Государственной посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 199-м году июля в 20 день». На обороте помета «великим государем известно и бояром чтено».

³⁷ Выписки из «переводов с курантов» за конец марта—начало мая 1692 г. 9 комплектов. Почерк аккуратный. Конец утрачен. На оборотах пяти заглавных листов пометы о сообщении царям и боярам с указанием даты и места зачитания.

³⁸ «Перевод с курантов». Переводческий черновик. На л. 1 об. помета «лета 7201-го сентября в 4 день черные куранты». Имеется кириллическая нумерация листов (№ 1–9). В современном архивном деле порядок листов нарушен. Правильный порядок восстанавливается по кириллической нумерации: 1–4, 9, 5, 6, 6а/8 (лист с кириллическим № 8 был разорван и получил два современных номера — 6а и 8), 7.

³⁹ 3 комплекта «переводов курантов». Начало первого комплекта и конец третьего комплекта утрачены. Почерк аккуратный. На л. 1. об почерком кон. XVIII—нач. XIX в.: помета «7201 году к газетам». На л. 29 об. почерком кон. XVIII—нач. XIX в.: помета «куранты». Л. 4–23. «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы в Государственной Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 201-м году сентября в 20 день». Л. 24–30. «Перевод с цесарских и галанских печатных курантов, каковы присланы в Государственной Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 201-м году сентября в 20 день».

⁴⁰ Листы двух (?) выписок из «переводов курантов». Порядок листов нарушен. Почерк аккуратный. «Выписано из цесарских и галанских курантов, каковы присланы в Посолской приказ с рижскою почтою в нынешнем 201-м году февраля в 12 день». На л. 2 об. помета «великим государем известно и бояром чтено».

⁴¹ Дело ветхое. «Выписано из цесарских и галанских курантов на перечень, каков прислан в Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем 201-м году марта в 13 день». Почерк аккуратный.

Продолжение табл.

Месяц Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Архивный шифр
1694									+	+	+	+	Д. 11; Оп. 2. Д. 65. 1694 г. ⁴²
1695	+	+	+	+	+	+	—		+	+	+	+	Д. 7.
1696	+	+	+	+	—	—	—	+	+	+	+	+	Д. 12; Оп. 2. Д. 75. 1696 г. ⁴³
1697	+	+	+	+	+	+	+	—	+	+	+	+	Д. 13; ОПИ ГИМ. Ф. 440. Оп. 2. Д. 1. Л. 65. ⁴⁴
1698	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	Д. 17; Оп. 1. 1697 г. Д. 13. Л. 410–441; ⁴⁵ Ф. 141. 1698 г. Д. 549. ⁴⁶
1699	+	+	+	+	+	+	+	+					Д. 10; Д. 11; Д. 12; Оп. 2. Д. 70. 1699 г. ⁴⁷
1700	—	—	—	+	+	+	—	—					Д. 8; Д. 9.
1701	—			—	—	+	+	+	+	—	—	+	Д. 14; Д. 15; Оп. 2. Д. 81. 1701 г. ⁴⁸

⁴² «Перевод с курантов» (?). Черновик. Заглавие: «а в переводах пишет в писменных».

⁴³ Дело ветхое. Фрагмент сводки курантов без начала. Дата устанавливается по сообщению о взятии Азова. Переводческий черновик. Имеет кириллическую нумерацию (№ 1–6). Порядок листов в деле нарушен. Правильная последовательность листов: 7, 8, (4, 5 — один разорванный лист), 3, 2. В дело вложен листок с пометой почерком кон. XVIII—нач. XIX в.: «Европейские куранты. Переведены с иностранных языков, а которых не писано».

⁴⁴ Выписка из курантов 21 октября 1697 г. Сообщение о победе над турками.

⁴⁵ В дело за 1697 г. включены сводки за 5, 12, 18 сентября 1698 г.

⁴⁶ Л. 1–5. «Перевод с немецких вестовых писем, каковы присланы из Вены чрез почту в нынешнем в 207-м году декабря в 25». Текст чистовой. Судя по структуре — переводы газет. На л. 1. об. помета «207-го декабря в 27 чтено». Л. 6–13. «Перевод с немецких вестовых печатных писем, каковы из Вены присланы в государственной посолской чрез рижскую почту в нынешнем в 207-м году генваря в 30 день». За информацию о данном комплексе благодарю А. Б. Левченко.

⁴⁷ «Перевод с цесарских печатных курантов, каковы присланы в Государственной Посолской приказ чрез рижскую почту в нынешнем во 207-м году марта в 18 день». Почерк аккуратный. На л. 1 об. помета «207 марта в 20 день чтено».

⁴⁸ Дело ветхое. «В курантах немецких, присланных из Вены к Москве июля в 18 день 1701-го году». Тетрадь. Формат 4°. Почерк аккуратный. Заглавие вписано другим почерком. По внешнему виду документ идентичен более поздним черновикам для печатных «Ведомостей». Наиболее ранние из сохранившихся на сегодняшний момент печатных «Ведомостей» относятся к 1703 г. Известны рукописные копии печатных ведомостей кон. 1702 г. (Харламович К. В. «Ведомости Московского государства» 1702 года. С. 1–18.) А. Я. Булгаков, первый исследователь курантов, предполагал, что печатные «Ведомости» появились в 1701 г. (Булгаков А. Я. Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. Ч. 16. № 13. С. 9.) Возможно, делая такое предположение, он опирался на данный документ.

Окончание табл.

Месяц Год	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	Архивный шифр
1702	—		—	—	—	+	+					+	Д. 9; Оп. 1. 1701 г. Д. 14. Ч. 2. Л. 1–7; ⁴⁹ Ф. 381. Д. 953. ⁵⁰

⁴⁹ Среди документов 1701 г. имеется одна сводка с заглавием «В немецких вестовых писменных листах, каковы присланы к Москве января в 16 де нынешняго 1702 го году написаным».

⁵⁰ В данном деле находятся куранты за декабрь 1702 г., отложившиеся в числе черновых материалов печатных «Ведомостей».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверьянов К. А.* Русская дипломатия и контрразведка в XVII в // Российская дипломатия: история и современность. М., 2001. С. 110–120.
- Автократов В. Н.* К истории замены столбцовой формы делопроизводства тетрадной в начале XVIII в. // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959. С. 274–286.
- Алексеев М. П.* Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. 1947. № 95. Серия исторических наук. Вып. 15. С. 43–109.
- Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII в. М., 1976.
- Артамонов В. А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2. С. 295–327.
- Бакланова Н. А.* Великое посольство за границей в 1697–1698 гг. (Его жизнь и быт по приехо-расходным книгам посольства) // Петр Великий. М.; Л., 1947. С. 3–62.
- Бакланова Н. А.* Русский читатель XVII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 156–193.
- Балицкий Г. В.* Зарождение периодической печати в России. СПб., 1908.
- Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1–4.
- Барсов Е. В.* Новые материалы к истории старообрядчества XVII–XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым, с предисловием. М., 1890.
- Белов М. И.* Письма Иоганна фан Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 374–382.
- Белов М. И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVI–XVII вв. М., 1966. С. 58–83.
- Белокуров С. А.* Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903.
- Белокуров С. А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа второй трети XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
- Библиотека Московской Синодальной типографии. Секция 1: Рукописи: В 6 т. Т. 4: Материалы и оригиналы ведомостей 1702–1727 гг. / Сост. В. А. Погорелов. М., 1903.

- Бобров А. Г. Копенгагенский сборник середины XVII в. и его вероятный составитель псковский стрелец Димидка Воинов // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 463–476.
- Богданов А. П. «Истинное и верное сказание о крымском походе 1687 г.» — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57–84.
- Богданов А. П. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. Вводная статья и комментарии // ВИ. 1986. № 3. С. 78–91.
- Богданов А. П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ИИИСССР. М., 1987. С. 114–146.
- Богданов А. П. О рассуждении Самуила Коллинса // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 204–208.
- Богданов А. П., Симонов Р. А. Прогностические письма доктора Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 151–204.
- Богданов А. П. Василий Васильевич Голицын // «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 179–228.
- Богданов А. П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М., 1990.
- Богданов А. П., Каган М. Д. Желябужский Иван Афанасьевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 322–326.
- Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994.
- Богданов А. П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.
- Богданов А. П. Чины венчания московских царей // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 211–224.
- Богданов А. П. Канцлер и генералиссимус Василий Голицын // Перекрестки эпох. Социокультурное время: Сборник трудов. М., 1997. С. 257–288.
- Богданов А. П. Русь и Вселенная в период формирования имперской концепции (последняя четверть XVII в.) // Россия и внешний мир: диалог культур: Сборник статей. М., 1997. С. 185–206.
- Богданов А. П. В тени Великого Петра. М., 1998.
- Богданов А. П. Российское православное самодержавное царство // Мировосприятие и самосознание русского общества. М., 1999. Вып. 2. С. 94–111.
- Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700 гг.). М., 1999.
- Богданов А. П. Московская публицистика последней четверти XVII в. М., 2001.
- Богданов А. П. Внешняя политика России и европейская печать (1676–1689 гг.) // ВИ. 2003. № 4. С. 26–46.
- Богданов А. П., Шамин С. М. Природные явления в царствование Федора Алексеевича и человеческое сознание (по газетной информации Посольского приказа) // Историческая экология и историческая демография. М., 2003. С. 239–255.
- Богданов К. Петр I о медицине: игра природы, порядок правления // Петр Великий. М., 2007. С. 175–209.
- Богословский М. М. Петр Великий. Материалы для библиографии. М., 2005. Т. 1.
- Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

- Борисовская Н. А. Старинные гравированные карты и планы XV–XVIII веков. М., 1992.
- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. VIIa. СПб., 1892.
- Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
- Буганов В. И. Разин и разинцы. М., 1995.
- Будовниц И. У. Словарь русской, украинской и белорусской письменности и литературы до XVIII в. М., 1962.
- Буланин Д. М., Матвеева Е. Н. Тимофей Каменевич-Рвовский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 16–24.
- Буланин Д. М. «Учиться ли нам полезнее грамматики, риторики... или, и не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати... и которого языка учиться нам, славянном, потребнее и полезнее — латинского или греческого?» // Там же. С. 63–67.
- Буланин Д. М. Пророчество на гробнице Константина Великого // Там же. С. 541–545.
- Булгаков А. Я. Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. № 13. С. 5–33.
- Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2.
- Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). М., 2008.
- Бычков А. Ф. Первые русские ведомости, печатавшиеся в Москве в 1703 г. СПб., 1855.
- Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1.
- Бычков А. Ф. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской Публичной библиотеке: В 2 т. СПб., 1900–1902.
- Варина С. Н. Газетный стиль XVII в. (по данным «Вестей-Курантов») // Материалы XXXII международной филологической конференции (Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет, 11–15 марта 2003 г.). Вып. 17. Историческая лексикология и лексикография (русско-славянский цикл) / Отв. ред. О. С. Мжельская. СПб., 2003. С. 5–7.
- Введенский В. В. Из наблюдений над общественно-политической лексикой XVII в. (на материале имен существительных первой русской рукописной газеты «Вести-Куранты 1600–1639 гг.*/) // Географические и хронологические пределы распространения русской лексики: Лингвистический сборник. Вып. II. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1978. С. 87–96.
- Введенский В. В. Лексика «Вестей-Курантов 1600–1639 гг.» (К истории лексико-семантических процессов у имени существительного в русском языке XVII в.): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1978.
- Ведомости времен Петра Великого. М., 1906. Вып. 2.
- Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006.
- Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. СПб., 1908.
- Висковатов К. А. Москва в 1687–1688 гг. // Русская старина. 1878. Т. 23. № 9. С. 121–129.

- Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664–1665. СПб., 1996.
- Возгрин В. Е. Документы Датского государственного архива по истории России в годы Северной войны // Советские архивы. 1973. № 5. С. 102–105.
- Возгрин В. Е. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI–XVIII веков // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве Ленинградского отделения института истории СССР. Археографический сборник. Л., 1982. С. 124–157.
- Восстание в Москве 1682 года: Сборник документов. М., 1976.
- Георгиевский В. Т. Флорищева пустынь. Вязники, 1896.
- Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 5 (17). М., 1791.
- Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI—первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.
- Гольдберг А. Л. История России в иностранных изданиях XVI–XVII веков // История СССР. 1982. № 2. С. 103–117.
- Гольдберг А. Л., Дмитриева Р. П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 471–473.
- Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкого Сергиевы лавры. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910. Ч. 1.
- Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902.
- Гурлянд И. Я. Иван Гебдон: Коммиссариус и резидент. Ярославль, 1903.
- Гуськов А. Г. Великое Посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005.
- Гуськов А. Г. Информационное обеспечение Великого посольства 1697–1698 гг. // Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия. М., 2009. Вып. 5. С. 27–44.
- Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. IV.
- Демидова Н. Ф. Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 103–107.
- Демонология эпохи Возрождения. М., 1996.
- Демьянов В. Г. Процессы графемно-фонетической адаптации в области вокализма лексики, заимствованной из немецкого языка (по данным «Вестей-Курантов 1600–1639 гг.») // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 92–114.
- Демьянов В. Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков: Проблемы морфологической адаптации. М., 2001.
- Державина О. А. Повесть о графине Альтдорфской в русских переводах XVII в. // Исследования и материалы по древнерусской литературе: Древнерусская литература и ее связи с Новым временем. М., 1967. С. 364–381.
- Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 202–230.
- Дмитриева Р. П. Приемы редакторской правки книгописца Евфросина: (К вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка Задонщины) // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 276–291.

- Дмитриева Р. П. Вассиан, по прозвищу Кошка // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 1. Л., 1988. С. 119–120.
- Дмитриева Р. П. Дионисий Звенигородский Лупа // Там же. С. 191–192.
- Дмитриева Р. П. Досифей Топорков // Там же. С. 201–203.
- Дмитриева Р. П. Нифонт Кормилицын // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 141–144.
- Документы по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденные Г. В. Есиповым. № XV. Выписки из иностранных курантов // ЧОИДР. 1861. Кн. 3. С. 206–213.
- Ерусалимский К. Ю. Сборник Курбского. М., 2009. Т. 1. Исследование книжной культуры.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895. Ч. 1.
- Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000. Т. I. Ч. II.
- Забелин И. Е. Куранты или вестовые письма 1655 и 1665 годов // ЧОИДР. 1880. Кн. 2. С. 37–46.
- Зангер Л. Картина И. Е. Репина «Запорожцы». М., 1960.
- Зерцалов А. Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси: Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну. М., 1895.
- Иностранные известия о восстании Степана Разина. Материалы и исследования / Под ред. А. Г. Манькова Л., 1975.
- Исаченко-Лисовая Т. А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 287–296.
- Каган М. Д. Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 309–315.
- Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225–250.
- Каган М. Д. Переписка запорожских и чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 346–354.
- Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 227–236.
- Каган М. Д. Крючков Исидор // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 201–203.
- Каган М. Д. Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками // Там же. С. 224–226.
- Каган М. Д. Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом // Там же. С. 221–223.
- Каган М. Д. Повесть о кончине царя Михаила Федоровича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 138–141.
- Каган М. Д. Родостамов Михаил Иванович // Там же. С. 312–313.
- Казакова Н. А., Катушкина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. (Перевод письма Максимилиана Трансильвана) // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 227–252.

- Казакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1974. Вып. 1. С. 62–70.
- Казакова Н. А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков: Из истории литературных связей России. Л., 1980.
- Каллаш В. В. Очерки по истории русской журналистики. М., 1903.
- Калугин В. В. «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2001. М., 2002. С. 108–164.
- Кистерев С. Н. Круг знакомств Ефросина Белозерского // Очерки феодальной России. М., 1998. Вып. 2. С. 61–87.
- Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII—начала XIX века. М., 1978.
- Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Кобзарева Е. И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
- Кобзарева Е. И. Организация в России XVII в. сбора информации о западноевропейских событиях // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1988. № 3. С. 13–22.
- Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: В 2 т. Варшава, 1913. Т. 1–2.
- Копанев Н. А. Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 243–260.
- Корнилаева И. А. Акцентуированные Вести-Куранты (к проблеме издания) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 291–297.
- Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
- Кочетков И. А. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2003.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. Т. 3.
- Кузьмин А. И. Военная тема в литературе петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 168–183.
- Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.
- Лаврентьев А. В. «Английская корона» казны российских государей и ее изображение на золотом 1598 г. // Нумизматический сборник ГИМ. М., 2007. Т. 18. С. 239–244.
- Лаврентьев А. В. Люди и вещи. М., 1997.
- Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000.
- Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999.
- Лаптева Л. П. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века (Г. А. Шлейсингер. Полное описание России, находящейся ныне под властью двух царей-соправителей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича) // ВИ. 1970. № 1. С. 103–126.
- Леонид (Кавелин), архим. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Т. 4.

- Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878.
- Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского, 1720. Киев, 1851. Т. II.
- Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006.
- Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Тула, 2009.
- Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. СПб., 1998.
- Лобанов Н. А. Образ России в германском обществе XVI–XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 135–152.
- Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Евфросина в конце XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130–168.
- Лурье Я. С., Григоренко А. Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 504–509.
- Лурье Я. С., Турилов А. А. Дедеркин Феофил // Там же. С. 185–186.
- Майер И., Шамин С. «Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам» (1663–1664 гг.): К вопросу о распространении переводов европейских памфлетов из Посольского приказа в рукописных сборниках // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4 (30). С. 80–89.
- Майков Л. Н. Несколько данных для истории русской журналистики. Библиографические примечания на книгу: Неустров А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1875. СПб., 1876.
- Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII–XVIII столетий. СПб., 1889.
- Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 7.
- Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901.
- Малиновский А. Ф. Биографические сведения о первом в России канцлере, боярине Афанасие Лаврентьевиче Ордыне-Нащокине // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1833. Ч. VI. С. 172–191.
- Малэк Э. Вновь обнаруженный список юмористических курантов (К истории смеховой литературы Древней Руси) // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 427–429.
- Малэк Э. Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. СПб., 2008.
- Марлинский С. Я. Первая допетровская рукописная газета // Исторический журнал. 1954. № 5. С. 74–75.
- Марлинский С. Я. Петровские «Ведомости» как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. Одесса, 1949.
- Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999.
- Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2, ч. 1. С. 58–59.
- Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI–XVIII вв.). М., 2001.
- Моисеева Г. Н. О формировании стиля русских повестей первой трети XVIII века (Роль переводных курантов XVII века) // XVIII век. М., 1975. Сб. 10. С. 82–86.

- Морозов Б. Н. Архив торговых крестьян Шангиных // Советская археология. 1980. № 2. С. 57–61.
- Москва и Европа. М., 2000.
- Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.
- Музейное собрание рукописей. Описание. Т. 2 / Изд. подгот. Т. А. Исаченко. М., 1997.
- Невилль, де ла. Записки о Московии. Москва; Долгопрудный, 1996.
- Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг. СПб., 1875.
- Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 305–314.
- Николаев С. И. Кометы в переводной литературе XVII в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 684–688.
- Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.
- Новохатко О. В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа. М., 2001.
- Нудьга Г. А. Листування запорожців з турецьким султаном. Київ, 1963.
- О генеральном местоположении всей царской фамилии в московском Архангельском соборе // ДРВ. Изд. 2. СПб., 1789. Ч. XI. С. 229–231.
- О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Обзор посольских книг из фондов — коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV—начало XVIII в.) / Сост. Н. М. Рогожин. М., 1990.
- Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998.
- Опарина Т. А. Неизвестный указ 1653 г. о запрещении колдовства // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3. 2002. С. 88–91.
- Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков: Очерки исторической биографии и генеалогии. М., 2007. Кн. 1. С. 316–334.
- Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2.
- Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1965. Т. 3. Вып. 2: Исторические сборники XV–XVII вв. / Сост. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина, В. Ф. Покровская.
- Опись архива Посольского приказа 1626 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1977.
- Опись архива Посольского приказа 1673 года: В 2 ч. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990.
- Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века (правовой статус и реальное положение). М., 2004.
- Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. СПб., 1864–1867. Т. 7–8.
- Памятники литературы Древней Руси: XVII в. М., 1989.
- Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1, вып. 2.

- Панич Т. В. Афанасий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 117–125.
- Панченко А. М. Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969.
- Панченко А. М. Стихотворная русская культура XVII в. Л., 1973.
- Панченко А. М. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3, ч. 3. С. 354–361.
- Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.
- Петровский М. П. Из «Курантов» первой половины XVII века // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1911. Т. XXVII. Вып. 4. С. 288–298.
- Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1–13.
- Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. II. М., 1989.
- Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964.
- Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. 1672–1689. М., 1875.
- Покровский Н. Н. Народная эсхатологическая газета 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.
- Понырко Н. В. Варлаам Ясинский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 157–162.
- Попов А. Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг. СПб., 1854.
- Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857.
- Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2.
- Проништейн А. П., Кияшко В. Я. Хронология. М., 1981.
- Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. III (25).
- Рогожин Н. М. Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России // История внешней политики России. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 343–406.
- Рогожин Н. М. У государевых дел быть приказано... М., 2002.
- Рождение империи. М., 1997.
- Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А. П. Богданов. М., 1990.
- Рыков Ю. Д., Шамин С. М. Новые данные о бытовании переводного известия о венгерском небесном знамении 1672 г. в русской рукописной традиции XVII века // Историография, источниковедение, история России X–XX вв. М., 2008. С. 263–308.
- Савельева Е. А. Андрей Андреевич Виниус: Его библиотека и альбом // Россия — Голландия. Книжные связи XV–XX веков. СПб., 2000. С. 103–123.
- Сазонова Л. И. Евфимий Чудновский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 300–324.
- Сазонова Л. И. Карион Истомин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 140–152.
- Салмина М. А. Голохвастов Василий Яковлевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 216.

- Сапунов Б. В. Из истории международных культурных связей Руси в XVII в. (Вести-Куранты) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 200–205.
- Сахаров А. Л. О названии русской рукописной газеты 1621 г. в связи с развитием специфических элементов ее фразеологии // Ученые записки Московского областного педагогического института. 1964. № 148. С. 396–418.
- Седельников А. Д. Досифей Топорков и Хронограф // Известия АН СССР. Сер. 7. Л., 1929. № 9. С. 755–773.
- Седельников А. Д. Литературная история повести о Дракуле // Известия по русскому языку и словесности. 1929. Т. 2. Кн. 2. С. 621–659.
- Седов П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006.
- Симонов В. И. Коллекция немецких газет XVII в. в ЦГАДА // Советские архивы. 1984. № 3. С. 55–59.
- Симонов Р. А. Русская астрологическая книжность (XI—первая четверть XVIII века). М., 1998.
- Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898.
- Снегирев И. М. Архангельский собор в московском Кремле. М., 1865.
- Соболев В. П. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики XVIII века. М., 1957.
- Соболевский А. И. Западное влияние на литературу Московской Руси XV–XVII веков // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским археологическим институтом. СПб., 1899. Вып. 11.
- Соболевский А. И. Неизданное произведение Варлаама Ясинского // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1900. Кн. 14. Вып. 1. Отд. 3. С. 26–28.
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб., 1903.
- Соборное уложение 1649 года. Л., 1987.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1828. Ч. 4.
- Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1990–1993. Кн. V–VIII.
- Старых Л. В. Система склонения имен в первой русской рукописной газете «Вести-Куранты» за 1600–1650 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Султан турецкий и запорожские казаки // Русская старина. 1872. № 10. С. 450–451.
- Сумкина И. А., Тарабасова Н. И. Куранты XVII века // Русская речь. 1970. № 2. С. 73–78.
- Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. И. Ивакин // ЧОИДР. 1891. Кн. 3. Отд. III. С. I–IX, 1–202.
- Тарабасова Н. И. К истории курантов // Русская речь. 1972. № 2. С. 115–119.
- Тарабасова Н. И. К изучению русских правописных норм первой половины XVII в. (На материале «Вестей-Курантов») // Памятники русского языка: Исследования и публикации. М., 1979. С. 38–54.
- Тарабасова Н. И. Из истории синонимических отношений слов с корнями бол- и скорб- (на материале вестей-курантов первой половины XVII в.) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 115–131.
- Татищев В. Н. История Российская: в 7 т. М.; Л., 1966. Т. 7.

- Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 442–460.
- Томсинский С. М. Первая печатная газета России (1702–1727 гг.). Пермь, 1959.
- Тромонин К. Царь Федор Алексеевич. М., 1836.
- Турилов А. А. Легендарное донесение из Белграда // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 226–227.
- Уо Д. К. Текст о небесном знамении 1672 г.: (к истории европейских связей московской культуры последней трети XVII в.) // Проблемы изучения культурного наследия: Сборник статей в честь Д. С. Лихачева. М., 1985. С. 201–207.
- Уо Д. К. История одной книги. Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени. СПб., 2003.
- Утверждение династии. М., 1997.
- Фабрициус А. К. Почта и народное хозяйство в России XVII столетия. СПб., 1864.
- Фельдман Д. З. К истории появления крещеных евреев в московском государстве // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4. С. 21–27.
- Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России. М., 1997.
- Форстен Г. В. Датские дипломаты при Московском дворе во второй половине XVII века // ЖМНП. 1904. № 11. С. 67–84.
- Фруменкова Т. Г. Афанасий Холмогорский и иноземцы // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 134–177.
- Харлампович К. В. «Ведомости Московского государства» 1702 года // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1918. Т. XXII/1. С. 1–18.
- Харлампович К. Листування запорозьких козаків із султаном // Записки історично-філологічного відділу. Київ, 1923. Кн. 4. С. 200–212.
- Хронов О. Р. Астрономия и астрология в Древней Руси. Материалы к библиографии // Естественнаонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 290–307.
- Хьюз Л. Царевна Софья. СПб., 2001.
- Цветаев Дм. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886.
- Ченцова В. Г. Восточная церковь и Россия после Переяславской рады. 1654–1658. Документы. М., 2004.
- Черепанов М. С. Возникновение периодической печати в России. М., 1955.
- Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 81–128.
- Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.
- Чеснокова Н. П. Жалованная грамота царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича 1683 г. афонскому Павловскому Георгиевскому монастырю из собрания Российского государственного архива древних актов // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. С. 472–479.
- Чеснокова Н. П. Русский царь — Новый Константин // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе. Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа. М., 2004. С. 107–111.

- Чистякова Е. В., Галактионов И. В. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин // «Око всей великой России». М., 1989. С. 108–145.
- Шайкин А. А. «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 105–109.
- Шамин С. М. Экономические сведения о Западной Европе, поступающие в Посольский приказ через куранты (1676–1681 гг.) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв.: Сборник материалов международной научной конференции. СПб., 2001. С. 119–122.
- Шамин С. Доба Руїни. Європейська преса про Україну // Діалог. 2002. № 3. С. 126–130.
- Шамин С. М. Иностранная пресса и интеграция России в европейскую политическую систему (1676–1682 гг.) // Европейское измерение политической истории. М., 2002. С. 40–64.
- Шамин С. М. В ожидании конца света в России (конец XVII—начало XVIII в.) // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 134–138.
- Шамин С. М. Доставка и обработка в Посольском приказе иностранных газет в царствование Федора Алексеевича // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2003. С. 121–134.
- Шамин С. М. Куранты времени правления Федора Алексеевича: К проблеме заинтересованности московского правительства в оперативной информации о европейских событиях 1670–1680-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.
- Шамин С. М. Политико-географический кругозор членов правительства царя Федора Алексеевича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (15). 2004. С. 16–31.
- Шамин С. М. Европейская астрология и русское правительство в XVII столетии // Естественнаучная книжность в культуре Руси. М., 2005. С. 76–81.
- Шамин С. М. К вопросу о частном интересе русских людей к иностранной прессе в России XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 2 (28). С. 139–149.
- Шамин С. М. Слово «куранты» в русском языке XVII—начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 119–152.
- Шамин С. М. «Сказание о двух старцах»: К вопросу о бытовании европейского эсхатологического пророчества в России // Вестник церковной истории. 2008. № 2 (10). С. 221–248.
- Шамин С. М. К вопросу о влиянии победы войск Петра I под Азовом (1696 г.) на формирование положительного образа России в Европе (По материалам курантов) // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 377–391.
- Шамин С. М. Новости о религиозной жизни Европы в русских обзорах европейской прессы во 2-й половине XVII века // Вестник церковной истории. 2009. № 3/4 (15/16). С. 227–265.
- Шляпкин И. А. Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славянорусской письменности. М., 1894.
- Штаден Г. Записки. М., 2002.
- Щекотов Н. Запорожцы. Картина великого русского живописца И. Е. Репина. М.; Л., 1943.
- Юрганов А. Л., Кацва Л. А. История России XVI–XVIII вв. М., 1997.
- Юркин И. Н. Демидовы в Туле. М., 1998.

- Юркин И. Н. Андрей Андреевич Вениус. 1641–1716. М., 2007.
- Юркин И. Н. «От первопрестольного града Москвы...»: А. А. Вениус в Москве и Подмоскowie. М., 2009.
- Bogel E., Blühm E. Die deutschen Zeitungen des 17. Jahrhunderts. Ein Bestandsverzeichnis mit historischen und bibliographischen Angaben. Bd. 1, 2. Bremen, 1971; Bd. 3. Bremen, 1985
- Borschak E. La lettre des zaporogues au Sultan // *Revue des études slaves*. 1950. T. 26, fasc. 1–4. P. 99–105.
- Maier I., Kryš'ko V. B. Vesti-Kuranty 1651–1652 gg., 1654–1656 gg., 1658–1660 gg. (Moskva, 1996; 224 pp.) // *Russian Linguistics*. 1997. 21:3. P. 301–310.
- Maier I. Verbalrektion in den «Vesti-Kuranty» (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax. Uppsala, 1997 (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensis 38).
- Maier I. «Pressmeddelanden till ryske tsaren under trettioåriga krigets tid» // *Kultur och samhalle i språkets regi*. Uppsala, 1999. S. 83–94.
- Maier I. Newspaper Translations in Seventeenth-Century Muscovy. About the Sources, Topics and Kuranty «Made in Stockholm» (1649) // *Explorare necesse est*. Hyllningsskrift till Barbro Nilsson. Stockholm, 2002. P. 181–190.
- Maier I. Die Übersetzungen westeuropäischer Zeitungen am Moskauer Gesandtschaftsan von 1660 bis 1670. Zur ersten Ausgabe der Vesti-Kuranty mit Paralleltexten // *Swedish Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists*, Ljubljana, 15–21 August 2003 (ed. by Brigitta Englund Dimitrova & Alexander Pereswetoff-Morath). Lund (Slavica Lundensia, Supplementa 2).
- Maier I. Lateinische Quellen für russische Zeitungsübersetzungen? // *Rusistika. Slavistika. Lingvistika*. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag. Ed. Sebastian Kempgen et al. München, 2003 (Die Welt der Slaven, Sammelband 19). S. 227–243.
- Maier I. Amsterdamer und Haarlemer Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Niedersächsischen Staatsarchiv zu Oldenburg. *Gutenberg-Jahrbuch*. 2003. S. 170–191.
- Maier I. Niederländische Zeitungen ('Couranten') des 17. Jahrhunderts im Russischen Staatsarchiv für alte Akten (RGADA), Moskau // *Gutenberg-Jahrbuch*. Bd. 79. Mainz, 2004. S. 191–218.
- Maier I. Presseberichte am Zarenhof im 17. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland // *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte* 6 (2004). S. 103–129.
- Maier I. Verbalrektion in den «Vesti-Kuranty» (1600–1660). Teil 2: Die präpositionale Rektion. Uppsala, 2006 (Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Slavica Upsaliensis 45).
- Maier I. Zur Problematik der Adaption ausländischer Orts- und Personennamen in den russischen Zeitungsübersetzungen des XVII. Jahrhunderts (Vesti-Kuranty) // *Микроязыки. Языки. Интерязыки: Сборник в честь ординарного профессора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Tartu, 2006. С. 295–308.
- Maier I. «Ontsegh-brief van den Turckschen Keyser...». Ein fiktiver Brief des türkischen Sultans an den König von Polen in russischer Übersetzung (1621) // *Яко блгоуспни-ваа птица*. Hyllningsskrift till Lars Steensland (eds. P. Ambrosiani, I. Lysén et al.). Stockholm, 2006. S. 135–146.

- Maier I.* Die Geister verstanden nur Polnisch. Ein deutsch-russisches Dokument über eine lateinisch-polnische Geisterbeschwörung in Mähren im Jahre 1665 // Von Zuständen, Dynamik und Veränderung bei Pygmäen und Giganten (Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag). Bochum, 2009. S. 1–21.
- Maier I.* Zeventiende-eeuwse Nederlandse couranten vertaald voor de tsaar // Tijdschrift voor Mediageschiedenis. 12, 2009. S. 27–49.
- Maier I., Pilger W.* VOC-Ladinglijst vertaald voor de Russische tsaar (1667) // Die het kleine eert, is het grote weerd. Festschrift voor Adrie A. Barentsen. Ed. Wim Honseelaar, Eric de Haard, Willem Weststeijn. Amsterdam, 2003 (Pegasus Oost-Europese Studies 1). S. 191–213.
- Maier I., Pilger W.* Polnische Fabelzeitung über Sabbatai Zwi übersetzt für den russischen Zaren (1666) // Zeitschrift für slavische Philologie (62) 2003. S. 1–39.
- Schibli R.* Die ältesten russischen Zeitungsübersetzungen (Vesti-Kuranty): 1600–1650: Quellenkunde, Lehnwortschatz und Toponomastik. Bd. 29. Bern, 1988.
- Waugh D. C.* On the Origin of the 'Correspondence' between the Sultan and the Cossacks // Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications. 1971. 1/2. P. 3–46.
- Waugh D. C.* Seventeenth-Century Muscovite Pamphlets with Turkish Themes: Toward a Study of Muscovite Literary Culture in its European Setting. Harvard University, Cambridge, Massachusetts, March, 1972.
- Waugh D. C.* Vesti-Kuranty 1600–1639. Moscow 1972 // Kritika. A review of current Soviet books on Russian history. 1973. 10:3. P. 104–120.
- Waugh D. C.* Azbuka znakami lits: Egyptian Hieroglyphs in the Privy Chancellery Archive // Oxford Slavonic Papers. N. S., 1977, vol. 10. P. 46–50.
- Waugh D. C.* The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus. Ohio. 1978.
- Waugh D. C.* News Sensations from the Front: Reportage in Late Muscovy concerning the Ottoman Wars // Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honor of Robert O. Crummey, ed. Chester Dunning, Russell Martin and Daniel Rowland. Bloomington, IN: Kritika, 2008. P. 491–509.
- Welke M.* Russland in der deutschen Publicistik des XVII Jahrhunderts (1613–1689) // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 105–276.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум Петров, священник 220, 289, 291
 Август см. Сигизмунд II Август
 Августин, св. 267
 Аверьянов К. А. 30
 Авраамий, мон. 291
 Автократов В. Н. 61
 Агасфер, апокрифический персонаж 45
 Александр VII, папа 234
 Александр VIII, папа 234
 Александр Великий см. Александр Македонский
 Александр Македонский, царь 167, 200
 Александр, кавалер 47
 Алексеев А. И. 9
 Алексеев М. П. 46, 294, 301
 Алексей Алексеевич, царевич 157
 Алексей Михайлович, царь 4, 6, 14, 21, 61, 73, 76, 82, 83, 84, 88, 91, 92, 98, 100, 113, 128, 147, 154, 155, 158, 170, 190, 211, 215, 221–223, 235, 255, 260, 276, 277, 287, 294, 310, 312
 Алексей Петрович, царевич 144, 193
 Алмазов Д. Е. 303
 Алмазов С. 303
 Алпатов М. А. 27
 Альтдорфская, графиня 308
 Анкудинов Т. 152
 Антоний Новгородец, паломник 286
 Арсеньев М. И. 99
 Артамонов В. А. 198
 Афанасий Пателар, патриарх 235
 Афанасий, архиеп. 46, 198, 296, 297, 299
 Ашкаву, капитан 202
 Бакланова Н. А. 201, 288
 Балицкий Г. В. 19
 Бантыш-Каменский Н. Н. 21, 63, 65, 109, 158, 164
 Бараме, кардинал 249
 Барсов Е. В. 40, 65, 81, 288
 Барт Я. 191
 Бахус, мифологический персонаж 201
 Башмаков Д. 56
 Бекман М. 25, 54, 75
 Бекман, капитан 191
 Белов М. И. 164, 167
 Белокуров С. А. 16, 59, 82, 111, 291
 Беляков А. В. 30, 97, 98, 291
 Берков П. Н. 72
 Бисинг Р. 95, 97
 Блок А. фан дер 286
 Блюмберг С. фон, 183
 Блюмберг С. см. Блюмберг С. фон
 Бобинин В. 111, 115
 Бобров А. Г. 47, 285, 286
 Богданов А. П. 9, 27, 30, 45, 114, 116, 123, 124, 125, 167, 168, 169, 170, 173, 187, 188, 190, 211, 215, 216, 221, 252, 255, 271, 295, 298, 301, 302
 Богданов К. 230
 Богданов И. 225
 Богородица 253, 256, 261, 285
 Богословский М. М. 127, 193, 194, 196, 200
 Божья мать см. Богородица
 Борз Я. 276
 Борис Федорович Годунов, царь 149
 Борисов Ю. В. 147, 239, 259

- Борнман Х. 199
 Боряцк Е. 37
 Бочкарева В. Н. 22
 Бранд А. 203
 Брокгауз Ф. А. 15
 Брюзгин Л. 288
 Брюс Я. В. 206
 Брюховецкий И. М. 58
 Буганов В. И. 157, 177, 180
 Бурдовниц И. У. 41
 Буланин Д. М. 257, 302
 Булгаков А. Я. 12, 13, 63, 65, 68, 320
 Бург Я. ван ден см. Фанденбург Я.
 Буслев Ф. И. 14, 33, 43
 Бутенант А. фон 262
 Бутенант Г. 178
 Бутурлин И. В. 97, 103
 Бушкович П. 92, 174
 Бычков А. Ф. 13, 14, 31, 34, 39, 47, 73, 288, 297
 Бавила, старец 289
 Бальдемар, принц 75, 78, 79, 150
 Барина С. Н. 29
 Барлаам Ясинский, митрополит 43, 290
 Василий III Иванович, царь 221
 Василий Васильевич Темный, вел. кн. 32
 Василий Васильевич, князь см. Голицын В. В.
 Василий Иванович Шуйский, царь 152
 Васильев А. 110
 Васильевич Великий см. Иван Васильевич Грозный
 Васильевич, князь см. Голицын В. В.
 Вассиан Кошка, архим. 283
 Веденский В. В. 29
 Вельского-Гагин Д. С. 87
 Вельчко С. В. 39
 Велвенкамп Я. В. 85
 Верес М. 286
 Вержеский В. М. 198, 297, 299
 Веттон, кардинал 265
 Вениамин А. А. 19, 30, 59, 91–94, 102, 113, 117, 128, 129, 130, 132, 135, 137, 138, 188, 195, 201, 225, 246, 274, 278, 279
 Вениамин А. Д. 93
 Вениамин М. А. 93
 Висковатов К. А. 126, 187
 Витсен Н. 77, 136, 188, 203, 222, 223, 260
 Влад Цепеш, господарь 33, 282
 Владислав IV, король 287
 Вламминг см. Флам Я.
 Власов М. 141
 Возгрин В. Е. 170
 Возницын П. Б. 97, 116, 198
 Воинов Д. 47, 286
 Волков Б. 144
 Волков Г. 205
 Волков И. 106
 Волков И. М. 135
 Волков М. 111
 Волинский В. С. 97
 Воскобойников М. 75, 76
 Вота, иезуит 248
 Вуазен, колдунья 259
 Вулканус, мифологический персонаж 273
 Габель Ф. фон 164, 175
 Габсбурги, династия 238
 Галактионов И. В. 30
 Гваньини А. 148
 Гвариент И. Х. 206, 207
 Гебдон И. 80, 81, 151, 152
 Гейдель Э. 149
 Георгиевский В. Т. 40
 Геритц Г. 149
 Гнинский 271
 Голиков И. И. 12
 Голикова Н. Б. 76
 Голицын А. А. 116
 Голицын В. В. 123, 126, 128, 129, 146, 170, 172–174, 176, 183, 185, 186, 190, 192, 212, 225, 249, 305, 310
 Голицын Н. В. 16, 17, 19, 25, 65, 73, 184
 Головин А. М. 197, 201
 Головин Ф. А. 136, 138, 139, 198
 Головкин Г. И. 205, 206
 Голосов Л. Т. 97, 116, 294
 Голохвастов В. Я. 303
 Голохвастов Д. П. 303

- Голохвастов П. М. 302, 303
 Голубев А. В. 9
 Гальдберг А. Л. 148, 157, 283
 Гоман И. Б. 206
 Гордон П. 197
 Горн Б. 54
 Горн Г. фон 125, 170, 172
 Горн Я. фон 152
 Горский А. В. 255, 300
 Грев, почтовый служащий 95, 97
 Григоренко А. Ю. 32
 Григорьев А. 58
 Гросс Л. 90, 92, 98, 99
 Гульст З. фан дер 195
 Гулянд И. Я. 21, 43, 81, 83, 152
 Гурьев Д. Т. 300
 Гурьев М. С. 299, 300
 Гус, граф 140
 Гуськов А. Г. 10, 30, 44, 71, 135, 299
 Гуйссен Г. 207, 208
 Дамбровский С. 218
 Даниил Заточник 285
 Дворецкий В. 58, 153
 Деафо, граф 136
 Дегрот М. 276
 Дедеркин Феофил 282
 Делагарди М. 272
 Демидова Н. Ф. 111
 Демулин К. 51
 Демьянов В. Г. 10, 29
 Дерабно, резидент 240
 Деревнин П. 111
 Державина О. А. 308
 Дефо Д. 212
 Диана, мифологический персонаж 273
 Динара, царица 286
 Дионисий Звенигородский Лупа, мон. 283
 Дионисий, св. 46
 Дмитриева Р. П. 32, 33, 46, 283
 Довмант Ю. 168
 Долгово П. 111
 Долгорукий см. Долгоруков
 Долгоруков В. Д. 186
 Долгоруков В. Л. 205
 Долгоруков Г. Ф. 202, 205
 Долгоруков И. Д. 194
 Долгоруков Ю. А. 164
 Долгоруков Я. Ф. 187
 Доморацкий К. 309
 Доноф, граф 267
 Доротея Голштенская. княгиня 272
 Дорошенко П. Д. 59, 81, 117, 160, 161
 Досифей Топорков, мон. 35
 Дракула см. Влад Цепеш
 Друкляс 267
 Евгений Савойский, принц 44
 Евдокия Лукьяновна Стрешнева, царица 45, 46, 284
 Евел А. 276
 Евреинов Я. 63, 64
 Евфимий Чудовский, мон. 223, 224, 301, 302
 Екатерина I, имп. 143
 Енох, ветхозаветный патриарх 289, 292, 294, 306
 Епифаний Славинецкий, мон. 301
 Ерусалимский К. Ю. 302
 Есипов Г. В. 144
 Ефрон И. А. 15
 Ефросин, мон. 32, 282
 Желтов М. С. 254
 Желябужский И. А. 45, 83, 84, 297, 298, 304, 305, 306
 Жировский И. Х. 183
 Забелин И. Е. 14, 32, 65, 72, 84, 287
 Заборовский С. 149
 Зайцева, реставратор 70
 Зангер Л. 37
 Застубий А. 318
 Зерцалов А. Н. 45, 46, 259, 284
 Злобин С. П. 156
 Зосима, св. 289
 Зотов В. Н. 143
 Зриньи П. 275
 Зюзин Н. 56
 Ивакин И. 168
 Иван Алексеевич, царь 124, 126, 172, 178, 189, 194, 225, 245, 297

- Иван IV Васильевич Грозный, царь 148, 149, 208, 221, 286, 288
- Иван Наседка, справщик 148
- Иванов А. 76
- Иванов В. Л. 295
- Иванов Л. И. 97, 106, 111, 112, 117, 123, 290–296, 304
- Ивашка, фольклорный персонаж 201
- Игнатий Раданай, епископ 243
- Избрант Е. (Эверт Избрант Идес) 194
- Иисус Христос 51, 53, 105, 118, 254, 257, 289
- Иларион, митр. 223
- Илия, пророк 289, 292, 294, 306
- Ильин И. 58
- Иннокентий XI, папа 234, 237, 252
- Иннокентий XII, папа 234
- Иоаким, патриарх 120, 291
- Иоанн Богослов, апостол 289
- Иоанн, священник 41, 288
- Иоасаф, архим. 255
- Иоиль, мон. 223
- Иосиф, цесаревич 184
- Иржи Давид, иезуит 260
- Ирина Михайловна, царица 78, 79, 150
- Исайя, архим. 244, 245
- Исаченко Т. А. 44, 300, 301, 302
- Исаченко-Лисовая Т. А. см. Исаченко Т. А.
- Каган М. Д. 37, 38, 41, 79, 282, 288, 298, 299
- Казакова Н. А. 3, 32, 35, 74, 282
- Казанец Е. 285
- Казанц Г. 45, 46, 284, 285, 286, 295
- Казимир (Ян II Казимир Ваза), король 66
- Каллаш В. В. 15
- Калугин В. В. 257
- Кальвуччи Г. В. 82
- Карамзин Н. М. 33
- Караунол 228
- Карл I, король 46, 274, 296, 301
- Карл VI, имп. 47
- Карл XI, король 275
- Карл XII, король 205, 206, 272
- Карл Стюарт см. Карл I
- Каррас И. 6
- Карский Е. Ф. 94
- Катушкина Л. Г. 34
- Кацва Л. А. 221
- Келдерман А. 75, 188
- Келдерман Т. 188
- Келдерманы (фамилия) 188
- Келлер И. фан 167, 169, 174, 175, 242
- Келлер Я. В. фон см. Келлер И. фан
- Кениксмарк, граф 268
- Кетел Я. 276
- Кильбургер И. Ф. 14, 89, 94, –96
- Кириллов А. С. 164, 222, 295
- Кирилов А. см. Кириллов А. С.
- Кирхер А. 275, 276
- Кирхерий А. см. Кирхер А.
- Кистерева С. Н. 44, 182
- Китоврас, мифологический персонаж 286
- Кияшко В. Я. 94
- Кленк К. фан 168
- Клепиков С. А. 63
- Климент IX, папа 234
- Климент X, папа 234
- Клинк Ю. 16, 75
- Кобзарева Е. И. 5, 10, 20, 26, 28, 50, 52, 66, 68, 72, 75, 77, 84, 89, 131, 132, 150, 165, 261, 298, 316
- Козлов С. А. 10
- Козловский И. П. 20, 21, 85, 86, 87, 90, 93, 94, 96, 111, 128, 129, 158, 212, 291
- Кок см. Кохен Х. фон
- Колатцкий, архиепископ 270
- Коллинс С. 211, 221
- Комар В. 53
- Комар И. 77
- Коменский Я. А. 276
- Конинберх Я. 276
- Константин Великий см. Константин, имп.
- Константин, имп. 235
- Константин, священник 33, 282
- Конти де, принц 135, 136
- Конявская Е. Л. 9
- Копанев А. И. 72

- Копанев Н. А. 140, 149, 154, 188, 204
 Корб И. Г. 206
 Корицкий, генерал 267
 Корнилаева И. А. 29
 Костомаров Н. И. 36
 Кок Х. см. Кохен Х. фон
 Кохен Х. фон 126, 164, 165, 187
 Кочегаров К. А. 154, 159
 Кочетков И. А. 247
 Краевский Н. 66
 Крижанич Ю. 82
 Кристина, королева 255, 258, 272, 275
 Кромвель О. 75
 Крузбиорн П. 76
 Крючков И. 39, 40, 41, 288, 292, 305
 Кузьмин А. И. 142
 Кукушкина М. В. 72
 Куракин Б. И. 140, 144, 205
 Курбский А. М. 148, 221, 288, 302
 Курицын Ф. В. 33, 282
 Курц Б. Г. 89, 94, 95, 96
 Курц, посланник 195

 Лаврентьев А. В. 9, 30, 98
 Лаврецкий С. 90
 Лавров А. С. 41, 42, 46, 122, 124, 176, 177, 182, 259, 289, 290, 297, 306
 Лаптева Л. П. 172
 Лаптева Т. А. 138
 Левенгук А. 229
 Левкин Е. 87
 Леонид (Кавелин), архим. 40
 Леонид, старец 289
 Леонтьев Г. 151
 Леопольд I, имп. 82, 206, 238, 299, 306
 Лефорт Ф. 136, 197, 198, 200, 202
 Лиленрот, посол 204
 Лисейцев Д. В. 10, 122, 148, 150
 Лисовский Н. М. 17
 Лихачев Д. С. 38, 39
 Лобанов Н. А. 148
 Лотаринский, герцог 272
 Лукашевич А. А. 254
 Лурье Я. С. 32, 282
 Лыков А. Ф. 286

 Людовик XIV, король 147, 162, 166, 239, 240, 242, 249, 251, 252, 253, 254, 259, 267
 Людовик IV Баварский, имп. 208
 Люцифер 261

 Магеллан Ф. 34
 Магомет, пророк 226, 227
 Мазепа И. С. 189, 190
 Майер И. 8, 10, 26, 29, 34, 35, 38, 43, 49, 52, 77, 78, 81, 88, 92, 99, 134, 142, 150, 154, 155, 174, 260
 Майков Л. Н. 15
 Макарий (Булгаков), митр. 255
 Макарий, архим. 235
 Макаров А. В. 143, 144, 304
 Максим Грек, св. 220
 Максимилиан II, имп. 286
 Максимилиан Трансильван, имперский секретарь 34
 Максимов М. 110
 Малинин В. 32
 Малиновский А. Ф. 13
 Малэк Э. 47, 308, 309
 Маньков А. Г. 28, 157
 Мария Казимира, королева 267
 Мария см. Богородица
 Марлинский С. Я. 22, 157
 Марникс де Сент-Альдегонд Ф. 276
 Марселис Л. 85, 86, 87, 88, 89, 90–92, 98
 Марселис П. (старший) 56, 59, 85, 90, 91, 93, 151, 158, 286
 Марселис П. 59, 92, 94
 Марселисы, фамилия 59, 85, 86, 90, 91, 93, 94
 Мартынов М. 51
 Масса И. 16, 25, 51, 74, 75, 149
 Матвеев А. А. 73, 139, 140, 203–205, 295–297, 304, 314
 Матвеев А. С. 112, 113, 115, 119, 123, 156, 221, 291, 305
 Матвеева Е. Н. 257
 Медведев С. А. см. Сильвестр Медведев, мон.
 Мейерберг А. 82
 Мельгунов, стольник 180

- Менезиус П. 112, 316
 Мефодий Патарский, св. 289
 Мехмед IV, султан 303
 Микляев П. 76
 Николаев Г. 87
 Николаев Д. 76
 Милославский И. Б. 160
 Милтон Д. 274
Мильков В. В. 289
Милуков П. Н. 289
Минеева С. В. 289
 Михаил Вишневецкий, король 43, 56, 294, 300
 Михаил Федорович, царь 79, 149, 150, 151, 272, 287
Моисеева Г. Н. 47, 48
Молдован А. М. 10
 Монс Г. 77
 Монтеспан де, маркиза 259
 Мориц Оранский, принц 74, 75
 Морозов Б. И. 56
Морозов Б. Н. 44, 303
 Морозова Ф. П. 291
 Мунехин М. Г. 283
 Мусин-Пушкин И. А. 141
 Нагаеская, ланцграфиня 272
 Нарышкин И. К. 295
 Нарышкины, фамилия 119, 176, 305
 Наталия Кирилловна Нарышкина 125, 127, 176
 Науменок О. 46, 284
 Нащокин см. Ордин-Нащокин А. Л.
 Невеский С. 218
 Невиль де ла 297
Невоструев К. И. 300
Неустроев А. И. 15
 Нефимов К. Н. 14, 135, 197, 198, 314
 Нехорошей И. 110
 Никитин А. В. 71, 135
 Никодим, автор апокрифического «Евангелия от Никодима» 289
Николаев С. И. 47, 151, 218, 309
 Николай, св. 195, 256
 Никон, патриарх 6, 21, 158, 223, 255, 287
 Нифонт Кормилицын, мон. 283
Новохатко О. В. 10, 112
Нудьга Г. А. 37
 Одоевский Я. Н. 103, 115
 Оксенстерн Б. 136
 Олеарий А. 287
 Оловянников П. Ф. 120
 Ольделанд Г. 76
Опарина Т. А. 9, 72, 148, 247, 260
 Ордин Нащокин см. Ордин-Нащокин А. Л.
 Ордин-Нащокин А. Л. 13, 21, 30, 53, 57, 58, 76, 83, 85, 86, 90, 91, 151, 152, 154, 156, 211, 212, 286, 300, 301
 Ордын-Нащокин см. Ордин-Нащокин А. Л.
Орленко С. П. 151, 221, 242
 Паисий, патриарх 235
 Паисий Лигарид см. Паисий, митр.
 Паисий, митр. 222
Панич Т. В. 297
Панченко А. М. 47, 224, 301, 307, 308
 Паткуль И. 202, 207
 Паюсов Л. 111
Пекарский П. П. 208
 Петр I Алексеевич, царь 12, 13, 15, 18, 30, 45, 71, 92, 93, 116, 122, 124, 126, 127, 130–144, 154, 168, 169, 172, 174, 177, 178, 186, 188–197, 200–204, 206, 207, 208, 222, 229, 230, 245, 246, 249, 252, 262, 263, 279, 287, 290, 295, 296, 298, 299, 302, 304, 305, 308, 311, 312
 Петр Великий см. Петр I
Петровский М. П. 14
Пигин А. В. 9
 Плюс И. 54, 85
Погодин М. П. 39, 42, 122, 178, 303
Погорелов В. А. 62, 142, 314
 Позняков В. 286
Покровская В. Ф. 72
Покровский А. А. 17, 18, 22, 65, 82
Покровский Н. Н. 41, 42, 306
 Полянский Е. 88
 Помпонн де, маркиз 147
Поньрко Н. В. 290

- Попов А. Н. 36, 153, 156
 Попов С. 42, 48, 303, 304, 306
 Потемкин П. И. 266
 Потоцкий С. 53, 153
 Прозоровский П. И. 303
 Прозоровский П. С. 83, 298
 Проништейн А. П. 94
 Протасьева Т. Н. 300
 Протопопов С. 59, 225
 Протопопов Ф. 111
 Пушкин А. С. 9
 Пушкин Г. 151
 Пушкин С. 151, 212
 Рабенер, редактор 207
 Радеус Г. 200
 Радеевский, архиепископ 239
 Радецкий Г. 199
 Радзивил, князь 265, 272
 Радзивилла Л. К. 239
 Радивил см. Радзивил
 Разин С. Т. 6, 21, 28, 155–160, 182
 Ратиглиоз 249
 Рейтенфельс Я. 91, 221
 Репин И. Е. 37
 Репнин И. Б. 84
 Ришелье, кардинал 274
 Ровинский Д. А. 43
 Рогожин В. Н. 18, 30, 109
 Рогожин Н. М. 10, 100
 Роде А. 76, 77
 Родостамов М. И. 198, 299
 Рождественский Н. В. 18
 Романов Н. И. 81, 287
 Романова А. А. 9, 289
 Романовы, династия 20, 149, 208
 Ромодановский Ф. Ю. 201
 Ростова Е. Г. 9
 Рыков Ю. Д. 9, 43, 44, 290
 Рябицкий Д. 46, 284
 Ряпах, граф 269
 Саббатай Цви, пророк 258
 Савваитов П. И. 34
 Савватий, св. 289
 Савельев Я. 84
 Савельева Е. А. 30
 Сазонова Л. И. 224, 257
 Салмина М. А. 303
 Салтанов Б. 171
 Салтыков-Щедрин М. Е. 15
 Самойлович И. 44, 59
 Сапега, гетман 239
 Сапунов Б. В. 27
 Сахаров А. Л. 23, 24, 81, 287
 Сведен ван Я. 4, 9, 13, 57, 72, 84–86, 90
 Сведин фан см. Сведен ван Я.
 Свейковский А. см. Стиль А.
 Седельников А. Д. 33, 35
 Седов П. В. 30, 113, 117, 169, 290, 295, 303
 Селембек, султан 286
 Семен Алексеевич, царевич 222
 Семенов Ф. 45, 285
 Сергей Радонежский, св. 255
 Сигизмунд II Август, король 205
 Сильвестр Медведев, мон. 123, 124, 222, 300–302, 304
 Симеон Полоцкий, мон. 299, 300
 Симоны П. 32
 Симонов В. И. 96, 163
 Симонов Р. А. 211, 215, 220
 Симоновский Д. 59, 60, 111
 Синибалд К. 197
 Скульптет И. 77, 89, 316
 Смирнов П. С. 40, 288
 Снегирев И. М. 171
 Соболев В. П. 24
 Соболевский А. И. 31, 32, 33, 35, 41, 42, 43, 45, 48, 281, 293, 300, 301
 Соколов М. И. 17, 18
 Соловьев С. М. 21, 82, 91, 151, 152, 154, 160, 165, 176, 204, 206, 211, 223, 246, 247, 262, 287, 303
 Софья Алексеевна, царевна 66, 118, 122–130, 165, 175, 177, 182, 185, 187–192, 212, 219, 222, 225, 237, 249, 259, 260, 295, 298, 310, 311
 Спафарий Н. 99
 Стаден Е. фан 158, 186
 Старых Л. В. 29
 Степанов А. 65
 Степанов Г. 110

- Стефан Баторий, король 148
 Стиль А. (Свейковский) 71, 135, 136
Стрейс Я. 87
 Стрешнев И. Ф. 284
Стрингольм А. 8
Сумкина И. А. 29
 Таннер Б. 95, 168
Тарабасова Н. И. 29
Татищев В. Н. 172
 Темир-Аксак, хан 286
 Тессинг Я. 202
 Тешин 186
 Тидтрехштейн 269
Тимошина Л. А. 9
 Тит Веспасиан, имп. 167
Тихомиров М. Н. 224
Ткаченко А. А. 254
 Тобияс Ратевский (Товия Тихановский),
 незудит 249
Толстой Ф. А. 46, 72
 Томицкий К. 168
Томсинский С. М. 22
 Торопов И. 111
 Тохтамыш, хан 286
Тромонин К. 171
 Тромп, адмирал 117
 Трубецкой Ю. П. 43, 44, 116
 Тугаринов Н. Ф. 300
Турилов А. А. 9, 33, 46, 282
Турилова С. Л. 100
 Тяпкин В. М. 59, 82, 89, 90, 106, 153,
 293, 316
 Тяшкогорский И. 90, 92, 98
Уваров А. С. 40
 Углев Г. 286
 Углецкий С. 84
 Украинцев Е. И. 111, 123
 Ульрика Элеонора, королева 268, 275
Уо Д. К. 4, 9, 25, 27, 37, 39, 42, 44, 48, 80,
 92, 157, 191, 199, 258, 276, 281, 288,
 290, 294, 298, 299, 303, 305, 307
 Уранский *см.* Мориц Оранский
 Урусова Е. П. 291
 Усейн хан-бек, посол 193
 Ушаков С. 149
Фабрициус А. К. 117
 Фанденбург (Яган фан ден Бург) Я. 140
 Федор Алексеевич, царь 7, 60, 66, 92–95,
 97–102, 104, 106, 110, 112–116, 118,
 121, 123, 126, 127, 129, 130, 161,
 163–176, 210, 212, 213, 216, 224, 231,
 237, 238, 252, 261, 263, 264, 271, 273,
 277–279, 299, 300, 310
 Федоровская фамилия *см.* Романовы
 Фельгабер, пастор 79
Фельдман Д. З. 247
 Фентуров Е. 84
 Филимонатус Ю. 78, 84, 274
 Филипп, митр. 288
 Филофей, мон. 32, 220, 283
 Флам Я. 195, 196
 Фламинг *см.* Флам Я.
Флоря Б. Н. 10
 Фогт, астролог 225
 Фомин И. 75, 149
 Фомин Р. 56
Фонкич Б. Л. 63
Форстен Г. В. 21, 159, 170
 Фохт Б. 79
 Франкопан Ф. К. 275
 Францыпани *см.* Франкопан Ф. К.
Фруменкова Т. Г. 297
 Фрянк И. 51
Харламович К. В. 37, 44, 45, 141, 320
Харт Р. 259
 Хитрово Б. М. 290
Хлезов А. 8
 Хмельницкий Ю. Б. 161
 Хованский А. И. 177
 Хованский И. А. 120, 177, 180–182
 Хованские, фамилия 120, 177, 181, 182
 Христина *см.* Кристина
 Христос *см.* Иисус Христос
Хромов О. Р. 220
Хьюз Л. 122, 190
Цветаев Дм. 21, 75, 151, 242
 Цымерман Л. 84
 Чаплич Я. Р. 242
Ченцова В. Г. 10, 235

- Черепанов М. С.* 21, 22
Черепнин Л. В. 43, 174
Чеснокова Н. П. 10, 235, 245
Чижинский С. 98
Чистякова Е. В. 30
Чихровский А. 117
- Шакловитый Ф. Л.** 120
Шайкин А. А. 230
Шамин С. М. 4, 6, 42, 66, 121, 161, 165, 166, 175, 201, 215, 216, 225, 237, 238, 258, 277, 290, 314
Шангин А. С. 303
Шангин И. С. 303
Шангины, фамилия 303, 307
Шахматов А. А. 17
Шахова А. Д. 10, 65, 314
Шгейгут С. 202
Шеин А. С. 186
Шепелев А. А. 186
Шереметев Б. П. 304
Шереметев В. Б. 53, 151–153, 173, 174
Шереметев П. В. 177
Шибли Р. 3, 28, 29
Шкабан, бес 261
Шкултетус Е. см. Скульптет И.
Шлейссингер Г. А. 172
Шлосберг А. Н. 13, 19, 20
Шляпкин И. А. 45, 199
Шляховский Л. А. 274
Шмидт С. О. 50
Шокарев С. Ю. 74, 76, 207
Шорин В. 164
- Штаден Г. фон* 148
Штурм В. 93, 113, 274
Шубин Д. 76
Шульц, полковник 105
- Щекотов Н.* 37
- Эбершильт А.* 159
Энгельгардт А. 215, 222
- Юдин В.* 111
Юрганов А. Л. 221
Юркин И. Н. 86, 91, 92, 195
Юрьев М. 255
Юрьев Ф. 164
- Якобсен Я.* 202
Яков II, король 51, 318
Яковлев С. 276
Яковлев Я. см. Якобсен Я.
Ян II Казимир, король 300
Ян III Собесский, король 116, 168, 248, 300
- Blühm E.* 49, 81
Bogel E. 49, 81
Borschak E. см. Борщак Е.
Büsching A. F. 89
Krys'ko V. B. 26
Maier I. см. Майер И.
Schibli R. см. Шибли Р.
Scultetus J. см. Скульптет И.
Waugh D. C. см. Уо Д. К.
Welke M. 146

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи.
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею императорской Академии Наук.
- БАН — Библиотека Российской академии наук.
- ВИ — Вопросы истории.
- В-К I — Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1972.
- В-К II — Вести-Куранты. 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1976.
- В-К III — Вести-Куранты. 1645–1646, 1648 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов / Под ред. С. И. Коткова. М., 1980.
- В-К IV — Вести-Куранты. 1648–1650 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина / Под ред. С. И. Коткова. М., 1983.
- В-К V — Вести-Куранты. 1651–1652, 1654–1656, 1658–1660 гг. / Изд. подгот. В. Г. Демьянов / Под ред. В. П. Вомперского. М., 1996.
- В-К VI (Ч. 1) — Вести-Куранты. 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / Изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот к печати: Е.А. Подшивалова, С. М. Шамин. Под ред. А.М. Молдована и Ингрид Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- В-К VI (Ч. 2) — Майер И. Вести-Куранты 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 2. Иностранные оригиналы к русским текстам. М., 2008.
- ГИМ — Государственный исторический музей.
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- ИИИСССР — Исследования по источниковедению истории СССР.
- ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
- МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.

ОПИ	— Отдел письменных источников.
ПСЗ I	— Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое.
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов.
РГБ	— Российская государственная библиотека
РИБ	— Русская историческая библиотека.
РНБ	— Российская национальная библиотека.
СА	— Советские архивы
СГГид	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (Пушкинский дом).
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЧОИДР	— Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Куранты в архивах и работах исследователей	11
1.1. Бытование иностранной прессы в России. История изучения проблемы	12
1.2. Переводы иностранной прессы XVII—начала XVIII столетия в архивных фондах	50
Глава 2. Куранты в России XVII столетия.	74
2.1. Иностранная пресса в России первой половины XVII в. и куранты времени правления царя Алексея Михайловича.	74
2.2. Куранты времени правления царя Федора Алексеевича	92
2.3. Куранты времени правления царевны Софьи Алексеевны.	118
2.4. Куранты времени правления Петра Великого и создание газеты «Ведомости»	130
Глава 3. «Русские» известия курантов и борьба российского правительства с распространением негативной информации о России.	146
3.1. Известия о России в иностранной прессе первой половины XVII в. и курантах времени правления царя Алексея Михайловича	147
3.2. Известия о России в курантах времени правления царя Федора Алексеевича	161
3.3. Известия о России в курантах времени правления царевны Софьи Алексеевны.	175
3.4. Известия о России в курантах времени правления Петра Великого	191
Глава 4. Повседневная жизнь европейцев и европейская культура в зеркале курантов	210
4.1. Эпидемии	210
4.2. Природные явления и их оценка в курантах	216
4.3. Чудеса на полях сражений	231
4.4. Религиозная жизнь Европы	234
4.5. Церемонии в курантах	263
4.6. Сообщения о книгах	274
4.7. Европа глазами царя Федора Алексеевича и его бояр.	277

Глава 5. Переводы иностранной прессы в русской рукописной традиции	281
Заключение	310
Приложение. Переводы иностранной прессы 1671–1702 гг. в современных архивах	314
Библиография	322
Указатель имен	336
Список сокращений	345

Ш а м и н Степан Михайлович

**КУРАНТЫ XVII СТОЛЕТИЯ: ЕВРОПЕЙСКАЯ ПРЕССА
В РОССИИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ
ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

Научное издание

*Рекомендовано к публикации
Центром истории русского феодализма Учреждения РАН
Института российской истории РАН*

Научное издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*

Редактор *А. А. Романова*

Художник *Ю. П. Амбросов*

Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 01.12.2010. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. изд. 25. Усл. печ. л. 22.

Тираж 800 экз. Заказ № 3525.

ООО «Альянс-Архео»

105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38

тел./факс:

— в Москве (499) 165-31-87

— в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31

E-mail: aarheo@mail.ru

ООО «Контраст» 192007,
Санкт-Петербург, ул. Воронежская, дом 27.